

МИНОБРНАУКИ РОССИИ

ИЗВЕСТИЯ

**Юго-Западного
государственного
университета**

**Серия
ИСТОРИЯ И ПРАВО**

**Том 7
№ 3 (24)**

Курск 2017

2017. Том 7, № 3(24)

Научный рецензируемый журнал

ИЗВЕСТИЯ ЮГО-ЗАПАДНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия История и право

Основан в 2011 г.

Выходит четыре раза в год

Учредитель: ФГБОУ ВО «Юго-Западный
государственный университет»

Журнал зарегистрирован Федеральной
службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых
коммуникаций (ПИ №ФС77-44621 от
15.04.11).

Журнал «Известия Юго-Западного
государственного университета. Серия
История и право» включен в перечень
ведущих научных журналов ВАК
Минобрнауки России 01.12.2015 г.
по группам научных специальностей:
07.00.00 – исторические науки и археология,
12.00.00 – юридические науки,
23.00.00 – политология

Редакционная коллегия:

С. Г. Емельянов (главный редактор),
д-р техн. наук, профессор, ректор ЮЗГУ;

В. Н. Сусликов (заместитель главного
редактора), д-р юрид. наук, профессор,
ЮЗГУ;

А. В. Апанасенок, д-р ист. наук, доцент;

В. П. Беляев, д-р юрид. наук, профессор;

В. В. Богдан, д-р юрид. наук, доцент;

О.В. Брежнев, д-р юрид. наук, доцент;

С. О. Гаврилов, д-р ист. наук профессор;

А. В. Глухова, д-р полит. наук,
профессор;

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ	6
Теория и история государства и права	6
<i>Урда М. Н.</i>	
История становления миграционного законодательства в России (дореволюционный и советский периоды).....	6
<i>Воронов Е. Н.</i>	
Экспансия публичного права в сферу гражданско-правового регулирования.....	16
<i>Губанова Е. В.</i>	
Характеристика форм рабства как социального института.....	23
Административное и финансовое право	29
<i>Чуб Д. В.</i>	
Выдача переводного векселя за счет третьего лица по законодательству России и Франции.....	29
<i>Есипов В. А.</i>	
Понятие и основные модели органов государственной безопасности.....	35
Гражданское и семейное право	42
<i>Богдан В. В., Бутова Е. А., Снигирева Д. Е.</i>	
Право общественного интереса в гражданском праве России.....	42
<i>Каймакова Е. В.</i>	
Самозащита прав несовершеннолетних граждан в семейном законодательстве: актуальные вопросы теории и практики.....	48
<i>Гордеев И. А., Гордеева М. И.</i>	
К вопросу о защите прав и интересов несовершеннолетних по обеспечению алиментных обязательств.....	54
Уголовное право и процесс	62
<i>Стольников П. М.</i>	
Процессуальная самостоятельность следователя при избрании меры пресечения.....	62
ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ	68
<i>Коротеева Н. Н.</i>	
Исторический опыт становления российского аптечного дела в XVI – XVII веках.....	68

З. Д. Ильина, д-р ист. наук, профессор;
А. А. Козявин, канд. юрид. наук, доцент;
В. В. Коровин, д-р ист. наук, профессор;
Н. Н. Коротеева, д-р ист. наук, профессор;
Е. С. Кравцова, д-р ист. наук, доцент;
Р. А. Курбанов, д-р юрид. наук, профессор;
И. Б. Лагутин, д-р юрид. наук, доцент;
О. Г. Ларина, д-р юрид. наук, доцент;
С. В. Лихачев, д-р юрид. наук, профессор;
М. А. Молокова, д-р полит. наук, доцент;
В. Б. Слатинов, д-р полит. наук, профессор;
В. В. Чубаров, д-р юрид. наук;
С. В. Шевелева, д-р юрид. наук, доцент

Адрес редакции: 305040, г. Курск, ул.50 лет Октября, 94.
 Телефоны: (4712) 22-25-26
 Факс: (4712) 50-48-00. E-mail: rio_kursk@mail.ru

Оригинал-макет подготовлен Е.Г. Анохиной

Подписано в печать 17.08.17. Формат 60×84/8.
 Бумага офсетная. Усл. печ. л. 22,2.
 Тираж 1000 экз. Заказ 59. Цена свободная.
 Юго-Западный государственный университет
 305040, г. Курск, ул.50 лет Октября, 94.

Плата с аспирантов за публикацию не взимается.

Подписной индекс журнала «Известия
 Юго-Западного государственного университета.
 Серия История и право» 44296
 в объединенном каталоге «Пресса России»

<i>Хаминов Д. В.</i>	
Историографические границы Сибири в исследованиях историков конца XIX – начала XXI века.....	76
<i>Никифоров С. А.</i>	
Аграрный сектор экономики Курской области накануне Великой Отечественной войны.....	86
<i>Новиков О. А., Бурковская В. А.</i>	
Образ тирана и идеального правителя в древнерусской политико-правовой литературе XII века.....	99
<i>Кизилова Е. В.</i>	
Воспоминания как источник исследования повседневной жизни художественной интеллигенции Курского края во второй половине XX века (по материалам биографии Е. М. Зайцева).....	104
<i>Иванов М. П.</i>	
Технологические отличия бронз Центральной Европы и Северного Кавказа.....	110
<i>Томаков В. И., Томаков М. В.</i>	
Становление государственного надзора за безопасностью работ в горной промышленности России в XIX – начале XX века.....	116
<i>Бурковская В. А., Тяпкина Е. В.</i>	
Государственный идеал Московской Руси в эпоху Смутного времени.....	130
<i>Картамышева Н. В., Коростелев П. Е.</i>	
Принципы реализации политики военного коммунизма в социально-экономической сфере: итоги и оценка.....	135
<i>Еремин Н. С.</i>	
Духовые оркестры в повседневной жизни населения России до 1917 года.....	142
<i>Бутенко Е. Н.</i>	
Архивные документы о материальных последствиях немецко-фашистской оккупации областных центров России (на примере города Курска).....	154
<i>Леонова Е. Л.</i>	
Гражданско-патриотическая работа студентов Курской области в 1970–80-е годы (по материалам комитета комсомола Курского госмединститута).....	159
<i>Жигулин Е. П.</i>	
Развитие сельской электрификации в годы послевоенного восстановления СССР (по материалам Курской области).....	167
<i>Филоненко Н. В.</i>	
Боевые действия на южном фланге советско-германского фронта в июне-июле 1942 г.....	178
К сведению авторов.....	191

© Юго-Западный государственный университет, 2017

2017. Vol. 7, No 3(24)

Scientific reviewed journal

Founded in 2011.

Publication frequency: four times a year

Founder: Southwest State University

Registered in the Registrar of the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies, and Mass Media (Roskomnadzor) (Certificate of mass media registration №FS77-44621 of April 15, 2011).

Included in the official list of top scientific journals of the Higher Attestation Commission of the RF Ministry of Science and Education of 01.12.2015. Scientific Specialities Groups:

07.00.00 – Historical Studies and Archaeology,

12.00.00 – Juridical Studies,

23.00.00 – Political Studies

Editors

S. G. Yemelianov, (Editor-in-Chief), Doctor of Engineering, Professor, Rector of Southwest State University;

V. N. Suslikov, (Deputy Editor-in-Chief), Doctor of Law, Professor, Southwest State University;

A. V. Apanasyonok, Doctor of History, Associate Professor;

V. P. Belyaev, Doctor of Law, Professor;

V. V. Bogdan, Doctor of Law, Associate Professor;

O. V. Brezhnev, Doctor of Law, Associate Professor;

V. V. Chubarov, Doctor of Law;

S. O. Gavrilov, Doctor of History, Professor;

PROCEEDINGS

of the SOUTHWEST
STATE
UNIVERSITY
Series: *History and Law*

CONTENS

LAW	6
Theory and History of State and Law	6
<i>Urda M. N.</i> History of Becoming of Migratory Legislation is in Russia (Pre-Revolution and Soviet Period).....	6
<i>Voronov E. N.</i> Expansion of Public Law in the Sphere of Civil Law Regulation.....	16
<i>Gubanova E. V.</i> Characteristic of Forms of Slavery as Social Institute.....	23
Administrative and Financial Law	29
<i>Chub D. V.</i> The Issue of the Bill of Exchange for Account of a third Person Under the Legislation of Russia and France.....	29
<i>Esipov V. A.</i> Concept and Basic Models of State Security Agencies.....	35
Civil and Family Law	42
<i>Bogdan V. V., Butova E. A., Snigireva D. E.</i> The Right of Social Interest in the Civil Law of Russia.....	42
<i>Kaymakova E. V.</i> Self-Protection of the Rights of Minor Citizens in Family Legislation: Topical Questions of Theory and Practice.....	48
<i>Gordeev I. A., Gordeeva M. I.</i> The Question of the Protection of the Rights and Interests of Minors.....	54
Criminal Law and Procedure	62
<i>Stolnikov P. M.</i> The Procedural Independence of the Investigator in the Process of Applying Preventive Punishment.....	62
HISTORICAL STUDIES AND ARCHAEOLOGY	68
<i>Koroteeva N. N.</i> Historical Experience of Formation of the Russian Pharmacy in the XVI – XVII Centuries.....	68
<i>Khaminov D. V.</i> Historiographic Boundaries of Siberia in the Studies of Historians of the late 19th – early 21st Centuries.....	76

<p>A. V. Glukhova, Doctor of Political Sciences, Professor; Z. D. Iliina, Doctor of History, Professor; N. N. Koroteeva, Doctor of History, Professor; V. V. Korovin, Doctor of History, Professor; A. A. Kozyavin, Candidate of Law, Associate Professor; R. A. Kurbanov, Doctor of Law, Professor, E. S. Kravcova, Doctor of History, Associate Professor; I. B. Lagutin, Doctor of Law, Associate Professor; O. G. Larina, Doctor of Law, Professor; S. V. Lihachev, Doctor of Law, Professor, M. A. Molokova, Doctor of Political Sciences, Associate Professor; S. V. Shevelyova, Doctor of Law, Associate Professor; V. B. Slatinov, Doctor of Political Sciences, Professor</p>	<p><i>Nikiforov S. A.</i> Agriculture of Kursk Province before the Great Patriotic War.....86 <i>Novikov O. A., Burkovskaya V. A.</i> Image of the Tyrant and Ideal Governor in Old Russian Political and Legal Literature of the 12th Century.....99 <i>Kizilova E. V.</i> Memories as a Source of the Research of Everyday Life of the Artistic Intellectuals of Kursk Region in the Second half of the Twentieth Century (on Materials of a Biography of E. M. Zaitsev).....104 <i>Ivanov M. P.</i> Technological Differences of Bronzes of the Central Europe and the Northern Caucasus.....110 <i>Tomakov V. I., Tomakov M. V.</i> The Establishment of State Supervision of Safety of Works in Mining Industry of Russia in the XIX – early XX Century.....116 <i>Burkovskaya V. A., Tyapkina E. V.</i> The State Ideal of the Moscow Russia During Era of the Time of Troubles.....130 <i>Kartamysheva N. V., Korostelev P. E.</i> The Principles of Implementation of the Policy of war Communism in the Socio-Economic Sphere: Outcome and Evaluation.....135 <i>Eremin N. S.</i> Wind Orchestras in the Daily life of the Population of Russia until 1917.....142 <i>Butenko E. N.</i> Archival Documents on Material Damage by the Nazi Invaders for the Regional Centers of Russia (on the Example of Kursk).....154 <i>Leonova E. L.</i> Civil-Patriotic Work of Students of the Kursk Region in the 1970s–1980s (Based on the Materials of the Komsomol Committee of the Kursk State Medical Institute).....159 <i>Zhigulin E. P.</i> The Development of Rural Electrification in the Years of Post-War Reconstruction of the USSR (on Materials Kursk Region).....167 <i>N. V. Filonenko</i> Military Actions in the Southern Flank of the Soviet – German front in June – July 1942.....178 Information for authors.....191</p>
---	--

Теория и история государства и права

УДК 340

М. Н. Урда, канд. юрид. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск, Россия) (e-mail: urda.ru@rambler.ru)

**ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ МИГРАЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РОССИИ
(ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ И СОВЕТСКИЙ ПЕРИОДЫ)**

В статье рассмотрены особенности становления миграционного законодательства в России в до-революционный и советский период. Миграция оказывает влияние на многие происходящие правовые, политические, социальные явления и процессы. Перемещение населения подчиняется закономерностям функционирования и развития общества, однако его условия существенно различаются в зависимости от эпохи, глобальных или локальных событий.

На основе анализа нормативных актов и доктринальных источников автор выделяет основные этапы института миграции в России, определяя характерные черты, присущие каждому из этапов.

В эпоху княжеской Руси миграционные процессы происходили внутри государства и решали внутренние проблемы. Во времена царской России происходит расширение и освоение новых территорий, встает проблема защиты границ, миграционная политика приобретает черты правового института.

В период СССР тотальный контроль государства над миграционными процессами способствовал защите территориальной целостности, экономическому развитию страны; к основным тенденциям развития института миграции в советский период можно отнести: административный характер управленческой деятельности в сфере регулирования процессов миграции; преемственность отечественного опыта; репрессивное воздействие на этнические группы переселенцев, содержание их в специальных поселениях (колониях, концентрационных лагерях); низкий уровень финансового и экономического обеспечения переселений и переселенцев; политика «железного занавеса»). В постсоветский период институт миграции постепенно приобретает черты миграционной политики, концептуальные основы которой включают: прогноз развития миграционной ситуации в России; принципы, задачи, приоритетные направления миграционной политики; активную модернизацию миграционного законодательства, призванного обеспечить практические меры по оказанию помощи беженцам и вынужденным переселенцам, жилищное, социально-культурное обеспечение мигрантов, противодействие незаконной миграции.

В исследовании сделан вывод, что миграционная политика государства на каждом историческом этапе развития находится в прямой зависимости от внешних и внутренних политических событий, определяется экономическими, военными, социальными, национальными и другими факторами, кроме того, все миграционные процессы провоцируют необратимые изменения в демографической, политической, социокультурной и других сферах.

Ключевые слова: институт миграции, мигранты, миграционные процессы, кризис, миграционная политика, законодательство.

Ссылка для цитирования: Урда М. Н. История становления миграционного законодательства в России (дореволюционный и советский периоды) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2017. Т. 7, №3(24). С. 6–15.

***

Миграционный кризис в странах Западной Европы, который возник в связи с обострением военных конфликтов на Ближнем Востоке, привел к изменению миграционной политики большинства стран. Российская Федерация пережила миграционный кризис в 90-х годах XX века, когда произошел распад Союза ССР. Возможность вовлечения России в происходящие миграционные процессы на современном этапе довольно высока, в связи с чем изучение исторического опы-

та становления института миграции в нашем государстве позволит адекватно сформировать современную миграционную политику.

Российская Федерация имеет самую протяженную в мире границу, которую пересекают сотни воздушных, морских (речных), автомобильных и железнодорожных путей сообщения, посредством которых осуществляются глобальные миграционные процессы.

Институт миграции на каждом этапе своего развития обладает определенными специфическими чертами, в то же время миграционные процессы характеризуются устойчивостью и преемственностью этапов эволюции.

Исследование становления института миграции в России позволяет выделить несколько этапов ее развития.

Обобщенно периодизация может выглядеть следующим образом: эпоха княжеской Руси (в данный исторический период миграционные процессы происходили внутри государства и решали внутренние проблемы); период царской России (происходит расширение и освоение новых территорий, встает проблема защиты границ, миграционная политика приобретает черты правового института); период СССР (тотальный контроль государства над миграционными процессами способствовал защите территориальной целостности, экономическому развитию страны; к основным тенденциям развития института миграции в советский период можно отнести: административный характер управленческой деятельности в сфере регулирования процессов миграции; преемственность отечественного опыта; репрессивное воздействие на этнические группы переселенцев, содержание их в специальных поселениях (колониях, концентрационных лагерях); низкий уровень финансового и экономического обеспечения переселений и переселенцев; политика «железного занавеса»); постсоветский период.

В науке при изучении становления и развития миграционных процессов в России выделяют четыре этапа: дореволюционный (со второй половины XIX в. до 1917 г.); 1920–30-е гг.; послевоенный период с конца 1950-х вплоть до начала 1990-х гг.; 1990-е гг. [1, с. 152]

Славяне начали осваивать территории между Волгой и Окой еще с VIII–IX вв. В XIII в. здесь сформировался новый центр русских земель, главой которого стала Москва, чему способствовало нашествие татаро-монгольского ига, колонизация Северо-Восточной Руси стала толчком

для развития сильного Московского княжества. Вокруг центра начинает образовываться Российское государство, заселяются новые территории, начинается миграция населения на северо-восток и север, таким образом, был освоен выход к побережью Белого моря и заселены бассейны Печоры и верховья Камы. Следует подчеркнуть, что происходило заселение земель, а не завоевание, этот факт подтверждается чередованием финских и русских названий сел и рек, где «был путь из Варяг в Греки и из Грек по Днепру».

В XVI в. Российское государство расширяет свои границы, происходит присоединение Казанского и Астраханского ханств, дальнейшее освоение территорий позволяет Российскому государству выйти к Каспийскому морю и Уралу. Территория Сибири и Дальнего Востока были слабо заселены и после прихода русских под командованием Ермака местные жители стали платить дань пушминой, это послужило началом освоения Сибирских земель. Однако масштабное освоение Сибири произошло только в конце XIX – начале XX в. после строительства Транссибирской железной дороги и развития сельского хозяйства в этом регионе.

Исследователи высказывают различные взгляды на процесс миграции в Сибирь, некоторые отмечают, что заселение Сибирского региона сыграло наиболее важную роль для расширения территории Российского государства; миграционные процессы конца XIX в. позволили освоить земли и переселить из густонаселенных районов жителей в районы слабо заселенные. Процесс переселения был направлен на освоение новых земель и способствовал развитию производительных сил.

Государство пыталось управлять миграционными процессами еще в княжеский период развития Российского государства, но процессы миграции плохо контролируемые, они были обусловлены на Руси набегами, войной, трудными природными условиями. Как справедливо

отмечает М. Н. Ремизова, «люди вынуждены были бежать в другие земли целыми селениями от набегов захватчиков, которые притесняли местное население, облагали податями, создавали невыносимые условия для жизни и труда» [2, с. 76].

В Княжеской Руси не существовало законодательства, которое регулировало бы миграционные процессы внутри страны.

Однако, как отмечают отдельные ученые, миграция в Северо-Восточную Русь носила целенаправленный характер: население переселялось в эти земли с целью спасти народ, веру и создать свою государственность, при этом мигрировали не только простые люди, но и люди княжеского сословия [3, с. 34–38].

Таким образом, процесс миграции населения в Северо-Восточную Русь носил осознанный характер, он был жизненно необходим для русского народа и становления его государственности. Выходцы из разных областей объединились в результате миграции в Волжско-Окском междуречье и это усилило процесс оформления основного ядра русского народа.

Расширение границ Русского государства было отражено в титуле Ивана Грозного (1547 г.), полное звание которого звучало следующим образом: «Великий государь и великий князь всея Руси, Владимирский, Московский, Новгородский, Псковский, Рязанский, Тверской, Югорский, Пермский, Вятцкий, Болгарский плюс царь Казанский, царь Астраханский, царь Сибирский и всея Северной страны повелитель». Миграционная политика в это время меняется: если раньше государство решало внутренние проблемы, связанные с колонизацией Северо-Восточной Руси, то к середине XVI в. с востока и юга продолжают набегать татаро-монгольского ига, с Запада сохраняется угроза монополии христианства.

В то же время развивались миграционные процессы, происходила колонизация Сибири после захвата Казанского ханства. Перед Русским государством

встала задача – освоить новые территории, данный миграционный процесс происходил мирно, что позволило сохранить культурные традиции коренных народов Сибири [4, с. 4–5].

Как справедливо отмечено в научной литературе, к основным факторам, которые определяли миграционную политику, относятся военные, экономические, политические и религиозные процессы [5].

Первым законодательным актом, который регулировал миграционные процессы, стало Соборное уложение 1649 г., закрепляющее положение о необходимости удостоверения личности подданных. Кроме того, нормы Соборного уложения регламентировали официальное оформление выезда граждан за рубеж. Принятый Новоторговый устав 1667 г. впервые законодательно урегулировал правовое положение купцов в России. В нем, в частности, отмечалось, что объем предоставленных им торговых прав не ограничивался.

Необходимо отметить, что правовое регулирование миграционных процессов ограничивалось сбором, обработкой и интерпретацией сведений о населении страны и иностранных переселенцах в соответствии с интересами государства; осуществлялось формирование и систематическое ведение уполномоченными органами статистических сведений о жителях страны и иностранцах, обосновывались принимаемые решения в сфере переселения. В разные исторические периоды данными полномочиями обладали следующие ведомства: с 1763 г. Канцелярия опекунства иностранных дел; с 1797 г. Экспедиция государственного хозяйства и опекунства иностранных переселенцев; в 1896–1905 гг. Переселенческое управление; в царской России XIX в. Статистический совет и его Центральный статистический комитет.

В эпоху Петра I миграционная политика Российского государства меняется: вводится система пропуска через границу, деятельность законодателей направлена на организацию официального въезда в страну и выезда из нее людей, транс-

порта и товаров. В начале XVIII в. был законодательно урегулирован правовой статус иностранных специалистов, которые были особой категорией лиц и которым со стороны государства оказывалась поддержка. В Манифесте «О вызове иностранцев в Россию с обещанием им свободы вероисповеданий» 1702 г. подчеркивалась необходимость обмена полезными навыками, мастерством с целью обмена опытом между специалистами. Кроме того, положения Манифеста были направлены на расширение торговли. Данные нормы способствовали мирным процессам миграции, и именно в этот период переселенческая политика приобретает эффективность.

В 1763 г. был принят Манифест Всероссийской императрицы Екатерины Второй «О дозволении всем иностранцам, в Россию въезжающим, поселяться в которых Губерниях они пожелают и о дарованных им правах», который был направлен на регулирование миграционных процессов и позволял контролировать въезд в Россию иностранных граждан. Кроме того, иностранцы имели ряд льгот: они освобождались от обязательной гражданской службы, уплаты налогов, воинской повинности. Иностранцам предоставлялась свобода вероисповедания, им полагались государственные выплаты из казны, предоставление ссуд, они имели право вывезти нажитое из России, если прожили в ней более 10 лет. Ко второму манифесту прилагались реестры свободных и удобных для поселения земель. Когда иностранцы стали приезжать, составлялся «Поименный список отправляемых в Россию иностранных поселенцев».

Французская революция, наполеоновские войны изменили миграционную политику России. Государство начинает негативно относиться к иностранцам, особенно к лицам французской национальности, что было отражено в Указе Александра I «О высылке из России всех подданных Французских и разных немецких областей, которые не пожелают вступить в подданство; о непропуске

оных в Россию без паспортов Министра иностранных дел; о прекращении действия торгового договора с Францией и об учреждении комиссии для разбора иностранцев» 1806 г. [6, с. 112]

Манифест от 1 января 1807 г. ограничил права иностранных купцов, законодатели уже осознают, что грамотно выстроенная миграционная политика может решить политические и экономические проблемы. В то же время страны, заключившие торговые договоры с Россией, обладали особыми правами и преимуществами, торговцы из этих стран имели особый статус.

Произошел коренной перелом: Россия из закрытого государства становится надежным торговым партнером, с законодательно урегулированным порядком выезда, приезда, пребывания граждан, правилами пересечения границ государства иностранными гражданами. Российские граждане имели право пересекать границу только в местах пропуска через границу, а именно в Архангельске, Смоленске, Пскове, Киеве имея Свидетельство российского генерал-губернатора [7, с. 44].

В XIX в. впервые был введен институт обязательной регистрации. В Петербурге началась обязательная регистрация жителей в 1809 г., а позднее, в 1816 г., в Москве открылись адресные конторы, в которых каждый приехавший обязан был получить вид на жительство и адресный билет. В 1861 г. для упорядочения внутренней миграции, которая связана с отменой крепостного права, было создано Переселенческое управление, одной из задач которого являлось заселение уральских земель.

Становление паспортной системы как важнейшего элемента правового обеспечения миграционных процессов произошло в XVIII – начале XIX в.

Первое упоминание о документе, по существу выполнявшем роль паспорта, появилось в Соборном уложении 1649 г., но сложился этот институт только в первой трети XVIII в.

Паспорт как документ, удостоверяющий личность, стал использоваться государством с середины XVII в. и первоначально выполнял функции справки об освобождении из мест заключения. Важнейшей вехой в формировании паспортной системы в России являлось издание Петром I в 1724 г. нормативного акта, озаглавленного «Плакат». С принятием 10 февраля 1864 г. Закона «О принятии иностранцев в русское подданство» окончательно оформился институт подданства.

Миграционное законодательство продолжило развиваться во второй половине XIX в. Процессы миграции в этот период происходили стихийно и во избежание неподконтрольных ситуаций вводятся обязательное оформление постоянного места жительства всех граждан в Книге населения.

В XIX в. миграционная политика в России приобрела определенные организационные и государственно-правовые формы: переселение проводится в рамках правовых концепций; переселенцы целенаправленно направляются на восток страны, при этом переселяются целые семьи при поддержке государства.

Можно сделать вывод, что государство в этот период проводило активную и эффективную политику переселения.

Правовая концепция переселения содержала схему поэтапных или волновых заселений, таким образом, окраинные районы заселялись жителями из смежных с ним промежуточных территорий, тогда для последних издержки переселения не были столь велики, при этом успешность переселения справедливо связывали с наличием сходства природно-климатических и хозяйственных условий районов выхода и вселения мигрантов [8, с. 62–64].

В начале XX в. начался революционный кризис в России. Государство отказалось от политики ограничения переселения и на законодательном уровне закрепило право на регистрацию, которые получили все желающие. В 1904 г. был принят Закон «О добровольном пересе-

лении сельских обывателей и мещан-земледельцев», который определил новый курс миграционной политики страны. Как отмечают исследователи, именно в это время завершился период русской миграционной политики ограничительного характера и начался новый этап, который характеризовался переселением крестьян с целью освоения сельскохозяйственных земель при поддержке государства [9, с. 17–21].

Рост миграционных процессов, связанный с общим кризисом системы, был вызван революцией 1905–1907 гг. Перед государством встали проблемы нерешенности аграрного вопроса, крестьянское малоземелье, помещичье землевладение, самодержавный строй, эксплуатация рабочих, политическое бесправие, полное отсутствие демократических свобод. Народ видел выход из сложившейся ситуации только в преобразовании политического, социального и экономического строя государства.

Развитие советской миграционной политики осуществлялось на принципах преемственности государственного регулирования переселений, при этом доминировало централизованное руководство миграцией. С 25 июля 1918 г. функции дореволюционного Центрального статистического комитета были переданы Центральному статистическому управлению и Статистическому отделу Народного комиссариата внутренних дел (НКВД).

К особенностям советской миграционной политики следует отнести командно-административную систему управления процессами переселения; надзор за ссыльными и высланными; государственный контроль за въездом и выездом граждан; борьба с переселением советских граждан за рубеж; принудительная высылка политических мигрантов; административная высылка (в рамках «регулирования» процесса расселения советских людей и целых народов).

Декрет СНК РСФСР учредил Центральную коллегия по делам пленных и беженцев, которая отвечала за внутреннюю политику и занималась проблемами

гражданства россиян, находившихся за границей, а также иностранцев, оказавшихся в ходе Первой мировой войны на территории нашей страны.

В отношении иностранных военнопленных революционный военный совет Советской Республики издал приказ от 21 апреля 1918 г., в соответствии с которым советское правительство обязывалось выполнять Брест-Литовский мирный договор. Согласно данному приказу правительство должно отправлять военнопленных на родину, а также не проводить пропаганду и агитацию против правительств или государственных учреждений Германии, Австрии, Турции и Болгарии среди иностранных военнопленных на своей территории.

В 1925 г. был принят важнейший нормативный правовой акт советской эпохи (тезисы ВЦИК от 17 сентября 1925 г.), который именовался «О задачах советской власти в области колонизации и переселения».

Миграционные процессы усилились в 30–40-е годы XX века. Это было связано с проведением коллективизации и индустриализации, государство создало систему материального стимулирования работников и направило специалистов в сферу промышленности, в колхозы, на стройки народного хозяйства.

Период Великой Отечественной войны характеризуется глобальной миграцией внутри страны, оборонные предприятия вместе со специалистами эвакуируются на восток, происходит масштабная депортация народов, насильственное переселение граждан по этническим признакам, мобилизация на принудительные работы.

Для послевоенного периода характерны внешнеполитические миграционные процессы, среди них можно выделить наиболее значимые:

– возвращение в 1950-х гг. на родину оставшихся в советских лагерях германских и японских военнопленных, а также югославов, поляков, которые оказались на советской территории;

– репатриация в 1946–1947 гг. на территорию советской Армении армян из Турции и стран Ближнего Востока;

– принятие программы воссоединения семей, в частности переселение советских граждан немецкой национальности из СССР в Германию.

Послевоенный период характеризуется активным восстановлением разрушенной страны, массовыми народными стройками и освоением целины, что спровоцировало масштабную миграцию внутри государства.

Миграционные процессы проявили себя с новой силой после распада СССР, огромное количество переселенцев и беженцев из бывших союзных республик предприняли попытки возвратиться на историческую родину, вследствие этого миграционная ситуация становится сложной.

В начале 90-х годов XX века условия въезда в Россию изменились, при этом переселенцы могли, получив право на въезд в Россию, мигрировать в страны Западной Европы [10, с. 3553–3563].

Как справедливо делает вывод Т. А. Прудникова, с распадом СССР происходит становление российской миграционной системы [11, с. 934–942]. На миграционную политику России в конце XX в. оказали влияние следующие факторы:

– образование независимых государств из бывших союзных республик;

– рост миграции между постсоветскими республиками и странами дальнего зарубежья;

– неконтролируемая миграция населения внутри России;

– отсутствие миграционного контроля и обустроенной Государственной границы РФ с бывшими советскими республиками;

– обострение политической, экономической, этнонациональной ситуации в России.

На законодательном уровне Россия определяет основные направления миграционной политики, принимается Постановление Правительства РФ от 18 мая

1992 г. № 327 «О Республиканской долговременной программе «Миграция». Постановление Правительства РФ № 327 включало: прогноз развития миграционной ситуации в России; принципы, задачи, приоритетные направления миграционной политики; практические меры по оказанию помощи беженцам и вынужденным переселенцам, жилищное, социально-культурное обеспечение мигрантов; правовое, организационное, финансовое обеспечение программы. Содержание подпрограмм составляли разделы, посвященные правовой защите и занятости мигрантов; медико-санитарного обеспечения; организации торгового обслуживания и питания, а также жилищного обустройства.

Программа «Миграция» содержала приложения:

– перечень международных правовых актов (касающихся прав беженцев и вынужденных переселенцев), к которым необходимо было присоединиться России;

– перечень российских нормативных актов, в которые необходимо было внести изменения и дополнения в первоочередном порядке;

– список благоприятных и относительно благоприятных для расселения вынужденных переселенцев и беженцев территорий;

– мероприятия программы с указанием сроков, исполнителей и необходимых затрат для их проведения.

Правительство РФ поставило задачи решить основные проблемы с вынужденными переселенцами и в июне 1992 г. создается Федеральная миграционная служба, однако вопросы миграции продолжают регулироваться законами СССР. В 1993 г. Россия присоединилась к таким важнейшим международным документам ООН, как Конвенция о статусе беженцев (Женева, 28 июля 1951 г.) и Протокол о статусе беженцев (1967), принимаются важнейшие законы, регламентирующие вопросы гражданства РФ и право россиян на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах РФ.

Однако присоединение к Конвенции ООН о статусе беженцев 1951 г. и Протоколу к ней 1967 г., принятие Закона РФ «О беженцах» без финансирования и создания инфраструктуры привели к неконтролируемому росту миграции, полному отсутствию условий на местах для переселенцев и беженцев. В дальнейшем внешняя миграция сменилась миграцией внутренней, когда переселенцы уже в России пытались найти благоприятную среду для проживания, перемещаясь из одних областей в другие. Поэтому государство создало систему иммиграционного контроля, которая функционировала с момента получения мигрантом права на въезд в Россию вплоть до пересечения им рубежа государственной границы при выезде из России [12, с. 11–34].

Миграционная ситуация в этот период резко менялась, количество миграционных проблем увеличивалось, поэтому возникла необходимость в разработке новой программы, и в 1994 г. была принята Федеральная миграционная программа, которая многократно уточнялась и дорабатывалась, реагируя на изменения, происходящие в обществе.

С целью принятия неотложных мер по противодействию миграции в 1994 г. было принято постановление Правительства РФ № 1021 «О мерах по предупреждению и сокращению неконтролируемой внешней миграции», которым утверждено Положение о порядке работы с иностранными гражданами и лицами без гражданства. Новое законодательство было направлено на решение основных вопросов миграции: были подготовлены нормативные акты по вопросам предоставления статуса беженца, методические указания по порядку рассмотрения ходатайств о предоставлении убежища, разработаны форма удостоверения беженца и Положение об удостоверении беженца.

Помимо названных актов принимаются отдельные акты подзаконного уровня в отношении трудящихся-мигрантов, например, Указ Президента РФ от 16 декабря 1993 г. № 2146 «О привлечении и использовании в Российской Федерации

иностранной рабочей силы», впоследствии дополненный Указом Президента РФ от 29 апреля 1994 г. № 847 «О дополнительных мерах по упорядочению привлечения и использования в Российской Федерации иностранной рабочей силы», таким образом, законодатели пытались заполнить правовой вакуум, поскольку миграционные процессы требовали законодательного регулирования.

Миграционные процессы должны были контролироваться государством.

С целью межгосударственного правового регулирования в этот период были заключены и ратифицированы Федеральным собранием РФ (1992–1995 гг.) двусторонние соглашения с Туркменией, Таджикистаном, Грузией (не ратифицировано грузинской стороной), Латвией, Эстонией (не ратифицировано эстонской стороной), Белоруссией, позже – с Киргизией (вступило в силу в 1997 г.), Азербайджаном (вступило в силу в 1998 г.), Арменией (вступило в силу в 1999 г.).

В конце XX в. обостряются демографические проблемы в связи с масштабным оттоком населения за пределы Российской Федерации, Президент РФ своим Указом от 9 октября 2007 г. № 1351 утверждает Концепцию демографической политики на период до 2025 г., в которой предусматривается создание благоприятных условий для мигрантов на территории России. Поддержка со стороны государства позволяет добиться стабильной численности населения за счет внешней миграции уже к 2009 г., а с января по апрель 2010 г. замещение естественной убыли миграционным приростом составило 61,2% [13, с. 99].

Проведенный анализ становления и развития института миграции в России позволяет сделать вывод, что миграционные процессы способствуют решению многих политических, экономических, социальных, культурных, этнонациональных задач, они, как лакмус, позволяют определить степень стабильности и благоприятности условий проживания в определенном регионе или государстве.

Изучение и учет исторического опыта позволяет законодателю, сопоставив кризисные ситуации современного этапа и других исторических эпох, выработать грамотную стратегию и тактику, предложить правовые методы воздействия для урегулирования проблемных миграционных процессов, т. к. регулирование процессов миграции является инструментом, позволяющим решать многие политические, экономические и социальные задачи [14; 15].

Миграционная политика государства на каждом историческом этапе развития находится в прямой зависимости от внешних и внутренних политических событий, определяется экономическими, военными, социальными, национальными и другими факторами. Кроме того, все миграционные процессы провоцируют необратимые изменения в демографической, политической, социокультурной и других сферах.

Учитывая исторический опыт, можно сделать вывод, что России требуется обоснованная государственная миграционная политика, которая будет включать комплекс мероприятий: принятие необходимых нормативных актов; оценка субъектами РФ потребности в трудовых ресурсах, готовности имеющейся инфраструктуры к приему переселенцев; обеспечение баланса интересов переселенцев России в целом и ее субъектов, органов местного самоуправления, принимающего сообщества; разработка механизма легализации лиц, пребывающих на территории России с неоформленным правовым статусом.

Список литературы

1. Курбанов Р. А., Шведкова О. В., Белялова А. М. Аналитический обзор заключений, принятых на 106-й пленарной сессии Европейской комиссии за демократию через право (Венецианской комиссии) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. № 3 (58). С. 152–161.

2. Ремизова М. Н. Рассказы из русской истории: Нашествие монголов на

Русь. М.: Ред. журн. «Дет. Чтение», 1901. 37 с.

3. Роцин Ю. В. История развития государственного регулирования миграционных процессов в России // Миграционное право. 2011. № 3. С. 34–38.

4. Брик А. Д. Проблемы становления и развития миграционного права // Миграционное право. 2009. № 2. С. 4–6.

5. Тихомиров М. Н., Епифанов П. П. Соборное Уложение 1649 года. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1961. 444 с.

6. Законодательство императора Александра I. 1801–1811 годы / сост., авт. вступ. ст. В. А. Томсинов. М.: Зерцало, 2011. 562 с.

7. Ткачёва Н. А. Роль миграций в становлении и развитии российского государства: ретроспективный анализ // Фундаментальные исследования. 2014. № 8-3. С. 767–771.

8. Котляров С. Б., Кукушкин О. В., Храмова О. Е. Поиск эффективной модели взаимодействия государства и институтов гражданского общества // Социально-политические науки. 2016. № 2. С. 62–64.

9. Романовский Г. Б. К вопросу об административной ответственности за проживание гражданина России без регистрации // Миграционное право. 2009. № 2. С. 17–21.

10. The legal problems of forced migration: a comparative and legal analysis illustrated by the European Union countries and Russia / E. A. Kirillova, V. N. Suslikov, E. F. Tsokur [et al.] // Man in India. 2016. Vol. 96, N 10. P. 3553–3563.

11. Прудникова Т. А. История становления и практика правового регулирования миграционных процессов в России // Lex russica. 2013. Т. XCV, № 9. С. 934–942.

12. Андриченко Л. В. Проблемы развития законодательства Российской Федерации в сфере миграции // Актуальные проблемы конституционного и международного права: сб. науч. тр. М.: РПА МЮ РФ, 2007. С. 11–34.

13. Романовский Г. Б., Романовская О. В. Правовое регулирование геномной регистрации в Российской Федерации // Российская юстиция. 2013. № 8. С. 43–46.

14. Ткачёва Н. А., Белоножко М. Л. Миграционная политика и безопасность личности, общества и государства. Тюмень: ТюмГНГУ, 2013. 232 с.

15. Чернышёв К. И. Институт миграции в России: история и развитие // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2014. № 4 (32). С. 51–60.

Поступила в редакцию 27.04.17

UDC 340

M. N. Urda, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia) (e-mail: urda.ru@rambler.ru)

HISTORY OF BECOMING OF MIGRATORY LEGISLATION IN RUSSIA (PRE-REVOLUTION AND SOVIET PERIOD)

In the article the features of becoming of migratory legislation are considered in Russia in a pre-revolution and soviet period. Migration has influence on many what be going on legal, political, social phenomena and processes. Moving of population – submits to conformities to law of functioning and development of society, however his terms substantially differentiate depending on an epoch and global or local events.

Based on the analysis of legal acts and doctrinal sources, the author identifies the main stages of the Institute of migration in Russia, defining characteristics of each of the steps. In the era of the Prince of Russia the migration processes took place within the country and solve internal problems. During tsarist Russia is the expansion and development of new territories, there is a problem of protection of borders, migration policy acquires the features of a legal institution.

In the Soviet period of total state control over migration processes contributed to the protection of territorial integrity, economic development of the country; the main trends in the development of the Institute of migration in the Soviet period include: administrative management activities in the sphere of regulation of migration processes; the succession of national experience; the repressive effects on ethnic groups of immigrants, keeping them in special

settlements (colonies, concentration camps); the low level of financial and economic provision of resettlement and displaced persons; politics of the "iron curtain"). In the post-Soviet period, the migration Institute gradually acquires the features of migration policy, the conceptual framework which include: forecast of development of migration situation in Russia; the principles, objectives and priorities of migration policy; active modernization of immigration laws, designed to provide practical measures to assist refugees and internally displaced persons, housing, social welfare services for migrants, combating irregular migration.

In research drawn conclusion, that migratory politics of the state on every historical stage of development is in direct dependence on external and internal political events, determined by economic, soldiery, social, national and by other factors, in addition all migratory processes provoke irreversible changes in demographic, political, sociocultural and other spheres.

Key words: institute of migration, migrants, migratory processes, crisis, migratory politics, legislation.

For citation: Urda M. N. History of becoming of migratory legislation in Russia (pre-revolution and soviet period), Proceeding of the Southwest State University. Series: History and Law, 2017, vol. 7, n 3(24), pp. 6–15 (in Russ.).

***

References

1. Kurbanov R. A., Shvedkova O. V., Belyalova A. M. Analiticheskij obzor zaklyuchenij, prinyatyh na 106-j plenarnoj sessii Evropejskoj komissii za demokratiyu cherez pravo (Venecianskoj komissii) // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya. 2016. N 3 (58). S. 152–161.

2. Remizova M. N. Rasskazy iz ruskoj istorii: Nashestvie mongolov na Rus'. M.: Red. Journ. «Det. chtenie», 1901. 37 s.

3. Roshchin Yu. V. Istoriya razvitiya gosudarstvennogo regulirovaniya migracionnyh processov v Rossii // Migracionnoe pravo. 2011. N 3. S. 34–38.

4. Brik A. D. Problemy stanovleniya i razvitiya migracionnogo prava // Migracionnoe pravo. 2009. N 2. S. 4–6.

5. Tihomirov M. N., Epifanov P. P. Sobornoe Ulozhenie 1649 goda: posobie dlya vysshej shkoly. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1961. 444 s.

6. Zakonodatel'stvo imperatora Aleksandra I. 1801–1811 gody / sost., avt. vstup. st. B. A. Tomsinov. M.: Zercalo, 2011. 562 s.

7. Tkachyova N. A. Rol' migracij v stanovlenii i razvitii rossijskogo gosudarstva: retrospektivnyj analiz // Fundamental'nye issledovaniya. 2014. N 8-3. S. 767–771.

8. Kotlyarov S. B., Kukushkin O. V., Hramova O. E. Poisk ehffektivnoj modeli vzaimodejstviya gosudarstva i institutov

grazhdanskogo obshchestva // Social'no-politicheskie nauki. 2016. N 2. S. 62–64.

9. Romanovskij G. B. K voprosu ob administrativnoj otvetstvennosti za prozhiwanie grazhdanina Rossii bez registracii // Migracionnoe pravo. 2009. N 2. S. 17–21.

10. The legal problems of forced migration: a comparative and legal analysis illustrated by the European Union countries and Russia / E. A. Kirillova, V. N. Suslikov, E. F. Tsokur [et al.] // Man in India. 2016. Vol. 96, N 10. P. 3553–3563.

11. Prudnikova T. A. Istoriya stanovleniya i praktika pravovogo regulirovaniya migracionnyh processov v Rossii // Lex russica. 2013. T. XCV, N 9. S. 934–942.

12. Andrichenko L. V. Problemy razvitiya zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii v sfere migracii // Aktual'nye problemy konstitucionnogo i mezhdunarodnogo prava: sb. nauch. tr. M.: RPA MYU RF, 2007. S. 11–34.

13. Romanovskij G. B., Romanovskaya O. V. Pravovoe regulirovanie genomnoj registracii v Rossijskoj Federacii // Rossijskaya yusticiya. 2013. N 8. S. 43–46.

14. Tkachyova N. A., Belonozhko M. L. Migracionnaya politika i bezopasnost' lichnosti, obshchestva i gosudarstva. Tyu-men': TyumGNGU, 2013. 232 s.

15. Chernyshyov K. I. Institut migracii v Rossii: istoriya i razvitie // Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Obshchestvennye nauki. 2014. N 4 (32). S. 51–60.

УДК 347.113

Е. Н. Воронов, канд. юрид. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск, Россия) (e-mail: envoronov@yandex.ru)

ЭКСПАНСИЯ ПУБЛИЧНОГО ПРАВА В СФЕРУ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

На сегодняшний день сфера частного – гражданского регулирования тесно переплетается с публичным правом. Большое количество сделок на сегодня подлежат государственной регистрации. Гражданский кодекс Российской Федерации сегодня содержит избыточное количество норм, устанавливающих государственную регистрацию сделок, такую следует отменить, например, по сделкам, связанным с отдельными видами аренды или найма жилого помещения. Однако из года в год законодатель совершенствует и увеличивает количество норм о госрегистрации. Считаем, что данная тенденция будет с годами только усугубляться, однако законодателю необходимо здесь проявлять более взвешенный подход и в борьбе за интересы государства не забывать об интересах и удобстве общества и отдельных граждан. В наибольшей степени экспансия публичного права в гражданское регулирование проявляется в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд. Соответствующее законодательство, по сути, нарушило главные постулаты и принципы гражданского права, связанные с равенством сторон, свободой договоров, взаимными гарантиями и ответственностью. Мы, в частности, видим, что стороны данных правоотношений не равны, государство здесь повсеместно диктует свои условия. Ответственность в большей степени несут поставщики и подрядчики, а не заказчик в лице государственной или муниципальной структуры. Нормы о договорах, содержащиеся в Гражданском кодексе, по сути, для госзакупок теряют свое значение, так как приоритет здесь – Федеральный закон № 44-ФЗ и дополняющие его подзаконные акты. Государство определяет, что закупать, как, в каком количестве, до мельчайших деталей. Процедура госзакупок отличается кардинально от норм Гражданского кодекса. Устанавливается система типовых контрактов, которые диктуют сторонам условия и содержание сделок. Эти договоры носят публичный императивный характер и сильно расходятся с основным гражданско-правовым принципом свободы договора и равенства сторон. С одной стороны, под угрозой наказания, заказчик не может внести в такие контракты сколь-либо существенных изменений. С другой стороны, у продавца, поставщика, подрядчика тоже нет особого выбора, он или соглашается с поставленными в типовом контракте условиями, или не участвует.

Ключевые слова: публичное право, частное право, экспансия, сделки, регистрация, госзакупки.

Ссылка для цитирования: Воронов Е. Н. Экспансия публичного права в сферу гражданско-правового регулирования // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2017. Т. 7, №3(24). С. 16–22.

***

Несмотря на взятый еще на конституционном уровне курс на либерализацию общественных отношений, исключаяющий вмешательство государства в частные сферы, предоставление свободы, прежде всего, экономической деятельности в Российской Федерации с каждым годом все сильнее уменьшается доля частнопроводимых отношений. Государство под лозунгами обеспечения безопасности, законности и правопорядка, защиты прав и законных интересов граждан и организаций с помощью публичных императивных норм устанавливает правила для отношений, которым изначально присуща свобода и договорная основа.

В ГК РФ сегодня появляется все больше правовых норм публично-правового характера. Прежде всего, речь идет о том, что все больше сделок требуют государственной регистрации. Это сделки с недвижимостью, причем речь идет не только о купле-продаже или дарении, но и о долгосрочной аренде. При этом нам видится не совсем понятным, зачем подлежит государственной регистрации сделка по найму жилого помещения на срок, превышающий год (ч. 2 ст. 674 ГК РФ). Ведь основное бремя права собственности на жилое помещение и вытекающие из этого обязатель-

ства, а также ответственность лежит на собственнике жилья.

Государственной регистрации подлежат сделки, предполагающие залог недвижимости, договоры, в соответствии с которыми можно участвовать в долевом строительстве, осуществление долгового перевода по сделкам, которые уже были совершены [1].

Считаем, что ГК РФ сегодня содержит избыточное количество норм, устанавливающих государственную регистрацию сделок, таковую следует отменить, например, по сделкам, связанным с отдельными видами аренды или найма жилого помещения. Также непонятно, зачем регистрировать отказ одаряемого принять дар (ст. 573 ГК РФ). Однако из года в год законодатель совершенствует и увеличивает количество норм о госрегистрации. Так с 1 января 2017 г. вступили в силу положения Федерального закона «О государственной регистрации недвижимости» [2].

Из основных нововведений данного Закона можно отметить следующие. Во-первых, указанным законом устанавливаются правила регистрации машино-места. Местоположение машино-места устанавливается посредством графического отображения на плане этажа или части этажа здания либо сооружения (при отсутствии этажности у здания либо сооружения – на плане здания либо сооружения) геометрической фигуры, соответствующей границам машино-места (ч. 6.1 ст. 24). Во-вторых, больше не будет возможности регистрировать земельные участки, не имеющие четких установленных границ. В-третьих, увеличивается роль нотариуса в продаже недвижимости. В обязательном порядке нотариус будет участвовать в сделках с недвижимостью несовершеннолетних, а также ограниченно дееспособных.

Однако в наибольшей степени экспансия публичного права проявляется в изменении сути договорных отношений в

ситуации, когда одной из сторон договора становится публичная, государственная или муниципальная организация. Речь идет о закупках товаров и услуг для государственных и муниципальных нужд. Сегодня в этой сфере главным источником правового регулирования является не Гражданский кодекс РФ, а Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» № 44-ФЗ (далее – Федеральный закон) [3], а также десятки уточняющих его подзаконных нормативных правовых актов (постановлений Правительства РФ, актов министерств и ведомств, актов органов государственной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления) [4; 5; 6].

Федеральный закон № 44-ФЗ вводит довольно жесткие рамки в сферу расходования бюджетных средств. Это, по задумке законодателя, должно гарантировать их правильную и эффективную трату, не допускать злоупотреблений в этой области. Однако многие его положения достаточно «грубо» попирают как принципы свободы экономической деятельности и обеспечения конкуренции, так и основные постулаты гражданского права, т. к. сделки в хозяйственной сфере должны отвечать, прежде всего, нормам ГК РФ.

В части второй ГК РФ предусматривается ряд норм, регламентирующих договоры в сфере государственного или муниципального заказа. В частности, это п. 4 гл. 30 «Поставка товаров для государственных или муниципальных нужд», п. 5 гл. 37 «Подрядные работы для государственных или муниципальных нужд». Здесь довольно подробно регулируется порядок заключения соответствующих сделок, их содержание, ответственность сторон и т. д.

Однако регламентирование заключения и содержания госконтракта установлено и нормами Федерального закона

№ 44-ФЗ. Статья 34 этого закона устанавливает ряд положений, которые не содержатся в ГК РФ. В частности, в ч. 2 указано, что цена контракта должна быть твердой. Однако ряд товаров, работ и услуг трудно разместить в твердой денежной сумме. В связи с этим Федеральный закон № 44-ФЗ дает отсылку к постановлениям Правительства РФ от 13 марта 2014 г. № 19 и от 26 декабря 2013 г. № 1275 [7; 8].

Постановление Правительства РФ от 13 января 2014 г. № 19 дает возможность устанавливать максимальное значение цены контракта при заключении договоров страхования, агентских услуг, оценки недвижимого имущества, предоставления кредитов. Также в качестве обязательного условия госконтракта выступает ответственность сторон. При этом здесь нет отсылки к ГК РФ, Федеральный закон № 44-ФЗ сам ее устанавливает в виде пени и штрафов, к тому же расчет последних регулируется Постановлением Правительства РФ от 25 ноября 2013 г. № 1063 [9], которым правила ГК РФ в расчет не берутся.

Надо отметить, что контрактная система подразумевает под собой договорные отношения, которые устанавливаются нормами ГК РФ, соответственно к ним должны применяться эти нормы. Однако в сфере госзакупок приоритет отдается Федеральному закону № 44-ФЗ. При этом в сфере ответственности сторон существует явный перекося в пользу публичных образований. В этой связи Е. И. Кабанова отмечает, что «Установление для публичных участников контрактной системы “льготного” режима ответственности при неисполнении или ненадлежащем исполнении ими обязательства, предусмотренного контрактом, как раз представляет собой элемент публично-правовой экспансии в сферу договорного регулирования отношений сторон» [10, с. 183]. Судебная практика показывает, что довольно часто размер неустойки

увеличивается в пользу заказчика – публичного образования [11].

При этом ГК РФ устанавливает больше гарантий равноправия сторон при заключении госконтракта. В частности, ст. 528 предусматривает процедуру разрешения споров путем рассмотрения сторонами протокола разногласий. Однако нынешняя публичная система регулирования контрактов по обеспечению государственных и муниципальных нужд во многих случаях фактически лишает непубличных участников даже такой возможности как-то отстоять свои интересы и требовать изменения содержания контракта. В частности, Правительство РФ в своем Постановлении от 2 июля 2014 г. № 606 предусматривает разработку так называемых типовых контрактов. Они разрабатываются профильными министерствами и ведомствами и являются обязательными при осуществлении соответствующих закупок.

С лета 2016 г. заказчики должны применять в работе типовые контракты. Пока типовые контракты имеются не на все товары, работы, услуги. На сайте Единой информационной системы в сфере закупок (далее – ЕИС) [12] опубликованы шесть таких типовых контрактов [13].

Например, для услуг по техническому обслуживанию, диагностике и ремонту автотранспортных средств применяется типовая контракт, принятый Минпромторгом России от 20 февраля 2016 г. № 467. Все типовые контракты обязательны к применению спустя 30 дней с появления в ЕИС. Следовательно, сейчас применять при диагностике, обслуживании и ремонте автотранспорта этот типовой контракт обязательно.

Если не использовать типовой контракт тогда, когда он стал обязательным, контрольные органы могут зафиксировать административное правонарушение по ч. 4.2 ст. 7.30 КоАП РФ (утверждение документации с нарушением) и наложить

штраф в размере 3 тыс. руб. [14] В данном типовом контракте есть постоянная и переменная части. Постоянную заказчик не вправе как-либо изменять, во вторую часть можно вносить свои условия.

При этом, несмотря на то, что данный типовой контракт дает шаблон документа, важно еще и правильно рассчитать цены и правильно закупить услуги, объем которых заранее не известен. Ведь нельзя заранее предугадать, какие детали автомобиля будут подлежать замене по результатам технического осмотра накануне ремонта. Поэтому для правильной закупки услуг по диагностике, обслуживанию и ремонту автомобиля необходимо составить полный перечень его деталей, включая самые мелкие (гайки, рычаги, опоры) а также перечень расходников (фильтры, масла, прокладки, пыльники). Далее надо составить запросы о расценках нормочасов по автомобилю необходимой марки. Получив предложения минимум от трех поставщиков, нужно рассчитать среднюю общую начальную максимальную цену контракта (далее – НМЦК).

У такого аукциона будет не одна НМЦК, а три начальные цены: НМЦК, общая начальная цена запчастей и расходников (она же максимальная) и НМЦК нормо-часа (единицы работы). Поэтому и процедура будет проводиться не на снижение НМЦК, а на снижение расценок. Аналогично и оплачивать ремонт транспорта необходимо исходя из единицы услуги и цены отдельных запчастей в их общем объеме. Эта информация должна обязательно дойти до непосредственных участников аукциона. Необходимо проинформировать участников о тонкостях в оплате.

Со временем типовые контракты будут распространять свое действие на все большие виды товаров, работ, услуг. По сути, эти договоры носят публичный императивный характер и сильно расходятся с основным гражданско-правовым прин-

ципом свободы договора и равенства сторон. С одной стороны, под угрозой наказания, заказчик не может вносить в такие контракты сколь-либо существенных изменений. С другой стороны, у продавца, поставщика, подрядчика тоже нет особого выбора, он или соглашается с поставленными в типовом контракте условиями, или не участвует в госзакупке. Однако, каким образом выходить из ситуации заказчику, например, по ремонту автотранспорта, если все подрядчики, не согласившись с пунктами типового контракта, откажутся участвовать в сделке? Быть может, законодателю необходимо отказаться от типовых контрактов, ведь процедура осуществления закупок для государственных и муниципальных нужд и так излишне заформализована? Что, государству надо будет создавать собственные автомастерские?

Здесь возникает вопрос: насколько далеко пойдет государство в регулировании госзакупок? Уже есть перечень товаров, которые можно покупать, установлены максимальные цены, которые государство готово платить, установлено сколько и чего может закупать то или иное госучреждение и т. д. «Дальше мерить в граммах будем?»

Конечно, устанавливая столь жесткое регулирование, государство пытается ограничить возможности злоупотреблений. Но с другой стороны, все упирается в создание дополнительных процедур, заформализованность процесса госзакупок. При этом ответственность наступает у госчиновников и работников государственных и муниципальных учреждений за невыполнение процедур, а за невыполнение контракта ответственность несет подрядчик, продавец, поставщик. Мы правильно провели торги, конкурсы, аукционы, все вовремя разместили в ЕИС и т. д., и все, а кто победил, что это за организация, уже как бы все равно (лишь бы не в реестре недобросовестных поставщиков). В результате торги выигры-

вает непонятно кто, нанимает подрядчиков, субподрядчиков и т. д., в результате до тех, кто работу делает, доходят жалкие гроши, в итоге – срыв выполнения работ, невыплата зарплат, а со стороны заказчика никаких нарушений! Таким образом, установив сотни процедур госзакупок и ответственность за их нарушения, государство не добилось основной цели – качественного и своевременного оказания услуг, выполнения работ, поставки товаров. При этом, если бы в этой области действовали правила ГК РФ, все процедуры значительно бы ускорились и упростились и не было бы «укладки асфальта в снег...» Что же касается ответственности, то за качество работы, товара, услуги в целях реализации публичного интереса должны отвечать не только подрядчики, но и заказчики. Но это уже явно сфера публичного регулирования.

Список литературы

1. Кириченко Ю. Н. Переход права в результате сделок с земельными участками // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2015. № 2. С. 47–52.
2. О государственной регистрации недвижимости [Электронный ресурс]: федер. закон от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ: [ред. от 29.07.2017] // КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru>.
3. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд [Электронный ресурс]: федер. закон от 5 апр. 2013 г. № 44-ФЗ: [ред. от 26.07.2017] // КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru>.
4. О порядке разработки типовых контрактов, типовых условий контрактов, а также о случаях и условиях их применения: постановление Правительства РФ от 2 июля 2014 г. N 606 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 28, ст. 4053.
5. Об определении требований ккупаемым федеральными государственными органами, органами управления государственными внебюджетными фондами Российской Федерации, их территориальными органами и подведомственными им казенными и бюджетными учреждениями, федеральными государственными унитарными предприятиями отдельным видам товаров, работ, услуг (в том числе предельных цен товаров, работ, услуг): постановление Правительства РФ от 2 сент. 2015 г. № 927 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 37, ст. 5142.
6. Об осуществлении банковского сопровождения контрактов (вместе с «Правилами осуществления банковского сопровождения контрактов»): постановление Правительства РФ от 20 сент. 2014 г. № 963 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 39, ст. 5259.
7. О примерных условиях государственных контрактов (контрактов) по государственному оборонному заказу: постановление Правительства РФ от 26 дек. 2013 г. № 1275 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 2, ч. I, ст. 102.
8. Об установлении случаев, в которых при заключении контракта в документации о закупке указываются формула цены и максимальное значение цены контракта: постановление Правительства РФ от 13 янв. 2014 г. № 19 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 3, ст. 288
9. Об утверждении Правил определения размера штрафа, начисляемого в случае ненадлежащего исполнения заказчиком, поставщиком (подрядчиком, исполнителем) обязательств, предусмотренных контрактом (за исключением просрочки исполнения обязательств заказчиком, поставщиком (подрядчиком, исполнителем), и размера пени, начисляемой за каждый день просрочки исполнения поставщиком (подрядчиком, испол-

нителем) обязательства, предусмотренного контрактом: постановление Правительства РФ от 25 нояб. 2013 г. № 1063 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 48, ст. 6266.

10. Кабанова И. Е., Егорова М. А. Гражданско-правовая ответственность публичных субъектов: опыт межотраслевого исследования: монография. М.: Юстицинформ, 2016. 284 с.

11. Решение Арбитражного суда Свердловской области от 1 апреля 2013 г. по делу № А60-3003/2013 // Гарант.Ру. URL: <http://www.garant.ru>.

12. Единая информационная система в сфере закупок [Электронный ресурс]: офиц. сайт. URL: <http://www.zakupki.gov.ru/epz/btk/quicksearch/search.html>.

13. Об утверждении типового контракта на оказание услуг выставочной и ярмарочной деятельности для обеспечения государственных и муниципальных нужд... [Электронный ресурс]: приказ Минпромторга России от 20 февр. 2016 г. № 467 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

14. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс]: федер. закон от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ: [ред. от 29.07.2017] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 31.07.2017.

Поступила в редакцию 14.06.17

UDC 347.113

E. N. Voronov, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia) (e-mail: envoronov@yandex.ru)

EXPANSION OF PUBLIC LAW IN THE SPHERE OF CIVIL LAW REGULATION

Today, the field of private and civil regulation is closely intertwined with a public right. A large number of transactions today are subject to state registration. Of the civil code today contains an excessive number of norms that establish state registration of transactions, such should be abolished, for example, transactions relating to certain types of lease or tenancy. However, from year to year, the legislator improves and increases the number of rules on state registration. We believe that this trend will only worsen, however, the legislator it is necessary to take a more balanced approach in the struggle for the interests of the state not to forget about the interests and convenience of the society and individual citizens. To the greatest extent, the expansion of public law in civil regulation is manifested in the sphere of procurement for state and municipal needs. The relevant legislation is, in fact, violated the main tenets and principles of civil law related to the equality of the parties, freedom of contracts, mutual protection and responsibility. We particularly see that side of these relations are not equal, the state is everywhere dictates the conditions. The responsibility largely rests with the vendors and contractors, not the customer, the public or municipal structures. The rules on contracts contained in the civil code, in fact, for PP lose their value because the priority here is Federal law No. 44 law and complementary regulations. The state determines what to buy, how and in what quantity, to the smallest detail. The procedure of public procurement differs radically from the norms of the civil code. Established a system of model contracts that dictate to parties the terms and content of transactions. These treaties are public prescriptive and strongly disagree with the basic civil law principle of freedom of contract and equality of parties. One groans, under threat of penalty, the customer cannot make such contracts any significant changes. On the other hand from a seller, vendor, contractor, also no choice, or he agrees with the set of standard contract terms and conditions, or not involved in public procurement.

Key words: public law, private law, expansion, deals, registration.

For citation: Voronov E. N. Expansion of public law in the sphere of civil law regulation, Proceeding of the Southwest State University. Series: History and Law, 2017, vol. 7, n 3(24), pp. 16–22 (in Russ.).

***

References

1. Kirichenko Yu. N. Perekhod prava v rezul'tate sdelok s zemel'nymi uchastkami // Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstven-

nogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo. 2015. N 2. S. 47–52.

2. О государственной регистрации недвижимости [Электронный ресурс]: федер. закон от 13 июля 2015 г. N 218-FZ: [ред.

от 29.07.2017] // Konsul'tantPlyus. URL: <http://www.consultant.ru>.

3. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд [Электронный ресурс]: федер. закон от 5 апр. 2013 г. N 44-FZ: [ред. от 26.07.2017] // Konsul'tantPlyus. URL: <http://www.consultant.ru>.

4. О порядке разработки типовых контрактов, типовых условий контрактов, а также о случаях и условиях их применения: постановление Правитель'sтва РФ от 2 июля 2014 г. N 606 // *Собр. законодатель'sтва Рос. Федерации*. 2014. N 28, ст. 4053.

5. Об определении требований ккупаемым федеральными государственными органами, органами управления государственными внебюджетными фондами Российской Федерации, их территориальными органами и подведомственными им казенными и бюджетными учреждениями, федеральными государственными унитарными предприятиями отдел'ным видам товаров, работ, услуг (в том числе предельных цен товаров, работ, услуг): постановление Правитель'sтва РФ от 2 сент. 2015 г. N 927 // *Собр. законодатель'sтва Рос. Федерации*. 2015. N 37, ст. 5142.

6. Об осуществлении банковского сопровождения контрактов (вместе с «Правилами осуществления банковского сопровождения контрактов»): постановление Правитель'sтва РФ от 20 сент. 2014 г. N 963 // *Собр. законодатель'sтва Рос. Федерации*. 2014. N 39, ст. 5259.

7. О примерных условиях государственных контрактов (контрактов) по государственному оборонному заказу: постановление Правитель'sтва РФ от 26 дек. 2013 г. № 1275 // *Собр. законодатель'sтва Рос. Федерации*. 2014. N 2, ч. I, ст. 102.

8. Об установлении случаев, в которых при заключении контракта в документации о закупке указывается формула цены и максимальное значение цены контракта: постановление Правитель'sтва РФ от 13 янв.

2014 г. N 19 // *Собр. законодатель'sтва Рос. Федерации*. 2014. N 3, ст. 288

9. Об утверждении Правил определения размера штрафа, начисляемого в случае ненадлежащего исполнения заказчиком, поставщиком (подрядчиком, исполнителем) обязательств, предусмотренных контрактом (за исключением просрочки исполнения обязательств заказчиком, поставщиком (подрядчиком, исполнителем), и размера penalties, начисляемой за каждый день просрочки исполнения поставщиком (подрядчиком, исполнителем) обязательств, предусмотренного контрактом: постановление Правитель'sтва РФ от 25 нояб. 2013 г. N 1063 // *Собр. законодатель'sтва Рос. Федерации*. 2013. N 48, ст. 6266.

10. Kabanova I. E., Egorova M. A. *Grazhdansko-pravovaya otvetstvennost' publichnyh sub'ektov: opyt mezhtrazlevogo issledovaniya: monografiya*. M.: Yusticinform, 2016. 284 s.

11. Reshenie Arbitrazhnogo suda Sverdlovskoy oblasti ot 1 aprelya 2013 g. po delu N A60-3003/2013 // *Garant.Ry*. URL: <http://www.garant.ru>.

12. Edinaya informacionnaya sistema v sfere zakupok [Электронный ресурс]: офи. сайт. URL: <http://www.zakupki.gov.ru/epz/btk/quicksearch/search.html>.

13. Об утверждении типового контракта на оказание услуг выставочной и ярмарочной деятельности для обеспечения государственных и муниципальных нужд... [Электронный ресурс]: приказ Минпромторга России от 20 февр. 2016 г. N 467 // *Официальный интернет-портал правовой информации*. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

14. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс]: федер. закон от 30 дек. 2001 г. N 195-FZ: [ред. от 29.07.2017] // *Официальный интернет-портал правовой информации*. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 31.07.2017.

УДК 339.19:326.000.32

Е. В. Губанова, канд. юрид. наук, доцент, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского» (Симферополь, Россия) (e-mail: livenok@bk.ru)

ХАРАКТЕРИСТИКА ФОРМ РАБСТВА КАК СОЦИАЛЬНОГО ИНСТИТУТА

В статье рассматриваются исторические формы рабства как социального института. Рабство характеризуется как социальное явление различных исторических эпох. Анализируются такие формы рабства, как «патриархальное» рабство, «классическое» рабство и «современное» рабство. Особо уделяется внимание видам «современного» рабства. Рабство рассматривается и как первая социальная формация, при которой возникло понятие собственности, со временем распространявшееся не только на орудия производства и товар, но и на людей. Автор акцентирует внимание на таких видах «современного» рабства, как трудовое и долговое рабство, рабство по контракту, физическое, военное, призывное, пенитенциарное, религиозное, сексуальное рабство. Рабство рассматривается как общественный феномен, который исследуется в различных плоскостях, однако в любой из них признается формой порабощения и эксплуатации человека, которые сопровождаются практически полным ограничением прав человека, приравнивание личности (по закону или обычаю) к вещи (имуществу). Автор приходит к выводу, что рабство имеет исторический характер, его разновидности отражают специфику общественной жизни на определенных этапах развития человечества. Зрелый, завершённый вид этого института приобретает в эпоху античности, получив всестороннее морально-философское обоснование и совершенное юридическое определение. Главным признаком «классического» рабства является превращение человека в объект отношений собственности и лишения личности общепризнанных в конкретном обществе прав человека. Понимание рабства в современном международном праве основано на обобщении признаков классического рабства в процессе международно-правового сотрудничества в борьбе с данным явлением. При рассмотрении исторических форм рабства как социального института автор делает вывод, что рабство имеет исторический характер, его разновидности отражают специфику общественной жизни на определенных этапах развития человечества.

Ключевые слова: рабство, формы и виды рабства, рабовладение, торговля людьми, общество.

Ссылка для цитирования: Губанова Е. В. Характеристика форм рабства как социального института // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2017. Т. 7, №3(24). С. 23–28.

***

Рабство как социальное явление возникло на заре становления государств, и вместе с историческими изменениями в организации политической власти, в экономике и праве трансформировалось и подстраивалось под изменяющиеся требования времени но, несмотря на давнюю борьбу человечества с рабством, оно существует по сей день.

В психологии человека заложено стремление подчинять себе других: природу, животных, материальный мир, в конце концов – человека. История рабства, как крайней степени подчинения человеком человека, уходит корнями в период зарождения общественных отношений, когда, кроме племенной структуры, других форм сосуществования еще не было. Во времена разложения родовой

общины именно рабский труд и рабское производство, представляющие первую форму эксплуатации и первую форму разделения общества на классы, могли создать базу для производства дополнительного продукта и развития рыночных отношений. Уже тогда человечество стало разделять труд на физический и умственный. Именно рабовладельчество стало первой социальной формацией, при которой увеличивалась производительность труда, появлялся прибавочный продукт и, как следствие, возникло понятие собственности, со временем распространявшееся не только на орудия производства и товар, но и на людей.

В разных странах и культурах рабство и торговля живым товаром принимали различные формы, детерминирова-

лись совокупностью разнородных факторов, однако всегда представляли собой проявление исключительного неуважения человеком-собственником человека-товара. И зачастую той границей, что разделяла собственника и товар, были такие факторы, как раса, пол, вероисповедание либо принадлежность (гражданство) к тому или иному государству. Подтверждением тому являются памятники истории права.

Сегодня в социальных и гуманитарных науках достигнуто определенное единство в толковании содержания понятия «рабство» как общественного феномена, который исследуется в различных плоскостях, а именно как: а) исторический феномен; б) экономические отношения; в) правовой институт; г) социально-психологический феномен; д) разновидность социальной стратификации и т. п. [1; 2; 3] Единство же состоит в том, что рабство признается формой порабощения и эксплуатации человека, которые сопровождаются практически полным ограничением прав человека, приравниванием личности (по закону или обычаю) к вещи (имуществу) [4].

Именно такой подход был положен в основу дефиниции рабства в Конвенции 1926 г., которая и в современном международном праве является базовым определением: «Под рабством понимается положение или состояние лица, в отношении которого осуществляются некоторые или все полномочия, присущие праву собственности» [5].

История свидетельствует, что рабство существовало на разных ступенях развития человечества, отличаясь исключительным многообразием исторических форм. Общепринятым до последнего времени было выделение двух родовых разновидностей рабства – патриархального (примитивная форма) и классического (зрелая форма). Самой первой формой этих отношений стало так назы-

ваемое патриархальное рабство. При патриархальном рабстве, что возникло еще в доклассовую эпоху как следствие войн, захвата пленных, по статусу рабы приравнивались к «младшим» членам семьи, что дает основания некоторым исследователям определять эту разновидность как «семейное рабство». Таким образом, в семью входило нескольких новых членов, не обладавших, однако, полноценными правами и выполнявших часть общей работы, за что рабов обеспечивали едой и кровом. Для патриархального рабства характерно проживание рабов вместе с хозяевами, наличие определенных прав (участия в общественной жизни, наследование имущества хозяина, права на брак со свободными людьми и т. п.) и, что очень важно, существование запрета произвольного убийства рабов. Основной признак патриархального рабства заключался в том, что оно не было главным в системе хозяйствования и социальной стратификации. По определению Питирима Сорокина, патриархальное рабство не имело признаков «системообразующих общественных отношений» [6].

Рабовладение достигло огромного размаха в древнегреческом и древнеримском государствах. Произошел процесс трансформации патриархальной формы рабства в классическую, при которой человек становился вещью, пригодной, в зависимости от своей ценности, к продаже или покупке. Право (закон) стало регулятором сделок с рабами. Классическое рабство лучше исследовано на примере античного рабства, которое было главным экономическим институтом античного мира, определяя характер общественной организации общества в эту эпоху. Классическое рабство характеризуется следующими признаками: а) порабощение рабов становится абсолютным; б) рабы живут отдельно; в) они лишены всех гражданских прав (участия в общественной жизни, права на наследство,

брачный выбор); г) хозяин имеет абсолютное, ничем не ограниченное право на распоряжение рабом, вплоть до права на его уничтожение; д) раб является собственностью хозяина («instrumentum vocalis» – по определению римского права) и лишен права на собственность [7]. История знает немало исключений (например, наделение рабов имуществом, возможность самостоятельного выкупа, брачные права и т. п.), но неизменным оставалось определение раба как собственности хозяина [8].

Признаки классической модели рабства были присущи рабству в Древней Греции, Древнем Риме и Римской империи, в некоторых странах Востока в средние века. До классического рабства тяготеет и «плантационное рабство» XVI–XIX вв. [9] В пределах названных выше родовых категорий обычно выделяют большое количество исторических форм рабства, которые имеют существенную дифференциацию в зависимости от страны, исторического развития и т. п.

В древнеиндийском обычном праве («Законы Ману») выделено семь «разрядов» рабов: «захваченные под знаменем, рабы за еду, рожденные в доме, купленные, подаренные, унаследованные, раб связи с наказанием». Позже отличались пятнадцать таких «разрядов» [7].

В древнегреческом законодательстве известно не менее десяти категорий рабов [1; 2; 10]. Многочисленными исследованиями убедительно доказано существование прямой зависимости уровня общей зрелости общества от представлений о принадлежности тех или иных разновидностей зависимости людей к рабству. Такие представления всегда базируются на определенной системе ценностей, характерных для данного общества. Например, природа классического античного рабства находила всестороннее обоснование в социальной и политиче-

ской философии античности. Несовместимость физического труда с выполнением гражданских обязанностей признавалась основанием для оправдания рабства как общественного института. Античные мыслители (Аристотель, Платон и др.) отмечали, что в связи с «природой» есть категория людей, не способных к умственному труду и осознанию общественных потребностей и интересов. Свободные граждане – это те, кто способен понимать и выполнять гражданские функции, но они должны быть освобождены от выполнения дел. Поэтому существование рабства считалось необходимым для нормального общества. Так, Аристотель писал, что «если бы ткацкие станки сами ткали, то и зодчие не нуждались бы в рабочих для возведения сооружений, а гражданам не нужны были бы рабы» [11].

В античной философии существовало и другое понимание рабства. Стоики (Марк Аврелий, Сенека, Эпиктет) не признавали естественного различия между людьми. «Всадник», «вольнотпущенный», «раб», как утверждал Сенека, – это простые понятия, созданные «человеческими страстями». Человек священен, поэтому рабство противоестественно и является результатом морального разложения людей [10]. Домиций Ульпиан утверждал, что все люди равны от рождения (согласно с «естественным правом»), «все рождаются свободными, поскольку имеют общее имя – люди» [11]. Он доказывает, что «раб наделен чувством, поэтому физическое наказание в нравственном отношении является недостойным человека, а в практическом отношении – неэффективным» [12].

Постепенно в европейских странах отношение к рабам становилось более мягким, что отражало развивающиеся экономические отношения и правовую систему, однако не исключало собствен- но их нещадную эксплуатацию.

Возрождению рабовладельческих отношений способствовали новые огромные пространства Нового Света, обилие плодородных и богатых ресурсами малонаселенных территорий.

В азиатских странах рабство существовало относительно долго, зачастую параллельно с зарождавшимися и развивающимися феодальными, а затем капиталистическими отношениями. Главным источником, подпитывающим невольничьи рынки, были те, кто попал в долговую кабалу и не имел другой возможности рассчитаться с кредиторами, кроме собственного труда. В этих случаях потомков несчастных также ждало наследственное рабство. Это, вообще говоря, противоречило законам ислама (за исключением государственных преступников), но все равно широко практиковалось [13].

В России рабство, которое также выступало формой общественных отношений, именовалось крепостничеством. Помещики относились к своим крепостным примерно так же, как обычные крестьяне к рабочему скоту, т. е. не без определенной доли заботы и бережливости.

Однако таких аргументов все же было недостаточно, чтобы изменить общий подход к рабству как необходимому институту античного общества.

Современные западноевропейские исследователи [4; 13] признают необходимость выделения «современной формы рабства» как родового понятия для тех разновидностей зависимого состояния, что стали объектом международного правового регулирования уже в XX в. Современные формы зависимости чаще всего не имеют прямых исторических аналогов среди известных разновидностей патриархального или классического рабства. Уже Конвенция 1926 г. в определении рабства предусматривает такой признак, как реализация относительно

лица «права собственности или отдельных элементов этого права» [5]. Следовательно, под понимание рабства возможно подведение таких разновидностей зависимости, которые не всегда могут быть отнесены к классическому или патриархальному рабству. Особенностью современной формы рабства является огромное количество его видов. О. Линькова обозначает следующие виды современного рабства.

Трудовое рабство. Эта форма наиболее близка к традиционному рабству. Человек захватывается, либо рождается, либо продается в постоянное рабство, при этом часто оформляются права собственности.

Торговля людьми. При таком виде рабства торговец осуществляет контроль и право собственности путем: принуждения жертв работать вопреки своей воле; управления свободой их передвижения, например, вследствие конфискации их паспортов и невыплаты заработной платы (при наличии таковой); определения места и времени работы и уровня оплаты (при наличии таковой); использования таких практик, как, например, ритуалы вуду, предусматривающие применение обета молчания, избиений и изнасилования.

Долговое рабство – самая распространенная форма рабства в современном мире. Человек становится залогом за деньги, полученные в долг, продолжительность и характер зависимости не определены, и работа не уменьшает суммы первоначального долга.

Рабство по контракту. Оно ярко демонстрирует, как можно использовать современные трудовые отношения для того, чтобы замаскировать новые формы рабства.

Физическое рабство. Эта форма является одной из самых жестоких и антигуманных. Источниками этого рабства являются физически неполноценные лю-

ди, которых заставляют заниматься попрошайничеством [14].

Сексуальное рабство характеризуется абсолютным контролем одного лица над другим и не всегда связано с каким-либо финансовым вознаграждением.

Военное рабство. В это рабство попадают мужчины для участия в вооруженных конфликтах. Сюда же относится рабство, поддерживаемое правительством.

Призывное рабство – рабство, когда командиры, пользуясь своим положением, используют солдат как рабов.

Пенитенциарное рабство – это совершенно новая форма рабства. Оно встречается везде. Эта форма заключается в использовании труда заключенных.

Религиозное рабство в основном сопровождается вовлечением людей в различные религиозные секты.

Рассмотрев исторические формы рабства как социального института, можно сделать вывод, что рабство имеет исторический характер, его разновидности отражают специфику общественной жизни на определенных этапах развития человечества.

Зрелый, заверченный вид этот институт приобретает в эпоху античности, получив всестороннее морально-философское обоснование и совершенное юридическое определение. Классическое (античное) рабство – «чистая модель рабства», главным признаком которой является превращение человека в объект отношений собственности и лишения ее общепризнанных в конкретном обществе прав человека.

Базовая дефиниция рабства в современном международном праве основана на обобщении признаков классического рабства в процессе международно-правового сотрудничества в борьбе с «африканской работорговлей» и плантационным рабством [15].

Список литературы

1. Валлон А. История рабства в античном мире. Т. 1-2. М.: ОГИЗ, 1941. 457 с.
2. Нибур Г. Г. Рабство как система хозяйства. Этнологические исследования. М.: Кн. дело, 1907. 431 с.
3. Iugram J. K. A history of slavery and selfdom. London, 1995. 369 p.
4. Archer L. J. Slavery and other forms of unfree labor. New York: Routledge, 1988. 284 p.
5. Конвенция относительно рабства // Международная защита прав и свобод человека: сб. док. М.: Юрид. лит., 1990. С. 201–205.
6. Sorokin P. A. Social and Cultural Dynamics. Vol. 1. New York: American Book Co, 1973. 539 p.
7. Slavery in Ancient India. London, 1979. 442 p.
8. Курицин В. И. Классическое античное рабство. М.: Наука, 1991. 371 с.
9. Абрамова С. Ю. Африка: четыре столетия работорговли. 2-е изд. М.: Наука, 1992. 331 с.
10. Finley M. I. Ancient slavery and modern ideology. New York, 1983. 148 p.
11. Синайский В. И. История источников римского права. Варшава: Тип. Варш. учеб. окр., 1911. 215 с.
12. Покровский И. А. История римского права. Изд. 4-е. Пг.: Право, 1918. 430 с.
13. Davis D. B. Problem of slavery in western culture. New York: Oxford University Press, 1988. 259 p.
14. Линькова О. М. Сущность современного рабства // Среднерусский вестник общественных наук. 2010. № 2. С. 62–68.
15. Губанова Е. В. Рабство и работорговля как факторы развития и становления политических институтов общества // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2017. Т. 7, № 1(22). С. 74–80.

Поступила в редакцию 09.06.17

UDC 339.19:326.000.32

E. V. Gubanova, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia) (e-mail: livenok@bk.ru)

CHARACTERISTIC OF FORMS OF SLAVERY AS SOCIAL INSTITUTE

In article historical forms of slavery as social institute are considered. The slavery is characterized as a social phenomenon of different historical eras. Such forms of slavery as "patriarchal" slavery, "classical" slavery and "modern" slavery are analyzed. Particular attention is paid to the types of "modern" slavery. The author focuses attention to such types of "modern" slavery as labor and debt slavery, slavery under the contract, physical, military, draft, penitentiary, religious, sexual slavery. The author concludes that the slavery has historical character; its versions reflect specifics of public life in certain stages of human development. The mature, complete form of this institute is acquired in the antiquity era, having received a comprehensive moral and philosophical justification and perfect legal definition. The main feature of "classical" slavery is the transformation of the person into an object of property relations and the deprivation of the identity of the universally human rights in a concrete society. The understanding of slavery in modern international law is based on generalization of signs of classical slavery in the process of international legal cooperation in fight against this phenomenon.

Key words: slavery, forms and types of slavery, slaveholding, human trafficking, society.

For citation: Gubanova E. V. Characteristic of forms of slavery as social institute, Proceeding of the Southwest State University. Series: History and Law, 2017, vol. 7, n 3(24), pp. 23–28 (in Russ.).

***

References

1. Vallon A. Istoriya rabstva v antichnom mire. T. 1-2. M.: OGIZ, 1941. 457 s.
2. Nibur G. G. Rabstvo kak sistema hoz'yajstva. Ehtnologicheskie issledovaniya. M.: Kn. delo, 1907. 431 s.
3. Iugram J. K. A history of slavery and selfdom. Ed. London, 1995. 369 p.
4. Archer L. J. Slavery and other forms of unfree labor. New York: Routledge, 1988. 284 p.
5. Konvenciya otnositel'no rabstva // Mezhdunarodnaya zashchita prav i svobod cheloveka: sb. dok. M.: Yurid. lit., 1990. S. 201–205.
6. Sorokin P. A. Social and Cultural Dynamics. Vol. 1. New York: American Book Co, 1973. 539 p.
7. Slavery in Ancient India. London, 1979. 442 p.
8. Kuricin V. I. Klassicheskoe antichnoe rabstvo. M.: Nauka, 1991. 371 s.
9. Abramova S. Yu. Afrika: chetyre stoletiya rabotorgovli. 2-e izd. M.: Nauka, 1992. 331 s.
10. Finley M. I. Ancient slavery and modern ideology. New York, 1983. 148 p.
11. Sinajskij V. I. Istoriya istochnikov rimskogo prava. Varshava: Tip. Varsh. ucheb. okr., 1911. 215 s.
12. Pokrovskij I. A. Istoriya rimskogo prava. Izd. 4-e. Pg.: Pravo, 1918. 430 s.
13. Davis D. B. Problem of slavery in western culture. New York: Oxford University Press, 1988. 259 p.
14. Lin'kova O. M. Sushchnost' sovremennogo rabstva // Srednerusskij vestnik obshchestvennyh nauk. 2010. N 2. S. 62–68.
15. Gubanova E. V. Rabstvo i rabotorgovlya kak faktory razvitiya i stanovleniya politicheskikh institutov obshchestva // Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo. 2017. T. 7, N 1(22). S. 74–80.

Административное и финансовое право

УДК 334.347.7

Д. В. Чуб, аспирант, Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (e-mail: dchub1991@gmail.com)

ВЫДАЧА ПЕРЕВОДНОГО ВЕКСЕЛЯ ЗА СЧЕТ ТРЕТЬЕГО ЛИЦА ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИИ И ФРАНЦИИ

В настоящей статье автором рассматриваются правовые особенности выдачи переводного векселя за счет третьего лица по вексельному законодательству России и Франции. Определяются особенности правового положения лица, за чей счет выдается ценная бумага, по отношению к иным участникам вексельных отношений (векселедателя, векселедержателя и плательщика). Устанавливается экономико-правовая цель и выгода выдачи переводного векселя за счет третьего лица для такого лица. Автор приводит сравнение правового положения векселедателя, выдавшего переводный вексель за счет третьего лица, и правового положения лица, выпускающего переводной вексель в качестве представителя третьего лица, за счет которого выдается ценная бумага, устанавливаются особенности выдачи переводного векселя через представителя. Определяется правовое положение участников отношений при выдаче переводного векселя за счет третьего лица, в том числе особенности правового статуса формального и фактического векселедателя в вексельных отношениях по вексельному законодательству Франции. Определяется правовое значение вневексельного соглашения, заключаемого между векселедателем и лицом, за чей счет выпускается переводной вексель. Устанавливается возможность предъявления плательщиком переводного векселя возражений третьему лицу, за чей счет был выдан указанный вексель, и который в последующем стал векселедержателем. Приводятся примеры из судебной практики палаты по торговым делам Кассационного суда Франции касательно спорных вопросов выдачи переводного векселя за счет третьего лица. Автором самостоятельно переведены и изучены работы французских ученых-юристов, посвященные проблемным вопросам выдачи переводного векселя за счет третьего лица по законодательству Франции.

Ключевые слова: переводной вексель, векселедатель, векселедержатель, плательщик.

Ссылка для цитирования: Чуб Д. В. Выдача переводного векселя за счет третьего лица по законодательству России и Франции // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2017. Т. 7, №3(24). С. 29–34.

***

Единообразный Закон о переводном и простом векселе (далее – ЕВЗ), введенный в действие Конвенцией, заключенной в г. Женеве 7 июня 1930 г. [1], предусматривает различные типы переводных векселей. Так, согласно ст. 3 ЕВЗ переводной вексель может быть выдан по приказу самого векселедателя. Он может быть выдан на самого векселедателя, или выдан за счет третьего лица.

В зависимости от своих потребностей и целей участники хозяйственного оборота самостоятельно решают, какой тип переводного векселя им выбрать.

Стоит отметить, что указанная ст. 3 ЕВЗ, как и большинство других норм ЕВЗ, была включена в большинство век-

сельных законодательств государств Женевской системы вексельного права. Так, норма о выдаче переводного векселя за счет третьего лица дословно воспроизведена в абз. 3 ст. 3 Положения о переводном и простом векселе (далее – Положение о векселях), введенном в действие Постановлением ЦИК СССР и СНК СССР от 7 августа 1937 г. № 104/1341 [2], а также в абз. 3 ст. L511-2 Торгового кодекса Франции [3].

В современной российской доктрине по вексельному праву указанная норма ЕВЗ и Положения о векселях трактуется таким образом, что она предусматривает так называемый классический тип переводного векселя. В классическом вариан-

те для выдачи переводного векселя, как правило, необходимо участие трех лиц: 1) векселедателя (трассанта), т. е. лица, выдающего вексель; 2) векселедержателя (первым приобретателем векселя, реми-тент), т. е. лица, кому или по приказу которого выдается вексель, а также 3) плательщика (трассата), т. е. лица, которому вексель должен быть предъявлен векселедержателем в назначенное время для получения платежа (а в необходимых случаях и акцепта) [4, с. 21; 5, с. 37; 6, с. 920–921]. Стоит отметить, что согласно французскому вексельному законодательству указанные лица именуются «le ireur» (векселедатель), «le bénéficiaire» (векселедержатель) и «le tiré» (плательщик) [2].

Выпуску ценной бумаги, как правило, предшествуют определенные имущественные отношения между указанными лицами, при которых одно лицо является должником, а другое – кредитором. Так, в имущественных отношениях между векселедателем и плательщиком плательщик является должником векселедателя, а векселедатель – следовательно, кредитором. И такие отношения именуются отношениями покрытия.

В имущественном отношении между векселедателем и векселедержателем векселедержатель является кредитором векселедателя. Такие имущественные отношения именуются отношениями валюты [5, с. 37]. Во французской доктрине по вексельному праву отношения покрытия определяются как «la provision», а отношения валюты именуются «la valeur fournie» [7, р. 159]. При этом отношения покрытия и отношения валюты, как правило, не отражаются на векселе и не влияют на вексельное обязательство.

Выпуская вексель в оборот, векселедатель надеется на то, что указанный им в векселе плательщик совершит в назначенное время платеж векселедержателю,

тем самым прекратив отношения покрытия и отношения валюты.

Таким образом, в отечественной современной вексельной доктрине выдача векселя за счет третьего лица, предусмотренная абз. 3 ст. 3 Положения о векселях и ЕВЗ, понимается как классический тип переводного векселя, предполагающий выполнение ролей векселедателя, векселедержателя и плательщика тремя разными лицами.

Французские ученые-юристы понимают данную норму несколько иначе. Напомним, что Торговый кодекс Франции в абз. 3 ст. L511-2 также дословно воспроизводит нормы ЕВЗ в части выдачи векселя за счет третьего лица. Вместе с тем смысл в данное положение вкладывается совершенно иной.

Согласно французской доктрине выдача переводного векселя за счет третьего лица («le tirage pour compte») заключается в том, что векселедатель (формальный векселедатель) выдает переводной вексель за счет и по поручению третьего лица (фактического векселедателя), при этом не раскрывая иным участникам вексельных отношений имя такого лица или данное им поручение на выпуск векселя. Такое третье лицо, дающее векселедателю поручение выдать вексель, но за счет такого лица, во французской литературе по вексельному праву именуется «le donneur d'ordre», а векселедатель, выдающий вексель за такое лицо, именуется «le tireur pour compte».

Выдача векселя за счет третьего лица во французском хозяйственном обороте имеет весьма важное практическое значение. Рассмотрим следующий пример. Общество А поставило обществу Б определенное количество товаров. Общество Б в оплату поставленных товаров должно предоставить обществу А вексель. Но само общество Б по каким-либо соображениям (например, в связи с осо-

бенностями принятой стратегии коммерческого развития) не имеет желания участвовать в вексельных отношениях в качестве векселедателя. В этой связи общество Б обращается в обслуживающий его банк с поручением выдать переводной вексель обществу А с указанием в качестве плательщика одного из дебиторов общества Б (или само общество Б). При этом само общество Б может предварительно депонировать необходимую денежную сумму на свой счет, открытый в его банке, на случай, если оплата по векселю не поступит векселедержателю в срок. Таким образом, получается, что векселедателем является банк, обслуживающий общество Б, плательщиком по такому векселю является дебитор общества Б (или само общество Б), а векселедержателем станет общество А.

Выгода от выдачи векселя банком за счет общества Б для каждой из названных сторон очевидна. Общество А получает вексель, по которому векселедателем является банк, в чьей платежеспособности редко когда приходится сомневаться, и может использовать полученный вексель по своему усмотрению: ожидать ли наступления даты платежа по нему и, соответственно, получить платеж, или передать вексель иному лицу. Банк, выдавая вексель за общество Б, оказывает услугу своему клиенту, за что вправе взять плату. Общество Б, за чей счет вексель выдается, предоставляет обществу А вексель, не участвуя при этом лично в вексельных отношениях.

Таким образом, выдача векселя за счет третьего лица согласно французской доктрине по вексельному праву позволяет действительному инициатору выпуска векселя остаться неизвестным для остальных участников вексельных отношений [8, р. 99].

Отношения между векселедателем переводного векселя за счет третьего ли-

ца и самим третьим лицом основываются на вневексельном, общегражданском договоре (соглашении) (например, на основании договора комиссии или договора поручения [7, р. 182]). Следовательно, отношения между векселедателем переводного векселя за счет третьего лица и третьим лицом никак не влияют на содержание вексельных отношений и правовое положение их участников. При этом и сами векселеучастники в случае спора с векселедателем не вправе ссылаться на такое соглашение между векселедателем и третьим лицом, за чей счет был выдан вексель, и не вправе заявлять третьему лицу какие-либо иски, основанные на нормах вексельного законодательства, т. к. такое третье лицо не является участником вексельных отношений.

Информация о соглашении между векселедателем и третьим лицом, за чей счет был выпущен вексель, может как присутствовать в тексте векселя, так и не включаться в него вовсе. При этом французское вексельное законодательство не требует, чтобы все участники вексельных отношений знали о том, что вексель выдан векселедателем за счет третьего лица [9]. Имя (наименование) третьего лица, за чей счет выпускается вексель, либо вовсе не указывается на векселе, либо только инициалы (фирменное наименование). Указание на векселе лица, за чей счет был выпущен переводной вексель, позволяет плательщику по векселю с высокой степенью вероятности определить, перед каким лицом его вневексельное обязательство будет погашено в случае, если плательщик совершит платеж по векселю.

Выпуская вексель, векселедателю следует в точности соблюдать все инструкции, даваемые ему третьим лицом относительно условий выдачи переводного векселя касательно, например, суммы векселя, срока платежа, личности

плательщика, личности векселедержателя и т. д. В случае нарушения или несоблюдения указанных выше инструкций третьего лица векселедатель будет нести ответственность, но по нормам общегражданским, а не вексельным.

Отношения покрытия между третьим лицом, за чей счет был выдан переводной вексель, и плательщиком по векселю также являются общегражданскими, вневексельными [10, р. 49]. Как правило, плательщик является должником лица, за чей счет выдан переводной вексель, поэтому он, в целях погашения своего долга перед таким лицом, обычно совершает платеж по выпущенному векселедателем векселю. Вместе с тем в случае спора с векселедателем, выпустившим вексель за счет третьего лица, плательщик не сможет предъявить к нему какие-либо возражения, основанные на отношениях между плательщиком и третьим лицом, за чей счет был выпущен вексель. Между самим векселедателем и плательщиком, как правило, никакие отношения покрытия не существуют.

Если третье лицо, за чей счет был выпущен вексель, в последующем станет векселедержателем, то в случае возникновения спора плательщик вправе будет предъявить такому лицу свои возражения, основанные на их личных отношениях покрытия [11].

По отношению к иным участникам вексельного оборота правовое положение векселедателя переводного векселя, выданного за счет третьего лица, не имеет каких-либо особенностей и ничем не отличается от правового положения векселедателя, действующего за свой собственный счет. Векселедатель переводного векселя, выданного за счет третьего лица, также отвечает за акцепт и платеж по векселю.

Наконец, между самим векселедателем векселя, выданного за счет третьего

лица, и плательщиком нет никаких отношений покрытия. Поэтому в случае, когда плательщик акцептует вексель, но не оплатит его в последующем, и платеж совершит сам векселедатель, векселедатель вправе предъявить плательщику вексельный иск, а плательщик не сможет заявить векселедателю свои личные возражения, которые он имеет к третьему лицу, за чей счет был выдан вексель [7, р. 182].

Выдачу векселя за счет третьего лица следует отличать от выдачи векселя через представителя. Лицо, выпустившее переводной вексель за счет иного, третьего лица, становится участником вексельных отношений в качестве векселедателя и в полной мере гарантирует акцепт и платеж по векселю. При этом само третье лицо, за чей счет был выдан вексель, остается вне рамок вексельных отношений, и в случае неплатежа или неакцепта векселя со стороны плательщика не несет никакой ответственности (ни вексельной, ни общегражданской) перед векселедержателем.

Иная ситуация происходит с выдачей векселя представителем за какое-либо лицо. Представитель, выдавая вексель на основании специальных полномочий, предоставленных ему другим лицом (например, представитель, действующий по доверенности от имени юридического лица), не сам становится векселедателем, а делает представляемого участником вексельных отношений. В таком случае само представляемое лицо становится векселедателем [12, р. 317].

С учетом вышеизложенного справедливыми кажутся следующие выводы. Несмотря на то, что норма ЕВЗ о выдаче векселя за счет третьего лица была дословно включена в российское Положение о векселях и Торговый кодекс Франции, применяется данная норма по-разному, что обуславливает необходи-

мость применения различных механизмов регулирования возникающих вексельных отношений. Если в российском правовом порядке под выдачей векселя за счет третьего лица понимается выдача векселя, в котором роли векселедателя, векселедержателя и плательщика реализуют три самостоятельных субъекта, то во Франции выдача векселя за счет третьего лица предполагает выдачу одним лицом (формальным векселедателем) векселя за счет и по поручению другого лица (фактического векселедателя), при этом для иных участников вексельных отношений (трассата, векселедержателя, индоссантов, авалистов) личность фактического векселедателя, как правило, не раскрывается.

Список литературы

1. Единообразный Закон о переводном и простом векселе [Электронный ресурс]: конвенция, утв. в г. Женеве 7 июня 1930 г. // КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru>.

2. Положение о переводном и простом векселе [Электронный ресурс]: постановление ЦИК СССР и СНК СССР от 7 августа 1937 г. № 104/1341 // КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru>.

3. Code de commerce de la France [Electronic resource]. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do;jsessionid=D8061604248AC9D544697BC87BADAF63.tpdila09v_2?cidTexte=LEGITEXT000005634379&dateTexte=20170408.

4. Белов В. А. Вексельное право. М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2004. 317 с.

5. Белов В. А. Курс вексельного права. М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2006. 748 с.

6. Российское гражданское право: в 2 т. Т. 2: Обязательственное право / отв. ред. Е. А. Суханов. М.: Статут, 2011. 1208 с.

7. Ripert G., Roblot R. Traité de droit commercial. Paris: L G D J, 1994. 1330 p.

8. Piedelièvre S. Instruments de crédit et de paiement. Paris: Dalloz, 2014. 410 p.

9. Cour de cassation chambre commerciale Audience publique du lundi 19 février 1968 [Electronic resource]. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichJuriJudi.do?oldAction=rechJuriJudi&idTexte= JURITEXT000006977470&fastReqId=1580473190&fastPos=2>.

10. Gavalda C., Stoufflet J. Instruments de paiement et de crédit. Paris: Litec, 2009. 471 p.

11. Cour de cassation chambre commerciale Audience publique du mardi 10 mars 1970 N° de pourvoi: 68-11750 [Electronic resource]. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichJuriJudi.do?oldAction=rechJuriJudi&idTexte=JURITEXT000006981693&fastReqId=603735778&fastPos=1>.

12. Le Cannu P., Granier T., Routier R. Droit commercial. Instruments de paiement et de crédit. Paris: Dalloz, 2010. 676 p.

Поступила в редакцию 02.06.17

UDC 334.347.7

D. V. Chub, Post-Graduate Student, Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Moscow, Russia) (e-mail: dchub1991@gmail.com)

THE ISSUE OF THE BILL OF EXCHANGE FOR ACCOUNT OF A THIRD PERSON UNDER THE LEGISLATION OF RUSSIA AND FRANCE

This article considers the particularities of the issue of the bill of exchange for account of a third person under the legislation of Russia and France. It determines the legal status of the person for which account the bill of exchange is issued, in relation to other participants of bill relations (drawer, holder, drawee). This article provides for

an economic and legal purposes of the issue of the bill of exchange for account of a third person. The author compares the legal status of the drawer issued the bill of exchange for account of a third person and the legal status of the person issued the bill of exchange in the capacity of the representative of third person, it determines the particularities of the issue the bill of exchange via the representative of the drawer. It considers the legal status of participants of legal relations of the issue of the bill of exchange for account of a third person such as the legal status of the drawer de jure and the drawer de facto in the bill relations under the French legislation. It determines the legal effect of the agreement between drawer and the person for whose account the bill of exchange is issued. It provides for the possibility that the drawee can set up against the person for whose account the bill of exchange is issued defenses founded on their personal relations with this person if this person became the holder. It provides examples of the court practice of the Commercial Division of the Court of Cassation in regard to disputable questions of the issue of the bill of exchange for account of a third person. The author translated and examined treatises of French lawyers on the issue of the bill of exchange for account of a third person.

Key words: bill of exchange, drawer, holder, drawee.

For citation: Chub D. V. The issue of the bill of exchange for account of a third person under the legislation of Russia and France, Proceeding of the Southwest State University. Series: History and Law, 2017, vol. 7, n 3(24), pp. 29–34 (in Russ.).

***

References

1. Edinoobraznyj Zakon o perevodnom i prostom veksele [Elektronnyj resurs]: konvenciya, utverzhd. v g. Zheneve 7 iyunya 1930 g. // Konsul'tantPlyus. URL: <http://www.consultant.ru>.

2. Polozhenie o perevodnom i prostom veksele [Elektronnyj resurs]: postanovlenie CIK SSSR i SNK SSSR ot 7 avgusta 1937 g. N 104/1341 // Konsul'tantPlyus. URL: <http://www.consultant.ru>.

3. Code de commerce de la France [Electronic resource]. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do;jsessionid=D8061604248AC9D544697BC87BADAF63.tpdila09v_2

4. Belov V. A. Veksel'noe pravo. M.: AO «Centr YUrInfoR», 2004. 317 s.

5. Belov V. A. Kurs veksel'nogo prava. M.: AO «Centr YUrInfoR», 2006. 748 s.

6. Rossijskoe grazhdanskoe pravo: v 2 t. T. 2: Obyazatel'stvennoe pravo / otv. red. E. A. Suhanov. M.: Statut, 2011. 1208 s.

7. Ripert G., Roblot R. Traité de droit commercial. Paris: L G D J, 1994. 1330 p.

8. Piedelièvre S. Instruments de crédit et de paiement. Paris: Dalloz, 2014. 410 p.

9. Cour de cassation chambre commerciale Audience publique du lundi 19 février 1968 [Electronic resource]. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichJuriJudi.do?oldAction=rechJuriJudi&idTexte= JURITEXT000006977470&fastReqId=1580473190&fastPos=2>.

10. Gavalda C., Stoufflet J. Instruments de paiement et de crédit. Paris: Litec, 2009. 471 p.

11. Cour de cassation chambre commerciale Audience publique du mardi 10 mars 1970 N° de pourvoi: 68-11750 [Electronic resource]. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichJuriJudi.do?oldAction=rechJuriJudi&idTexte=JURITEXT000006981693&fastReqId=603735778&fastPos=1>.

12. Le Canu P., Granier T., Routier R. Droit commercial. Instruments de paiement et de crédit. Paris: Dalloz, 2010. 676 p.

УДК 342.518

В. А. Есипов, аспирант, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»
(Курск, Россия) (e-mail: esipov_0007@mail.ru)

ПОНЯТИЕ И ОСНОВНЫЕ МОДЕЛИ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Данная статья посвящена актуальной в правовой науке и практике проблеме организации государственной безопасности. Сегодня еще не сложилось единого определения понятия «безопасность», «государственная безопасность» и «органы государственной безопасности». В этих направлениях ведется активная научная дискуссия. Основные споры сегодня идут вокруг соотношения понятий «безопасность», «национальная безопасность», «государственная безопасность», да и определений дефиниций вокруг «безопасности» дается довольно много. Нет однозначного ответа и на вопрос о направлениях деятельности по обеспечению государственной безопасности, а соответственно и не определен четкий круг государственных органов, осуществляющих этот вид правоохранительной деятельности. Автор данной работы, на основе анализа широкого круга научных исследований и нормативного правового материала, попытался внести ясность в разрешение этих проблем, предложив свою оригинальную концепцию организации деятельности по обеспечению государственной безопасности. Сделана попытка выделить основные направления по обеспечению государственной безопасности, дается определение органам государственной безопасности, которые выполняют данный вид деятельности в качестве основной. Под органами госбезопасности автором понимается вид правоохранительных органов по обеспечению защиты государственного строя от внешних и внутренних угроз, осуществляющих на основе закона в качестве основных функций разведывательную, контрразведывательную деятельность, выявление и расследование преступлений, посягающих на безопасность государства, борьбу с терроризмом и экстремизмом, охрану государственной границы, высших органов государственной власти и должностных лиц, обеспечивающих безопасность специальных видов связи. Также изучены особенности организации деятельности по обеспечению государственной безопасности в зарубежных странах и в России на различных исторических этапах. На основе этого выделены основные мировые модели органов государственной безопасности. Так, исходя из особенностей организации обеспечения госбезопасности в различных государствах, можно выделить четыре модели такой организации – централизованную, смежную, децентрализованную и концентрическую. Отмечено, что большинство из них, на том или ином историческом этапе, были характерны и для России.

Ключевые слова: безопасность, государственная безопасность, органы госбезопасности, правоохранительные органы.

Ссылка для цитирования: Есипов В. А. Понятие и основные модели органов государственной безопасности // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2017. Т. 7, №3(24). С. 35–41.

***

Сегодня существует довольно большое количество определений термина «безопасность». В. И. Даль под безопасностью понимал «отсутствие опасности, сохранность, надежность» [1, с. 221]. С. И. Ожегов определяет безопасность как «состояние, при котором не угрожает опасность, есть защита от опасности» [2, с. 154]. Более развернутая характеристика безопасности дается Ф. А. Брокгаузом и И. А. Ефроном. Авторами она рассматривается как гарантия неприкосновенности личности, чести, свободы и самой жизни от посягательств, при этом гарантировать безопасность должно государство. Также выделяется безопасность личности, общества и государства [3, с. 656].

Современными исследователями безопасность трактуется как состояние защищенности от возможного нанесения политического, экономического, военного, экологического, информационного, продовольственного ущерба, способность к сдерживанию или отражению опасных воздействий заблаговременно либо к быстрой компенсации понесенного ущерба [4, с. 89]. Однако основная их масса свои определения основывает на дефиниции безопасности, данной Законом о безопасности 1992 г., в ст. 1 которого она определена как «состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз» [5].

Довольно серьезная дискуссия развернулась вокруг понимания отдельных аспектов безопасности. В работах большого числа авторов преобладает военнополитический аспект [6; 7; 8], однако исследуются также социальные и культурные стороны безопасности [9; 10; 11; 12; 13; 14]. Основные споры сегодня идут вокруг соотношения понятий «безопасность», «национальная безопасность», «государственная безопасность». Под государственной безопасностью понимается «состояние защищенности жизненно важных интересов государства от внутренних и внешних угроз в сфере безопасности конституционного строя, суверенитета и территориальной целостности страны, устойчивого и поступательного формирования условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека, развития равноправного и взаимовыгодного международного сотрудничества, достигаемое совокупностью скоординированных действий органов государственной власти, федеральных органов исполнительной власти, местного самоуправления, общественных объединений и граждан на основе законодательства...» [15, с. 29]. При этом, например, А. В. Пылин определяет национальную безопасность как более широкое понятие по отношению к государственной безопасности [Там же, с. 26–30].

Обеспечение безопасности по своей сути является одним из видов правоохранительной деятельности [16, с. 14; 17, с. 225; 18]. Из представленного выше определения государственной безопасности вытекает, что ее обеспечение осуществляют все государственные органы власти, государство в целом. Однако для некоторых из них такая деятельность является основной.

В науке до сих пор не сложилось четкого мнения относительно основных направлений деятельности по обеспечению госбезопасности. Большая часть авторов [17, с. 225; 19, с. 115] ссылаются, на указанный нами выше Закон о безопасности 1992 г., который дает довольно

широкий перечень такого рода направлений, не позволяя выделить отдельно их правоохранительную составляющую, что не дает возможности четко определиться, какие именно органы, собственно, осуществляют данный вид правоохранительной деятельности в качестве основной. В этой связи можно обратиться к содержанию принятого 16 мая 1991 г. Закона «Об органах государственной безопасности в СССР» [20]. Здесь выделены основные направления обеспечения безопасности: «1) разведывательная работа в целях обеспечения государственной безопасности; 2) контрразведывательная работа по защите от разведывательно-подрывной деятельности специальных служб иностранных государств и иностранных организаций; 3) обеспечение высших органов государственной власти и управления, других государственных органов информацией, необходимой для решения задач, связанных с государственной безопасностью, социально-экономическим, оборонным строительством и научно-техническим прогрессом, внешнеполитической и внешнеэкономической деятельностью; 4) предупреждение, выявление и пресечение преступлений, расследование которых отнесено законом к ведению органов государственной безопасности; борьба с терроризмом и организованной преступностью, затрагивающими интересы государственной безопасности; 5) обеспечение сохранности государственных секретов, организация, обеспечение безопасности специальных видов связи и шифровой работы; 6) охрана государственной границы и экономической зоны; участие в разработке и осуществлении мер по охране континентального шельфа; 7) обеспечение готовности к функционированию в военное время пунктов управления страной и Вооруженными Силами; 8) оказание методической и организационно-технической помощи министерствам, государственным комитетам, ведомствам, предприятиям, учреждениям и организациям в обеспечении государ-

ственной безопасности, а также в пределах компетенции координация их деятельности в указанной области и контроль за этой деятельностью» [20]. Закон СССР об органах госбезопасности во многом лег в основу соответствующего Закона РСФСР 1992 г., который к вышеупомянутым функциям добавил еще и «обеспечение в пределах своей компетенции государственной охраны высших органов законодательной, исполнительной и судебной власти Российской Федерации и их должностных лиц» [21]. Считаем также, что одной из основных функций органов госбезопасности является также обеспечение специальной и правительственной связи, ввиду особой важности передачи государственной информации.

Таким образом, к основным направлениям деятельности по обеспечению государственной безопасности относятся: разведывательная деятельность; контрразведка; предупреждение, выявление, расследование и пресечение преступлений, посягающих на безопасность государства (преступления против государственного (конституционного строя), коррупция в органах власти и правоохранительных органах, организованная преступность, незаконный оборот оружия и т. д.); борьба с терроризмом и экстремизмом; охрана государственной границы; охрана высших органов государственной власти и должностных лиц; обеспечение безопасности специальных видов связи.

Нами уже отмечалось, что обеспечение безопасности – это одна из основных функций государства, и ее осуществление возложено на все государственные органы, а также на местное самоуправление. Однако в большей степени вопросами безопасности ведают органы исполнительной власти, прежде всего правоохранительные, а в их числе есть органы, которые осуществляют обеспечение государственной безопасности по всем ее направлениям либо по отдельным из них, но в качестве основного вида своей деятельности. Не секрет, что в той или иной

степени обеспечением безопасности занимаются вооруженные силы, органы внутренних дел и др. Но основной функцией вооруженных сил является защита государства от внешней военной агрессии, органы внутренних дел обеспечивают правопорядок в стране, осуществляют борьбу с правонарушениями и преступлениями.

Исходя из вышесказанного, можно дать следующее определение органам государственной безопасности (далее – ОГБ): это вид правоохранительных органов по обеспечению защиты государственного строя от внешних и внутренних угроз, осуществляющих на основе закона в качестве основных функций разведывательную, контрразведывательную деятельность, выявление и расследование преступлений, посягающих на безопасность государства, борьбу с терроризмом и экстремизмом, охрану государственной границы, высших органов государственной власти и должностных лиц, обеспечивающих безопасность специальных видов связи.

В мировой практике сложилось несколько моделей организации деятельности по обеспечению безопасности. Так, в ведущих странах Западной Европы складывалась такая организация обеспечения безопасности, при которой данным видом деятельности занимаются сразу несколько структур. Во Франции функции по обеспечению госбезопасности распределены между подразделениями Министерства обороны (генеральное управление внешней безопасности, управление военной разведки, управление защиты безопасности и обороны, бригада разведки и радиоэлектронной борьбы, центральная служба безопасности электронных систем) и Министерства внутренних дел (центральная дирекция общей разведки, управление безопасности территорий) [22, с. 94–96]. Примерно такая же структура органов госбезопасности сложилась и в ФРГ, однако здесь есть самостоятельная разведслужба, подчиненная администрации федерального Канцлера [Там

же, с. 90–94]. В Великобритании также ряд органов госбезопасности находятся в структуре различных министерств (оборона, внутренних дел, иностранных дел), однако есть и самостоятельные разведывательные подразделения, к тому же в этой стране существует орган, осуществляющий общую координацию спецслужб – Центральный разведывательный аппарат [23].

Довольно разветвленная система ОГБ создана в США. Здесь так же, как и в Великобритании, органы обеспечения безопасности рассредоточены по разным государственным структурам: Министерство обороны (разведуправление, Агентство национальной безопасности (АНБ), иные разведывательные структуры), Министерство энергетики (управление разведки), Государственный департамент (Бюро разведки и исследований), Министерство финансов (Управление разведобеспечения), Министерство юстиции (Федеральное бюро расследований (ФБР)) и др. В составе ОГБ США есть и самостоятельные структуры – Центральное разведуправление (ЦРУ)[22, с. 60–79]. Но над всеми спецслужбами США в 1947 г. был создан специальный орган, координирующий их деятельность, – Совет национальной безопасности, возглавляемый президентом [24]. Также особенностью американской модели организации деятельности по обеспечению госбезопасности является наличие парламентского контроля за соответствующими органами.

Организацию системы органов государственной безопасности в рассмотренных нами странах можно назвать децентрализованной. Однако опыт США и Великобритании показывает, что в странах с децентрализованной моделью ОГБ могут создаваться координирующие их деятельность, вырабатывающие ее базовые направления, а также обеспечивающие взаимодействие с иными органами государства, в том числе и правоохранительными, структуры, такую организацию

обеспечения государственной безопасности можно назвать концентрической.

Во многих государствах функции по обеспечению государственной безопасности сосредоточены в руках отдельного госоргана. В Китае такого рода функции возложены на Министерство государственной безопасности КНР [25, с. 22], во Вьетнаме – на Министерство общественной безопасности [26]. В СССР долгое время существовал КГБ СССР, сейчас КГБ как орган госбезопасности действует на территории Республики Беларусь [27]. Такую модель ОГБ можно назвать централизованной. Однако и у этой модели есть свои особенности. Так, единый ОГБ может входить в структуру какого-либо правоохранительного органа, чаще всего внутренних дел, как это было, например, в 1922 г. в СССР, когда ОГБ находились в составе НКВД. Также в 1992 г. в России была предпринята попытка создания Министерства безопасности и внутренних дел путем слияния соответствующих структур. Такую модель организации обеспечения госбезопасности можно назвать смежной.

Таким образом, исходя из особенностей организации обеспечения госбезопасности в различных государствах, можно выделить четыре модели такой организации: централизованную, смежную, децентрализованную и концентрическую. Централизованная модель представляет собой организацию обеспечения государственной безопасности, при которой соответствующие полномочия осуществляет единый орган госвласти (КГБ СССР). При смежной модели также существует единственный ОГБ, однако он находится в структуре сходного по функциям ведомства либо эти две структуры присоединены друг к другу на паритетных началах (НКВД). Децентрализованная модель предполагает наличие нескольких органов, осуществляющих определенные направления деятельности по обеспечению госбезопасности. Концентрическая модель представляет собой систему ОГБ, осуществляющих отдель-

ные направления этой деятельности, координацию деятельности которых и разработку базовых целей осуществляет отдельный орган (например, СНБ США).

Список литературы

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 1. М.: Русский язык, 1978. 785 с.
2. Ожегов С. И. Словарь русского языка: ок. 53 000 слов / под общ. ред. проф. Л. И. Скворцова. 24-е изд., испр. М.: Оникс: Мир и Образование, 2007. 1200 с.
3. Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь: в 86 т. Т. 6. М.: Терра, 2001. 896 с.
4. Военно-юридический энциклопедический словарь / под общ. ред. А. В. Кудашкина, К. В. Фатеева. М.: За права военнослужащих, 2008. 368 с.
5. О безопасности: закон РФ от 5 марта 1992 г. № 2446-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 15, ст. 769.
6. Добренков В. И., Агапов П. В. Война и безопасность России в XXI веке. М.: Академический проект: Альма Матер, 2011. 218 с.
7. Кучерявый М. М. Военная безопасность России: монография. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2010. 186 с.
8. Макаренко И. К., Морозов В. С. Военная безопасность государства: сущность, структура и пути обеспечения на современном этапе. М.: Изд-во РАГС, 2003. 186 с.
9. Гарина О. В. К вопросу о соотношении понятий «безопасность» и «национальная безопасность» Российского государства // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 1. С. 83–88.
10. Демин И. В. Сущность и содержание понятий «безопасность», «общественная безопасность» и «национальная безопасность» // Вестник Екатеринбургского института. 2009. № 1. С. 27–32.
11. Мусаэлян М. Ф., Мусаэлян И. Ф. Понятия «национальная безопасность» и «общественная безопасность» и их соотношение // Национальная безопасность. 2010. № 3. С. 72–77.
12. Романова А. П., Бичарова М. М. Проблема культурной безопасности в научном дискурсе // Человек. Сообщество. Управление. 2015. Т. 16, №2. С. 35–55.
13. Сипок Р. Д. О содержании понятий «безопасность» и «национальная безопасность» // Вестник Российского государственного аграрного заочного университета. 2008. № 5. С. 249–252.
14. Решетников Д. В. К вопросу о конституционно-правовом статусе Государственной границы Российской Федерации // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2015. № 2. С. 37–41.
15. Пылин А. В. Компетенция Федеральной службы безопасности Российской Федерации в сфере обеспечения правовых основ государственной безопасности Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2010. 212 с.
16. Гуценко К. Ф., Ковалев М. А. Правоохранительные органы / под ред. К. Ф. Гуценко. М.: Зерцало, 2013. 440 с.
17. Правоохранительные органы Российской Федерации / под ред. В. П. Божьева. 8-е изд., испр. и доп. М.: Спарк, 2012. 400 с.
18. Рыжаков А. П. Правоохранительные органы. М.: Дело и Сервис, 2015. 592 с.
19. Чувилев А. А., Чувилев Ан. А. Правоохранительные органы. М.: Юриспруденция, 2000. 176 с.
20. Об органах государственной безопасности в СССР: закон СССР от 16 мая 1991 г. № 2159-1 // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1991. № 22, ст. 630.
21. О федеральных органах государственной безопасности: закон РФ от 8 июля 1992 г. № 3246/1-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 32, ст. 1871.
22. Хорошко В. А., Чекатков А. А. Методы и средства защиты информации. Киев: Юниор, 2003. 504 с.
23. Intelligence Services Act 1994 [Electronic resource]. URL: <http://www>.

prcindia.org/theprsblog/wp-content/uploads/2010/07/ukpga_19940013_en.pdf.

24. National Security Act Of 1947 (Chapter 343; 61 Stat. 496; approved July 26, 1947) [Electronic resource]. URL: <http://legcounsel.house.gov/Comps/National%20Security%20Act%20Of%201947.pdf>.

25. Глазунов О. Н. Китайская разведка. М.: Алгоритм, 2008. 256 с.

26. Министерство общественной безопасности Вьетнама [Электронный

ресурс]: офиц. сайт. URL: http://www.mps.gov.vn/web/guest/english_detail/-/vcmsviewcontent/bZCI/2401/2401/11801.

27. Об органах государственной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс]: закон Республики Беларусь от 10 июля 2012 г. № 390-З. URL: <http://www.kgb.by/ru/zakon390-3/>

Поступила в редакцию 07.06.17

UDC 342.518

V. A. Esipov, Post-Graduate Student, Southwest State University (Kursk, Russia)
(e-mail: esipov_0007@mail.ru)

CONCEPT AND BASIC MODELS OF STATE SECURITY AGENCIES

This article is devoted to legal science and practice is the problem of the organization of state security. Today has not yet formed a unified concept of security, state security and public security organs. In these areas there is active scientific debate. The main debate today are around the relationship between the concepts of "security", "national security", "national security", and definitions of definitions around "security" is given quite a lot. There is no unequivocal answer to the question about the activities on ensuring the state security, and therefore not identified a clear range of public bodies engaged in this kind of law enforcement. The author of this work, based on the analysis of a wide range of scientific research and regulatory material, tried to clarify the resolution of these issues by offering its own original concept of the organization of activity to ensure state security. An attempt is made to outline main directions for ensuring the state security, defines the state security organs that perform this type of activity as the main one. Under the state security organs, the author refers to the view of law enforcement agencies to protect the state system against internal and external threats, carrying out on the basis of the law as the main function, intelligence, counterintelligence, detection and investigation of crimes against state security, fighting terrorism and extremism, protecting the state border, the Supreme bodies of state authority and officials providing security for the special types of communication. Also studied peculiarities of organization of activity to ensure state security in foreign countries and in Russia at different historical stages. Based on this main world models of the organs of state security. So, based on the characteristics of the organization ensure security in various States, we can distinguish four models of such an organization – centralized, semi-detached, decentralised and concentric. It was noted that most of them, at a particular point in history was typical for Russia.

Key words: security, state security, state security bodies, law enforcement agencies

For citation: Esipov V. A. Concept and basic models of state security agencies, Proceeding of the Southwest State University. Series: History and Law, 2017, vol. 7, n 3(24), pp. 35–41 (in Russ.).

***

References

1. Dal' V. I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t. T. 1. M.: Russkij yazyk, 1978. 785 s.

2. Ozhegov S. I. Slovar' russkogo yazyka: ok. 53 000 slov / pod obshch. red. prof. L. I. Skvorcova. 24-e izd., ispr. M.: Oniks: Mir i Obrazovanie, 2007. 1200 s.

3. Brokgauz F. A., Efron I. A. Ehn-ciklopedicheskij slovar': v 86 t. T. 6. M.: Terra, 2001. 896 s.

4. Voenno-yuridicheskij ehnciklopedicheskij slovar' / pod obshch. red.

A. V. Kudashkina, K. V. Fateeva. M.: Za prava voennosluzhashchih, 2008. 368 s.

5. O bezopasnosti: zakon RF ot 5 marta 1992 g. N 2446-1 // Vedomosti SND i VS RF. 1992. N 15, st. 769.

6. Dobren'kov V. I., Agapov P. V. Vojna i bezopasnost' Rossii v XXI veke. M.: Akademicheskij proekt: Al'ma Mater, 2011. 218 s.

7. Kucheryavyj M. M. Voennaya bezopasnost' Rossii: monografiya. Ekaterinburg: Izd-vo. Ural. un-ta, 2010. 186 s.

8. Makarenko I. K., Morozov V. S. Voennaya bezopasnost' gosudarstva: sushchnost', struktura i puti obespecheniya na sovremennom ehtape. M.: Izd-vo RAGS, 2003. 186 s.
9. Garina O. V. K voprosu o sootnoshenii ponyatij «bezopasnost'» i «nacional'naya bezopasnost'» Rossijskogo gosudarstva // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2010. N 1. S. 83–88.
10. Demin I. V. Sushchnost' i sodержanie ponyatij «bezopasnost'», «obshchestvennaya bezopasnost'» i nacional'naya bezopasnost' // Vestnik Ekaterininskogo instituta. 2009. N 1. S. 27–32.
11. Musaehlyan M. F., Musaehlyan I. F. Ponyatiya «nacional'naya bezopasnost'» i «obshchestvennaya bezopasnost'» i ih sootnoshenie // Nacional'naya bezopasnost'. 2010. N 3. S. 72–77.
12. Romanova A. P., Bicharova M. M. Problema kul'turnoj bezopasnosti v nauchnom diskurse // Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie. 2015. T. 16.
13. Sipok R. D. O sodержanii ponyatij «bezopasnost'» i «nacional'naya bezopasnost'» // Vestnik Rossijskogo gosudarstvennogo agrarnogo zaochnogo universiteta. 2008. N 5. S. 249–252.
14. Reshetnikov D. V. K voprosu o konstitucionno-pravovom statuse Gosudarstvennoj granicy Rossijskoj Federacii // Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo. 2015. N 2. S. 37–41.
15. Pylin A. V. Kompetenciya Federal'noj sluzhby bezopasnosti Rossijskoj Federacii v sfere obespecheniya pravovyh osnov gosudarstvennoj bezopasnosti Rossijskoj Federacii: dis. ... kand. jurid. nauk. SPb., 2010. 212 s.
16. Gucenko K. F., Kovalev M. A. Pravoohranitel'nye organy / pod red. K. F. Gucenko. M.: Zercalo, 2013. 440 s.
17. Pravoohranitel'nye organy Rossijskoj Federacii / pod red. V. P. Bozh'eva. 8-e izd., ispr. i dop. M.: Spark, 2012. 400 s.
18. Ryzhakov A. P. Pravoohranitel'nye organy. N 2. S. 35–55. M.: Delo i Servis, 2015. 592 s.
19. Chuvilev A. A., Chuvilev An. A. Pravoohranitel'nye organy M.: Yurisprudenciya, 2000. 176 s.
20. Ob organah gosudarstvennoj bezopasnosti v SSSR: zakon SSSR ot 16 maya 1991 g. N 2159-1 // Vedomosti SND SSSR i VS SSSR. 1991. N 22, st. 630.
21. O federal'nyh organah gosudarstvennoj bezopasnosti: zakon RF ot 8 iyulya 1992 g. N 3246/1-1 // Vedomosti SND i VS RF. 1992. N 32, st. 1871.
22. Horoshko V. A., Chekatkov A. A. Metody i sredstva zashchity informacii. Kiev: Yunior, 2003. 504 s.
23. Intelligence Services Act 1994 [Electronic resource]. URL: http://www.prsindia.org/theprsblog/wp-content/uploads/2010/07/ukpga_19940013_en.pdf.
24. National Security Act Of 1947 (Chapter 343; 61 Stat. 496; approved July 26, 1947) [Electronic resource]. URL: <http://legcounsel.house.gov/Comps/National%20Security%20Act%20Of%201947.pdf>.
25. Glazunov O. N. Kitajskaya razvedka. M.: Algoritm, 2008. 256 s.
26. Ministerstvo obshchestvennoj bezopasnosti V'etnama [Elektronnyj resurs]: ofic. sajt. URL: http://www.mps.gov.vn/web/guest/english_detail/-/vcmsviewcontent/bZCI/2401/2401/11801.
27. Ob organah gosudarstvennoj bezopasnosti Respubliki Belarus': zakon Respubliki Belarus' ot 10 iyulya 2012 g. N 390-Z [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.kgb.by/ru/zakon390-3/>.

Гражданское и семейное право

УДК 347.1

В. В. Богдан, д-р юрид. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск, Россия) (e-mail: kurskpravo@yandex.ru)

Е. А. Бутова, канд. юрид. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск, Россия) (e-mail: katyabutova@yandex.ru)

Д. Е. Снигирева, студент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск, Россия) (e-mail: kstucivillaw@yandex.ru)

ПРАВО ОБЩЕСТВЕННОГО ИНТЕРЕСА В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ РОССИИ

В настоящей статье авторы рассматривают одну из важных категорий осуществления и реализации гражданских прав – категорию общественного интереса, которая является одной из основополагающих категорий, но не получившей законодательного определения. В настоящее время в гражданском праве частным интересам уделяется большое внимание, однако в последнее время наметилась тенденция разграничения частных и общественных интересов. Но вопрос о том, можно ли отождествлять публичные и общественные интересы, по-прежнему остается открытым, поскольку осознание общественных интересов как самостоятельной категории является одним из проявлений развития гражданского общества.

Авторы останавливаются на проблемах понимания содержания категории «право общественных интересов», делая акцент на том, что понятие «общественный интерес» существенно отличается от понятия «государственный интерес», поскольку подразумевает под собой такого рода потребности общества, которые зачастую противоположны потребностям государства. В процессе исследования автором использовались аналитический, формально-юридический методы, метод абстрагирования, позволившие сформулировать выводы по проведенному исследованию.

Авторы приходят к выводу, что общественный интерес как объект защиты гражданского законодательства не сводится лишь к интересам общества, а представляет собой субъективно-объективную категорию – сознательное, обусловленное сознанием и волей индивида или социальных общностей побуждение, вытекающее из материальных условий жизни общества.

Ключевые слова: право, общественный интерес, интерес, авторское право, защита прав потребителей, причинение вреда.

Ссылка для цитирования: Богдан В. В., Бутова Е. А., Снигирева Д. Е. Право общественного интереса в гражданском праве России // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2017. Т. 7, №3(24). С. 42–47.

***

Категория «интерес» в праве является довольно распространенной и играет важную роль в сфере реализации прав и интересов личности. В российском законодательстве термин «интерес» можно встретить в различных смысловых значениях: это и законный интерес как необходимость пользования каким-либо социальным благом; конфликт интересов как административно-правовая категория, связанная с использованием служащими своего положения; процессуальный интерес как необходимое условие для обращения в суд за защитой нару-

шенного права и т. д. Однако наиболее часто категория интереса используется в рамках гражданско-правовых отношений, в этой связи весьма актуальным представляется вопрос о соотношении государственных, общественных и частных интересов. Если вопрос о содержании понятий «государственный» и «частный интерес» не вызывает особых разногласий, то относительно того, что именно следует понимать под «общественным интересом», единого понимания у ученых не сложилось. Исходя из этого, в рамках данной работы мы проанализируем

ем содержание категории «общественный интерес» и попытаемся выявить его особенности в рамках отрасли гражданского права.

В первую очередь необходимо определить, что именно следует понимать под интересом. В юридической науке предлагались различные трактовки понятия «интерес». Так, с субъективной точки зрения предлагается понимать интерес как избирательную, целеустремленную направленность человека на приобретение тех или иных знаний, на выполнение какой-либо деятельности, т. е. интерес невозможен без сознания и воли, которые присущи отдельному индивиду. Разумеется, подобная трактовка не позволяет говорить о существовании каких бы то ни было интересов, помимо интересов отдельной личности. Не менее спорной является теория объективного интереса, в которой он определяется условиями жизни людей, которые формируются независимо от субъекта. Обе вышеприведенные позиции подверглись критике со стороны представителей различных общественных наук, что привело к созданию нового понимания категории «интерес» – объективно-субъективному, сочетающему в себе достоинства рассмотренных выше позиций. Согласно данному подходу интерес можно рассматривать как сознательное, обусловленное сознанием и волей индивида или социальных общностей побуждение, вытекающее из материальных условий жизни общества. Такая трактовка представляется нам наиболее удачной, и в дальнейшем мы будем придерживаться именно ее, с учетом особенностей конкретной отрасли права.

Значительное внимание в правоповедении уделяется представлению права как «защищенного интереса». Рудольф Иеринг, в частности, указывал, что интерес представляет собой «жизненные требования в широком смысле», а задача права заключается в охране непреложных

жизненных требований общества путем принуждения» [1, с. 403–404].

Гражданский кодекс Российской Федерации на законодательном уровне устанавливает важное значение интереса как одного из условий приобретения гражданами и юридическими лицами своих гражданских прав. Это говорит о том, что именно в гражданском праве интерес является одной из основополагающих категорий, которая, тем не менее, не получила законодательного определения. А. А. Осипов отмечает, что несмотря на то, что ГК РФ более 200 раз упоминает об интересе, он не содержит его определения ни как объекта охраны или защиты, ни как гражданско-правовой категории [2, с. 2]. По его мнению, «отсутствие в ГК РФ официально установленной дефиниции интереса является пробелом гражданского законодательства и свидетельствует о ненадлежащем образом разработанной доктрине данной правовой категории» [Там же, с. 3]. Тем не менее отрицать важную роль интереса в регулировании частноправовых отношений невозможно.

В гражданском праве частным интересам уделяется большое внимание. Исследованию содержания понятия частного интереса в цивилистике посвящено достаточно много работ. Однако помимо частных интересов в праве можно наблюдать и многие другие его разновидности. Так, в юридической науке принято выделять государственные, национальные, корпоративные, общественные, частные и другие интересы. Предпринимаются попытки классифицировать интересы в зависимости от характера потребностей – имущественные и неимущественные интересы; направленности – экономические, социальные и политические интересы; субъекта – индивидуальные и групповые и многие другие. В научных разработках, посвященных разграничению публичного и частного пра-

ва, отмечается, что одним из критериев, позволяющих отличить частное право от публичного, является интерес, который защищается нормами той или иной отрасли права: интерес отдельной личности или государства и общества в целом [3; 4]. В данном контексте мы можем наблюдать две закономерности: 1) общественный и публичный интерес рассматриваются как единое целое; 2) частные интересы противопоставляются публичным (и следовательно, общественным). С критикой подобных взглядов выступал Н. М. Коркунов, который отмечал, что интересы могут существовать только у отдельных людей, поскольку именно люди являются реальными, действительными элементами человеческого общежития. Соответственно, общественный интерес представляет собой не что иное, как совокупность частных интересов [3, с. 156].

Очевидно, что в современном гражданском праве наметилась тенденция разграничения частных и общественных интересов. Однако вопрос о том, можно ли отождествлять публичные и общественные интересы, по-прежнему остается открытым.

Так, в вышеупомянутой работе А. А. Осипова говорится о необходимости разграничения данных понятий. Автор предлагает определять общественный интерес как побудительную причину для установления правовых норм и возникновения у любого лица (лиц) субъективных гражданских прав на их основе, направленных на обеспечение стабильности, благополучия, устойчивого развития и безопасности всего общества [2, с. 9].

Признание важной роли общественных интересов представителями различных общественных наук привело к идее о существовании «права общественных интересов». При этом правоведы отмечают терминологическую проблему, связанную с происхождением данного термина.

Появившись изначально в английском праве, общественный интерес определялся как «public interest», что в буквальном переводе означает «публичный интерес», а прилагательное «публичный» в российском праве принято понимать как «государственный». Подобная трактовка противоречит сути рассматриваемого явления. Как отмечает М. Якобсон, английский термин включает в себя различные негосударственные виды деятельности, а также субъектов данной деятельности [5].

Осознание общественных интересов как самостоятельной категории является одним из проявлений развития гражданского общества. Е. Богданов отмечает, что охрана общественных интересов в праве как самостоятельного объекта обусловлена тремя причинами. Первая причина – провозглашение Российской Федерации социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека (ст. 7 Конституции). Вторая причина связана с тем, что некоторые объекты гражданских правоотношений имеют особую значимость для общества, например, земля и другие природные ресурсы. И наконец, третья причина – необходимость охраны интересов экономически слабой стороны, например, в случае нарушения прав потребителей [6].

Таким образом, рассуждая о содержании понятия «право общественных интересов», необходимо учитывать, что понятие «общественный интерес» существенно отличается от понятия «государственный интерес», поскольку подразумевает под собой такого рода потребности общества, которые зачастую противоположны потребностям государства. Сюда следует, на наш взгляд, относить интересы, связанные с развитием образования, здравоохранения, доступа к культурным объектам, информации, охраной прав малозащищенных слоев населения,

поддержкой институтов гражданского общества и многие другие. Согласимся с М. Якобсоном в том, что такую расплывчатость, гибкость можно считать сильной стороной этого права, поскольку таким образом «облегчается создание чувства сообщества у широкого спектра организаций и лиц с различными интересами и задачами» [5].

В качестве объекта правовой защиты общественный интерес может выступать в случаях, связанных с положением социальных групп в обществе, защитой окружающей среды; охраной культурных или иных ценностей; потребностью в объектах, имеющих значение для социума, а также различными иными вопросами, при условии, что объектами защиты являются не интересы конкретных лиц, входящих в ту или иную социальную группу, а потребности группы в целом.

В рамках гражданского права анализ роли общественных интересов представляется одной из наиболее важных, актуальных, но, к сожалению, малоразработанных тем. В то же время нельзя не согласиться с О. Г. Ершовым в том, что «современные научные исследования в области гражданского права должны быть связаны не только с правильным толкованием норм, но и с оценкой правоотношений, которые возникают между хозяйствующими субъектами» [7]. Проблема соотношения частных и общественных интересов чрезвычайно актуальна для многих сфер, подпадающих под регулирование гражданским законодательством [8, с. 38–40].

Приведем в качестве примера конкретные положения ГК РФ, связанные с охраной общественных интересов. Так, в соответствии со ст. 152.1 использование изображения гражданина допускается, в том числе если это требуется для обеспечения государственных, общественных или иных публичных интересов. Аналогичным образом ст. 152.2 допускает сбор,

хранение, распространение и использование информации о частной жизни гражданина [9].

Интересы общества используются в ГК РФ как одно из оснований изъятия имущества у собственника в порядке реквизиции. Кроме того, в ст. 451 ГК РФ допускается изменение договора в связи с существенным изменением обстоятельств по решению суда в исключительных случаях, когда расторжение договора противоречит общественным интересам.

В части второй ГК РФ общественный интерес упоминается в главе 59 «Обязательства вследствие причинения вреда». Статья 1065 говорит о возможности судебного запрета деятельности, создающей опасность причинения вреда в будущем. Однако в ч. 2 данной статьи указывается, что суд может отказать в иске о приостановлении либо прекращении соответствующей деятельности лишь в случае, если ее приостановление либо прекращение противоречит общественным интересам.

Таким образом, закон не конкретизирует направленность данных интересов, лишь упоминая возможность их существования как основания для ограничения прав частных лиц.

В предпринимательском праве России как подотрасли гражданского права концепция права общественных интересов также постоянно развивается: например, все чаще в судебной практике встречаются иски объединений потребителей в защиту неопределенного круга лиц. При этом защиту законных интересов неопределенного круга потребителей, по нашему мнению, следует понимать как особый институт, имеющий целью защиту общественных интересов, потребителей как субъектов права.

Однако наиболее часто термин «общественные интересы» используется в части четвертой ГК РФ. В авторском праве, как отмечает Р. И. Ситдикова, уже в

цели правового регулирования находит отражение содержание общественного интереса [10, с. 20]. Охрана авторских прав, гарантированная Конституцией РФ и международными договорами, не должна противоречить возможности членов общества пользоваться достижениями науки, культуры и искусства. Ряд статей части 4 ГК РФ прямо говорит о необходимости учета общественных интересов. Например, п. 4 ст. 1349 ГК РФ закрепляет норму, согласно которой не могут быть объектами патентных прав технические решения, которые противоречат общественным интересам, морали и принципам гуманности. Такое же правило закрепляется относительно наименования селекционного достижения, обозначения, регистрируемого в качестве товарных знаков (п. 2 ст. 1419, п. 3 ст. 1483 ГК РФ) [9]. Примером указанного противоречия может быть введение в состав обозначения наименования объектов культурного наследия, различных религиозных символов и т. п.

Таким образом, совершенствование гражданского законодательства, в том числе в сфере защиты прав потребителей, охраны интеллектуальной собственности, обязательств о причинении вреда и т. д., в которых так или иначе проявляется общественный интерес, должно осуществляться с учетом потребностей общества. При этом следует учитывать, что общественный интерес как объект защиты гражданского законодательства не сводится лишь к интересам общества, а представляет собой субъективно-объективную категорию – сознательное, обусловленное сознанием и волей индивида или социальных общностей побуждение, вытекающее из материальных условий жизни общества. Сюда, на наш взгляд, могут быть отнесены интересы, связанные с развитием образования, здравоохранения, доступа к культурным объектам, информации, охраной прав малоза-

щищенных слоев населения, поддержкой институтов гражданского общества.

НИР в рамках Гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – докторов наук.

Список литературы

1. Иеринг Р. Избранные труды. Самара: Самар. гос. экон. акад., 2003. 520 с.
2. Осипов А. А. Интерес и субъективное гражданское право: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. М., 2011. 26 с.
3. Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. 7-е изд. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1907. 354 с.
4. Черепяхин Б. Б. К вопросу о частном и публичном праве. М.: ДЕ-ЮРЕ, 1994. 40 с.
5. Якобсон М. Право общественных интересов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.yurclub.ru/docs/other/article36.html>.
6. Богданов Е. Соотношение частного и публичного в российском законодательстве // Российская юстиция. 2000. № 4. С. 23–24.
7. Ершов О. Г. Влияние общественного интереса на развитие гражданского правоотношения по предупреждению причинения вреда при строительстве // Правовые вопросы строительства. 2011. № 1. С. 22–27.
8. Сусликов В. Н. Проблемы правового регулирования в сфере недвижимости // Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2006. № 5. С. 38–40.
9. Гражданский кодекс Российской Федерации. Части первая, вторая, третья и четвертая. М.: Проспект, 2017. 624 с.
10. Ситдикова Р. И. Частный, публичный и общественный интерес в авторском праве // Гражданское право. 2012. № 2. С. 18–20.

Поступила в редакцию 02.05.17

UDC 347.1

V. V. Bogdan, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia) (e-mail: kurskpravo@yandex.ru)

E. A. Butova, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia) (e-mail: katyabutova@yandex.ru)

D. E. Snigireva, Student, Southwest State University (Kursk, Russia) (e-mail: kstucivillaw@yandex.ru)

THE RIGHT OF SOCIAL INTEREST IN THE CIVIL LAW OF RUSSIA

In this article, the authors consider one of the important categories of exercising and enjoying civil rights. It is a category of social interest, which is one of the basic categories, but not legally defined. Now in civil law much attention is paid to private interests, but recently there has been a tendency to differentiate private and social interests. But the question of whether public and social interests can be identified remains open, because the recognition of public interests as an independent category is one of the manifestations of the development of civil society.

The authors dwell on the problems of understanding the content of the category "the right of social interests", emphasizing that the notion of "social interest" differs significantly from the notion of "state interest", because it implies such needs of society that are often opposed to the needs of the state.

In the process of research, the author used analytical, formal-legal methods, the method of abstraction, which allowed to formulate conclusions on the conducted research.

The authors come to the conclusion that social interest, as the object of protection of civil legislation is not reduced only to the interests of society, but is a subjective-objective category - a conscious, conditioned by the consciousness and will of the individual or social communities, the impulse resulting from the material conditions of society.

Key words: law, public interest, interest, copyright, consumer protection, injury.

For citation: Bogdan V. V., Butova E. A., Snigireva D. E. The right of social interest in the civil law of Russia. , Proceeding of the Southwest State University. Series: History and Law, 2017, vol. 7, n 3(24), pp. 42–47 (in Russ.).

***

References

1. Iering R. Izbrannye trudy. Samara: Samar. gos. ehkon. Akad., 2003. 520 s.

2. Osipov A. A. Interes i sub"ektivnoe grazhdanskoe pravo: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.03. M., 2011. 26 s.

3. Korkunov N. M. Lekcii po obshchej teorii prava. 7-e izd. SPb.: Tip. M. Merkusheva, 1907. 354 s.

4. Cherepahin B. B. K voprosu o chastnom i publichnom prave. M.: DE-YURE, 1994. 40 s.

5. Yakobson M. Pravo obshchestvennyh interesov [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.yurclub.ru/docs/other/article36.html>.

6. Bogdanov E. Sootnoshenie chastnogo i publichnogo v rossijskom zakonodatel'stve // Rossijskaya yusticiya. 2000. N 4. S. 23–24.

7. Ershov O. G. Vliyanie obshchestvennogo interesa na razvitie grazhdanskogo pravootnosheniya po preduprezhdeniyu prichineniya vreda pri stroitel'stve // Pravovye voprosy stroitel'stva. 2011. N 1. S. 22–27.

8. Suslikov V. N. Problemy pravovogo regulirovaniya v sfere nedvizhimosti // Predstavitel'naya vlast' – XXI vek: zakonodatel'stvo, kommentarii, problemy. 2006. N 5. S. 38–40.

9. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii. Chasti pervaya, vtoraya, tret'ya i chetvertaya. M.: Prospekt, 2017. 624 s.

10. Sitdikova R. I. Chastnyj, publichnyj i obshchestvennyj interes v avtorskom prave // Grazhdanskoe pravo. 2012. N 2. S. 18–20.

УДК 347.6

Е. В. Каймакова, канд. юрид. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск, Россия) (e-mail: KEV.1976@mail.ru)

САМОЗАЩИТА ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ГРАЖДАН В СЕМЕЙНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

В настоящей статье на основе действующего семейного законодательства автор рассматривает актуальные вопросы самозащиты семейных прав несовершеннолетних детей в Российской Федерации. Ключевой проблемой в данной сфере является правовой статус ребенка в семейных правоотношениях, который выступает субъектом данных отношений и вправе самостоятельно защищать свои права всеми способами, предусмотренными как Семейным кодексом Российской Федерации, так и иными способами, указанными в других законах. Особое место среди способов защиты прав несовершеннолетних граждан занимает самозащита.

В ходе работы автором были проанализированы нормы Семейного кодекса РФ и Гражданского кодекса РФ, а также исследованы научные труды по рассматриваемой проблематике ведущих российских ученых в области семейного права и цивилистики.

В процессе проведенного исследования автор делает вывод о том, что самозащита семейных прав несовершеннолетних граждан в Российской Федерации как способ защиты их прав регламентируется соответствующими отсылочными нормами гражданского законодательства. Самозащита выступает неюрисдикционным способом защиты прав несовершеннолетних детей, который применяется либо ими самостоятельно, либо их законными представителями (родителями, усыновителями, опекунами, попечителями, приемными родителями либо администрацией организации, в которой воспитываются дети, оставшиеся без родительского попечения) в целях защиты нарушенных прав несовершеннолетних либо в целях предупреждения этого нарушения.

Ключевые слова: самозащита, защита, несовершеннолетний ребенок, способ защиты, нарушение прав, предупреждение нарушения прав.

Ссылка для цитирования: Каймакова Е. В. Самозащита прав несовершеннолетних граждан в семейном законодательстве: актуальные вопросы теории и практики // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия История и право. 2017. Т. 7, №3(24). С. 48–53.

***

Защита прав несовершеннолетних лиц в Российской Федерации традиционно осуществляется в двух формах – юрисдикционной и неюрисдикционной.

Неюрисдикционная форма защиты в целом – это действия граждан и негосударственных организаций по защите прав и охраняемых законом интересов, которые совершаются ими самостоятельно, без обращения за помощью к компетентным органам. Такие действия также называются самозащитой прав.

В научной литературе отмечается, что использование неюрисдикционной формы защиты права подразумевает, что субъект, чьи гражданские права нарушаются или оспариваются, может:

- применять к нарушителю меры оперативного воздействия – традиционные для договорных обязательств способы защиты, которые не предполагают обращение субъекта защиты к компетентным органам;
- использовать самозащиту, т. е. осуществлять действия не правового, а фактического характера;
- совершать действия, направленные на урегулирование возникшего спора, прежде всего, это: переговоры сторон, претензионный порядок урегулирования спора, а также иные действия, не предполагающие обращение к государственным органам и нацеленные на прекращение спора между сторонами (использование различного рода примирительных проце-

дур, обращение к помощи посредников, не обладающих правом выносить обязательные для сторон решения, в том числе медиаторов) [1].

Под неюрисдикционной формой защиты несовершеннолетних граждан следует понимать их фактические действия, фактические действия их законных представителей, а также образовательных, медицинских организаций, организаций социального обслуживания и аналогичных организаций, в которых дети находятся или воспитываются до устройства в семью, по защите прав и охраняемых законом интересов несовершеннолетних лиц, совершаемые ими самостоятельно, без обращения за помощью к компетентным органам и должностным лицам.

Анализ норм семейного законодательства позволяет выявить способы защиты прав несовершеннолетних, в том числе и самозащиту. Как известно, перечень этих способов не содержится в единой норме Семейного кодекса РФ, их необходимо вычленять из отдельно взятых конкретных положений основного источника семейного права.

Одним из способов неюрисдикционной формы защиты прав несовершеннолетних выступает самозащита. В правовой литературе не существует единого выработанного понятия самозащиты.

Одни ученые под самозащитой понимают «совершение лицом незапрещенных действий фактического порядка, направленных на охрану прав или интересов» [2, с. 413]. Другие – рассматривают самозащиту как дозволенное физическое воздействие на правонарушителя [3, с. 75–76]. Третьи – самозащитой называют «применение мер защиты управомоченными субъектами материально-правовых отношений самостоятельно без обращения в юрисдикционный орган» [4, с. 55].

Вполне очевидно, что ученые придают основное значение возможности управомоченному лицу самостоятельно совершать все возможные действия (не выходя за пределы дозволенного) для защиты своих интересов, не прибегая к помощи судебных или иных юрисдикционных органов.

В семейном праве к самозащите прав несовершеннолетних можно отнести отказ в предоставлении информации о ребенке родителю, отдельно от него проживающему; препятствие родителя, с которым проживает ребенок, общению ребенка с другим родителем в случае, если такое общение причиняет вред физическому и психическому здоровью ребенка, его нравственному развитию; выражение несогласия законного представителя ребенка на контакты этого ребенка с родителем, чьи родительские права ограничены в судебном порядке, в случае, если это общение оказывает на ребенка вредное влияние и т. п.

Во всех этих случаях необходимость в применении самозащиты, очевидно, возникает в целях предупреждения возможного правонарушения и причинения вреда несовершеннолетнему ребенку.

В научной литературе, как правило, самозащита понимается как способ защиты нарушенного права, не связанный с государственным принуждением.

Самозащита как способ действия заинтересованного лица заимствована из гражданского законодательства. Так, ст. 12 ГК РФ, определяя способы защиты гражданских прав, закрепляет положение о том, что самозащита права является одним из этих способов [5].

Указанные в ст. 12 ГК РФ способы защиты применяются при защите не только гражданских прав несовершеннолетних лиц, но для защиты их наследственных, авторских, семейных, жилищных и прочих законных прав. Эти права

могут носить как личный неимущественный, так и имущественный характер. Так, например, основные имущественные права несовершеннолетнего регламентируются нормами гражданского и семейного законодательства.

Статья 14 ГК РФ гласит: «Допускается самозащита гражданских прав. Способы самозащиты должны быть соразмерны нарушению и не выходить за пределы действий, необходимых для его пресечения» [5].

Таким образом, из содержания данной нормы следует, что самозащита возможна при следующих условиях:

– лицо, само защищающее свое право, должно являться бесспорным его обладателем;

– данный способ защиты должен быть соразмерен нарушению;

– самозащита не может выходить за пределы действий, необходимых для ее применения.

В. Р. Халиков относительно самозащиты прав отмечает следующее:

– самозащита возможна, как правило, только после нарушения права и лишь иногда во время нарушения права;

– в момент осуществления самозащиты гражданин не может обратиться к компетентным органам за защитой, однако если обращение к ним возможно, то следует исходить из того, что в сложившейся ситуации применение самозащиты является более оперативным и действенным;

– самозащита осуществляется силами самого потерпевшего [6, с. 11–12].

Применительно к самозащите семейных прав несовершеннолетних граждан спорным, по нашему мнению, является его утверждение о том, что самозащита возможна, как правило, только после нарушения права и лишь иногда во время нарушения права, а также то, что в момент самозащиты лицо не может обра-

титься к компетентным органам. Что касается этого утверждения, то лицо вправе самостоятельно избрать любой способ защиты – как только самозащиту, так и сочетание нескольких способов, в том числе и способы, входящие в юрисдикционную форму защиты права, что указывается в научной литературе [7, с. 69].

Как нам представляется, самозащита семейных прав несовершеннолетних допустима не только после и во время нарушения, а также с целью предотвратить возможное нарушение прав несовершеннолетних, т. е. как профилактическая мера.

Например, самозащитой прав несовершеннолетних в семейных правоотношениях выступают препятствия родителя, с которым проживает ребенок, общению ребенка с другим родителем в случае, если такое общение причиняет вред физическому и психическому здоровью ребенка, его нравственному развитию (п. 1 ст. 66 СК РФ).

В силу п. 4 ст. 66 СК РФ родитель, проживающий отдельно от ребенка, имеет право на получение информации о своем ребенке из образовательных организаций, медицинских организаций, организаций социального обслуживания и аналогичных организаций [8]. В предоставлении информации может быть отказано только в случае наличия угрозы для жизни и здоровья ребенка со стороны родителя.

Отказ в предоставлении информации при указанных обстоятельствах также выступает средством самозащиты прав несовершеннолетнего лица.

В соответствии со ст. 75 СК РФ родителю, родительские права которого ограничены судом, могут быть разрешены контакты с ребенком, если это не оказывает на ребенка вредного влияния [8].

Таким образом, в случае если контакт родителя, права которого ограниче-

ны в судебном порядке, оказывает на ребенка вредное влияние, то другой родитель, не лишенный родительских прав или не ограниченный в родительских правах (либо опекун (попечитель), приемный родитель ребенка или администрация организации, в которой находится ребенок), вправе не давать своего согласия на такое общение, применяя самозащиту семейных прав с целью защиты прав несовершеннолетних детей.

Мерами самозащиты являются лишь те, которые направлены на пресечение, а не на восстановление прав. На пресечение правонарушений направлены действия в состоянии необходимой обороны и крайней необходимости (ст. 1066, 1067 ГК РФ).

С пресечением связаны действия в одностороннем порядке по отказу от принятия неподлежащего исполнению или прекращения обязательств.

Соглашаясь с мнением профессора Ю. В. Ячменева [9, с. 69], следует заметить, что самозащита не сводится только к защите уже нарушенного права. Посредством отдельных самостоятельных действий можно побудить нарушителя прав к добровольному удовлетворению обязательства либо восстановить нарушенные права.

Самозащита права в широком смысле – это любые действия лица, обладающего субъективным правом, связанные с защитой данного права от нарушения.

Самозащита, по мнению С. В. Фадеевой, представляет собой возможность управомоченного лица «использовать дозволенные законом средства принудительного воздействия на правонарушителя, защищать принадлежащие ему права собственными действиями фактического порядка» [10, с. 148].

Из данного определения следует, что в рамках неюрисдикционной формы можно выделить следующие ее элемен-

ты: порядок защиты – самостоятельный (или фактический); средство защиты – собственные действия или бездействие, необходимые для пресечения нарушения, меры защиты – конкретные меры (мероприятия) воздействия на правонарушителя, соразмерные правонарушению.

Указанные действия могут осуществляться и участниками семейных отношений как для защиты собственных семейных прав и охраняемых законом интересов, так и для защиты прав и охраняемых законом интересов своих несовершеннолетних детей либо подопечных.

Таким образом, по итогам проведенной исследовательской работы можно сделать вывод о том, что традиционно различают две формы защиты прав несовершеннолетних граждан: неюрисдикционную (когда субъект защиты (несовершеннолетний либо его законный представитель) самостоятельно защищает свои права, не прибегая к помощи административных или судебных органов) и юрисдикционную (когда субъект защиты за защитой своих прав обращается к соответствующим органам, уполномоченным выносить обязательное для спорящих сторон решение).

Под неюрисдикционной формой защиты несовершеннолетних граждан следует понимать их фактические действия, фактические действия их законных представителей, а также образовательных, медицинских организаций, организаций социального обслуживания и аналогичных организаций, в которых дети находятся или воспитываются до устройства в семью, по защите прав и охраняемых законом интересов несовершеннолетних лиц, совершаемые ими самостоятельно, без обращения за помощью к компетентным органам и должностным лицам.

Неюрисдикционная форма защиты прав несовершеннолетних представляет собой самостоятельную защиту указан-

ными лицами своих прав либо защиту этих прав и интересов их законными представителями в рамках и пределах, установленных законом, в том числе использование ими самозащиты.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Постатейный комментарий к главам 1–5 / А. В. Барков, А. В. Габов, В. Г. Голубцов [и др.]; под ред. Л. В. Санниковой. М.: Статут, 2015. 662 с.

2. Гражданское право: в 4 т. Т. 1: Общая часть / под ред. Е. А. Суханова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2008. 720 с.

3. Кузбагаров А. Н. Примирение сторон по конфликтам частноправового характера. СПб.: ООО «СТАТУС», 2010. 320 с.

4. Вершинин А. П. Выбор способа защиты гражданских прав. СПб.: Соц. юрид. фак. по переподгот. кадров по юрид. наукам С.-Петербур. гос. ун-та, 2000. 384 с.

5. Гражданский кодекс Российской Федерации: офиц. текст. М.: АСТ, 2017. 672 с.

6. Халиков В. Р. Самозащита в российском трудовом праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.05. Томск, 2006. 25 с.

7. Каймакова Е. В. К вопросу о применении самозащиты в рамках семейных правоотношений в Российской Федерации // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2012. № 2, ч. 1. С. 66–70.

8. Семейный кодекс Российской Федерации: офиц. текст. М.: Проспект, 2017. 64 с.

9. Ячменев Ю.В. Гражданско-правовая защита имущественных прав граждан и организаций. СПб.: ИВЭСЭП, Знание, 2009. 116 с.

10. Фадеева С. В. К вопросу о понятии защиты субъективного права и его содержания // Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики: сб. науч. тр.: в 2 ч. / отв. ред. И. М. Машаров. Киров: Филиал НОУ ВПО "СПБивЭСЭП", 2006. Ч. 1. С. 146–149.

Поступила в редакцию 16.06.017

UDC 347.6

E. V. Kaymakova, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia) (e-mail: KEV.1976@mail.ru)

SELF-PROTECTION OF THE RIGHTS OF MINOR CITIZENS IN FAMILY LEGISLATION: TOPICAL QUESTIONS OF THEORY AND PRACTICE

In this article, on the basis of the current family legislation, the author considers the actual issues of self-protection of family rights of underage children in the Russian Federation. The key problem in this area is the legal status of the child in family legal relationships, which acts as the subject of these relations and has the right to independently defend their rights by all means provided for by both the Family Code of the Russian Federation (hereinafter referred to as the FC of the RF) and other ways specified in other laws. A special place among the ways to protect the rights of underage citizens is self-protection.

In the course of the work, the author analyzed the norms of the Family Code of the Russian Federation and the Civil Code of the Russian Federation, and also researched scientific works on the problem of leading Russian scientists in the field of family law and civil law.

In the process of the study, the author concludes that self-protection of the family rights of underage citizens in the Russian Federation as a way of protecting their rights is regulated by the relevant reference rules of civil legislation. Self-defense is a non-competitive method of protecting the rights of minor children, which is used either by them

alone or by their legal representatives (parents, adoptive parents, guardians, trustees, adoptive parents or the administration of the organization in which children are left without parental care) in order to protect the violated rights of minors Or in order to prevent this violation.

Key words: *self-defense, protection, minor child, method of protection, violation of rights, prevention of violation of rights.*

For citation: Kaymakova E. V. Self-protection of the rights of minor citizens in family legislation: topical questions of theory and practice, Proceeding of the Southwest State University. Series: History and Law, 2017, vol. 7, n 3(24), pp. 48–53 (in Russ.).

***

References

1. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii. Postatejnyj kommentarij k glavam 1–5 / A. V. Barkov, A. V. Gabov, V. G. Golubcov [i dr.]; pod red. L. V. Sannikovoj. M.: Statut, 2015. 662 s.

2. Grazhdanskoe pravo: v 4 t. T. 1: Obshchaya chast' / pod red. E. A. Suhanova. 3-e izd., pererab. i dop. M.: Volters Kluver, 2008. 720 s.

3. Kuzbagarov A. N. Primirenje storon po konfliktam chastnopravovogo haraktera. SPb.: OOO «STATUS», 2010. 320 c.

4. Vershinin A. P. Vybor sposoba zashchity grazhdanskih prav. SPb.: Soc. jurid. fak. po perepodgot. kadrov po jurid. naukam S.-Peterb. gos. un-ta, 2000. 384 s.

5. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii: ofic. tekst. M.: AST, 2017. 672 s.

6. Halikov V. R. Samozashchita v rossijskom trudovom prave: avtoref. dis. ...

kand. jurid. nauk: 12.00.05. Tomsk, 2006. 25 s.

7. Kajmakova E. V. K voprosu o primenenii samozashchity v ramkah semejnyh pravootnoshenij v Rossijskoj Federacii // Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo. 2012. N 2, ch. 1. S. 66–70.

8. Semejnyj kodeks Rossijskoj Federacii: ofic. tekst. M.: Prospekt, 2017. 64 s.

9. Yachmenev Yu. V. Grazhdansko-pravovaya zashchita imushchestvennyh prav grazhdan i organizacij. SPb.: IVEHSEHP, Znanie, 2009. 116 s.

10. Fadeeva S. V. K voprosu o ponyatii zashchity sub"ektivnogo prava i ego soderzhaniya // Aktual'nye problemy juridicheskoy nauki i pravoprimenitel'noj praktiki: sb. nauch. tr.: v 2 ch. / otv. red. I. M. Masharov. Kirov: Filial NOU VPO "SPbIVEHSEHP", 2006. Ch. 1. S. 146–149.

УДК 347.63

И. А. Гордеев, канд. ист. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск, Россия) (e-mail: gordeev_ia@mail.ru)

М. И. Гордеева, магистрант, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск, Россия) (e-mail: justmaria2014@mail.ru)

К ВОПРОСУ О ЗАЩИТЕ ПРАВ И ИНТЕРЕСОВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ АЛИМЕНТНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

Данная статья посвящена проблеме защиты прав и интересов несовершеннолетних в сфере обеспечения алиментных обязательств. В настоящее время зафиксировано большое количество нарушений имущественных прав несовершеннолетних, как со стороны их отцов, так и со стороны матерей. Умышленное уклонение от уплаты алиментов на содержание своих детей является основанием для лишения родительских прав, а также для привлечения к уголовной ответственности в соответствии с Уголовным кодексом Российской Федерации.

Одной из основных проблем в области взыскания алиментов на несовершеннолетних детей стало сокрытие доходов и невозможность определения места жительства плательщика. Кроме того, в практической деятельности встречаются жалобы относительно того, что судебными приставами-исполнителями не проводится розыск имущества или розыск должника.

Ввиду наличия факта неисполнения судебных решений был введен в разработку проект Долгосрочной программы повышения эффективности исполнения судебных решений (2011–2020 годы). В нем рассматривается множество требований о взыскании алиментов в пользу несовершеннолетних, которые не были исполнены, а также неполноценное использование принципа равенства всех перед законом и судом.

В настоящее время активно обсуждается инициатива о создании государственного алиментного фонда, из которого в фиксированном размере будут выплачиваться денежные средства на содержание детей, в чью пользу не перечисляются алименты. Федеральной службой судебных приставов были разработаны рекомендации по привлечению к уголовной ответственности родителей за неуплату алиментов.

В целом, авторы отмечают, что в деятельности Федеральной службы судебных приставов совместно с другими государственными органами появляются новые методы работы и формы взаимодействия в целях защиты прав и интересов несовершеннолетних в гражданском судопроизводстве.

В статье авторами проанализированы правовые механизмы, которые способствуют решению проблем исполнения судебных решений российскими и иностранными органами юстиции.

Ключевые слова: несовершеннолетние, дети, защита прав, законодательство, алименты.

Ссылка для цитирования: Гордеев И. А., Гордеева М. И. К вопросу о защите прав и интересов несовершеннолетних по обеспечению алиментных обязательств // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2017. Т. 7, №3(24). С. 54–61.

***

Современная Россия выходит на новый уровень взаимодействия государства, общества и личности. Провозгласив в Конституции РФ приоритет прав личности, Российское государство формирует органы, призванные обеспечивать права граждан. Вместе с тем в обществе нарастает диспропорция правового обеспечения и правовой защиты отдельных категорий граждан. Среди них пристального внимания заслуживают несовершеннолетние. В силу своего возраста они еще не способны в полной мере защитить свои права, а государственные и общественные институты пока не создали действенную систему, способную миними-

зировать негативное воздействие на права и законные интересы детей.

Хотелось бы остановиться на вопросах, связанных с регламентацией алиментных обязательств родителей в отношении несовершеннолетних детей. Обеспечение родителями достойного существования и развития ребенка является неотъемлемым конституционным правом последнего. Умышленное уклонение от уплаты алиментов на содержание своих детей является основанием для лишения родительских прав, а также для привлечения к уголовной ответственности в соответствии с Уголовным кодексом Российской Федерации.

Вопросы защиты прав несовершеннолетних по делам о взыскании алиментов в современных условиях приобретают всё большее значение. В России ежегодно возбуждается несколько миллионов дел о взыскании алиментов. Необходимо отметить, что появляются новые формы и способы совершения правонарушений, а также происходит изменение субъектного состава лиц, посягающих на имущественные права детей. Если раньше действия по уклонению от уплаты алиментов являлись своеобразной прерогативой отцов, то на сегодняшний день следует отметить увеличение случаев обращения матерей-плательщиков алиментов, с попыткой получения консультаций относительно уменьшения размера алиментных выплат на содержание своих детей либо их полного прекращения. Имеются и случаи уклонения матерей от уплаты алиментов, вплоть до злостного.

К уклонению матерей от содержания своих детей можно условно отнести и случаи, когда дети после расторжения брака были оставлены с матерью, но по причине ведения последней маргинального образа жизни взяты отцом для постоянного проживания, без юридического оформления такого отобрания. В подобных случаях матери продолжают взыскивать с отцов алименты на содержание детей, расходуя их на свои потребности, тогда как содержание на ребенка должно взыскиваться в данной ситуации с матери. В данном случае наблюдается не защита в полной мере имущественных прав несовершеннолетнего, а лишь отграничение ребенка от дурного влияния.

Причиной пренебрежения использования правового способа решения проблемы является мнение о том, что при любых обстоятельствах ребенок останется с матерью. Вместе с тем подобное мнение основано на судебной практике, обусловленной недостаточной активностью сторон в предоставлении доказательств в обоснование своих доводов (ст. 56 ГПК РФ).

Все эти аспекты служат основанием для более глубокого изучения данной проблемы.

Исполнение требований о взыскании алиментов осложняется целым рядом проблем, которые влекут нарушение права несовершеннолетних на получение содержания от своих родителей, а также права на своевременное и правильное исполнение исполнительных документов. К таким проблемам относятся:

- аморальный образ жизни должников, связанный с употреблением алкоголя, наркотиков;
- нежелание работать в целом, а тем более за низкую заработную плату;
- отсутствие у должников имущества, на которое можно обратить взыскание; длительные сроки розыска должника.

Необходимость решения этих проблем обуславливает острую потребность в изучении методов, приемов и способов, способствующих защите прав несовершеннолетних в гражданском судопроизводстве по взысканию алиментов.

Основное место среди исполнительных документов о взыскании алиментов на несовершеннолетних детей занимают судебные акты и исполнительные листы, выданные на основании судебных решений. Судебные решения, в отличие от судебных приказов, охватывают собой более широкий круг правовых ситуаций, предполагающих взыскание алиментов не только в долях от заработка (как это предусмотрено для судебных приказов), но и в твердой денежной сумме. Как указано в п. 11 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 октября 1996 г. № 9, алименты в твердой денежной сумме не могут быть взысканы по судебному приказу, т. к. решение этого вопроса связано с проверкой обстоятельств – оснований такого взыскания.

Одной из основных проблем в области взыскания алиментов на несовершеннолетних детей стало сокрытие доходов и невозможность определения места жительства плательщика. Мы согласны с

мнением Е. В. Кашиной, которая считает, что в таком случае удовлетворить требования получателя алиментов можно лишь за счет обращения взыскания на имущество должника [1, с. 70].

Не всегда судебные приставы-исполнители, установив наличие у должника денежных средств в банке (кредитном учреждении), принимают меры в порядке ст. 81 Федерального закона «Об исполнительном производстве» к аресту и обращению на них взыскания. Такие нарушения часто выявляются при проведении мероприятий прокурорского надзора за исполнением законодательства судебными приставами-исполнителями.

В практической деятельности встречаются жалобы относительно того, что судебными приставами-исполнителями не проводится розыск имущества или розыск должника. В частности, по статистическим данным о деятельности Управления Федеральной службы судебных приставов России по Курской области по розыску должника-организации и имущества должника (гражданина и организации) за 2016 г., в производстве находилось 420 розыскных дел с учетом остатка 2015 г. Количество окончанных розыскных дел с розыском должников и их имущества от общего количества окончанных дел в 2016 г. составило 97% (прогнозируемое значение – 75%), за 2015 г. – 91%. За 2016 г. заведено 367 розыскных дел (за 2015 г. – 443 дела), прекращено 367 розыскных дел (в 2015 г. – 393 дела), прекращено в связи с розыском 354 дела (в 2015 г. – 355 дел). Разыскано имущества по актам описи и ареста на сумму 13777 тыс. руб. (в 2015 г. – 12043 тыс. руб.). За 2016 г. заведены по розыску имущества должника-гражданина 163 розыскных дела.

В связи с трудоемкостью исполнения судебных решений в 2011 году Министерством юстиции в целях устранения данной ситуации был разработан проект Долгосрочной программы повышения эффективности исполнения судебных решений (2011–2020 годы). В нем было

отмечено не только большое количество неисполненных требований о взыскании алиментов в пользу несовершеннолетних, но и ограниченная реализация принципа равенства всех перед законом и судом. Это наблюдается в большой разнице суммы, определенной на содержание детей в счет алиментов, поскольку она непосредственно связана с величиной заработной платы должника, а не зависит от потребностей ребенка, доходов должника, которые не были учтены, и не имеет верхнего предела. Поэтому приставу-исполнителю необходимо зафиксировать реальный доход, в том числе от предпринимательства, аренды имущества и др.

Простым способом установить доходы не всегда удается, а это, в свою очередь, приводит к тому, что судебные решения о взыскании алиментов не исполняются.

В докладе Уполномоченного по правам человека в Московской области было акцентировано внимание на том, что судебные приставы-исполнители безответственно исполняют свои обязанности, не осуществляют розыск должника и его имущества, ограничиваясь получением справок о «белой» заработной плате должника и составляя акты о невозможности взыскания алиментов. Например, Д., отец двоих детей несовершеннолетнего возраста, работал на основании договора гражданско-правового характера на транспортном предприятии в г. Орехово-Зуево. Так, в соответствии с официальной справкой его заработная плата составляла 500 руб. в месяц. Наверняка Д. скрыл свой реальный доход. Впоследствии таксиста осудили за неуплату алиментов, но и эта мера не смогла восстановить права ребенка [2].

Все перечисленные выше мероприятия осуществляются для того, чтобы установить реальный доход должника, но и по настоящее время такие ситуации не исключение.

В научной литературе имеется предложение о возможности определения судом размера алиментов в твердой денеж-

ной сумме, исходя из размера прожиточного минимума ребенка в конкретном регионе, его личных потребностей, состояния здоровья, его материального обеспечения в семье. Данная позиция не имеет разительного отличия от нынешнего алгоритма взыскания алиментов в фиксированной сумме. Судом при решении вопроса о размере алиментов при этом на сегодняшний день учитывается прежний уровень его обеспечения с учетом материального положения сторон при всех источниках дохода. В предусмотренных случаях размер алиментов может быть установлен, исходя из определенного числа минимальных размеров оплаты труда.

Некоторые ученые обращают свое внимание на нерациональность этого положения в настоящее время. Разница между действующей нормой закона и предлагаемой Программой заключается в том, что в Программе рассматривается взыскание алиментов только в твердой денежной сумме [3, с. 127].

Мы разделяем научное мнение о том, что нет смысла в замене существующей в настоящее время альтернативы взыскания алиментов в долях от заработка и в фиксированной сумме, поскольку определенный порядок взыскания алиментов зависит от установленных законом условий (ч. 3 ст. 83 Семейного кодекса РФ), а также это может привести к устранению соответствующего основания для вынесения конкретного судебного приказа. Можно говорить и об увеличении нагрузки на судей районных судов ввиду того, что при назначении твердой денежной суммы алиментов надлежит определить фактические обстоятельства дела, впоследствии может возникнуть спор о праве, по причине чего не может быть вынесен судебный приказ. Этой позиции придерживается также А. А. Семенова [4, с. 22]. Поэтому мы присоединяемся к мнению о том, что для расчета алиментов в фиксированной денежной сумме определены показатели, которые постоянно меняются: размер прожиточ-

ного минимума в конкретном регионе; ребенок, имеющий право на получение алиментов, может менять место жительства; изменяется состояние здоровья ребенка и его потребности [5].

На сегодняшний день поднят вопрос о формировании государственного алиментного фонда, из которого в твердой денежной сумме будут выплачиваться денежные средства на содержание детей, которые по каким-либо причинам не получают алиментов. Лицо, обязанное платить алименты, после его обнаружения в результате соответствующих розыскных мероприятий, должен возместить в полном объеме затраты государству за счет, предположим, продажи имущества, находящегося у него на праве собственности или с отработкой и удержанием части заработка в доход государства. Предлагается также ограничение определенных прав алиментщиков: временное ограничение управления транспортными средствами, отказ в получении кредита, выезд за границу.

Систематическая невыплата алиментов влечет за собой уголовную ответственность. Все чаще происходит взаимодействие ученых, социума и судебных приставов-исполнителей по ряду громких дел и инициатив по совершенствованию законодательства. Так, это касается полемики, развернувшейся по поводу внесения изменений в ст. 157 УК РФ.

Согласно ч. 1 данной статьи злостное уклонение родителя от уплаты по решению суда средств на содержание несовершеннолетних детей, а равно нетрудоспособных детей, достигших семнадцатилетнего возраста, наказывается исправительными работами на срок до одного года, либо принудительными работами на тот же срок, либо арестом на срок до трех месяцев, либо лишением свободы на срок до одного года.

Следует отметить, что в ряде регионов, ввиду отказа от выполнения исправительных работ должниками, к ним стали применять завышенный срок наказания в виде лишения свободы. Так, в Кур-

ской области должницу, уклонявшуюся от исполнения наказания в виде 9 месяцев исправительных работ, приговорили к 2 годам лишения свободы с отбыванием срока в исправительной колонии общего режима. В зале суда ее взяли под стражу [6].

В Валдайском районе Новгородской области мать задолжала своим детям около 200 тыс. руб. Женщина была трижды судима, отбывала наказание в колонии общего режима, она не смогла выплатить долг, и наказание в виде исправительных работ было заменено на реальное лишение свободы [7].

Нами отмечено, что ст. 157 УК РФ не основательно защищает интересы и права несовершеннолетних. На сегодняшний день ведется обсуждение о введении помимо уголовной ответственности административного наказания за неуплату алиментов; взыскание средств, полученных от прохождения должником исправительных работ непосредственно в пользу ребенка.

Можно согласиться с Т. К. Ростовской, которая считает, что следует ужесточить уголовную ответственность за злостное уклонение от уплаты алиментов [8, с. 5].

Федеральной службой судебных приставов были разработаны рекомендации по привлечению к уголовной ответственности родителей за неуплату алиментов. О целесообразности данных рекомендаций свидетельствует тот факт, что число нерадивых родителей растет. Так, за 2016 г. было возбуждено более 30 тыс. уголовных дел, по которым более 18 тыс. приговоров обвинительные.

Во исполнение требований исполнительного документа о взыскании алиментов и задолженности по алиментам законом допускается наложение взыскания на имущество, которое принадлежит должнику на праве собственности. Если же в ходе ареста имущества трудно доказать правовую природу принадлежности имущества, то целесообразно подвергать

аресту именно то имущество, принадлежность которого должнику очевидна.

Следует отметить, что правовые механизмы, которые способствуют решению проблем исполнения судебных решений российскими и иностранными органами юстиции, имеются. Статья 409 ГПК РФ гласит, что признаются и исполняются решения иностранных судов, если это предусмотрено международным договором. Статья 11 Федерального закона «Об исполнительном производстве» предусматривает порядок исполнения в Российской Федерации решений иностранных судов в соответствии с международными договорами Российской Федерации, гражданским процессуальным законодательством Российской Федерации и законодательством о гражданском судопроизводстве. Так, на основе международных договоров и российского законодательства выстраивается скоординированный алгоритм исполнения решений одного государства на территории другого. Мы полагаем верным высказывание О. В. Бернацкой о том, что следует учитывать и случаи, прямо предусмотренные федеральным законом или международным договором, что, на наш взгляд, способствует укреплению партнерских взаимосвязей [9, с. 81].

Следует сказать, что договоры обычно включают в себя положения о признании и исполнении решений, регулируют оформление ходатайств о разрешении исполнения решений, регламентируют порядок исполнения решений и отказ в признании и исполнении судебных решений. В случае наличия двустороннего международного договора, который предусматривает оказание правовой помощи по семейным делам с той страной, в которой проживает должник, алиментополучатель вправе взыскать их в судебном порядке по месту своего жительства на территории РФ. Для этого решение суда РФ должно пройти процедуру признания. Исполнительный лист не следует направлять в посольство страны, в которой проживает должник.

Исполнительный лист будет выдан после вступления в законную силу судебного определения о признании и разрешении принудительного исполнения российского решения иностранным судом. Данный исполнительный документ надлежит направить в компетентный орган запрашиваемого государства, который будет осуществлять исполнение. Процедура принудительного исполнения определяется по законодательству государства, на территории которого будет происходить принудительное исполнение.

Как справедливо отмечает Г. Р. Фатыхова, немного сложнее выглядит ситуация с исполнением решений иностранных судов по взысканию алиментов с должника в странах, с которыми Россия не вступала в двусторонние международные договоры об оказании правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам [10, с. 397].

Можно полагать, что исполнение этих решений должно быть осуществлено на основании принципа взаимности, но это не решение проблемы. Ввиду отсутствия четкого механизма признания и исполнения решений о взыскании алиментов защита прав и интересов детей крайне проблематична.

Мы считаем, что если все предпринятые меры по розыску и обращению взыскания на имущество должника явились неэффективными, судебный пристав-исполнитель, установив невозможность исполнить требования о взыскании алиментов и возвратив исполнительный лист взыскателю либо суду, должен установить контроль и осуществлять проверку имущественного положения должника, ведь речь идет о защите прав ребенка.

Проанализировав проблему исполнения требований исполнительных документов о взыскании алиментов, нами было выявлено, что ФССП совместно с другими государственными органами уделяет ей много внимания. Так, появляются новые методы работы и формы взаимодействия в целях защиты прав и

интересов несовершеннолетних в гражданском судопроизводстве. Надлежит сказать, что имеющееся разнообразие используемых мер требует классификации в соответствии с их назначением для защиты прав детей.

В аспекте рассмотрения проблемы исполнения юрисдикционных актов о взыскании алиментов в пользу несовершеннолетних хотелось бы отметить выделенные А. В. Чекмаревой гарантии, которые обеспечивают надлежащую судебную защиту посредством осуществления прав и обязанностей, зафиксированных в судебном или другом юрисдикционном акте [11]. Надо уточнить, что в гражданском судопроизводстве гарантируется не только надлежащая защита прав несовершеннолетних, обеспеченная судебным актом, но и надлежащая защита этого права, что отражено в ст. 100 СК РФ, по соглашению об уплате алиментов, которое было удостоверено нотариальным образом, имеющему силу исполнительного листа.

Таким образом, приоритетное значение и численное преимущество исполнительных документов о взыскании алиментов обуславливает применение совокупности мер организационно-правового характера, объединенных целью по защите прав несовершеннолетних в гражданском судопроизводстве.

Список литературы

1. Кашина Е. В. Международные стандарты в области судебной защиты их прав и интересов несовершеннолетних и проблемы обеспечения доступа детей к международному правосудию для защиты // Дружественное к ребенку правосудие и проблемы ювенальной уголовной политики: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 90-летию Верховного суда Республики Бурятия. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2013. С. 68–71.

2. Шершень Т. В. Проблемные вопросы принудительного исполнения решений судов о взыскании алиментов в

пользу несовершеннолетних детей: теоретический и практический аспекты // Российский судья. 2013. № 3. С. 20–24.

3. Хисматуллин Р. С. Модернизация судебной деятельности по делам несовершеннолетних – важнейшее направление реализации идей и принципов конституции Российской Федерации по защите прав и свобод граждан // Актуальные проблемы права на современном этапе развития России и Республики Башкортостан: материалы III Всерос. науч.-практ. конф. Ч. II. Сибай: Изд-во ГУП РБ «СГТ», 2013. С. 127.

4. Семенова А. А. Особенности исполнения судебных решений по спорам, связанным с защитой прав несовершеннолетних // Исполнительное право. 2011. № 4. С. 20–23.

5. Исаенкова О. В. Особенности исполнения некоторых видов исполнительных документов по делам из семейных правоотношений // Исполнительное право. 2012. № 1. С. 16–18.

6. В Курской области должники по алиментам несут наказание // Управление Федеральной службы судебных приставов по Курской области: сайт. 2013.

19 февр. URL: <http://r46.fssprus.ru/news/document21341932/>.

7. Около 30 злостных новгородских алиментщиков отправились в колонии // Novgorod.ru. 2011. 20 июня. URL: <http://news.novgorod.ru/news/81753/>.

8. Ростовская Т. К. Государственная защита прав и интересов несовершеннолетних. Судебная защита прав и интересов несовершеннолетних (Окончание) // Вопросы ювенальной юстиции. 2011. № 6 (38). С. 3–6.

9. Бернацкая О. В. Усыновление (удочерение) как способ судебной защиты прав несовершеннолетних // Норма. Закон. Законодательство. Право: материалы XIII Всерос. науч.-практ. конф. молодых ученых. Пермь, 2011. С. 79–81.

10. Фатыхова Г. Р. О правах несовершеннолетнего на судебную защиту // Сборник аспирантских научных работ юридического факультета. Вып. 12 / науч. ред.: А. И. Абдуллин. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2011. 500 с.

11. Чекмарева А. В. Защита прав человека в исполнительном производстве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.15. Саратов, 2003. 188 с.

Поступила в редакцию 22.06.17

UDC 347.63

I. A. Gordeev, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia) (e-mail: gordeev_ia@mail.ru)

M. I. Gordeeva, Undergraduate, Southwest State University (Kursk, Russia) (e-mail: justmaria2014@mail.ru)

THE QUESTION OF THE PROTECTION OF THE RIGHTS AND INTERESTS OF MINORS

*To a question of protection of the rights and the interests of minors on providing alimentary obligations
This article is devoted to a problem of protection of the rights and the interests of minors in the sphere of providing alimentary obligations.*

Now a large number of violations of property rights of minors is recorded, both from their fathers, and from mothers.

Deliberate evasion from payment of alimony for keeping of the children is the basis for deprivation of the parental rights and also for criminal prosecution according to the Criminal Code of the Russian Federation.

Concealment of income and impossibility of definition of the residence of the payer became one of the main problems in the field of collecting alimony for minor children. Besides, in practical activities complaints concerning the fact that court bailiffs don't carry out search of property or search of the debtor meet.

In view of existence of the fact of non-execution of judgments the draft of the Long-term program of increase in efficiency of performance of judgments has been brought into development (2011-2020). In him the set of requirements about collecting alimony in favor of minors which haven't been executed and also defective use of the principle of equality of all before the law and court is considered.

Now the initiative about creation of the public alimentary foundation from which in the fixed size money on keeping of children in whose advantage alimony isn't transferred will be paid is actively discussed. The Federal Bailiff Service has developed recommendations about criminal prosecution of parents for failure to pay alimony.

In general authors note that in activity by Federal Bailiff Service together with other public authorities, new methods of work and a form of interaction for protection of the rights and the interests of minors in civil legal proceedings appear.

In article authors have analysed legal mechanisms which promote the solution of problems of performance of judgments by the Russian and foreign judicial authorities.

Key words: minors, children, protection of the rights, legislation, alimony.

For citation: Gordeev I. A., Gordeeva M. I. The question of the protection of the rights and interests of minors, Proceeding of the Southwest State University. Series: History and Law, 2017, vol. 7, n 3(24), pp. 54–61 (in Russ.).

***

References

1. Kashina E. V. Mezhdunarodnye standarty v oblasti sudebnoj zashchity ih prav i interesov nesovershennoletnih i problemy obespecheniya dostupa detej k mezhdunarodnomu pravosudiyu dlya zashchity // Druzhestvennoe k rebenku pravosudie i problemy yuvenal'noj ugolovnoj politiki: materialy IV Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posvyashchennoj 90-letiyu Verhovnogo suda Respubliki Buryatiya. Ulan-Udeh: Izd-vo Buryat. gos. un-ta, 2013. S. 68–71.

2. Shershen' T. V. Problemnye voprosy prinuditel'nogo ispolneniya reshenij sudov o vzyiskanii alimentov v pol'zu nesovershennoletnih detej: teoreticheskij i prakticheskij aspekty // Rossijskij sud'ya. 2013. N 3. S. 20–24.

3. Hismatullin R. S. Modernizaciya sudebnoj deyatel'nosti po delam nesovershennoletnih – vazhnejshee napravlenie realizacii idej i principov konstitucii Rossijskoj Federacii po zashchite prav i svobod grazhdan // Aktual'nye problemy prava na sovremennom ehape razvitiya Rossii i Respubliki Bashkortostan: materialy III Vseros. nauch.-prakt. konf. Ch. II. Sibaj: Izd-vo GUP RB «SGT», 2013. S. 127.

4. Semenova A.A. Osobennosti ispolneniya sudebnyh reshenij po sporam, svyazannym s zashchitoj prav nesovershennoletnih // Ispolnitel'noe pravo. 2011. N 4. S. 20–23.

5. Isaenkova O. V. Osobennosti ispolneniya nekotoryh vidov ispolnitel'nyh

dokumentov po delam iz semejnyh pravootnoshenij // Ispolnitel'noe pravo. 2012. N 1. S. 16–18.

6. V Kurskoj oblasti dolzhniki po alimentam nesut nakazanie // Upravlenie Federal'noj sluzhby sudebnyh pristavov po Kurskoj oblasti: sajт. 2013. 19 fevr. URL: <http://r46.fssprus.ru/news/document21341932/>.

7. Okolo 30 zlostnyh novgorodskih alimentshchikov otpravilis' v kolonii // Novgorod.ru. 2011. 20 iyunya. URL: <http://news.novgorod.ru/news/81753/>.

8. Rostovskaya T. K. Gosudarstvennaya zashchita prav i interesov nesovershennoletnih. Sudebnaya zashchita prav i interesov nesovershennoletnih (Okonchanie) // Voprosy yuvenal'noj yusticii. 2011. N 6 (38). S. 3–6.

9. Bernackaya O. V. Usynovlenie (udocherenie) kak sposob sudebnoj zashchity prav nesovershennoletnih // Norma. Zakon. Zakonodatel'stvo. Pravo: materialy XIII Vseros. nauch.-prakt. konf. molodyh uchenyh. Perm', 2011. S. 79–81.

10. Fatyhova G. R. O pravah nesovershennoletnego na sudebnuyu zashchitu // Sbornik aspirantskih nauchnyh rabot yuridicheskogo fakul'teta. Vyp. 12 / nauch. red.: A. I. Abdullin. Kazan': Izd-vo Kazan. un-ta, 2011. 500 s.

11. Chekmareva A. V. Zashchita prav cheloveka v ispolnitel'nom proizvodstve: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.15. Saratov, 2003. 188 s.

Уголовное право и процесс

УДК 343.1

П. М. Стольников, адъюнкт, Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова (Орел, Россия) (e-mail: pavel.stolnikov@yandex.ru)

ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ СЛЕДОВАТЕЛЯ ПРИ ИЗБРАНИИ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ

В отечественном уголовном процессе следователь выполняет функцию уголовного преследования. Нормы уголовно-процессуального закона наделяют следователя полномочиями по осуществлению отдельных процессуальных действий. В рамках своих полномочий следователь вправе принимать процессуальные решения, связанные с избранием меры пресечения. Однако нормы современного российского уголовно-процессуального законодательства, регулирующие роль следователя в применении мер пресечения, отличаются непоследовательностью и противоречивостью. Это вызывает целый ряд вопросов в практике, связанной с расследованием по уголовному делу. Один из таких проблемных вопросов – вопрос о процессуальной самостоятельности следователя при избрании меры пресечения.

Цель данной статьи – изучение отдельных аспектов данной проблемы. В работе предлагается рассмотреть проблему процессуальной самостоятельности следователя при избрании мер пресечения. Автор акцентирует внимание на сложности реализации законного усмотрения следователем при решении вопроса о целесообразности избрания определенной меры пресечения.

Используя метод анализа уголовно-процессуальных норм, автор делает вывод о необходимости совершенствования взаимодействия следователя с руководителем следственного органа и судом при избрании меры пресечения. В статье критикуется существующий механизм ведомственного согласования ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. Внимание читателя обращается на то, что целесообразно закрепить в законе право следователя ходатайствовать перед судом об избрании меры пресечения без согласования с руководителем следственного органа.

Резюмируя изложенное в статье, автор делает вывод о необходимости совершенствования уголовно-процессуального законодательства и важности определения пределов следственного усмотрения при избрании меры пресечения. Автор считает необходимым сохранить дискреционные полномочия следователя при избрании меры пресечения. Однако такая ситуация требует создания механизма защиты обвиняемого от следственного произвола и злоупотребления следователем усмотрением. Решение данной задачи требует повышения законодательной техники и более четкого определения границ процессуальной самостоятельности следователя. В свою очередь, это требует пересмотра процессуальных отношений следователя и контролирующих его субъектов.

Ключевые слова: следователь, процессуальная самостоятельность, усмотрение, меры пресечения.

Ссылка для цитирования: Стольников П. М. Процессуальная самостоятельность следователя при избрании меры пресечения // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2017. Т. 7, №3(24). С. 62–67.

***

В современном российском уголовном процессе неотъемлемой частью процессуального статуса следователя является его процессуальная самостоятельность. Такая специфика положения следователя в рамках уголовного судопроизводства обусловлена наличием в УПК РФ нормы, регламентирующей его правомочия, связанные с самостоятельным направлением хода предварительного расследования по уголовному делу, с принятием тех процессуальных решений и производством тех процессуальных действий, которые не требуют согласования руководителя следственного органа и

судебного санкционирования. Закрепленная в ч. 2 ст. 38 УПК РФ конструкция отличается определенной абстрактностью и рассчитана на применение закрепленной в ней нормы к различным ситуациям расследования уголовного дела. Однако универсальность предложенной законодателем формулировки имеет не только свои достоинства, но и недостатки. Наличие относительно определенных правовых предписаний создает основу не только для оправданного усмотрения правоприменителя, но и для злоупотреблений должностными полномочиями. Недостатки уголовно-процессуального зако-

нодательства и трудности правоприменения позволяют исследователям прийти к логичному выводу относительно того, что «одной из важнейших задач продолжающейся в настоящее время реформы уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации представляется построение правильной концептуальной модели процессуальной самостоятельности следователя» [1, с. 76].

Следует обратить внимание и на то, что процессуальная самостоятельность следователя сама по себе является относительной категорией, которую следует рассматривать только в контексте реализации должностных и процессуальных полномочий иными участниками уголовного судопроизводства. Понимание рамок процессуальной самостоятельности следователя требует ответа на один принципиальный вопрос: нормативной основой процессуальной категории являются только положения ч. 2 ст. 38 УПК РФ или всей указанной статьи в целом? Полагаем, что уяснение значения и сущности процессуальной самостоятельности следователя возможно только при целостном системном применении ст. 38 УПК РФ. Именно такой подход позволит оценить законность и обоснованность процессуальной самостоятельности следователя применительно к конкретным ситуациям осуществления предварительного расследования.

Уголовно-процессуальная деятельность следователя всегда, так или иначе, сопряжена с применением процессуального принуждения. Вместе с тем, как справедливо отмечают исследователи, «в последнее десятилетие в сфере применения мер уголовно-процессуального принуждения сложилась достаточно сложная ситуация» [2, с. 20]. Целый ряд вопросов связан с необходимостью избрания в отношении подозреваемого, обвиняемого меры пресечения.

С точки зрения реализации процессуальной самостоятельности все меры пресечения могут быть подразделены на две группы: применяемые следователем

самостоятельно и меры пресечения, о применении которых следователь может ходатайствовать перед судом, получив предварительное согласие руководителя следственного органа. Первые меры пресечения предполагают более широкое усмотрение следователя, чем вторые. Однако в любом случае следственное усмотрение не должно трансформироваться в следственный произвол. И при самостоятельном избрании следователем подписки о невыезде, и при принятии им решения о необходимости избрания в отношении обвиняемого меры пресечения в виде заключения под стражу с обращением за согласованием к руководителю следственного органа и с ходатайством в суд границы следственного усмотрения должны соотноситься с требованиями уголовно-процессуального закона. Усмотрение в данном случае обусловлено возможностью выбора одной меры пресечения из предлагаемых законодателем вариантов, а также возможностью отказа от применения меры пресечения.

В целом, усмотрение выступает как вполне оправданная и распространенная форма реализации процессуальной самостоятельности не только следователя, но и иных участников уголовного судопроизводства. Следственное усмотрение основывается на значительном числе относительно-определенных норм в современном российском уголовно-процессуальном законодательстве. Однако у практиков есть вполне обоснованные претензии к законодательной технике и конструкциям отдельных уголовно-процессуальных норм. В этой связи особое значение приобретает наличие у следователя умения уяснить смысл относительно-определенной нормы и выбрать наиболее оптимальный вариант своего процессуального поведения. Критерием оптимальности, в первую очередь, будет соответствие выбранного варианта процессуальных действий следователя наилучшему достижению назначения уголовного судопроизводства, закрепленного в ст. 6 УПК РФ.

Очевидно, что, с одной стороны, следователь обладает некой процессуальной свободой, проявляющейся в допустимости усмотрения при принятии процессуально значимых решений, с другой – его процессуальная свобода не безгранична и реализуется в рамках относительно-правовых предписаний. Эти нормативные предписания ограничивают дискрецию должностного лица и определяют рамки усмотрения. Подобные рамки определяют варианты процессуальных действий следователя, не допуская следственного произвола. В то же время наличие относительно определенных предписаний в уголовно-процессуальном законе может создавать благодатную почву и для злоупотребления следователем его должностными полномочиями. По этому поводу исследователи справедливо пишут, что «практике известны и такие случаи, когда по многим уголовным делам происходит завышенная квалификация действий обвиняемых, квалификация “с запасом”, причем очевидная, ведущая к тому, что с учетом квалификации на момент избрания меры пресечения в виде заключения под стражу имелись основания для ее избрания, а в стадии судебного разбирательства эти действия переквалифицировались на менее тяжкие, даже на такие составы, санкции которых не предусматривают лишения свободы в качестве меры наказания за содеянное. Явно, что следователи в таких случаях преследуют не цели обеспечения осуществления правосудия, а скорее удобства в проведении следственных действий с участием обвиняемых и скорейшего окончания предварительного расследования» [3, с. 11].

В рамках своей процессуальной самостоятельности следователь наделен полномочиями по принятию решений о тех процессуальных действиях, производство которых не требует получения судебного решения или согласия руководителя следственного органа. В частности, следователю предоставлена процессуальная возможность реализовать свое

усмотрение при решении вопроса об избрании меры пресечения.

В соответствии с ч. 1 ст. 97 УПК РФ следователь наделен полномочиями по избранию подозреваемому или обвиняемому одной из мер пресечения, не требующих судебного санкционирования. Также следователь вправе с согласия руководителя следственного органа ходатайствовать перед судом о применении мер пресечения, применение которых возможно только на основании судебного решения. Безусловно, такая конструкция в определенной мере противоречит законодательному тезису о процессуальной самостоятельности следователя, а «навязывание особого мнения об этих мерах в дальнейшем может привести к возникновению затруднений в расследовании» [4, с. 111]. Полагаем, что здесь имеется определенный потенциал для совершенствования уголовно-процессуального законодательства. Было бы оправданным упразднение на законодательном уровне необходимости согласования следователем ходатайства перед судом об избрании меры пресечения с руководителем следственного органа.

Однако нельзя отрицать того, что предложенный законодателем механизм принятия процессуальных решений о применении мер пресечения предоставляет следователю значительные возможности для реализации усмотрения. В основе избрания всегда лежит определенный выбор. В первую очередь, следователь вправе выбрать один из вариантов своего процессуального поведения: о необходимости избрания меры пресечения или о нецелесообразности ее избрания. Принятие соответствующего процессуального решения позволяет следователю реализовать предоставленное ему законодателем право выбора. В этой связи нельзя согласиться с теми авторами, которые предлагают рассматривать избрание меры пресечения в качестве процессуальной обязанности следователя [5]. Реализация процессуальной обязанности

возможна только в условиях наличия абсолютно-определенной правовой нормы.

Уголовно-процессуальный кодекс РФ предоставляет следователю определенную свободу при решении вопроса о разумности избрания меры пресечения в отношении уголовно преследуемого лица. Основания для избрания меры пресечения, закрепленные в ч. 1 ст. 97 УПК РФ, предполагают, что следователь должен оценить конкретную ситуацию, складывающуюся по уголовному делу, и принять решение о необходимости применения меры пресечения. При этом должны учитываться пределы усмотрения следователя в решении данного вопроса: допустимая законом степень ограничения конституционных прав и свобод граждан, соответствие решения об избрании меры пресечения решению задач предварительного расследования.

Отправной точкой в решении вопроса о применении любой меры пресечения должно быть наличие обоснованного подозрения в совершении именно этим лицом преступления. В первую очередь, это касается ситуаций, в которых следователь считает целесообразным применить к уголовно преследуемому лицу наиболее строгую меру пресечения в виде заключения под стражу и готовит соответствующее ходатайство для суда. Основания для применения меры пресечения, в том виде, в котором они представлены в ч. 1 ст. 97 УПК РФ, предусматривают чрезвычайно широкую дискрецию, т. к. носят оценочный характер. Широкие пределы усмотрения связаны с понятием «достаточность оснований», которая может связываться следователем с различными фактами и обстоятельствами [6, с. 140].

Усмотрение следователя ограничивается и необходимостью выбрать одну из мер пресечения, наиболее оптимальную для конкретной ситуации. Полагаем, что здесь следователю следует идти от решения вопроса о применении наиболее мягкой меры и затем, в случае, если он придет к выводу о ее неэффективности, решать вопрос о целесообразности при-

менения более суровой меры пресечения. К сожалению, на практике нередко следователь ограничен сроками производства по делу, требованиями руководителя и значительной нагрузкой, что не позволяет ему выбрать наиболее целесообразный с точки зрения назначения уголовного судопроизводства алгоритм решения вопроса об избрании меры пресечения. К сожалению, российское уголовно-процессуальное законодательство не допускает возможности одновременного применения в отношении обвиняемого нескольких мер пресечения. Полагаем, что такой подход не соответствует потребностям следственной практики и, в определенной степени, способствует тому, что следователь, не имея возможности комбинировать несколько мер пресечения, принимает решение о подаче в суд ходатайства об избрании самой строгой меры пресечения – заключения под стражу. К сожалению, такой подход поддерживается в большинстве случаев и руководителем следственного органа.

Следует иметь в виду, что по отдельным категориям дел усмотрение следователя предполагает выполнение дополнительных требований, которые также не всегда носят определенный характер. В частности, это касается ситуации избрания меры пресечения в отношении несовершеннолетнего, когда следователь должен осуществить выбор между специальной мерой пресечения – присмотром за несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым и общими мерами пресечения. Предложенная законодателем конструкция ориентирует следователя на обязательное обсуждение применения специальной меры, и только в случае невозможности ее применения допускает применение иных мер. Однако такой алгоритм не получил императивного закрепления, поэтому усмотрение следователя остается крайне широким [7]. На подобном подходе настаивает и Верховный Суд Российской Федерации применительно к оценке обоснованности применения в отношении несовершеннолетних

меры пресечения в виде заключения под стражу [8].

Как уже отмечалось выше, сложность реализации процессуальной самостоятельности следователя при подаче ходатайства в суд об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу связана с необходимостью фактически получения разрешения руководителя следственного органа на подачу такого ходатайства. Полагаем, что процессуальную самостоятельность следователя ограничивает и норма, закрепленная в ч. 6 ст. 108 УПК РФ, допускающая, что следователь может обосновывать свое ходатайство в суде только по поручению прокурора.

Целый ряд проблем возникает и с необходимостью следователю реализовать усмотрение в связи с избранием меры пресечения по отдельным категориям преступлений. Например, это касается предусмотренного ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ запрета на применение заключения под стражу по отдельным преступлениям в сфере предпринимательской деятельности. Сложность установления признаков предпринимательства в данном случае практически заставляет следователя через свое усмотрение закрывать пробел в уголовно-процессуальном законе, через применение аналогии закона [9, с. 135].

В целом, реализуя процессуальные полномочия, связанные с избранием меры пресечения, следователь должен уяснить смысл отдельных уголовно-процессуальных норм, устранить пробелы с помощью аналогии закона и принять процессуальное решение, соответствующее как задачам эффективного расследования, так и принципам защиты прав и основных свобод граждан, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства.

Список литературы

1. Огородов А. Н. Генезис процессуальной самостоятельности следователя // Вопросы российского и международного права. 2015. № 5. С. 75–86.

2. Кондрат И. М. О влиянии уголовной политики государства на нормативное закрепление института процессуального принуждения // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 8. С. 11–21.

3. Петрова О. В., Рябинина Т. К. Основания избрания меры пресечения в виде заключения под стражу // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2012. № 2. С. 8–14.

4. Муцалханов М. М. Процессуальная самостоятельность следователя при применении мер пресечения // Юрист-правоведь. 2012. № 6 (55). С. 109–114.

5. Маслова З. Г. Избрание меры пресечения в отношении подозреваемого, обвиняемого как процессуальная обязанность лиц, производящих расследование // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. 2012. Т. 33, № 1–1. С. 262–264.

6. Лычкина Е. С. Что следует считать «достаточными основаниями» для избрания мер пресечения // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2008. № 2. С. 140–143.

7. Марковичева Е. В. Особенности избрания меры пресечения в отношении несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого // Российский следователь. 2007. № 20. С. 10–12.

8. О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2011 г. № 1: [ред. от 29.11.2016] // КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru>.

9. Марковичева Е. В. Критерии определения предпринимательской деятельности при применении ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ // Уголовное право. 2015. № 5. С. 135–137.

Поступила в редакцию 18.06.17

UDC 343.1

P. M. Stolnikov, Advanced student, Lukyanov Orel Law Institute of the Russian Interior Ministry (Orel, Russia) (e-mail: pavel.stolnikov@yandex.ru)

THE PROCEDURAL INDEPENDENCE OF THE INVESTIGATOR IN THE PROCESS OF APPLYING PREVENTIVE PUNISHMENT

In Russian criminal procedure, investigator is responsible for criminal prosecution. The rules of criminally-remedial law give them the right to fulfill certain procedural roles. Within investigator's own powers is to make procedural decisions concerning the process of applying a measure of restraint. However, the inner inconsistency of modern Russian laws meant to regulate the investigator's role in the process of applying preventive punishment poses a number of questions regarding investigation practice. One of them is the question of the investigator's procedural independence in said process.

This article is meant to study different aspects of this problem. The author emphasizes the difficulty of ensuring the legitimacy of investigator's actions regarding the process of applying a measure of restraint.

Analyzing the criminally-remedial law, the author draws a conclusion about the necessity of improvement. The article criticizes the existing mechanism of cooperation between the investigator, the investigating authority and the trial. It suggests legally enshrining the investigator's right to request the trial to apply the preventive punishment without coordinated approvals from the investigating authority.

The author emphasizes the importance of finding the means to ensure the legitimacy of investigator's actions regarding the process of applying preventive punishment, while keeping their arbitrary power. This requires creating a special mechanism to ensure the accused party's protection, defining the limits of the investigator's independence and changing the means of cooperation between the investigator and the subjects controlling them.

Key words: *investigator, procedural independence, preventive punishment, applying preventive punishment.*

For citation: Stolnikov P. M. The procedural independence of the investigator in the process of applying preventive punishment, Proceeding of the Southwest State University. Series: History and Law, 2017, vol. 7, n 3(24), pp. 62–67 (in Russ.).

***

Reference

1. Ogorodov A. N. Genezis processual'noj samostoyatel'nosti sledovatelya // *Vo-prosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava*. 2015. N 5. S. 75–86.

2. Kondrat I. M. O vliyanii ugolovnoj politiki gosudarstva na normativnoe zakreplenie instituta processual'nogo prinuzhdeniya // *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*. 2012. N 8. S. 11–21.

3. Petrova O. V., Ryabinina T. K. Osnovaniya izbraniya mery presecheniya v vide zaklyucheniya pod strazhu // *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya: Istoriya i pravo. 2012. N 2. S. 8–14.

4. Mucalhanov M. M. Processual'naya samostoyatel'nost' sledovatelya pri primeneni mer presecheniya // *Yurist-pravoved*". 2012. N 6 (55). S. 109–114.

5. Maslova Z. G. Izbranie mery presecheniya v otnoshenii podozrevaemogo, obvinyaemogo kak processual'naya obyazannost' lic, proizvodnyashchih rassledovanie // *Izvestiya Orenburgskogo gosudarstven-*

nogo agrarnogo universiteta. 2012. T. 33, N 1–1. S. 262–264.

6. Lychkina E. S. Chto sleduet schitat' «dostatochnymi osnovaniyami» dlya izbraniya mer presecheniya // *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*. 2008. N 2. S. 140–143.

7. Markovicheva E. V. Osobennosti izbraniya mery presecheniya v otnoshenii nesovershennoletnego podozrevaemogo, obvinyaemogo // *Rossijskij sledovatel'*. 2007. N 20. S. 10–12.

8. O sudebnoj praktike primeneniya zakonodatel'stva, reglamentiruyushchego osobennosti ugolovnoj otvetstvennosti i nakazaniya nesovershennoletnih [Elektronnyj resurs]: postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 1 fevr. 2011 g. N 1: [red. ot 29.11.2016] // *Konsul'tantPlyus*. URL: <http://www.consultant.ru>.

9. Markovicheva E. V. Kriterii opredeleniya predprinimatel'skoj deyatel'nosti pri primeneni ch. 1.1 st. 108 UPK RF // *Ugolovnoe pravo*. 2015. N 5. S. 135–137.

УДК 93/94/615.1

Н. Н. Коротеева, д-р ист. наук, профессор, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск, Россия) (e-mail: koronna.nat@mail.ru)

**ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ СТАНОВЛЕНИЯ РОССИЙСКОГО АПТЕЧНОГО ДЕЛА
В XVI – XVII ВЕКАХ**

В статье проведен комплексный анализ процесса становления организованного аптечного дела в России в XVI – XVII веках. Основной источниковой базой данного исследования послужили документы Российского государственного архива древних актов, раскрывшие значимые моменты истории аптечного дела на раннем этапе его развития. Открытие первой аптеки в царствование Ивана IV послужило отправной точкой для дальнейшего развития аптечного дела. В статье проанализирована роль иностранных аптекарей в становлении русской аптечной службы, дано подробное описание деятельности «царской» аптеки: ее оборудование, порядок работы, процедура изготовления и подачи лекарственных форм, организация ее снабжения. Необходимо отметить, что аптека снабжалась российскими и иностранными медикаментами. В качестве лекарств использовались лекарственные растения, мед, минералы, драгоценные металлы и камни. Широкое распространение получили жиры: свиной, волчий, лисий, заячий, лошадиный, сурковый, журавлиный. В ходу были такие экзотические продукты, как щучьи, волчьи, ведревы зубы, раковые зерна (шарики карбоната кальция из вестибулярного аппарата рака), рога оленя, козлиная кровь. Впоследствии на территории Москвы были организованы аптекарские огороды для местного выращивания лекарственных растений. Но аптекарские огороды являлись не только местом выращивания лекарственных растений, также и местом их переработки, поэтому в их штате числились садовники, травники-помясы и дистилляторы. Садовники, соответственно, выращивали растительное сырье. Травники занимались сбором и сушкой растительного сырья. Дистилляторы готовили лекарства. Сделан вывод, что русское лекарствоведение, чуждое западноевропейской схоластике, опиралось в основном на практику, проявляя интерес к лекарственным растениям своей страны.

Ключевые слова: аптека, аптекарь, аптекарский огород, лекарства, лекарственные растения.

Ссылка для цитирования: Коротеева Н. Н. Исторический опыт становления российского аптечного дела в XVI – XVII веках // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2017. Т. 7, №3(24). С. 68–75.

***

Татаро-монгольское нашествие значительно затормозило развитие фармацевтической науки в нашей стране. Если в XVI веке в Западной Европе были созданы университеты, открыты аптеки и развивалась химическая наука, то в Московском государстве аптечное дело развивалось самобытным путем через «зелейничество».

Как отмечают исследователи А. Л. Воронцов и Е. В. Воронцова: «Начало становления государственной медицины в России следует относить ко временам Ивана IV Грозного – царя-реформатора, царя-тирана, за время своего правления сделавшего для страны немало как достойного осуждения, так и безусловного одобрения. К числу последнего можно отнести установление дружественных контактов с Англией, одним из результатов которых стал приезд в нашу страну английских медиков, положивших начало

практике европейского врачевания в России» [1, с. 15].

Становление организованного аптечного дела в Русском государстве относится также к периоду царствования Ивана IV.

Когда появилась первая аптека в Русском государстве – до настоящего времени неизвестно. Точных сведений по этому вопросу в архивных документах и источниках нами не обнаружено. Но официально появление первой аптеки на Руси связано с именем английского аптекаря Джеймса Френчема, прибывшего в Москву в 1581 г. с группой доктора Роберта Джекоба. В сопроводительном письме английской королевы Елизаветы Ивану Грозному речь идет о нескольких аптекарях: «...посылаю тебе аптекарей и барберов, людей также честных и знающих» [2, с. 123]. О том, что в это время при дворе находилась группа аптекарей,

свидетельствует другое письмо английской королевы русскому царю. В 1583 г. она обратилась к Ивану IV с просьбой о разрешении Френчему выехать обратно в Англию, мотивируя возможность его отъезда тем, «что у Твоего Величества есть иные аптекари, которым мочно верить в Твоих потребных делах...» [2, с. 126–127]. В 1602 г. Джеймс Френчем вновь вернулся в Россию и привез с собой большой набор медикаментов из 207 наименований (в основном лекарственные растения зарубежной флоры) для уже существовавшей аптеки.

Таким образом, официально годом появления первой аптеки на Руси считается 1581 г., когда приезжие врачи и аптекари основали в Кремле в каменном здании напротив Чудова монастыря царскую придворную аптеку. Называли ее «государевой», поскольку обслуживала она только членов царской семьи. Ее помещения были обставлены с особой роскошью. Стены и потолки комнат были расписаны художниками, полки и двери обиты «английским добрым сукном». Окна пестрели разноцветными стеклами. На подоконниках – дорогие бархатные ковры. Комнаты украшали чучела павлинов, глобус, заморские часы. Повсюду соблюдалась чистота. Даже на улице поблизости от аптеки не позволялось «ни грязи, ни вони, ни какого дурна» [3, с. 1197–1199]. Своим великолепием аптека поражала даже иностранцев, видевших лучшие европейские аптеки.

Иностранец Шлейзинг, которому посчастливилось лично лицезреть царскую аптеку, описывал ее следующим образом: «Могу сказать по истине, я никогда не видел такой превосходной аптеки: флажки, карафины были из хрусталя шлифованного и крышки в оных и края выложены красиво позолотой» [4, с. 55].

Аптечная посуда подбиралась очень тщательно, в соответствии с ее нуждами, и была разнообразной: от серебряных чаш и золотых флагов с притертыми пробками до гжельской глиняной и стеклянной посуды. Для изготовления «алхимических» сосудов при аптеке был создан

«стекляночный» завод – мануфактура из 15 человек, основанная в 1634 г. Юлием Койстом в Духонино близ Москвы [5]. Позднее, в царствование Алексея Михайловича (1645–1676 гг.) был устроен второй стеклянный завод в Измайлово, на котором делали «в Аптекарскую палату реторты и колбы, и реципиоты, и сепатория, и алеорчики, и сулеи, и скляницы четвертные и фунтовые и полуфунтовые...» [6, с. 23; 7, с. 130].

Но по другим сведениям внешнее великолепие было больше показным: «Склянки с разными мазями, хрустальные сосуды, аптекарские инструменты внешним блеском прельщают глаза, но часто ото всех этих приборов для здоровья или мало, или вовсе нет никакой пользы, так как большей частью сосуды стоят пустые и новые лекарства не покупаются» [8, с. 41–42]. Но, скорее всего, это было лишь мимолетное наблюдение. Придворная аптека, обслуживавшая членов царской семьи, не могла быть плохо обеспеченной.

Работа в аптеке велась ежедневно без выходных, с раннего утра до позднего вечера, а в дни, когда болели члены царской семьи, аптекари должны были и ночевать на службе.

В придворной аптеке работали английские, голландские, немецкие аптекари, но руководство аптекой осуществлял особо приближенный к царю русский боярин.

Предназначенные для царя лекарства хранились в особой комнате, которая опечатывалась. Аптекарь мог войти в эту комнату только в сопровождении дьяка, который следил за ней и собственноручно опечатывал ее. Лекарство аптекарь мог выдать только по назначению доктора и с разрешения боярина, заведовавшего аптекой. Приготовленное лекарство пробовалось доктором, аптекарем, боярином и только после этого царем. История сохранила сведения о том, как лейб-медик царя Алексея Михайловича доктору И. А. фон Розенбургу пришлось выпить целую склянку лекарства, приготовленного для царицы, только потому,

что оно вызвало тошноту у одной придворной боярыни, попробовавшей это лекарство перед тем, как поднести его царице [8, с. 37].

При удачном лечении аптекари и врачи получали подарки. Так, в 1643 г. аптекарь Андрей, излечивший Михаила Федоровича от рожи, получил вознаграждение: «ковш серебряный, белый, весу гривенка 30 золотников с полузолотником, атласу светлозеленого в 10 аршин по 25 алтын аршин и 40 соболей в 20 рублей» [9, д. 30, л. 78]. Рецепт лекарства был следующим: «камень безуй против 12 зерен, соли корольковые против 7 зерен, водки Гладышевы 9 золотников, да цвету дерева самбуция 2 горсти и все это смочить и варить в уксусе ренском свроборином, уксусу положено полфунта, а в тот состав, процедя сквозь бумагу, положено мелкого сахара 4 золотника и не скоромного 2 золотника» [Там же, л. 77]. И это при том, что «месячный корм» аптекарей в это время составлял 26 руб. [9, д. 268а, л. 2]. Аптекари часто награждались и за хорошую службу. Как, например, аптекарь Христиан Эглер, которому были пожалованы в 1657 г. «соболей на 10 руб.» [Там же, л. 1].

Ритуал подачи лекарственных средств во дворец отличался чрезвычайной тщательностью и роскошью: склянки, стопки и сумки, в которых отпускались лекарственные вещества, завязывались красным шелком, заворачивались в белую тафту. Во время походов и выездов царя лекарства хранились в роскошных ящиках, украшенных инкрустацией. Походная аптека состояла из трех ящиков и двух коробов. Ее ассортимент состоял из 120 наименований лекарственных средств, которые помещались в 300 склянках и пакетах.

Два-три раза в год аптекари устраивали ревизию лекарственных запасов аптеки, и если обнаруживались испортившиеся лекарства, то их «по совету дохтурскому отставливать или выкидывать вон. И того остерегаться крепко, чтобы в каких местах, теплых или холодных, показаны и устроены всякие лекарственные

статьи, где бы они никакой порче, ни повреждения ни от чего учиниться не могли» [10, с. 201].

Профессор Томского университета Н. Я. Новомбергский описывает царскую аптеку следующим образом: «Аптека, устроенная Френчемом, имела очень ограниченный круг операций: она была предназначена только для нужд царского двора, за пределами которого продолжительное время не имела влияния. Это была в строгом смысле закрытая придворная аптека» [11, с. 83].

С организацией царской аптеки появились новые обязанности по организации ее службы и снабжения. «Медикаменты для ее первоначального снабжения были вывезены из Англии. Впоследствии она пополнялась различными путями. Некоторые материалы приобретались в московских торговых рядах. Что касается западного ввоза, то он поддерживался первоначально иноземными врачами, привозившими с собой «аптекарские всякие лекарства и снасти балберские» [Там же]. Привоз этот настолько считался для врачей обычным и обязательным, что в 1599 г. посольскому дьяку Василию Щелкалову показалось очень подозрительным отсутствие «трав лечебных» у новоприезжего английского доктора Вилиса, которому поэтому даже было отказано в приеме на царскую службу» [Там же, с. 84].

Таким образом, снабжалась царская аптека лекарствами из России и из-за границы. В основном использовались лекарственные растения, органические и неорганические вещества: мед, жир, минералы, металлы. Для приготовления эликсира проприататиса использовался шафран [9, д. 340, л. 2], для мази попиленовой – коровье масло [9, д. 362, л. 1], для «духа из травы кухнарии» – пряная романея [9, д. 871, л. 1], для пластыря «диакверцидум» – свиное сало [9, д. 1284, л. 1]. Особенной славой пользовались безоар (безуй или бензуй) и инрогова кость. Безоар – твердое шарообразное образование, встречающееся в желудках некоторых видов антилоп и состоящее из

фосфорнокислых или углекислых солей кальция. Но в те времена считалось, что безоар находят на берегу моря и что он порождается рыбами. Платили за него большие деньги, а применялся он как жаропонижающее средство. Известно, что за камень безуй было «уплачено торговым иноземцам 284 руб.» в 1663 г. [9, д. 683, л. 1].

Ирогова кость представляла собой клык нарвала (морского животного семейства китообразных), но в XVII веке считалось, что это рог мифического единорога, обладавший силой предохранять от мора. Есть сведения, что в 1655 г. «поручено было Доктору Беллау, жившему потом в виде Царского Коммиссионера или Резидента в Германии, употребить 1000 руб., сумму довольно значущую по тогдашнему времени и сверх того соболей на подарки» [12, с. 1104]. В 1658 г. ирогова кость была куплена у «иноземца Артемьева» за 900 руб. [9, д. 307, л. 1–2]. Вследствие дороговизны ироговой кости имела место ее фальсификация, поэтому перед покупкой ее освидетельствовали несколько странным способом. Для опыта брали трех голубей. Одному из них давали два перечных зерна мышьяка, второму – мышьяк в той же дозе, а затем порошок ироговой кости, третьему – порошок ироговой кости, а затем четыре перечных зерна мышьяка. Считалось, если кость настоящая, то третий голубь должен остаться в живых, тогда как два его собрата погибали [4, с. 55]. Еще использовались рога единорога, которые стоили также очень дорого. Так, в 1655 г. за покупку у «иноземца Марселиуса 3 рогов единорога» было заплачено 10 000 руб. [9, д. 147, л. 1]. В документах Российского государственного архива древних актов сохранились «сказки» докторов Андрея Энгельгардта и Льва Люцифиниуса-Богдановича о целебной силе кости единорога [9, д. 194, л. 1–3]. Но впоследствии эти лекарства были признаны бесполезными. В то же время используемые в медицине исследуемого периода олени рога стоили очень дешево: 2 руб. за рог [13, д. 42, л. 1].

Широкое распространение получили жиры: свиной, волчий, лисий, заячий, лошадиный, сурковый, журавлиный. В ходу были такие экзотические продукты, как щучьи, волчьи, вепревы зубы, раковые зерна (шарики карбоната кальция из вестибулярного аппарата рака), рога олени, козлиная кровь.

Популярным было использование в лечебных целях драгоценных камней. Так, размолотый хризолит применялся при болях в желудке, яхонт – для облегчения родовой деятельности, лазурит – как слабительное, алмаз – для лечения гнойных ран и язв, изумруд – для лечения проказы. Применялись как лекарства медные опилки, порох. Для лечения кожных заболеваний – ртуть, мышьяк, порошок золота.

Целебные свойства «каменей драгих» широко были освещены в русских лечебниках того времени. «Алмаз блюдет от ран, обнаруживает окорм. Яхонт укрепляет сердце и уничтожает перхоть в голове. Бирюза спасает от насильственной смерти. Аметист неплодного плодным делает и окорм гасит» [14, с. 32]. В документах РГАДА сохранились и «разсуждения» доктора С. Коллинса «о пользе для здоровья человека пилюль из серебра и лекарств из золота» [9, д. 734, л. 1–3].

Для лечения царской семьи использовались также общеупотребительные в то время привозные лекарства: опий, камфора, александрийский лист, фенильное семя [9, д. 559, л. 1] и др., а также лекарственные растения из арсенала русской народной медицины: солодковый корень, можжевельник, березовые почки и др. Считалось, что буквица «мокроту выведет из груди, камни в почках крошит и мочу выводит» [15, с. 77], поэтому ее назначали как отхаркивающее и мочегонное средство, а также при лихорадке и болезнях печени, для заживления ран и предупреждения отравлений. Мята использовалась как противорвотное и возбуждающее аппетит, ромашка – как противовоспалительное средство. В этот период существовал особый государственный налог – ягодная повинность – обязатель-

ная поставка лекарственного растительного сырья для царской аптеки. Так, зверобой привозили из Тобольска, Томска, Кузнецка, Красноярска [16, д. 1065, л. 1], солодковый корень – из Воронежа, Астрахани, Саратова и с Дона [9, д. 508, л. 3], корень черной чемерицы – из Коломны, чечуйную траву – из Казани [9, д. 338, л. 1], можжевельные ягоды – из Ярославля, Костромы, Ростова, Переяславля [13, д. 46, л. 1–3], цвет свороборинный – из Подмоскovie [13, д. 349, л. 1–2], ягоды «земляницы» – из Владимира, Суздаля, Юрьева-Польского [13, д. 217, л. 1–2], укропные семена – из Мурома [9, д. 544, л. 1], дубовые желуди – из Калуги, Лихвина, Белева [9, д. 787, л. 1]. Материалы более ценные привозились по Волге через Дербент. Это миндаль, чилибуха, гвоздика, кардамон, хинная кора. При транспортировке и хранении «зелий» требовалась чистота. Перевозились они в лукошках или холстинных мешочках.

Для сбора лекарственных растений были заведены аптекарские огороды. В первой половине XVII в. в Москве существовал всего один аптекарский огород – на правом берегу реки Неглинной у стен Кремля. На этом аптекарском огороде лекарственные растения не только выращивали, но и перерабатывали. Об этом свидетельствует прошение Аптекарского приказа в Приказ Большого Дворца, датированное 1630 г., о том, чтобы на аптекарский огород «водкам на перепусканье» было отпущено «двадцать мехов угля... да две сковородки полудить, да таз на ново переделать, да к кувшину кровлю приделать» [17, с. 32]. В прошении Аптекарского приказа за 1633 г. читаем: «зделать на обтекарском огороде в поварне две печи перепускных новых да старые водочные починить...» [Там же, с. 136], что также является свидетельством переработки лекарственного растительного сырья непосредственно на аптекарском огороде.

Во второй половине XVII века появились новые аптекарские огороды: около Каменного моста, под Ново-Немецкой слободой, у Мясницких ворот и на месте бывшего загородного двора

князя В. В. Голицына «Новый аптекарский сад» [13, д. 160, л. 1; д. 305, л. 2; д. 386, л. 2; 16, д. 202, л. 1]. В небольшом количестве лекарственные растения выращивались в частных и «государевых» садах, в том числе в садах в селах Измайловское и Покровское.

Так как аптекарские огороды являлись не только местом выращивания лекарственных растений, но и местом их переработки, в их штате числились, кроме садовников, травники и дистилляторы. Травники занимались сбором и сушкой растительного сырья. Травники работали под руководством аптекарей, спрашивая у них совета. Для добросовестного выполнения своих обязанностей при вступлении в должность травники приводились к присяге и за них должны были поручиться 5 человек. Об этом свидетельствует документ при определении в травники Ивана Григорьева в марте 1682 г.: «...что бытии ему Ивану, за нашею порукою в Оптекарском Приказе и на оптекарском огороде, что за Каменным мостом в травниках и будучи ему у государева дела радеть без всякого порону...» [13, д. 55, л. 1–2].

Дистилляторы занимались непосредственно изготовлением лекарств: «...у всяких водочных сидений и у варенья всяких сиропов, пластырей и мазей и прочих лекарств, которые в запас делаются» [13, д. 60, л. 2–3]. Они должны были заботиться, чтобы лекарства приготавливались из доброкачественного сырья и чтобы в составляемые ими лекарства не попадало ничего «вредительного и смерти наводящего» [13, д. 61, л. 1]. Травникам приходилось совмещать свою непосредственную работу с работой дистилляторов. Так, в 1683 г. травник Савва Терентьев «был определен летом к сбору трав и кореньев, а зимой к водочному сидению» [13, д. 56, л. 1].

На аптекарских огородах выращивались редкие растения, не встречаемые в местной флоре. Так, В. Рихтер пишет: «травы которые сажены в аптекарском огороде, а те травы у травников в росписи для збирания написаны, и тех трав в лугах на полях и в лесах нет» [2, с. 183].

Известно, что в 1671 г. в аптекарском огороде у Каменного моста было собрано 25 видов лекарственных растений и среди них: «семена табака, мака, портулака, лагука, аниса, иссопа, цикория, тимьяна, ложечницы, пиона, руты, петрушки, цветки шиповника, корни петрушки, аниса, цикория, трава майорана, шалфея, укропа, базилика и др.» [6, с. 708]. Аптекарям ежегодно присылалась «указная память о снабжении травами и кореньями про государев обиход» [13, д. 160, л. 1] с аптекарских огородов.

Известно, что аптекарские огороды снабжали московские села вином и медом-сырцом, из-за чего многие приказы боролись за право владения ими.

Пополнению аптечных запасов способствовала ягодная повинность – государственный налог травами, которые поставлялись в Аптекарский приказ из разных городов Московского государства. Воеводам отсылалась царская грамота «о сборе по сошным книгам с посадских людей, с крестьян дворцовых волостей, патриарших, митрополичьих, архиепископских, епископских и монастырских вотчин и с поместий и вотчин, принадлежащих всяких чинов людям» [9, д. 546, л. 1–4], на основании которой воеводы должны были прислать в Аптекарский приказ требуемое количество лекарственной травы или ягод, а невыполнение влекло взыскание. Так, в 1654 г. Воронежский воевода Фома Кривцов послал в Аптекарский приказ 5,5 пудов солодкового корня, за недостающие 4,5 пуда он был посажен в тюрьму и с него было взыскано по 5 руб. за недостающие 4,5 пуда [16, д. 104, л. 2].

Сборщики трав – «помясы» – обслуживали московские и походные ратные аптеки. Государство набирало травников главным образом из местных людей, славившихся искусством распознавать полезные для здоровья растения. Всем государевым помясам предписывалось жить только в Москве и ездить в уезды по нарядам Аптекарского приказа. В документах Российского государственного архива древних актов есть сведения о нижегородце-помясе Мухановском.

«1663 года, апреля 18. Грамота от царя... в Нижний Новгород воеводе нашему Дмитрию Ивановичу Плещееву да дьяку Миките Наумову... По указу нашему, великого государя, велено нижегородскому посадскому человеку Омельке Мухановскому быть в Аптекарском приказе в лекарях и травщиках и житии ему, Омельке, на Москве. И ныне тот Омелька Мухановский отпущен в Нижний для зборки трав, и цветов, и кореньев. И как к вам ся наша грамота придет, то велели бы есте Омельке с детьми збирать травы, и цветы, и коренья, а для збору велели бы дать ему работников, сколько человек пригоже, и велели бы есте ему травы и коренья збирать с великим радением, во время. А что каких трав, и цветов, и кореньев он, Омелька, зберет, и вы под те травы, и цветы, и коренья велели дать подводы, на чем те травы, и цветы, и коренья мочно поднять и привезть к Москве...» [16, д. 685, л. 2–3]. Травники-помясы получали «поденный корм по 3 деньги на день человеку» [16, д. 68, л. 2].

Анализ источников, в первую очередь документов Российского государственного архива древних актов, открыл неизвестные моменты в становлении российского аптечного дела. Иностранцы стали основателями первой «царской» аптеки и пытались перенести западноевропейский опыт на организацию ее деятельности. Широкая закупка за границей «заморских» лекарственных средств была достаточно ощутимой для государственной казны, а их эффективность не была доказана клинически. Поэтому, используя традиционный опыт «зелейничества», широкое распространение в стране получили аптекарские огороды для выращивания лекарственного растительного сырья. Таким образом, русское лекарствоведение, чуждое западноевропейской схоластике, опиралось в основном на практику, проявляя интерес к лекарственным растениям своей страны.

Исторический анализ состояния аптечного дела в период его становления позволяет сделать вывод, что основными

предпосылками организации аптек стали следующие:

1. Образование единого Русского государства, способствовавшее становлению государственной системы управления, в том числе и здравоохранением.

2. Необходимость обобщения и систематизации опыта народной медицины, особенно тех ее положительных сторон, которые позволяли осуществлять эффективное лечение различных заболеваний природными средствами; отход от «знахарства», «заговоров» к профессиональным методам борьбы с болезнями.

3. Привлечение иностранных специалистов, обладавших достаточными знаниями и опытом, способствовало прогрессу в области медицины, поскольку в городах Западной Европы с XIII в. широко распространились аптеки, где продавались пахучие зелья, корни, семена, ароматные масла и бальзамы, готовились противоядия и лекарства по врачебным прописям, варилось мыло, отливались свечи. Таким образом, имея опыт ведения аптечного дела, иностранные аптекари, несомненно, должны были организовать аптеки и на Руси.

Обзор состояния медицины и лекарствоведения показал, что отсталая в результате трехсотлетнего монголо-татарского ига страна довольно быстро становилась на путь экономического прогресса.

Дальнейшее развитие фармации шло эволюционным путем: от «зеленичества», послужившего основой, на вековом опыте которого стала развиваться официальная фармация, от первой аптеки к дальнейшему расширению аптечной сети; от использования природных лекарств к внедрению в фармацевтическую практику химических препаратов; от органолептических методов анализа к приборным методам.

Список литературы

1. Воронцов А. Л., Воронцова Е. В. Развитие медицинской деятельности во второй половине XVI – начале XVII века: о роли иностранных медиков в становлении государственной медицины в России

// Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2014. № 4. С. 14–20.

2. Рихтер В. М. История медицины в России. М.: в Универ. тип., 1814. Т. 1. 462 с.

3. Лахтин М. Ю. Заготовка лекарственных трав в XVII в. (Из истории аптечного дела в России) // Фармацевт. 1903. № 35. С. 1197–1199.

4. Моница А. Государева аптека // Российские аптеки. 2001. № 1. С. 55.

5. Цейтлин М. А. Очерки по истории стекольной промышленности в России. М.: Гизлегпром, 1939. 204 с.

6. Мамонов Н. Е. Материалы для истории фармации в России. Т. 4. СПб., 1885.

7. Мирский М. Б. Медицина России XVI–XIX вв. М.: РОССПЭН, 1996. 400 с.

8. Змеев Л. Ф. Чтения по врачебной истории России. СПб.: Тип. В. Ф. Демакова, 1896. 264 с.

9. РГАДА (Рос. гос. арх. древних актов). Ф. 143. Оп. 2.

10. Флоринский В. М. Русские простонародные травники и лечебники. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1879. 229 с.

11. Новомбергский Н. Я. Врачебное строение в допетровской Руси. Томск: Паровая типо-лит. Сиб. т-ва печ. дела, 1907. 504 с.

12. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. XXVII, ст. 21105.

13. РГАДА. Ф. 143. Оп. 3

14. Лахтин М. Ю. Старинные памятники медицинской письменности. М.: Печ. А. Снегиревой, 1911. 229 с.

15. Аникин И. Л. Естественно-научные взгляды русских врачей XVII века // Советское здравоохранение. 1990. № 9. С. 77.

16. РГАДА. Ф. 143. Оп. 1.

17. Мамонов Н. Е. Материалы для истории медицины в России. Вып. 1. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1881. 128 с.

Поступила в редакцию 31.03.17

UDK 93/94/615.1

N. N. Koroteeva, Doctor of Historical Sciences, Professor, Southwest State University (Kursk, Russia) (e-mail: koronna.nat@mail.ru)

HISTORICAL EXPERIENCE OF FORMATION OF THE RUSSIAN PHARMACY IN THE XVI – XVII CENTURIES

The article gives a comprehensive analysis of the process of formation of organized pharmacy in Russia in XVI – XVII centuries. The main source base of this study were the documents of the Russian state archive of ancient acts, to reveal significant moments of the history of pharmacy at the early stage of its development. The opening of the first drugstores in the reign of Ivan IV served as a starting point for further development of pharmacy. The article analyzes the role of foreign pharmacists in the development of Russian pharmacy service, a detailed description of the activities "Royal" pharmacy: its equipment, operation procedure, procedure for the manufacture and supply of medicinal forms, organization of its supply. It should be noted that the pharmacy supplied to Russian and foreign medicines. As drugs used medicinal plants, honey, minerals, precious metals and stones. As drugs used medicinal plants, honey, minerals, precious metals and stones. Widespread fats: pig, wolf, Fox, hare, horse, surkovo, crane. Was in the course of such exotic products, like the pike, the wolf, opravy teeth, cancer of grains (balls of calcium carbonate from the vestibular system cancer), deer antler, goat blood. Subsequently, on the territory of Moscow was organized by the Apothecary gardens for the local cultivation of medicinal plants. But Apothecary gardens were not only a place for cultivation of medicinal plants and their processing. So in their state there were gardeners, herbalists-pomace and distillatory. Gardeners, respectively, were grown vegetable raw materials. Herbalists involved in the collection and drying of plant materials. Distillatory prepared medicines. The conclusion is made that Russian pharmacology, alien to Western European scholasticism, relied mainly on practice, with interest in medicinal plants of their country.

Key words: pharmacy, pharmacist, Apothecary garden, medicines, medicinal plants.

For citation: N. N. Koroteeva. Historical experience of formation of the Russian pharmacy in the XVI–XVII centuries, Proceeding of the Southwest State University. Series: History and Law, 2017, vol. 7, n 3(24), pp. 68–75 (in Russ.).

***

References

1. Voroncov A. L., Voroncova E. V. Razvitie medicinskoj deyatelnosti vo vtoroj polovine XVI – nachale XVII veka: o roli inostrannyh medikov v stanovlenii gosudarstvennoj mediciny v Rossii // *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija i pravo*. 2014. N 4. S. 14–20.

2. Rihter V. M. *Istorija mediciny v Rossii*. M.: v Univer. tip., 1814. T. 1. 462 s.

3. Lahtin M. Yu. Zagotovka lekarstvennyh trav v XVII v. (Iz istorii ap-technogo dela v Rossii) // *Farmacevt*. 1903. N 35. S. 1197–1199.

4. Monina A. Gosudareva apteka // *Rossijskie apteki*. 2001. N 1. S. 55.

5. Cejtlin M. A. *Ocherki po istorii stekol'noj promyshlennosti v Rossii*. M.: Gizlegprom, 1939. 204 s.

6. Mamonov N. E. *Materialy dlya istorii farmacii v Rossii*. T. 4. SPb., 1885.

7. Mirskij M. B. *Medicina Rossii XVI–XIX vv.* M.: ROSSPEHN, 1996. 400 s.

8. Zmeev L. F. *Chteniya po vrachebnoj istorii Rossii*. SPb.: Tip. V. F. Demakova, 1896. 264 s.

9. RGADA (Ros. gos. arh. drevnih aktov). F. 143. Op. 2.

10. Florinskij V. M. *Russkie prostonarodnye travniki i lechebniki*. Kazan': Tip. Imp. un-ta, 1879. 229 s.

11. Novombergskij N. Ya. *Vrachebnoe stroenie v dopetrovskoj Rusi*. Tomsk: Parovaya tipolit. Sib. t-va pech. dela, 1907. 504 s.

12. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii*. SPb., 1830. T. XXVII, st. 21105.

13. RGADA. F. 143. Op. 3

14. Lahtin M. Yu. *Starinnye pamjatniki medicinskoj pis'mennosti*. M.: Pech. A. Snegirevoj, 1911. 229 s.

15. Anikin I. L. *Estestvenno-nauchnye vzglyady russkih lekarej XVII veka* // *Soetskoe zdravoohranenie*. 1990. N 9. S. 77.

16. RGADA. F. 143. Op. 1.

17. Mamonov N. E. *Materialy dlya istorii mediciny v Rossii*. Vyp. 1. SPb.: Tip. M. M. Stasyulevicha, 1881. 128 s.

УДК 94:378(571)

Д. В. Хаминов, канд. ист. наук, доцент, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия) (e-mail: khaminov@mail.ru)

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ГРАНИЦЫ СИБИРИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ИСТОРИКОВ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XXI ВЕКА

Многофакторное понятие «Сибирь» в современном исследовательском дискурсе среди сибирских историков приобретает различные территориальные очертания. В прошлом, на протяжении XIX–XX веков, это понятие также не было четко определено среди исследователей и менялось в зависимости от различных факторов, которые влияли на понимание Сибири как специфического региона. Существует множество подходов к пониманию Сибири – ее рассматривают как явление историческое, природно-географическое, административное, экономическое, социокультурное. Сибирские историки определяли по-разному границы Сибири, в зависимости от хронологического периода, направления или предмета исследования (например, археология древней Сибири, этнография, экономическая история, история культуры и т. д.). В настоящей статье автором была сделана попытка обобщить историографию вопроса определения границ Сибири в работах сибирских историков трех периодов (досоветского, советского и современного) и определить тенденции и факторы, влиявшие на изменения этих границ. В качестве одного из новых определяющих границы региона факторов автором был выбран такой предмет исследования для современных историков, как изучение сибирского научно-образовательного комплекса. Автор заключает, что общей для исторических работ является концепция, согласно которой чем ближе предмет исследования к современности, тем понятие Сибири определяется максимально узко. В современных исторических работах в определении территориально-географических рамок Сибири выделяются две тенденции. Во-первых, большинство исследователей понимают Сибирь в рамках современного ее административного статуса в границах Сибирского федерального округа, при этом к ней примыкает еще и Тюменская область (входящая сегодня в Уральский федеральный округ), имеющая трансграничное положение. Во-вторых, практически все исследователи не включают Якутию в территориальные рамки исследования, в силу исторической специфики этого уникального региона в политическом, административном, экономическом, культурном и иных отношениях.

Ключевые слова: Сибирь, Западная Сибирь, Восточная Сибирь, субрегион, историография, исторические исследования, историки.

Ссылка для цитирования: Хаминов Д. В. Историографические границы Сибири в исследованиях историков конца XIX – начала XXI века // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2017. Т. 7, №3(24). С. 76–85.

***

В отечественной историографии последних полутора веков выделяется несколько исследовательских подходов к пониманию территориальных рамок Сибири. Этот регион рассматривают в исторической ретроспективе, в природно-географическом аспекте, как особый экономический регион (с выделением в ее структуре двух субрегионов – западно-сибирского и восточно-сибирского экономических районов), подходят к ее пониманию с точки зрения политико-административного устройства, в социокультурном аспекте и т. п. И при каждом подходе рамки Сибири не совпадают по объему включенных в нее территорий.

На протяжении XIX – нач. XX в. в понятие Сибири как особого региона и объекта научного (естественно-научного и социогуманитарного) исследования

включалось все пространство Российской империи, располагавшееся за Уралом (в том числе весь Дальний Восток) и даже входила часть современной Средней Азии. Со временем из этой территории выделились Приморское и Амурское генерал-губернаторства, которые к рубежу веков вышли из административного понятия Сибири. До Революции существовали особые исследовательские институты – Сибирский (образован в 1850 г., а с 1877 г. переименован в Восточно-Сибирский) и Западно-Сибирский (с 1877 г.) отделы Императорского русского географического общества, которые действовали в рамках двух субрегионов (Восточно-Сибирского и Западно-Сибирского генерал-губернаторств) [1].

В первые годы советской власти появилась территория так называемой

«Сибревкомовской Сибири» – административно-территориальное объединение, находившееся под управлением Сибревкома [2, с. 107–108]. В этот период понятие «Сибирь» охватывало все пространство за Уралом, вплоть до Дальневосточной республики (с 1922 г. – Дальневосточная область, а с 1925 г. – край). В ходе размежевания Сибири с соседними регионами и создания национальных административно-территориальных образований за пределы «Сибревкомовской Сибири» были выведены Челябинская, Тюменская, Акмолинская (Петропавловская), Семипалатинская губернии, Якутская АССР и Бурят-Монгольская АО. В 1925 г. «Сибревкомовская Сибирь» преобразована в Сибирский край. В подчинении Сибкрайисполкома находилась также Иркутская губерния. Читинский округ – традиционно сибирская территория – был отнесен к территории Дальневосточного края. Якутская АССР и Бурят-Монгольская АССР не входили ни в Дальневосточный край, ни в Сибирский край, представляя собой самостоятельные национально-территориальные автономные образования. Сибирский край в 1930 г. был разделен на Западно-Сибирский край (позже – область) и Восточно-Сибирский край (позже – область), в состав последнего вошли территории Читинского округа (выведен из состава Дальневосточного края) и Бурят-Монгольской АССР. Территория Якутской АССР сохраняла свою административную независимость и обособленность от сибирской администрации [3, с. 45–54].

«Сибирская советская энциклопедия» (ССЭ) в понятие Сибири включала, по преимуществу, материал, относившийся к Сибирскому краю, а смежные с Сибирским краем республики и области, находившиеся на территории географической Сибири, но не входившие в ее административные границы, были представлены в ССЭ «с меньшей полнотой». К последним относились Бурят-Монгольская и Якутская АССР, восточная часть Казахской АССР, Дальне-Восточный край и восточная часть Уральской обла-

сти. Как отмечают создатели ССЭ: «Мы не могли не коснуться, хотя бы и в очень сжатом виде, этих территорий, так как они исторически хозяйственно тесно связаны с современным Сибирским краем» [4, стб. X–XI]. Таким образом, ССЭ под Сибирью понимала практически всю территорию Азиатской части РСФСР, но приоритет в познавательном отношении отдавала территории, входившей в Сибирский край как специальный административный субъект [5, с. 83–84].

С ликвидацией и разукрупнением в 1937–1938 гг. Западно-Сибирского и Восточно-Сибирского краев и образования на их территориях самостоятельных территориальных областей и краев из административно-территориального дискурса ушло понятие Сибири как таковой. Последние административные преобразования произошли в предвоенные годы и в период Великой Отечественной войны.

Во второй половине XX века в административном дискурсе продолжало отсутствовать понятие Сибири. В отношении Сибири оставались ее интерпретации как экономического, географического, историко-культурного, этно-социального региона Азиатской части РСФСР. До начала 1950-х гг. шел процесс образования более компактных территориально-административных образований (краев и областей) и одновременное оформление субрегиональных экономических районов – Западно-Сибирского, Восточно-Сибирского и Дальневосточного. С конца 1960-х гг. Тюменская, Омская, Томская, Новосибирская, Кемеровская области и Алтайский край (вместе с входившей в его состав Горно-Алтайской АО) вошли в Западно-Сибирский экономический район; Тувинская и Бурятская АССР, Красноярский край (вместе с входившей в его состав Хакасской АО), Иркутская и Читинская области – в Восточно-Сибирский экономический район. Остальные восточные регионы РСФСР (в том числе Якутская АССР) вошли в состав Дальневосточного экономического района. Курганская область, ранее традиционно относившаяся к территории Си-

бири, вошла в состав Уральского экономического района [6, с. 100].

Образованные в 2000 г. в РФ Сибирский и Дальневосточный федеральные округа включили в свой состав те регионы, которые включали в себя ранее соответствующие экономические субрегионы. В Дальневосточный ФО были включены административно-территориальные образования, ранее составлявшие одноименный экономический район, а в Сибирский – края, области и национально-территориальные субъекты, ранее входившие в Западно-Сибирский и Восточно-Сибирский экономические районы, за исключением Тюменской области и входящих в ее состав двух автономных округов, которые в силу экономических и политических причин были включены в состав Уральского ФО [7].

Независимо от этих административных преобразований свои особенности в определении территориальных рамок Сибири существовали на протяжении второй половины XX в. в среде сибирских историков при определении границ своего исследования.

Состоявшаяся в марте 1960 г. в Новосибирске, Томске и Иркутске первая в истории сибирской исторической науки Общесоюзная межвузовская конференция историков Сибири и Дальнего Востока под эгидой Отделения исторических наук СО АН СССР, совместно с МВиССО РСФСР, в работе которой приняли участие ведущие историки вузов и научных учреждений Азиатской части СССР и других городов, определила историко-культурное, этнографическое и в некоторой степени экономическое и политическое единство двух этих макрорегионов [8]. Поскольку до 1960-х гг. в исторической науке Сибири (как, собственно, сибирских научно-образовательных учреждений, так и историков других городов и регионов, занимавшихся сибиреведческой проблематикой) научный тон задавали археологи, этнографы и антропологи (археолог А. П. Окладников, этнограф Л. П. Потапов, антрополог М. Г. Левин [8, с. 15–22, 23–34, 41–52]),

то эта концепция единства макрорегионов Азиатской части страны была положена в основу дальнейших исследований и пятитомного фундаментального труда «История Сибири», работа над которым велась на протяжении 1960-х гг. [9] Археологические и этнографические исследования, в силу специфики своего предмета, в меньшей степени, чем другие отрасли исторической науки, были связаны с административными особенностями развития территорий, а больше всего были привязаны к культурам и народам, которые не имели географических фронтиров, и все основные события были связаны с кросс-культурными трансформациями и подвижками.

В середине 1961 г. состоялось расширенное заседание Научного совета при СО АН СССР по проблеме «История Сибири и Дальнего Востока» (это был один из первоначальных вариантов названия издания, когда предполагалось разделение предмета исследования на два макрорегиона Азиатской части – Сибирь и Дальний Восток), посвященное обсуждению проспекта пятитомной «Истории Сибири и Дальнего Востока». В работе Научного совета приняли участие историки, археологи, этнографы, философы, экономисты, писатели, литературоведы, архивисты, краеведы, искусствоведы Западной и Восточной Сибири, Дальнего Востока, а также ученые центральных городов СССР, занимавшихся историей Сибири. Задачи этого издания, а также своеобразие и трудности работы над ним были раскрыты в выступлениях председателя Научного совета акад. А. П. Окладникова и зам. акад.-секр. Отделения исторических наук АН СССР В. И. Шункова, сводившиеся к тому, что оно должно было стать первым обобщающим трудом историков, охватившим историю всей Сибири «от Урала до Тихого океана, от Северного Ледовитого океана до границ, с Монголией, Китаем и Кореей» [10, с. 122].

В процессе подготовки издания (на протяжении 1960-х гг.), наряду с многочисленными проблемами частного порядка, возникали и общие проблемы,

среди которых выделялась проблема понимания предмета исследования, т. е. территориальных рамок Сибири. Этот вопрос требовал уточнения границ Сибири и вторая задача, вытекавшая из первой – уточнение самого понятия «Сибирь». Следуя давней традиции, восходившей еще к XVII в., члены главной редколлегии издания (в состав которой входили в основном представители археологического и антропологического направлений и истории Сибири феодального периода – А. П. Окладников, Л. П. Потапов, В. И. Шунков и др., для которых Сибирь понималась в самом широком смысле – практически вся территория Азиатской части страны) и авторского коллектива решили, что Сибирь представляет собой огромный регион, территория которого простирается от Урала до Тихого океана, включая Западную и Восточную Сибирь, а также Дальний Восток [11, с. 60].

В итоге географические рамки Сибири, которые вошли в ареал изучения, были определены уже в предисловии, опубликованном от имени главной редколлегии всего издания в первом томе: «История Сибири, прошлое огромной территории на Востоке Советского Союза, простирающейся от Урала до Тихого океана и от границы с Монголией до Ледовитого океана, издавна привлекает внимание исследователей. <...> Изучение Сибири приобрело новый мощный стимул в той важной роли, которую она играет как база строительства коммунизма на востоке нашей страны. Чтобы составить представление о перспективах дальнейшего развития Сибири и Дальнего Востока, следует вспомнить, что Сибири (с Тюменской и Курганской областями) принадлежит 40% пространства величайшего из материков нашей планеты – Азии» [9, т. 1, с. 5].

Мы видим, что помимо того, что территориально-географические рамки понятия Сибири не просто расширены, но они также включают в себя два субъекта, которые по хозяйственно-экономической привязке относились к Уральскому экономическому району: Тюменскую

и Курганскую области. В этом издании при рассмотрении отдельных исторических сюжетов, связанных с историей Сибири в ранние периоды, вплоть до 1920-х гг., т. е. до времени административного разделения территорий Сибири и Средней Азии, в границы Сибири включались регионы северного и северо-восточного Казахстана. При изучении специальных вопросов развития Сибири авторами выделялись отдельные сибирские субрегионы среднего уровня: Западная, Восточная, Южная Сибирь, Северо-Восток Азии, Дальний Восток, а также трансграничные субрегионы низшего порядка: Забайкалье, территории проживания народов Севера и т. п.

Акад. А. П. Окладников, продолжая развивать линию территориального определения Сибири, старался дать более точное определение этого региона, с одной стороны, разграничивая два макрорегиона – собственно Сибирь и Дальний Восток с их субрегионами, с другой стороны, давая новое определение этим территориям, новое их прочтение: «Все это вместе взятое при всем разнообразии природных условий имеет так много общего в естественно-географическом и историческом плане, что объединяется еще более широким понятием – "Северная Азия"» [12, с. 15]. Традиция широкой интерпретации границ Сибири сохранялась на протяжении всей последующей историографии советского периода и в исследованиях археологов, этнографов, антропологов продолжала трактоваться как территория всей Азиатской части РСФСР [13; 14; 15].

По мере обособления объекта исследования в рамках сибирского региона и выделения таких предметов, как история отдельных классов (прежде всего, крестьянства и рабочего класса), история отдельных отраслей народного хозяйства, отраслей культуры и т. п., происходили изменения и в территориальном подходе к пониманию Сибири.

Конкретный предмет исследования не требовал уже широких территориальных рамок, не было необходимости рассматривать Сибирь как единое социо-

культурное пространство за Уралом, как «Азиатская часть страны», где обитали и кочевали народы, шел генезис культур и пр. С обращением внимания исследователей на историю классов, отраслей народного хозяйства и других аспектов актуализировалась необходимость более четкой «привязки» понятия Сибирь к современным реалиям советского периода, т. е. привязки к современной административной структуре сибирских регионов и сложившихся экономических районов и комплексов.

На протяжении 1970–80-х гг. Институтом истории, филологии и философии СО АН СССР совместно с историками вузов Сибири была организована работа по подготовке двух фундаментальных трудов, которые были опубликованы на протяжении десятилетия – «История крестьянства Сибири» [16] и «История рабочего класса Сибири» [17].

Территориальные рамки, которыми охватывали эти издания понятие Сибири, существенно различались, в зависимости от предмета исследования (крестьянство или рабочий класс) и исторического периода, т. е. в зависимости от административно-территориального аспекта на каждом этапе истории. Так, в первых двух томах истории крестьянства для досоветского периода при определении Сибири ей отводилась вся территория Азиатской части РСФСР – собственно, сама Сибирь, Якутия и Дальний Восток [16, т. 1, с. 9–27; т. 2, с. 5–13]. При этом для дооктябрьского периода истории рабочего класса Сибирь понималась уже в более узком смысле – в таком же, что и Сибирь советского периода в исследованиях по истории сибирского крестьянства [17, т. 1, с. 6–7]. Начиная с советского периода истории СССР понятие Сибири в изданиях по истории крестьянства (а также по истории рабочего класса) было ограничено территориальными рамками в узком значении этого понятия (без регионов Дальнего Востока), т. е. включало в себя территорию от Урала до Забайкалья (включительно) [16, т. 3, с. 11].

В 4 и 5 томах «Истории крестьянства Сибири» и в 4 томе «Истории рабочего класса Сибири» территориальные рамки исследования определяются еще более конкретно – по современному (на сер. 1980-х гг.) делению на экономические районы [16, т. 3, с. 11; т. 4, с. 20; т. 5, с. 41]. В изданиях по истории рабочего класса в советский период производится также деление Сибири на крупные макро-регионы – на Западную и Восточную Сибирь, т. е. с учетом их особенностей промышленного развития и формирования кадрового потенциала рабочих кадров.

Изучение современной историографии показывает, что она ориентирована на вопросы изучения Сибири с точки зрения ее социокультурного развития, в том числе ее научно-образовательного комплекса, но при этом данный объект также не имеет однозначного определения территориально-географических рамок Сибири.

Исследовательские работы (прежде всего, диссертационные исследования) сибирских историков 1990–2000-х гг., посвященные вопросам, связанным с историей сибирского научно-образовательного комплекса, интеллигенции, или с конкретными вопросами развития высшего образования и науки, по-разному определяют понятие территории Сибири, в зависимости от предмета и хронологических рамок исследования. Так, С. А. Красильников территориальные рамки диссертационного исследования «Социально-политическое развитие интеллигенции Сибири в 1917 – середине 1930-х гг.» связывает с территориально-административным делением Сибири того периода – с территориями, составлявшими «Сибревкомовскую Сибирь» в первой половине 1920-х гг., а затем – Сибирского края [18]. Е. С. Генина в докторской диссертации «Кампания по борьбе с космополитизмом в Сибири: 1949–1953 гг.» территориальные рамки работы ограничила Сибирью в узком понимании значения географического названия и включила в него Тюменскую, Омскую, Новосибирскую, Томскую, Кемеровскую, Ир-

кутскую области, Алтайский и Красноярский края (без национальных субъектов и автономий, без территории Забайкалья). В первую очередь, автор раскрывал процессы в региональных центрах Сибири, поскольку это было обусловлено спецификой проведения самой кампании, затронувшей, главным образом, интеллигенцию, концентрировавшуюся в крупных сибирских городах [19]. Также в узком понимании Сибирь рассматривала в диссертационном исследовании Н. В. Камерова (без Забайкалья) [20].

При этом ученые, занимающиеся вопросами истории становления и развития археологических и этнографических исследований на территории Сибири, по-прежнему продолжают рассматривать ее территорию максимально широко, включая в нее обширный географический регион, не совпадающий с современным административно-территориальным представлением о Сибири [21; 22].

Свою специфику (также в зависимости от предмета и периода своего исследования) имеют работы, посвященные сибирским субрегионам – Западной и Восточной Сибири. С. Г. Сизов в докторской диссертации «Региональные органы ВКП(б)-КПСС и интеллигенция Западной Сибири в 1946–1964 гг.» включает в территориальные рамки исследования Алтайский край, Кемеровскую, Новосибирскую, Омскую, Томскую и Тюменскую области [23], а О. Л. Татарникова в кандидатской диссертации «Высшая школа Западной Сибири в 1917–1941 гг.» территорию предмета своего исследования отождествила с таким феноменом, как Западно-Сибирский экономический район [24]. Ю. Л. Лякутина в кандидатской диссертации «История становления и развития юридического образования в Восточной Сибири: 1918–1991 гг.» и в совместной с В. Н. Казариным монографии «Юридическое образование в Восточной Сибири (1918–1991 гг.)» включают в территориальные рамки Восточной Сибири Иркутскую, Читинскую области и Красноярский край (без нацио-

нальных субъектов и автономий), поскольку только на этих территориях функционировали вузы, осуществлявшие юридическое образование [25; 26].

Исследования проф. В. В. Петрика в вопросах определения границ научно-образовательного комплекса Сибири советского периода второй половины XX в. являются на сегодняшний день наиболее обоснованными и близкими к современным реалиям, с учетом исторических, экономических, административных и иных факторов. В своей монографии «Высшая школа Сибири в конце 50-х – начале 90-х годов XX века» автор включает в понятие Сибири второй половины XX в. регионы, относящиеся к современному Сибирскому федеральному округу, и примыкающую к ним Тюменскую область, при этом выводит Якутскую АССР из территориальных рамок исследования, полагая, что «Якутская АССР, рассмотрение которой в составе Восточной Сибири имеет определенную историографическую традицию, входит в Дальневосточный экономический район <...>. При некотором различии подходов в специальной литературе к определению понятия "Восточная Сибирь" вышеозначенные административно-территориальные и экономические границы являются наиболее признанными» [27, с. 29]. В докторской диссертации В. В. Петрик территориальные рамки исследования определял местом и все более возрастающей ролью Сибири в экономическом, культурном и научно-образовательном потенциале России. Свое исследование автор построил на выделении в Сибирском регионе территорий двух субрегионов – Западно-Сибирского и Восточно-Сибирского экономических районов, где Якутская АССР была исключена [28].

Общим для современных историографических работ в определении территориально-географических рамок понятия Сибири относительно сибирского научно-образовательного комплекса являются два обстоятельства. Первое – большинство исследователей понимают Сибирь в рамках современного ее адми-

нистративного статуса в границах Сибирского ФО, при этом к ней примыкает еще и Тюменская область (с соответствующими национально-территориальными автономиями, входящими в ее состав), имеющая трансграничное положение, которая в административном отношении была исключена из ареала Сибири, но исторически, экономически и в социально-культурном отношении была более к ней близка. Второе обстоятельство связано с тем, что исследователи не включают Якутию (Якутскую АССР) в территориальные рамки исследования, в силу исторической специфики этого уникального региона в политическом, административном, экономическом, культурном и иных отношениях. Ее историческая обособленность, как в советский период, так и на современном этапе развития Российского государства, дает основание говорить о том, что Якутия не входит ни в историко-географическое, ни в хозяйственно-экономическое, ни в социокультурное пространство сибирского или дальневосточного регионов, представляя собой особый, самобытный регион.

Таким образом, мы видим, что в разные периоды истории нашей страны территориальные рамки Сибири менялись и определялись по-разному, в зависимости от предмета исторического исследования и хронологического периода, который изучается автором. Общим для этих работ является тенденция, согласно которой чем ближе предмет исследования к современности, тем понятие Сибири определяется максимально узко.

Исследование выполнено при поддержке гранта Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук (МК-6824.2016.6).

Список литературы

1. Семенов П. П. История полувековой деятельности Императорского Русского Географического общества. 1845–1895: в 3-х ч. СПб.: В тип. В. Безобразова и Комп., 1896. Ч. 1. 468 с.; Ч. 2. 469–979 с.; Ч. 3. 981–1378 с.

2. Ильиных В. А. Сибревкомовская Сибирь // Историческая энциклопедия Сибири: в 3 т. / гл. ред. В. А. Ламин. Новосибирск: Ист. наследие Сибири, 2009. Т. 3.

3. Административно-территориальное устройство Сибири и Дальнего Востока / А. С. Зуев, Г. А. Ноздрин, Н. П. Матханова [и др.] // Историческая энциклопедия Сибири: в 3 т. / гл. ред. В. А. Ламин. Новосибирск: Ист. наследие Сибири, 2009. Т. 1.

4. Сибирская советская энциклопедия: в 4 т. Т. 1: А-Ж / под общ. ред. М. К. Азадовского [и др.]. Новосибирск: Сиб. краев. изд-во, 1929. 988 стб.

5. Папков С. А. Сибирский край // Историческая энциклопедия Сибири: в 3 т. / гл. ред. В. А. Ламин. Новосибирск: Ист. наследие Сибири, 2009. Т. 3.

6. Шиловский М. В. Сибирь // Историческая энциклопедия Сибири: в 3 т. / гл. ред. В. А. Ламин. Новосибирск: Ист. наследие Сибири, 2009. Т. 3.

7. Перечень федеральных округов: [утв. Указом Президента РФ от 13 мая 2000 г. № 849 «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе»] // Российская газета. 2000. 14 мая.

8. Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока: труды конференции по истории Сибири и Дальнего Востока: материалы пленарного заседания и секции истории досоветского периода, археологии и этнографии (март, 1960) / редкол.: В. И. Дулов (отв. ред.) [и др.]. Новосибирск: Изд-во Сиб. отд-ния АН СССР, 1961. 401 с.

9. История Сибири с древнейших времен до наших дней: в 5 т. / гл. ред. А. П. Окладников, В. И. Шунков. Л.: Наука, 1968–1969. Т. 1: Древняя Сибирь. 1968. 454 с.; Т. 2: Сибирь в составе феодальной России. 1968. 538 с.; Т. 3: Сибирь в эпоху капитализма. 1968. 530 с.; Т. 4: Сибирь в период строительства социализма. 1968. 501 с.; Т. 5: Сибирь в период завершения строительства социализма и перехода к коммунизму. 1969. 470 с.

10. Копылов А. Н. Обсуждение проспекта многотомной «Истории Сибири» // Вопросы истории. 1962. № 2. С. 122–125.
11. Шунков В. И. Некоторые проблемы истории Сибири // Вопросы истории. 1963. № 10. С. 60–70.
12. Окладников А. П. Открытие Сибири. 3-е доп. изд. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1982. 208 с.
13. Вдовин И. С. Актуальные проблемы этнографии аборигенного населения Сибири и Севера // Этнографические аспекты изучения современности: сб. ст. / редкол.: С. М. Абрамзон [и др.]. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1980. С. 16–28.
14. Гурвич И. С. Основные направления этнографических исследований Сибири: итоги и перспективы. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1984. С. 130–138.
15. Соколова З. П. Актуальные проблемы сибиреведения // Советская этнография. 1989. № 6. С. 36–46.
16. История крестьянства Сибири: в 5 т. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1982–1991. Т. 1: Крестьянство Сибири в эпоху феодализма / отв. ред. акад. А. П. Окладников. 1982. 504 с.; Т. 2: Крестьянство Сибири в эпоху капитализма / отв. ред. д. и. н. Л. М. Горюшкин. 1983. 399 с.; Т. 3: Крестьянство Сибири в период строительства социализма. 1917–1937 гг. / под ред. д. и. н. Н. Я. Гущина. 1983. 389 с.; Т. 4: Крестьянство Сибири в период упрочения и развития социализма / под ред. д. и. н. В. Т. Анискова, д. и. н. Н. Я. Гущина. 1983. 398 с.; Т. 5: Крестьянство и сельское хозяйство Сибири. 1960-е – 1980-е гг. / под ред. д. и. н. Н. Я. Гущина. 1991. 493 с.
17. История рабочего класса Сибири: в 5 т. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1982–1986. Т. 1: Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период / отв. ред. д. и. н. Н. В. Блинов. 1982. 455 с.; Т. 2: Рабочий класс Сибири в период строительства социализма (1917–1937 гг.) / отв. ред. д. и. н. А. С. Московский. 1982. 423 с.; Т. 3: Рабочий класс Сибири. 1938–1960 гг. 1985. 384 с.; Т. 4: Рабочий класс Сибири. 1961–1980-е гг. 1986. 355 с.
18. Красильников С. А. Социально-политическое развитие интеллигенции Сибири в 1917 – середине 1930-х гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Новосибирск, 1995. 44 с.
19. Генина Е. С. Кампания по борьбе с космополитизмом в Сибири: 1949–1953 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Кемерово, 2009. 54 с.
20. Камерова Н. В. Реализация партийно-государственной политики по отношению к исторической науке в Сибири в 1917–1938 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Кемерово, 2010. 26 с.
21. Томилов Н. А. Российское этнографическое сибиреведение XX века (к постановке проблемы) // Этнографическое обозрение. 2001. № 3. С. 92–101.
22. Китова Л. Ю. Концепции и направления археологических исследований в Сибири конца XIX – середине XX в.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.06. Кемерово, 2011. 52 с.
23. Сизов С. Г. Региональные органы ВКП(б)-КПСС и интеллигенция Западной Сибири в 1946–1964 гг.: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02: в 2 ч. Омск, 2004. Ч. 1. 212 с.
24. Татарникова О. Л. Высшая школа Западной Сибири в 1917–1941 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Новосибирск, 1996. 26 с.
25. Лякутина Ю. П. История становления и развития юридического образования в Восточной Сибири: 1918–1991 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Иркутск, 2009. 34 с.
26. Казарин В. Н., Лякутина Ю. П. Юридическое образование в Восточной Сибири (1918–1991 гг.). Иркутск: Изд-во ИГУ, 2012. 483 с.
27. Петрик В. В. Высшая школа Сибири в конце 50-х – начале 90-х годов XX века. Томск: Том. гос. ун-т, 2006. 648 с.
28. Петрик В. В. Развитие высшей школы Сибири в конце 1950-х – начале 1990-х годов: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Кемерово, 2009. 56 с.

Поступила в редакцию 29.05.17

UDC 94:378(571)

D. V. Khaminov, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia) (e-mail: khaminov@mail.ru)

HISTORIOGRAPHIC BOUNDARIES OF SIBERIA IN THE STUDIES OF HISTORIANS OF THE LATE 19TH – EARLY 21ST CENTURIES

The multifactor concept "Siberia" in the modern research discourse among Siberian historians acquires various territorial outlines. In the past, during the nineteenth and twentieth centuries, this notion was also not clearly defined among researchers and varied, depending on the various factors that influenced the understanding of Siberia as a specific region. There are many approaches to understanding Siberia - it is regarded as a historical, natural-geographical, administrative, economic, socio-cultural phenomenon. Siberian historians defined differently the boundaries of Siberia, depending on the chronological period, direction or subject of research (for example, the archeology of ancient Siberia, ethnography, economic history, history of culture, etc.). In this article, the author attempted to generalize the historiography of the problem of determining the boundaries of Siberia in the works of Siberian historians of three periods (pre-Soviet, Soviet and modern) and to identify trends and factors that influenced the changes in these boundaries. As one of the new factors determining the boundaries of the region, the author chose this subject of research for modern historians as a study of the Siberian scientific and educational complex. The author concludes that the general for historical works is the concept that the closer the subject of research to the present, the more the concept of Siberia is defined as narrowly as possible. In modern historical works in determining the geographical framework of Siberia, there are two trends. First, most researchers understand Siberia within its current administrative status within the boundaries of the Siberian Federal District, while the Tyumen region (which is entering today in the Urals Federal District), which has a trans-boundary position, is also adjacent to it. Secondly, almost all researchers do not include Yakutia in the territorial scope of the research, because of the historical specifics of this unique region in political, administrative, economic, cultural and other relationships.

Key words: Siberia, Western Siberia, Eastern Siberia, sub-region, historiography, historical studies, historians.

For citation: Khaminov D. V. Historiographic boundaries of Siberia in the studies of historians of the late 19th – early 21st centuries, Proceeding of the Southwest State University. Series: History and Law, 2017, vol. 7, n 3(24), pp. 76–85 (in Russ.).

***

References

1. Semenov P. P. Istoriya poluvekovoj deyatel'nosti Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo obshchestva. 1845–1895: v 3-h ch. SPb.: V tip. V. Bezobrazova i Komp., 1896. Ch. 1. 468 s.; Ch. 2. 469–979 s.; Ch. 3. 981–1378 s.
2. Il'inyh V. A. Sibrevkomovskaya Sibir' // Istoricheskaya ehnciklopediya Sibiri: v 3 t. / gl. red. V. A. Lamin. Novosibirsk: Ist. nasledie Sibiri, 2009. T. 3.
3. Administrativno-territorial'noe ustrojstvo Sibiri i Dal'nego Vostoka / A. S. Zuev, G. A. Nozdrin, N. P. Mathanova [I dr.] // Istoricheskaya ehnciklopediya Sibiri: v 3 t. / gl. red. V. A. Lamin. Novosibirsk: Ist. nasledie Sibiri, 2009. T. 1.
4. Sibirskaya sovetskaya ehnciklopediya: v 4 t. T. 1: A–Zh / pod obshch. red. M. K. Azadovskogo [i dr.]. Novosibirsk: Sib. kraev. izd-vo, 1929. 988 stb.
5. Papkov S. A. Sibirskij kraj // Istoricheskaya ehnciklopediya Sibiri: v 3 t. / gl. red. V. A. Lamin. Novosibirsk: Ist. nasledie Sibiri, 2009. T. 3.
6. Shilovskij M. V. Sibir' // Istoricheskaya ehnciklopediya Sibiri: v 3 t. / gl. red. V. A. Lamin. Novosibirsk: Ist. nasledie Sibiri, 2009. T. 3.
7. Perechen' federal'nyh okrugov: [utverzhden Ukazom Prezidenta RF ot 13 maya 2000 g. N 849 «O polnomochnom predstavitele Prezidenta Rossijskoj Federacii v federal'nom okruge»] // Rossijskaya gazeta. 2000. 14 maya.
8. Voprosy istorii Sibiri i Dal'nego Vostoka: trudy konferencii po istorii Sibiri i Dal'nego Vostoka: materialy plenarnogo zasedaniya i sekcii istorii dosovetskogo perioda, arheologii i ehntografii (mart, 1960) / redkol.: V. I. Dulov (otv. red.) [i dr.]. Novosibirsk: Izd-vo Sib. otd-niya AN SSSR, 1961. 401 s.
9. Istoriya Sibiri s drevnejshih vremen do nashih dnei: v 5 t. / gl. red. A. P. Okladnikov, V. I. Shunkov. L.: Nauka, 1968–1969. T. 1: Drevnyaya Sibir'. 1968. 454 s.; T. 2: Sibir' v sostave feodal'noj Rossii. 1968. 538 s.; T. 3: Sibir' v ehpohe kapitalizma. 1968. 530 s.; T. 4: Sibir' v period stroitel'st-

va socializma. 1968. 501 s.; T. 5: Sibir' v period zaversheniya stroitel'stva socializma i perekhoda k kommunizmu. 1969. 470 s.

10. Kopylov A. N. Obsuzhdenie prospekta mnogotomnoj «Istorii Sibiri» // Voprosy istorii. 1962. N 2. S. 122–125.

11. Shunkov V. I. Nekotorye problemy istorii Sibiri // Voprosy istorii. 1963. N 10. S. 60–70.

12. Okladnikov A. P. Otkrytie Sibiri. 3-e dop. izd. Novosibirsk: Zap.-Sib. kn. izd-vo, 1982. 208 s.

13. Vdovin I. S. Aktual'nye problemy ehtnografii aborigennogo naseleniya Sibiri i Severa // Ehtnograficheskie aspekty izucheniya sovremennosti: sb. st. / redkol.: S. M. Abramzon [i dr.]. L.: Nauka, Leningr. otd-nie, 1980. S. 16–28.

14. Gurvich I. S. Osnovnye napravleniya ehtnograficheskikh issledovanij Sibiri: itogi i perspektivy. Novosibirsk: Nauka, Sib. otd-nie, 1984. S. 130–138.

15. Sokolova Z. P. Aktual'nye problemy sibirevedeniya // Sovetskaya ehtnografiya. 1989. N 6. S. 36–46.

16. Istorija krest'yanstva Sibiri: v 5 t. Novosibirsk: Nauka, Sib. otd-nie, 1982–1991. T. 1: Krest'yanstvo Sibiri v ehphu feodalizma / otv. red. akad. A. P. Okladnikov. 1982. 504 s.; T. 2: Krest'yanstvo Sibiri v ehphu kapitalizma / otv. red. d. i. n. L. M. Goryushkin. 1983. 399 s.; T. 3: Krest'yanstvo Sibiri v period stroitel'stva socializma. 1917–1937 gg. / pod red. d. i. n. N. Ya. Gushchina, 1983. 389 s.; T. 4: Krest'yanstvo Sibiri v period uprocheniya i razvitiya socializma / pod red. d. i. n. V. T. Aniskova, d. i. n. N. Ya. Gushchina. 1983. 398 s.; T. 5: Krest'yanstvo i sel'skoe hozyajstvo Sibiri. 1960-e – 1980-e gg. / pod red. d. i. n. N. Ya. Gushchina. 1991. 493 s.

17. Istorija rabocheho klassa Sibiri: v 5 t. Novosibirsk: Nauka, Sib. otd-nie, 1982–1986. T. 1: Rabochij klass Sibiri v dooktyabr'skij period / otv. red. d. i. n. N. V. Blinov. 1982. 455 s.; T. 2: Rabochij klass Sibiri v period stroitel'stva socializma (1917–1937 gg.) / otv. red. d. i. n. A. S. Moskovskij, 1982. 423 s.; T. 3: Rabochij klass Sibiri. 1938–1960 gg. 1985. 384 s.; T. 4:

Rabochij klass Sibiri. 1961–1980-e gg. 1986. 355 s.

18. Krasil'nikov S. A. Social'no-politicheskoe razvitie intelligencii Sibiri v 1917 – seredine 1930-h gg.: avtoref. dis. ... d-ra. ist. nauk: 07.00.02. Novosibirsk, 1995. 44 s.

19. Genina E. S. Kampaniya po bor'be s kosmopolitizmom v Sibiri: 1949–1953 gg.: avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk: 07.00.02. Kemerovo, 2009. 54 s.

20. Kamerova N. V. Realizaciya partijno-gosudarstvennoj politiki po otnošeniju k istoricheskoj nauke v Sibiri v 1917–1938 gg.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.02. Kemerovo, 2010. 26 s.

21. Tomilov N. A. Rossijskoe ehtnograficheskoe sibirevedenie XX veka (k postanovke problemy) // Ehtnograficheskoe obozrenie. 2001. N 3. S. 92–101.

22. Kitova L. Yu. Konceptii i napravleniya arheologicheskikh issledovanij v Sibiri konca XIX – seredine XX v.: avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk: 07.00.06. Kemerovo, 2011. 52 s.

23. Sizov S. G. Regional'nye organy VKP(b)-KPSS i intelligenciya Zapadnoj Sibiri v 1946–1964 gg.: dis. ... d-ra ist. nauk: 07.00.02: v 2 ch. Omsk, 2004. Ch. 1. 212 c.

24. Tatarnikova O. L. Vysshaya shkola Zapadnoj Sibiri v 1917–1941 gg.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.02. Novosibirsk, 1996. 26 s.

25. Lyakutina Yu. P. Istorija stanovleniya i razvitiya juridicheskogo obrazovaniya v Vostochnoj Sibiri: 1918–1991 gg.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.02. Irkutsk, 2009. 34 s.

26. Kazarin V. N., Lyakutina Yu. P. Yuridicheskoe obrazovanie v Vostochnoj Sibiri (1918–1991 gg.). Irkutsk: Izd-vo IGU, 2012. 483 s.

27. Petrik V. V. Vysshaya shkola Sibiri v konce 50-h – nachale 90-h gg. XX veka. Tomsk: Tom. gos. un-t, 2006. 648 s.

28. Petrik V. V. Razvitie vysshej shkoly Sibiri v konce 1950-h – nachale 1990-h godov: avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk: 07.00.02. Kemerovo, 2009. 56 s.

УДК 94(47).084.6

С. А. Никифоров, канд. ист. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск, Россия) (e-mail: s.nikiforoff@rambler.ru)

АГРАРНЫЙ СЕКТОР ЭКОНОМИКИ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

К числу наиболее острых, дискуссионных исторических вопросов относятся события Великой Отечественной войны, и в первую очередь вопрос о цене Победы. Для объективной оценки ущерба, нанесенного войной и оккупацией, необходимо проанализировать уровень социально-экономического развития СССР в предвоенный период. В настоящей статье проведен анализ довоенного уровня развития аграрного сектора экономики одного из регионов Советского Союза, подвергшегося в период войны оккупации, – Курской области. Автор отмечает, что накануне Великой Отечественной войны территория Курской области была значительно больше, чем ее территория в современных границах. В составе Курской области находились районы современной Белгородской области, семь районов, ныне входящих в состав Орловской и Липецкой областей. Всего имелось 66 сельских районов. На территории Курской области располагалось 17 городов (из них 2 города областного значения: Курск и Белгород) и 8 760 иных населенных пунктов. Сельское хозяйство являлось доминирующей отраслью экономики региона. В статье проведен обстоятельный анализ структуры и динамики сельского хозяйства Курской области накануне Великой Отечественной войны. Приведены статистические сведения, характеризующие уровень развития растениеводства, животноводства и птицеводства в Курской области. В статье автор констатирует низкий уровень урожайности основных сельскохозяйственных культур, дефицит продовольствия в сельской местности. Сделан вывод об экстенсивном пути развития аграрного сектора экономики области накануне Великой Отечественной войны, мощном экономическом потенциале сельского хозяйства Курской области в рассматриваемый период.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Курская область, сельское хозяйство, растениеводство, животноводство, колхоз, совхоз, коллективизация, экономика.

Ссылка для цитирования: Никифоров С. А. Аграрный сектор экономики Курской области накануне Великой Отечественной войны // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2017. Т. 7, №3(24). С. 86–98.

***

В современной отечественной историографии значительное количество исследований посвящено определению размера ущерба, нанесенного экономике Советского Союза в ходе Великой Отечественной войны. Делаются попытки оценить влияние экономических и демографических потерь страны на её последующее развитие. При этом общепризнанным является тот факт, что основной урон хозяйству СССР был причинен в результате оккупации части территории страны войсками Германии и её союзников в 1941–1944 гг., а также военными действиями, развернувшимися на территории европейских регионов Советского Союза. Ряд исследователей и большинство неспециалистов задаются вопросами: как бы сложилась история Советского государства, не случись войны, как бы

могли развиваться события, если бы удалось остановить войска агрессора на границе и одержать победу, не допустив оккупации наиболее развитых республик и областей страны?

Для ответа на вышеназванные вопросы необходимо проанализировать уровень социально-экономического развития СССР в предвоенный период. Между тем проведение данного анализа сопряжено с рядом проблем. Так, трудности при изучении темы связаны с тем, что значительный массив документов предвоенного периода был уничтожен в ходе военных действий. К числу проблем, стоящих на пути исследователя, относятся противоречивые данные о количестве населения Советского Союза, недостоверные сведения в официальных докладах и отчетах о выполнении годовых и

пятилетних планов. Это объясняется тем, что накануне войны для государственной системы Советского Союза характерным явлением было «приукрашивание» действительности: в документах, предназначенных для советской общественности и иностранцев, должны были отражаться только успехи и победы. Данное явление способствовало формированию идеального образа социалистического государства и было частью пропагандистской работы, проводимой руководством страны.

В силу недостоверности сведений официальной советской статистики [1] целесообразно подкреплять выводы исследователей ссылками на источники, заслуживающие большего доверия. Необходимые данные, позволяющие провести анализ социально-экономического развития Советского государства, содержатся в документах региональных архивов. Ценную информацию удастся обнаружить, например, в бывших «партийных архивах». В 30–40-е годы сбором и обобщением сведений о социально-экономическом развитии регионов Советского Союза занимались областные комитеты ВКП(б). Материалы, собранные работниками обкомов партии, носили закрытый характер, они достаточно точно отражают реальное положение дел в хозяйствах регионов: в отличие от официальных источников в них нередко встречаются критические отчеты о ходе работ по строительству промышленных предприятий, подробные сообщения о невыполнении хозяйственных планов (с указанием причин и виновных). Таким образом, документы, подготовленные для областных комитетов ВКП(б), а также этими партийными органами, могут выступать в качестве ценного источника сведений о социально-экономическом развитии отдельных областей Советского Союза. Обобщение информации, хранящейся в региональных архивах, может

способствовать формированию адекватной оценки уровня социально-экономического развития СССР накануне войны в целом.

Документы Курского обкома ВКП(б) в настоящее время хранятся в Государственном архиве общественно-политической истории Курской области, в том числе сохранились дела, содержащие сведения о состоянии сельского хозяйства Курской области в предвоенный период. Указанные сведения представлены в виде отчетов и докладов, направленных районными органами власти в адрес Курского обкома ВКП(б). В настоящей статье представлены обобщенные статистические данные о сельском хозяйстве Курской области накануне Великой Отечественной войны.

Экономика Курской области в основном была ориентирована на производство сельскохозяйственной продукции и ее переработку. Наибольшее значение имели животноводство и выращивание зерна. Производился посев технических культур (свеклы, конопли, масличного подсолнечника и др.) [2, с. 73–74; 3].

Отметим, что накануне Великой Отечественной войны территория Курской области была значительно больше, чем ее территория в современных границах. В составе Курской области находились районы современной Белгородской области, семь районов, ныне входящих в состав Орловской и Липецкой областей. Всего имелось 66 сельских районов. На территории области располагалось 17 городов (из них 2 города областного значения – Курск и Белгород) и 8 760 иных населенных пунктов. Площадь Курской области в предвоенный период составляла 53 878 км², что почти на 24 тыс. км² превышает площадь области в современных границах (29 997 км²). Сегодня в состав области входит 28 районов. Количество населенных пунктов к настоящему времени сократилось более чем в два ра-

за: до 2807 единиц, в том числе в области имеется 10 городов (5 – областного, 5 – районного значения) [4, л. 1–71].

Основными производителями сельскохозяйственной продукции в Курской области накануне Великой Отечественной войны выступали колхозы. В 1939 г. в области насчитывалось 5 344 колхоза, которые объединяли 486 012 крестьянских хозяйства. Средний уровень коллективизации составлял 92,2%, максимальным этот показатель был в Дмитровском районе – 99,4%, минимальное значение уровня коллективизации отмечается в Беловском районе – 81%. Колхозы обрабатывали более 2 702 тыс. га посевных площадей (98,9% площади посевов по области). В области также имелось 55 совхозов. Совхозы располагали собственной сельскохозяйственной техникой. Посевные, уборочные и другие полевые работы с использованием средств механизации для нужд колхозов выполняли машинно-тракторные станции (МТС), которых в области насчитывалось 178 единиц (деятельностью МТС с 1934 г. руководили главные агрономы районных земельных отделов – РАЙЗО). Обслуживание колхозов машинно-тракторными станциями происходило на основе договорных отношений [4, л. 1-71].

Сельское хозяйство в Курской области велось в значительной степени с использованием средств механизации (в 1940 г. механизация основных сельскохозяйственных работ составила 61,1%, обработка посевов комбайнами – 35–40% ко всей уборочной площади колхозов [5, с. 53]).

В 1939 г. на балансе МТС имелось более 7 тыс. тракторов, 700 автомашин, 2,5 тыс. комбайнов, кроме того, в хозяйствах совхозов насчитывалось 767 тракторов, 235 автомобилей и 150 комбайнов. Вместе с тем отметим, что обмолот зерна, как в частных хозяйствах, так и на колхозном токе, производился преимуще-

ственно вручную – деревянными цепями. При обмолоте зерна использовались также молотилки на конской тяге. Уровень механизации ежегодно рос [4, л. 1–71]. Так, к 1941 г. во всех 178 МТС области имелось 16 680 тракторов [6, л. 18]. В это же время машинно-транспортные станции располагали примерно четырьмя тысячами комбайнов [5, с. 53].

Кроме техники МТС и совхозов, некоторое количество автомашин (более 1,1 тыс.), тракторов и других средств механизации сельскохозяйственного труда (в том числе молотилки, двигатели, локомобили) имелось и в собственности колхозов. К началу войны далеко не во всех колхозах области имелись собственные автомобили (1155 машин приходилось примерно на 5200 колхозов). Располагая парком в несколько сотен автомобилей, МТС не могли существенным образом повлиять на ситуацию с сельскохозяйственными перевозками. Основной тягловой силой в сельской местности оставались лошади. К началу войны в области имелось 22 тыс. волов и 373 тыс. лошадей [5, с. 58].

Накануне Великой Отечественной войны ведущую роль в сельском хозяйстве Курской области играло растениеводство (табл. 1). В 1939 г. из 2830,5 га посевных площадей 2099 га было отведено под зерновые культуры. Сахарная свекла выращивалась на 158 тыс. га, по ее посевам Курская область находилась на втором месте в СССР (после Винницкой области). Значительные площади были заняты подсолнечником – 72,8 тыс. га. Курской области принадлежало второе место в РСФСР по посевам и первичной обработке конопли – 39,4 тыс. га, по площади плодовых насаждений (больше садов было только в Крыму). В районах, расположенных в окрестностях Курска, в промышленных объемах выращивался картофель и другие овощи.

Таблица 1

Растениеводство Курской области по состоянию на конец 1939 г. [4, л. 1–71]

Наименование района	Посевная площадь, тыс. га					По производству незерновых культур район относился к группе
	зерновые	технические культуры			картофель и овощи	
		сах. свекла	подсолнечник	конопля		
1. Александровский район	35,2					свекловодческих
	24,2	3,1				
		3,0				
2. Белгородский район	37,3					свекловодческих
	26,7	4,5				
		3,7				
3. Беленихинский район	23,9					свекловодческих
	19,3	2,8				
		2,6				
4. Беловский район	47,4					свекловодческих
	34,8	6,2				
		5,4				
5. Бесединский район	38,7					свекловодческо-овощеводческих
	31,4	3,3			2,7	
		2,9				
6. Боброво-Дворский район	47,3					подсолнечниководческих
	32,6	8,6				
			6,2			
7. Бобрышевский район	28,9					свекловодческих
	22,1	2,7				
		2,5				
8. Больше-Полянский район	28,3					свекловодческих
	22,8	1,1				
		0,4				
9. Больше-Солдатский район	37,4					свекловодческих
	28,0	4,9				
		4,2				
10. Больше-Троицкий район	45,0					подсолнечно-свекловодческих
	30,8	7,6				
		1,9	5,2			
11. Борисовский район	39,3					свекловодческих
	28,7	3,3				
		3,0				
12. Валуйский район	36,2					подсолнечно-свекловодческих
	25,4	5,3				
		2,2	2,4			
13. Велико-Михайловский район	31,9					подсолнечноводческих
	21,5	6,9				
			5,3			

Продолжение табл. 1

Наименование района	Посевная площадь, тыс. га					По производству незерновых культур район относился к группе
	зерновые	технические культуры			картофель и овощи	
		сах. свекла	подсолнечник	конопля		
14.Верхне-Любажский район	29,9					конопледческих
	24,3	2,8			2,8	
15.Воловский район	42,3					свекловодческих
	34,0	2,9				
		1,1				
16.Волоконовский район	68,7					подсолнечно-свекловодческих
	48,9	12,3				
		4,1	6,4			
17.Воскресеновский район	44,4					свекловодческих
	30,8	5,2				
		4,4				
18.Глазуновский район	31,0					конопледческих
	23,6				2,4	
19.Горшеченский район	26,0					подсолнечно-свекловодческих
	19,5	2,9				
		0,7	1,7			
20.Грайворонский район	46,4					свекловодческих
	32,7	6,1				
		5,2				
21.Дмитриевский район	62,4					конопледческо-свекловодческих
	43,9	7,5				
		4,5		2,9		
22.Дмитровский район	55,5					конопледческо-свекловодческих
	41,1	4,5				
		0,6		3,5		
23.Золотухинский район	32,1					конопледческих
	25,8	2,1				
				1,8		
24.Ивано-Лукашевский район	35,1					свекловодческих
	24,6	3,7				
		3,0				
25.Ивнянский район	40,9					свекловодческих
	30,6	5,1				
		4,2				
26.Касторенский район	41,1					свекловодческих
	31,0	3,6				
		3,1				
27.Коньшевский район	57,7					конопледческо-свекловодческих
	45,3	6,1				
		2,3		3,8		

Продолжение табл. 1

Наименование района	Посевная площадь, тыс. га					По производству незерновых культур район относился к группе
	зерновые	технические культуры			картофель и овощи	
		сах. свекла	подсолнечник	конопля		
28. Кореневский район	45,6					свекловодческих
	34,2	6,0				
4,9						
29. Коренской район	29,2					коноплеводческих
	24,0	1,9				
1,7						
30. Корочанский район	60,2					подсолнечноводческих
	38,9	11,8				
		9,3				
31. Красно-Яружский район	33,2					свекловодческих
	21,5	5,5				
4,8						
32. Крупецкий район	35,4					свекловодческих
	25,4	3,8				
3,1						
33. Кшенский район	63,0					свекловодческих
	50,9	4,1				
3,8						
34. Лачиновский район	33,3					свекловодческих
	26,7	2,1				
2,0						
35. Льговский район	48,5					свекловодческих
	33,0	6,1				
5,1						
36. Малоархангельский район	44,4					коноплеводческих
	34,1	4,0				
			3,5			
37. Мальцевский район	32,2					свекловодческо-овощеводческих
	25,2	1,7			3,5	
1,2						
38. Мантуровский район	35,5					подсолнечноводческих
	25,4	5,8				
		5,0				
39. Марьинский район	35,8					свекловодческих
	28,3	3,8				
2,6						
40. Медвенский район	55,8					свекловодческо-подсолнечноводческих
	44,5	6,2				
2,3		2,7				
41. Михайловский район	38,5					коноплеводческих
	28,9	3,5				
			3,2			

Продолжение табл. 1

Наименование района	Посевная площадь, тыс. га				картофель и овощи	По производству незерновых культур район относился к группе
	зерновые	технические культуры		конопля		
		сах. свекла	подсолнечник			
42.Верхне-Любажский район	29,9					коноплеводческих
	17,7	2,9				
		0,8	1,9			
43.Ново-Оскольский район	50,8					подсолнечно-свекловодческих
	34,3	9,2				
		2,0	6,1			
44.Обоянский район	50,1					свекловодческих
	39,1	4,4				
		3,8				
45.Поныровский район	37,1					коноплеводческих
	30,0	3,2				
				2,8		
46.Ракитянский район	44,6					свекловодческих
	30,4	7,0				
		6,1				
47.Рыльский район	35,0					свекловодческих
	24,5	4,5				
		3,9				
48.Сажновский район	27,0					свекловодческих
	19,9	3,1				
		3,0				
49.Скороднянский район	45,1					подсолнечноводческих
	29,6	9,4				
			6,5			
50.Солнцевский район	55,6					свекловодческих
	45,7	4,5				
		3,6				
51.Старо-Оскольский район	59,7					подсолнечно-свекловодческих
	41,1	7,9				
		6,5	1,0			
52.Стрелецкий район	39,6				5,4	картофельно-овощеводческих
	31,9	0,2				
53.Суджанский район	52,1					свекловодческих
	36,5	6,8				
		5,9				
54.Тербунский район	41,3					свекловодческих
	31,9	1,6				
		0,9				
55.Теткинский район	42,2					свекловодческих
	26,3	5,5				
		4,6				

Окончание табл. 1

Наименование района	Посевная площадь, тыс. га					По производству незерновых культур район относился к группе
	зерновые	технические культуры			картофель и овощи	
		сах. свекла	подсолнечник	конопля		
56.Верхне-Любажский район	29,9					коноплеводческих
	38,9	7,2				
			6,1			
57.Томаровский район	43,5					свекловодческих
	34,0	5,0				
		4,5				
58.Троснянский район	42,4					коноплеводческих
	34,7	3,6				
				3,6		
59.Уразовский район	42,0					подсолнечно-свекловодческих
	33,1	4,9				
		1,5	1,3			
60.Фатежский район	47,0					коноплеводческих
	37,0	4,3				
				3,9		
61.Хомутовский район	62,0					коноплеводческих
	45,8	5,5				
				5,2		
62.Черемисиновский район	43,4					подсолнечно-свекловодческих
	35,7	3,2				
		2,6				
63.Чернянский район	58,1					подсолнечно-свекловодческих
	40,5	11,1				
		2,1	7,2			
64.Шебекинский район	48,8					свекловодческих
	29,1	8,1				
		6,2	0,3			
65.Щигровский район	71,3					свекловодческих
	59,8	4,2				
		3,5				
66.Ястребовский район	36,0					подсолнечноводческих
	26,1	5,6				
			3,6			
Итого	2830,5					11,6
	2099	318,9				
		158	78,2	39,4		

Приведем сведения об урожайности сельскохозяйственных культур в Курской области в предвоенный период (табл. 2).

Таким образом, урожайность основных сельскохозяйственных культур была невысокой. Продовольствие на селе имелось в явно недостаточном количестве: чтобы иметь хлеб в достатке, по подсчетам специалистов, необходимо получать урожай зерна в среднем 15 центнеров с каждого гектара пашни. Для сравнения заметим, что в начале XX в. в России получали по 8,2 центнера зерна с гектара. В 1970-х гг. средний урожай в СССР был 16,6 центнера с гектара, а в некоторых регионах страны значительно больше –

35–40 центнеров с гектара. Надо также учесть, что государство фактически подчистую изымало продовольствие, выращенное колхозами. Кроме того, в пользу государства взимались многочисленные налоги с крестьянских хозяйств. Статистические данные полностью подтверждают воспоминания современников о том, что «сельское население жило бедно, зачастую впроголодь» [7; 8].

Большое значение для экономики области имело животноводство. Колхозы, совхозы и крестьяне-единоличники занимались выращиванием крупного рогатого скота, лошадей, свиней, овец и коз (табл. 3).

Таблица 2

Урожайность сельскохозяйственных культур в Курской области [9, л. 6-8]

Сельскохозяйственная культура	1939 г.			1940 г.		
	убрано, га	урожайность, ц с 1 га	валовой сбор, ц	убрано, га	урожайность, ц с 1 га	валовой сбор, ц
Озимая рожь	536021	7,6	4263203	684032	9,09	6221108
Озимая пшеница	194661	5,1	984823	202388	10,39	2103016
Яровая пшеница	192320	7,4	1427181	192542	9,09	1749842
Ячмень	180647	11,5	2082066	184094	13,37	2461605
Овес	429746	11,5	2082066	399523	8,37	3345831
Просо	238872	7,1	1696744	220533	13,42	2956979
Вика на зерно	36920	5,3	194486	40718	7,79	317032
Прочие зерновые	5020	10,9	55078	726	10,27	7456
Бобовые	49962	3,7	186651	33407	4,82	171085
Всего бобовые и зерновые	1992206	7,39	14729820	2087412	9,79	20429106
Сахарная свекла	144878	86,4	12516725	137863	100	13797006
Подсолнечник	81896	7,98	653298	96695	8,49	736187
Конопля на волокно	42045	1,07	22235	47850	3,02	143582
Конопля на семена	42045	0,69	29035	47850	3,03	145268
Кориандр	13928	3,56	49559	9182	4,89	42125
Картофель	42164	24,3	1023841	31434	94,9	2983107

Таблица 3

Животноводство Курской области по состоянию на конец 1939 г. [4, л. 1–71]

Наименование района	Лошади, голов		КРС, голов		Свиньи, голов		Овцы и козы, голов	
	всего	у индивидуальных	всего	у индивидуальных	всего	у индивидуальных	всего	у индивидуальных
1. Александровский район	5938	52	9535	153	5860	46	10530	123
2. Белгородский район	4106	53	9488	147	5896	98	8401	153
3. Беленихинский район	3623	16	6274	56	2420	7	9149	55
4. Беловский район	6581	129	14416	483	7760	272	10139	169
5. Бесединский район	5131	51	7934	108	2131	12	10014	89
6. Боброво-Дворский район	5537	13	10418	48	3012	4	14079	72
7. Бобрышевский район	3885	41	6434	212	2050	46	4849	72
8. Больше-Полянский район	3049	5	5194	20	3002	-	6085	42
9. Больше-Солдатский район	5470	155	10247	370	52221	172	10844	278
10. Больше-Троицкий район	5391	155	13558	166	6896	49	12955	325
11. Борисовский район	5354	70	11625	80	9401	85	7497	126
12. Валуйский район	5056	43	12490	54	6308	17	14444	67
13. Велико-Михайловский район	3774	10	8590	34	3885	13	13144	147
14. Верхне-Любавский район	2988	30	4456	150	1204	10	7151	125
15. Воловский район	5174	7	7138	63	3178	13	9477	85
16. Волоконовский район	8454	32	16643	27	11799	10	33351	152
17. Воскресеновский район	5261	28	14708	40	10592	33	7959	34
18. Глазуновский район	3897	4	5977	41	1590	11	8047	45
19. Горшеченский район	2855	7	5224	59	2356	9	5824	45
20. Грайворонский район	7195	177	14314	153	8782	84	6661	139
21. Дмитриевский район	8665	121	17536	233	6737	75	17861	138
22. Дмитровский район	8705	12	14179	10	5078	5	18705	19
23. Золотухинский район	4920	21	6954	121	2230	18	9298	108
24. Ивано-Лукашевский район	5726	38	14171	280	6178	102	11740	110
25. Ивнянский район	5237	81	11212	178	5571	67	8925	110
26. Касторенский район	4418	47	8739	201	3135	17	7832	134
27. Коньшевский район	5855	38	13238	138	4059	8	18071	122
28. Кореневский район	5991	195	12599	412	5896	111	9379	239
29. Коренской район	3403	5	5381	42	1223	6	6064	31
30. Корочанский район	9275	72	13770	74	4949	24	22164	238
31. Красно-Яружский район	5972	14	12860	32	8421	24	4481	43
32. Крупецкий район	5778	148	10948	336	9114	317	10054	121
33. Кшенский район	7642	15	9693	116	6563	14	11693	93
34. Лачиновский район	3740	5	4472	27	1711	4	4208	17
35. Льговский район	9077	151	19112	293	8965	102	14041	96
36. Малоархангельский район	6039	32	8136	83	1543	8	12198	104

Наименование района	Лошади, голов		КРС, голов		Свиньи, голов		Овцы и козы, голов	
	всего	у единоличников	всего	у единоличников	всего	у единоличников	всего	у единоличников
37. Мальцевский район	5524	36	7775	71	3570	20	8601	38
38. Мантуровский район	4425	33	7653	123	2380	9	9874	191
39. Марьинский район	4455	37	9996	84	5119	36	6185	29
40. Медвенский район	7165	82	11703	207	5841	78	12380	67
41. Михайловский район	3373	59	8283	150	1191	17	11050	3116
42. Нижне-Гниловский район	2619	48	5409	159	2161	36	7453	141
43. Ново-Оскольский район	6959	9	12057	83	7496	13	26686	155
44. Обоянский район	7760	89	13409	266	9824	135	13045	116
45. Поныровский район	4471	21	7740	307	1582	22	7931	116
46. Ракитянский район	6987	109	14930	163	9539	80	7705	113
47. Рыльский район	6135	27	13324	75	5970	32	15730	43
48. Сажновский район	3893	67	8125	184	3378	49	11465	246
49. Скороднянский район	6359	59	9351	185	3961	10	11383	169
50. Солнцевский район	7390	34	13642	91	6025	51	14558	70
51. Старо-Оскольский район	6428	62	14745	126	5720	33	20700	121
52. Стрелецкий район	5858	35	9778	37	3289	7	11385	23
53. Суджанский район	9897	107	14923	200	9399	107	14829	198
54. Тербунский район	5094	13	7001	29	4115	6	9549	76
55. Теткинский район	8590	176	19307	164	13303	99	7352	94
56. Тимский район	5927	21	8064	79	4836	14	11988	174
57. Томаровский район	6278	70	12108	153	7429	62	9854	154
58. Троснянский район	4411	18	8614	140	1272	12	12468	79
59. Уразовский район	4580	15	11836	60	7785	28	14099	122
60. Фатежский район	6819	39	9201	113	2924	38	13860	139
61. Хомутовский район	10052	10	16313	194	10711	131	23938	129
62. Черемисиновский район	4959	58	7799	185	3143	47	8448	142
63. Чернянский район	6545	18	12148	75	5361	11	24641	114
64. Шебекинский район	6796	114	22050	171	12833	110	10067	155
65. Щигровский район	7777	32	11695	106	5463	31	12771	99
66. Ястребовский район	3523	12	7218	33	2369	3	9695	48
67. г. Белгород	681	681	716	716	2798	2798	389	389
Итого	380892	4264	714576	9769	402503	6018	777393	10932

В Курской области производство продукции животноводства было сосредоточено в крупных специализированных совхозах. Большинство совхозов специализировалось по следующим направлениям деятельности: производство мяса свиней, крупного рогатого скота, молочное и племенное животноводство, семеноводство, овощеводство. Значительное

количество сельскохозяйственных животных содержалось в колхозах: в предвоенный период в колхозах Курской области насчитывалось более 20 тыс. животноводческих ферм, на которых выращивался крупный рогатый скот; в колхозах имелись также свиноводческие, овцеводческие и птицеводческие фермы. Большая часть лошадей, находившаяся в

собственности колхозов, использовалась в качестве тягловой силы.

Приведем данные о надоях молока в колхозах области. Отметим, что данные приведены в расчете на фуражную корову. Удой на фуражную корову всегда ниже, чем на дойную, т. к. при расчетах включается сухостойный период, кормодни яловых коров, преждевременный запуск и т. д. Вообще молочная продуктивность коров колеблется в весьма широких пределах: от 1 000 до 25 000 л и более. Для сравнения заметим, что в настоящее время в Курской области средний удой на одну фуражную корову стабильно превышает 5 000 л молока в год. Рядовыми являются показатели 8 000 – 10 000 л в год. В 1938 г. средний удой на фуражную корову в колхозах Курской области составлял 1098 л молока в год, в 1939 г. – 939 л, в 1940 г. – 1200 л [10, л. 38].

Колхозы Курской области занимались также выращиванием птицы. На 01.01.1941 г. колхозное поголовье птицы составляло 1 миллион [10, л. 23].

Подводя итоги, отметим, что сельское хозяйство Курской области, являясь основной отраслью экономики, развивалось экстенсивным путем. Урожайность сельскохозяйственных культур оставалась на низком уровне, молочное животноводство было малопродуктивным. Основная масса производительных сил была сосредоточена в коллективных хозяйствах. Уровень жизни крестьян был довольно низким. В области ощущалась явная нехватка сельскохозяйственной техники, многие виды сельскохозяйственных работ проводились устаревшими методами и вручную.

Вместе с тем Курская область располагала мощной базой для дальнейшего развития сельского хозяйства: наряду с плодородными землями, значительным количеством скота имелись немалые трудовые ресурсы. В силу благоприятных климатических условий в области, помимо зерновых, имелась возможность в промышленных объемах выращивать технические культуры и сахарную свеклу. Имелись серьезные перспективы для

развития молочного животноводства, свиноводства и птицеводства.

Список литературы

1. Сахаров А. Н., Жировская В. Б. Облик народа к началу Великой Отечественной войны // Народ и война: очерки истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / отв. ред. А. Н. Сахаров, А. С. Сенявский. М.: Гриф и К, 2010. С. 11–47.

2. Никифоров С. А. Немецко-фашистская оккупация и коллаборационизм на территории областей Центрального Черноземья в годы Великой Отечественной войны. Т. 1: Под фашистской пятой. Курск: РФЭИ, 2012. 410 с.

3. Никифоров С. А. Сельское хозяйство Курской области накануне Великой Отечественной войны [Электронный ресурс] // Известия Регионального финансово-экономического института: электрон. науч. журн. 2013. № 3. URL: <http://science.rfei.ru/ru/2013/3/45.html>.

4. ГАОПИКО (Гос. арх. обществ.-полит. ист. Курской обл.). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2262.

5. Залесский А. И. Борьба колхозного крестьянства Курской области за сохранение и возрождение колхозов во время Великой Отечественной войны (1941–1943 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 1950.

6. ГАКО (Гос. арх. Курской обл.). Ф. Р-3605. Оп. 1. Д. 4.

7. Прохоров В. Е. Сермяжные истории жителей Домахи и других сел (продолжение) [Электронный ресурс]. Ч. 2 // Краевед.ру. [Юрга], 2009. URL: <http://kraeved.ru/sermyazhnye-istorii-zhitelei-domakhi-i-drugikh-sel-prodolzhenie>.

8. Прохоров В. Е. Сермяжные истории жителей бывшей Комарицой волости [Электронный ресурс]. Ч. 1 // Краевед.ру. [Юрга], 2009. URL: <http://kraeved.ru/sermyazhnye-istorii-zhitelei-byvshei-komaritskoi-volosti#comments>.

9. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2509.

10. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2769.

Поступила в редакцию 31.03.17

UDC 94(47).084.6

S. A. Nikiforov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia) (e-mail: s.nikiforoff@rambler.ru)

AGRICULTURE OF KURSK PROVINCE BEFORE THE GREAT PATRIOTIC WAR

The most acute discussion of historical issues concern the events of the Great Patriotic war and, first and foremost, the question about the price of Victory. For an objective assessment of the damage caused by the war and the occupation required to perform the level of socio-economic development of the USSR in the prewar period. In this article the analysis of the pre-war level of development of agrarian sector of economy of one of the regions of the Soviet Union, exposed during the war of occupation, – in Kursk region. The author notes that on the eve of the Great Patriotic war, the territory of Kursk region was significantly larger than its territory in the modern borders. In the composition of the Kursk region there were areas of modern Belgorod region, seven districts now included in the Orel and Lipetsk regions. There were 66 rural areas. On the territory of Kursk region there are 17 towns (including 2 cities of regional significance: the Kursk and Belgorod) and 8 760 other settlements. Agriculture was the dominant sector of the economy of the region. The author provides with an analysis of Kursk province agriculture structure and dynamics before the Great Patriotic War. Statistic description of crop, livestock sectors and poultry farming level of development has been included. In the article the author notes the low level of yield of major crops, food shortages in rural areas. The conclusion of an extensive way of agricultural sector development as well as of huge economic potential of agriculture in the region before the Great Patriotic war was made.

Key words: Great Patriotic War, Kursk province, agriculture, crop sector, livestock sector, collective farm, state farm, collectivization, economy.

For citation: Nikiforov S. A. Agriculture of Kursk province before the Great Patriotic war, Proceeding of the Southwest State University. Series: History and Law, 2017, vol. 7, n 3(24), pp. 86–98 (in Russ.).

***

References

1. Saharov A. N., Zhirovskaya V. B. Oblik naroda k nachalu Velikoj Otechestvennoj vojny // Narod i vojna: ocherki istorii Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg. / otv. red. A. N. Saharov, A. S. Senyavskij. M.: Grif i K, 2010. S. 11–47.

2. Nikiforov S. A. Nemecko-fashistskaya okkupaciya i kollaboracionizm na territorii oblastej Central'nogo Chernozem'ya v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. T. 1: Pod fashistskoj pyatoj. Kursk: RFEHI, 2012. 410 s.

3. Nikiforov S. A. Sel'skoe hozyajstvo Kurskoj oblasti nakanune Velikoj Otechestvennoj vojny [Elektronnyj resurs] // Izvestiya Regional'nogo finansovo-ehkonomicheskogo instituta: ehlektron. nauch. zhurn. 2013. N 3. URL: <http://science.rfei.ru/ru/2013/3/45.html>.

4. GAOPIKO (Gos. arh. obshchestv.-polit. ist. Kurskoj obl.). F. P-1. Op. 1. D. 2262.

5. Zalesskij A. I. Bor'ba kolhoznogo krest'yanstva Kurskoj oblasti za sohranenie i vozrozhdenie kolhozov vo vremya Velikoj Otechestvennoj vojny (1941–1943 gg.): dis. ... kand. ist. nauk. M., 1950.

6. GAKO (Gos. arh. Kurskoj obl.). F. R-3605. Op. 1. D. 4.

7. Prohorov V. E. Sermyazhnye istorii zhitelej byvshej Komaricoj volosti [Elektronnyj resurs]. Ch. 1 // Kraeved.ru. [Yurga], 2009. URL: <http://kraeved.ru/sermyazhnye-istorii-zhitelei-byvshei-komaritskoi-volosti#comments>.

8. Prohorov V. E. Sermyazhnye istorii zhitelej Domahi i drugih sel (prodolzhenie) [Elektronnyj resurs]. Ch. 2 // Kraeved.ru. [Yurga], 2009. URL: <http://kraeved.ru/sermyazhnye-istorii-zhitelei-domakhi-i-drugikh-sel-prodolzhenie>.

9. GAOPIKO. F. P-1. Op. 1. D. 2509.

10. GAOPIKO. F. P-1. Op. 1. D. 2769.

УДК 340.122

О. А. Новиков, канд. юрид. наук, доцент, АНО ВО «Российский новый университет» (Елецкий филиал) (Елец, Россия) (e-mail: rum-ili@mail.ru)

В. А. Бурковская, канд. полит. наук, доцент, АНО ВО «Российский новый университет» (Елецкий филиал) (Елец, Россия) (e-mail: gosnou17@mail.ru)

ОБРАЗ ТИРАНА И ИДЕАЛЬНОГО ПРАВИТЕЛЯ В ДРЕВНЕРУССКОЙ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XII ВЕКА

Статья посвящена исследованию образов тирана и идеального правителя в древнерусской политико-правовой литературе конца XI–XII веков. Древнерусские мыслители в своих трудах той эпохи, как правило, не использовали термин «тиран», предпочитая раскрывать ключевые характеристики «тирании» на основе апологии образа «идеального князя». В связи с этим широкое распространение в древнерусской политической доктрине того времени получила идея о «добром царе и злых боярах». Идеал «праведного князя» в русской политической литературе во-многом пересекается с византийскими представлениями о нравственном облике и долге правителя.

Один из ключевых памятников ранней политико-правовой мысли Древней Руси – «Повесть временных лет» содержит в себе ряд достаточно интересных идей, касающихся исследования образов как «тирана», так и идеального князя. Стоит отметить, что взгляды автора труда – Нестора-летописца в значительной степени коррелировали с общественным мнением той эпохи.

Если ключевым маркером трудов Нестора является исследование инверсии роли Русского государства в тогдашнем «глобальном мире» и международных отношениях, обусловленное принятием им христианства, то в эпоху Владимира Мономаха внимание представителей интеллектуальной элиты Древней Руси практически целиком «приковывается» «внутренней» проблематикой, в связи с чем самого князя занимают, в первую очередь, социальные проблемы древнерусского общества и вопросы урегулирования княжеских междоусобиц, рассматриваемые им в тесной связи с проблемами нравственного целеполагания индивида через призму религиозной легитимации личного и общественного бытия.

Ключевые слова: князь, власть, правитель, политика, идеология, традиция.

Ссылка для цитирования: Новиков О. А., Бурковская В. А. Образ тирана и идеального правителя в древнерусской политико-правовой литературе XII века // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2017. Т. 7, №3(24). С. 99–103.

***

В современной российской науке получило распространение мнение о том, что в первом известном крупном произведении древнерусской политико-правовой мысли – «Повести временных лет», автором которой считается Нестор-летописец, основное место занимает исследование проблемы происхождения Древнерусского государства и инверсии его международного положения в связи с принятием восточнославянскими племенами христианства или, как звучит это в интерпретации самого автора «Повести»: «откуда есть пошла Русская земля, кто в Киеве стал первым княжити и откуда Русская земля стала есть».

Вместе с тем на страницах исследуемого нами памятника древнерусской политико-правовой мысли его автором вы-

сказываются и отдельные идеи, касающиеся образа идеального правителя, в связи с чем представляется вовсе не случайным тот факт, что автор «Повести» уделяет особое внимание проблеме «артикуляции» «идеологического инструментария» княжеской власти, проговаривая ключевые смыслы этико-политической теодицеи Русской цивилизации. При этом характерен тот факт, что древнерусские писатели, как правило, не употребляют в своих трудах термин «тиран», в целом характерный для византийского политического лексикона, однако при этом они, тем не менее, хотя и в иных терминах, описывают, в сущности, ту же фигуру «неправедного правителя», что и писатели Византии. Основная отличительная черта такого правителя, согласно

воззрениям как византийских, так и древнерусских мыслителей, – это нарушение норм позитивного права, которое, в свою очередь, базируется на христианском нравственно-этическом императиве, а также на осознании князем своего долга перед подданными. Здесь, на наш взгляд, уже можно увидеть контуры будущего «концепта» о «добром царе и злых боярах» [1, с. 57, 113], который в истории русской политико-правовой мысли постепенно приобретает все более явные очертания и, претерпев известную трансформацию, доживает до XX и XXI веков [2, с. 69].

Идеал «праведного князя» в русской политической литературе во-многом пересекается с византийскими представлениями о нравственном облике правителя [3, с. 345]. Так, например, Михаил Пселл, характеризуя деятельность императора Василия II (976–1025 гг.), подчеркивает, что тот правил «не по писаным законам, а по неписаным установлениям своей необыкновенно одаренной от природы души» [4]. При этом стоит отметить, что сам византийский писатель характеризует такого рода «умонастроение» императора исключительно с положительной стороны. Впрочем, как известно, в византийской политической теории персона императора обладала куда меньшим «сакральным ореолом» в сравнении с идеологическими энтелехиями и политической практикой Московской Руси. Иначе говоря, если византийские «бояре» оказывались не на высоте своего положения, то виновным оказывался, прежде всего, сам император. Во всяком случае, его вина, а с этим было согласно и византийское общество в целом, и его интеллектуальная элита, была бóльшей, чем аналогичная «вина» Русского князя или позже царя [5, с. 345, 567].

В связи с этим, как отмечает Е. Н. Еньшина: «Сознание зависимости от государства побуждает людей совершать действия двоякого рода, во-первых,

добровольное служение земному Отечеству (чувство патриотизма, готовность жертвовать ради блага родины и т. п.), а во-вторых, подчинение органам государственной власти» [6, с. 37].

Русский летописец подробно останавливается на образе «неправедного» князя. И это, на наш взгляд, представляется вовсе не случайным. По всей видимости, та эпоха давала значительный «материал» для описания его характерных черт. Взгляды летописца, скорее всего, отражали мнение общества того времени. Вероятно поэтому автор и назвал свое произведение «Повестью», т. к. он, прежде всего, называет ключевые исторические события того времени.

У «неправедного» князя требуется ответ «за погубленыя душа хрестьянскы» [7, с. 97]. Тем не менее сам народ должен повиноваться неправедному князю, т. к. в этом заключается его обязанность. В случае же неповиновения общество тем самым отказывается нести наказание за свои грехи, что, по мнению автора «Повести», является прямым нарушением «законов благочестия», которые существуют не только для правителя, но и для народа.

Как известно, политические идеи, высказываемые византийскими писателями, находили подтверждение и в законодательстве империи, хотя стоит отметить, нельзя в точности сказать, что чему предшествовало в этом случае. Если же говорить о Древней Руси, то необходимо отметить, что первые княжеские уставы, хотя и затрагивают главным образом сферу взаимоотношений «священства» и «царства», тем не менее свидетельствуют о том, что законодатель исходил из определенных идейных предпосылок. Но и здесь можно увидеть только первый шаг в направлении «утверждения правды».

В XII веке среди всех русских князей ближе всего к образу «идеального князя», ставшего к тому времени одним из ключевых «маркеров» русской политико-

правовой мысли, оказался Владимир Мономах. Его политические воззрения изложены в двух произведениях: «Поучение детям» и «Письмо Олегу Черниговскому». Вообще, на страницах этих произведений князь затрагивает довольно широкий круг актуальной его эпохе политической проблематики, однако для исследуемой темы определенное значение представляют, в первую очередь, взгляды Мономаха на идеологические – ноуменальные основания княжеской власти. Кроме того, стоит отметить что, как и в Новеллах императоров Византии, которые стремились укрепить крестьянское землевладение, ибо: «от очей царских бедняк ждет себе здесь утешение», в деятельности этого князя важное место занимает решение социальных проблем древнерусского общества. Так, еще в 1093 году, после смерти великого князя Всеволода, отца Владимира Мономаха, летописцы отмечали, что тот «допустил Киевскую землю до оскудения» «от рати и продаж» [8, с. 12]. И позже, придя к власти в Киеве, где социальные противоречия к тому времени еще более обострились, Владимир Мономах в первую очередь занялся разрешением социальных вопросов.

Об этом, среди прочего, свидетельствует и послание к нему митрополита Никифора, который называет князя «устроющим словеса на суде, хранящим истину в веки, творящим суд и правду посреде земля» [8, с. 29]. «Истина» для митрополита, как, впрочем, по всей видимости, и для самого князя, заключалась в строгом следовании принципам христианской справедливости. Меры же, принятые Мономахом после его вступления на великокняжеский престол в 1113 году, когда после смерти великого князя Святополка «много мятежю бывшую и крамолы в людех и молве немало тогда совокупившееся вси людие... моляху Володимера... приях княжение Рускыи земли» [9, с. 178], касались главным образом

облегчения положения должников и зависимого населения. Сам князь говорит на страницах своего «Поучения детям»: «Всего же более убогих не забывают, но насколько можете по силам кормите и подавайте сироте и вдовицу оправдывайте сами, а не позволяйте сильным губить человека. Ни невинного ни преступного не убивайте и не велите никого убивать; хотя и будет достоин смерти, не губите никакой христианской души» [8, с. 137]. Впрочем, подобные взгляды были следствием определенных идеологических «клише» политического истеблишмента того времени, которые выражал сам князь Владимир Мономах: «...для души своей имейте страх Божий в сердце своем и милость творя щедрую: ибо это начало всякого добра... Научись... быть делателем благочестия... Избавьте обидимого, дайте суд сироте, оправдайте вдовицу» [8, с. 129–133].

Следуя византийской традиции, князь затрагивает вопрос о необходимости создания эффективной судебной системы, выражая, среди прочего, и пожелание, адресованное своим наследникам, относительно того, чтобы сам князь «творил праведный суд». Великий князь, в подтверждение главной идеи своих произведений, предписывает: «Епископов, попов и игуменов чтите и с любовью принимайте от них благословение и не сторонитесь их, а по силам любите и снабжайте их» [8, с. 137]. Вместе с тем нельзя не отметить, что значительное место в его «Поучении» занимают ссылки на Св. Писание и другие тексты, нравственно-религиозного характера, имевшие распространение на Руси. Так, например, в письме к князю Олегу Черниговскому Мономах довольно часто ссылается на примеры из Библии, в чем можно увидеть формальное следование литературной традиции Средневековья, характерное для той эпохи [10, с. 41].

Стоит отметить, что как XII, так и XIII века оставили и иные политико-

правовые памятники, исследование которых имеет определенное значение для современного понимания и осмысления вопроса об образе «тирана» в древнерусской политической литературе [1, с. 119]. Однако нельзя не отметить тот факт, что они, главным образом, или затрагивают исследуемую проблематику лишь отчасти, или же повторяют ту «идеологическую» позицию, которая выработалась в эпоху христианизации Руси и получила свое воплощение в концептуальных характеристиках «политической теодицеи», сформулированной в трудах митрополита Илариона и дополненной социальной проблематикой, раскрываемой в литературном наследии Владимира Мономаха.

Список литературы

1. Ильин И. А. Общее учение о праве и государстве. М.: Хранитель, 2006. 510 с.
2. Летопись о многих мятежах и разорении Московского государства от внутренних и внешних неприятелей. М.: в Тип. Компании типографической, 1788. 366 с.
3. Карташев А. В. Очерки по истории русской Церкви: в 2 т. Т. 2. Париж, 1959. 569 с.
4. Пселл М. Хронография / [пер., статья и примеч. Я. Н. Любарского]. М.: Наука, 1978. 319 с.
5. Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. Калуга : ГУП Облиздат, 1998. 671 с.
6. Еньшина Е. Н. Теория совместности властвования Н. М. Коркунова // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2016. № 2(19). С. 35–40.
7. Вальденберг В. Е. Древнерусские учения о пределах царской власти: Очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVII века. СПб.: Территория будущего, 2006. 368 с.
8. Орлов А. С. Владимир Мономах. Л.: Изд-во АН СССР, Ленингр. отд-ние, 1946.
9. Приселков М. Д. Очерки по Церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. СПб.: Наука, 2003. 245 с.
10. Троицкий И. С. Отношение государства к Церкви по воззрениям наиболее видных наших писателей и церковных деятелей. М.: Печатня А. И. Снегиревой, 1909. 198 с.
11. Серафим (Соболев), архиепископ. Русская идеология. СПб.: Свято-Владимирский Русский православный информ. центр, 1994.

Поступила в редакцию 26.05.17

UDC 340.122

O. A. Novikov, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Russian New University (Yeletsky branch) (Yelets, Russia) (e-mail: rum-ili@mail.ru)

V. A. Burkovskaya, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Russian new University (Yelets branch) (Yelets, Russia) (e-mail: rosnou17@mail.ru)

IMAGE OF THE TYRANT AND IDEAL GOVERNOR IN OLD RUSSIAN POLITICAL AND LEGAL LITERATURE OF THE 12TH CENTURY

The article is devoted to the study of the images of the tyrant and the ideal ruler in the Old Russian political and legal literature of the late 11th-12th centuries. Old Russian thinkers in their works of that era, as a rule, did not use the term "tyrant", preferring to disclose the key characteristics of "tyranny" on the basis of the apology of the image of the "ideal prince". In this connection, the idea of a "good tsar and evil boyars" gained wide acceptance in the ancient

Russian political doctrine of that time. The ideal of the "righteous prince" in Russian political literature intersects in many ways with the Byzantine notions of the moral image and the duty of the ruler.

One of the key monuments of the early political and legal thought of Ancient Rus, The Tale of Bygone Years, contains a number of interesting ideas concerning the study of the images of both the "tyrant" and the ideal prince. It is worth noting that the views of the author of the work - Nestor the chronicler - largely correlated with the public opinion of that era.

If the key marker of Nestor's works is the study of the inversion of the role of the Russian state in the then "global world" and international relations, due to the adoption of Christianity, in the era of Vladimir Monomakh, the attention of representatives of the intellectual elite of Ancient Rus is almost entirely "riveted" by "internal" problems, in connection with which, the prince himself, in the first place, is occupied by the social problems of the Old Russian society and the questions of the settlement of princely feuds, which he considers in close connection with the pre-Bloem moral aims of an individual through the prism of the religious legitimization of personal and social existence.

Key words: prince, power, ruler, politics, ideology, tradition.

For citation: Novikov O. A., Burkovskaya V. A. Image of the tyrant and ideal governor in old Russian political and legal literature of the 12th century, Proceeding of the Southwest State University. Series: History and Law, 2017, vol. 7, n 3(24), pp. 99–103 (in Russ.).

***

References

1. Il'in I. A. *Obshchee uchenie o prave i gosudarstve*. M.: Hranitel', 2006. 510 s.
2. *Letopis' o mnogih myatezhah i razorenii Moskovskogo gosudarstva ot vnutrennih i vneshnih nepriyatele*. M.: v Tip. Kompanii tipograficheskoy, 1788. 366 s.
3. Kartashev A. V. *Ocherki po istorii russkoj Cerkvi: v 2 t. T. 2*. Parizh, 1959. 569 s.
4. Psell M. *Hronografiya* / [per., stat'ya i primech. Ya. N. Lyubarskogo]. M.: Nauka, 1978. 319 s.
5. Tihomirov L. A. *Monarhicheskaya gosudarstvennost'*. Kaluga: GUP Oblizdat, 1998. 671 s.
6. En'shina E. N. *Teoriya sovместnosti vlastvovaniya* N. M. Korkunova // *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya: Istoriya i pravo. 2016. N 2(19). S. 35–40.
7. Val'denberg V. E. *Drevnerusskie ucheniya o predelah carskoj vlasti: Ocherki russkoj politicheskoy literatury ot Vladimira Svyatogo do konca XVII veka*. SPb.: Territoriya budushchego, 2006. 368 s.
8. Orlov A. S. *Vladimir Monomah*. L.: Izd-vo AN SSSR, Leningr. otd-nie, 1946.
9. Priselkov M. D. *Ocherki po Cerkovno-politicheskoy istorii Kievskoj Rusi X–XII vv.* SPb.: Nauka, 2003. 245 s.
10. Troickij I. S. *Otnoshenie gosudarstva k Cerkvi po vozzreniyam naibolee vidnyh nashih pisatelej i cerkovnyh deyatelej*. M.: Pechatnya A. I. Snegirevoj, 1909. 198 s.
11. Serafim (Sobolev), arhiepiskop. *Russkaya ideologiya*. SPb.: Svyato-Vladimirskij Russkij pravoslavnyj inform. centr, 1994.

Е. В. Кизилова, член Союза художников России, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск, Россия) (e-mail: katya-kizilova@yandex.ru)

ВОСПОМИНАНИЯ КАК ИСТОЧНИК ИССЛЕДОВАНИЯ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ КУРСКОГО КРАЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА (ПО МАТЕРИАЛАМ БИОГРАФИИ Е. М. ЗАЙЦЕВА)

Статья подготовлена по воспоминаниям заслуженного художника России Евгения Митрофановича Зайцева. Они являются источником исследования повседневной жизни художественной интеллигенции Курского края во второй половине XX века.

В статье отражены основные этапы жизни художника, впервые изложены автобиографические факты его детства, юности, времени профессионального становления и роста. Его обучение в Курском художественно-графическом училище, педагогическая деятельность в городе Петровск-Забайкальский Читинской области, служба в армии на границе с Монголией, учеба в Харьковском художественном институте, который в разные годы окончили такие известные в будущем курские художники, как Леонид Руднев, Василий Ерофеев, Роза и Фёдор Трегуб и другие. В период обучения Евгений Зайцев участвовал в республиканских и всесоюзных выставках. По окончании вуза он вернулся в родной город, стал преподавать на художественно-графическом факультете Курского государственного педагогического института. Параллельно с педагогической деятельностью Зайцев продолжал работать творчески. Он стал автором картин «Хоккеисты», «Курские соловьи», «Народные комиссары», многочисленных портретов агрономов и доярок, ударников сельскохозяйственного труда. Его работы высоко оценивались специалистами и посетителями выставок, приобретались музеями и коллекционерами из разных стран. Сам автор совершил немало творческих поездок по СССР и за пределы страны.

Данное исследование свидетельствует о том, что во второй половине XX века Союз художников СССР и его региональные отделения получали всемерную поддержку. Государственные заказы, гарантированные договоры, творческие поездки и пленэры, путёвки, предоставление в пользование мастерских и даже личного жилья были частью политики, направленной на формирование высоких духовно-нравственных качеств каждой личности в отдельности и интеллектуально развитого общества в целом, частью системы воспитания и образования.

Ключевые слова: исследования, повседневная жизнь, художественная интеллигенция, Курский край, воспоминания.

Ссылка для цитирования: Кизилова Е. В. Воспоминания как источник исследования повседневной жизни художественной интеллигенции Курского края во второй половине XX века (по материалам биографии Е. М. Зайцева) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2017. Т. 7, №3(24). С. 104–109.

***

Есть все основания согласиться с мнением о том, что искусство является окном в душу. Искусство не может рассматриваться как предмет удовольствия, хотя и это качество имеет право на существование. Предмет искусства сложно определить с научной точки зрения, в связи с чем сегодня в изобилии процветает терминологическая имитация и профанация. Некоторые обыватели и даже специалисты воспринимают искусство как игру, эксплуатируя чужие замыслы, героев, удачные стилистические находки, приёмы известных мастеров.

Не всякое творение можно определить категорией «искусство». Но эмоциональная составляющая (радость и горе души художника) в нём, без всякого сомнения, должны присутствовать. Если

жизнь воспринимается как объективная реальность или действительность, искусство является отражением действительности в художественных образах. Но искусство не занимается прямым отображением действительности, этим занимается фотография. Русское искусство, реалистичное по форме и православное по сути, призвано создавать идеалы красоты, человеческого достоинства, нравственности и самопожертвования, уважительного отношения к зрителю. В этом не только характерная особенность русского искусства, но и его предназначение, поэтому, в отличие от музеев современного искусства, картинные галереи всегда полны посетителями.

К сожалению, современному искусству характерна «нарочитая глупова-

тость», оно во многом ориентировано на «богатых простаков». Причиной создавшейся ситуации является в том числе и профессиональная «неподготовленность» художника. Наше исследование посвящено Професионалу с большой буквы.

Заслуженный художник России Евгений Митрофанович Зайцев по состоянию здоровья практически не выходит сегодня из своей квартиры. Работает дома, общается с близкими, жалуется социальные сети, ведь там так много его коллег и бывших учеников. Большинство диалогов он завершает словами: «Работайте! Работайте, пока молоды! Ведь вовремя найти своё призвание – великое счастье!» И это не просто вежливое напутствие. Зайцев знает, о чём говорит.

Имя Евгения Митрофановича Зайцева известно не каждому курянину, однако он известен далеко за пределами родного города. Работы мастера хранятся в музеях и частных коллекциях России и Франции, Голландии и Норвегии, Германии и Японии... Сотни людей застыли на его портретах. И это число неумолимо растёт, несмотря на то, что автор давно разменял 9-й десяток.

Он родился в 1935 году в Курске, в малограмотной семье. К рисованию мальчика приучала мама, между делом, чтобы занять свободное время ребёнка. Во время войны, когда Курск был оккупирован, семья спаслась в деревне Вторая Ламонова. Там Женя пошёл в школу, где и проявилась его способность к изобразительному искусству. На радость учителей он оформлял стенгазеты, рисовал карты. После Победы мальчишку пытались определить в Суворовское училище, где он честно пробыл 2 месяца, а потом сбежал, не выдержав дисциплинарных требований, влекомый чувством свободы, характерным для любого творческого человека [1].

В 1949 г. Зайцев поступил в Курское художественно-графическое училище. В то время в его стенах была сосредоточена жизнь творческой части города. В училище преподавали выпускники высших специальных учебных заведений, они же

доминировали в художественном фонде. Педагогами Евгения Митрофановича были такие легенды, как Василий Нукало, Леонид Кожетев, Дмитрий Светличный, Владимир Солодовник... Ни одного второстепенного имени! Да и выпускники по всему свету ездили преподавать, все были на достойном уровне. Некоторые даже работали в высших учебных заведениях – Пискловы, Никитич и др. [1]

По окончании училища молодой художник уехал по направлению в Читинскую область, в город Петровск-Забайкальский, куда когда-то ссылали декабристов. Уехал учить местных школьников черчению и рисованию. Однако шлифовать педагогический опыт помешала армия. Три года молодой специалист отслужил в Кяхте, что на границе с Монголией. Там-то он и понял, что курское училище – не предел, надо развиваться. Подал документы в Харьковский художественный институт и, демобилизовавшись, поступил. Нельзя не сказать, что в разные годы это учебное заведение оканчивали такие известные в будущем курские художники, как Леонид Руднев, Василий Ерофеев, Роза и Фёдор Трегуб и др. [2]

Учился Зайцев хорошо. Будучи студентом, участвовал в республиканских и всесоюзных выставках, а его дипломная работа «В новом районе», с которой прямо на зрителя смотрят молодые задорные девчонки из прокатного цеха, даже была напечатана в таких популярных журналах, как «Огонёк» и «Работница».

Дипломированного молодого художника Евгения Зайцева приглашали работать и в Таллин, и в Новочеркасск, но он решил вернуться в родной город. Работать устроился на худграф, который к тому времени стал факультетом при педагогическом институте. «В начале 60-х, – вспоминает Евгений Митрофанович, – когда я пришёл на факультет, у нас не было определённых учебных задач. А когда начали требовать их внедрение, понадобились более подготовленные педагоги. Я понимал, что не имея выработанной системы обучения, под которую

подбираются преподаватели, ставятся цели, решаются условия, даже при наличии авторитетных работников, получить современное образование нельзя. Одними это воспринималось в штыки, но и появлялись соучастники. Но согласитесь, трудно представить факультет одних профессоров и доцентов, выпускающих полуфабрикат «специалистов» с высшим образованием» [3].

Параллельно с педагогической деятельностью Зайцев, конечно, продолжал работать творчески. «Хоккеисты», «Курские соловьи», «Народные комиссары», многочисленные портреты агрономов и доярок, ударников сельхозтруда... Его картины буквально гремели на выставках, приобретались музеями и коллекционерами из разных стран, а сам автор совершил немало творческих поездок по СССР и за пределами Союза [4].

Отмечая значимость деятельности Союза художников, заметим, что членство в курском отделении этой организации сыграло немаловажную роль в жизни Евгения Зайцева.

В послевоенное время в Курске начала работать художественная студия под руководством Петра Константиновича Лихина, объединившая тогдашних мастеров. А в 60-х уже молодые куряне, выпускники Харьковского художественного института, стали инициаторами возрождения творческого Союза художников, чем способствовали развитию культуры, устраивая выставки и встречи в городе и глубинке. Десятки ярких людей в разные годы укрепляли остоу организации. Это и директора художественного фонда Тихон Прохорчук, Вячеслав Кононов, Аркадий Влазнев, Евгений Борзенков; члены фонда – производственники акварелист Хинкис, карикатурист Бакутский, скульпторы Редигер, Терехов, Яковлева – в 1950-е годы они с большим умением оформляли магазины альфрейными работами, скульптурными рельефами, росписями по стеклу, а позже отлично проявили себя в разработке и оформлении стендов. Были и художники-портретисты – ветераны Великой Отече-

ственной войны: Пётр Авдеев, Василий Кретов, Михаил Мартынов, Анатолий Модinov... Они же рисовали портреты членов политбюро. Многие выпускники вузов пришли работать в Союз – Трегубы, Шорохов, Барабанщиков, Капустин, Конев, Ронкин, Ольховиков, Киселёв, Парашечкин, Притула, Колбасов, Москаленко. В 1970-е гг. приехали Мазуров, Рыков, Криволапов... Ну а потом Союз художников стал пополняться выпускниками худграфа пединститута [5].

В ряду этих славных имён, безусловно, стояло и имя Евгения Зайцева. Мастер вспоминает: «Я многие Союзы знаю – воронежский, орловский... Они хороши отдельными художниками. Но у них не было такого монолита, как у нас. Когда чужие попадали к нам, видели, что нас и человек-то не так много, но это была могучая кучка. И белгородцы, и сумчане приезжали, и липецкие художники. И не понимали, как можно в такой дружной семье существовать. Наш Союз, курский, был единственным таким в этом смысле. У нас был нацеленный коллектив. Вот представь его без Лёни Руднева? Это же часть искринки! Или без того же Ерофеева? Это составляло такую массу, которая сплывает всё вокруг. Хотя, конечно, за годы много всего было, как в любом коллективе. В 60-х была такая ситуация. Из-за нескольких самостоятельных художников, почувствовавших угрозу со стороны профессионалов, распускали слухи, сплетни, интриги, наговаривали в партийных инстанциях на художников, которые открыто говорили о моральном и нравственном положении в Союзе. Но нет худа без добра, в этих условиях формировались новые условия для художников профессионалов, а недоучки уже не могли влиять на создаваемый климат, хоть и продолжали «мутить воду». Это позволило к 80-м годам создать условия для активной творческой работы, уважительного дружеского отношения, порядочности. До тех пор, пока к этому не приложили руки некоторые художники, с меркантильными задачами превращения Союза художников в проходной двор.

Все болели за процветание Союза, за его авторитет, а в результате угодливых мер мы потихоньку снижали уровень профессионализма, требовательности, чистоплотности. Мы его разрушали. И сегодня так же. Нет целенаправленной политики правления СХ в творческом смысле, в поддержке отдельных художников, в пропаганде издания книг о конкретном мастере или группе мастеров, в выбивании льготных условий по содержанию творческих мастерских... А ведь эта организация должна заботиться обо мне, художнике. В смысле моей творческой способности, в смысле развития, показать, что я из себя представляю. Рекламирывать, определять какие-то обучающие моменты. Почему раньше мы приглашали искусствоведов, которые рассказывали, что свойственно искусству сегодня. Мы могли спорить с ними, утверждая какую-то истину».

Бесспорно, что в словах опытного человека сквозит ностальгия по молодости, по времени, когда многое хотелось и многое же получалось. Но факты остаются фактами. Чтобы вступить в Союз, нужно было активно участвовать в выставках. На каждой искусствоведы писали рецензии, комментарии, причём не «в альбом», требовались общественные публикации. Способствовало и печатание репродукций в газетах и журналах. Кроме того, молодые художники ездили по деревням и сёлам, устраивали встречи с населением в клубах, за каждым был закреплён определённый район. Всё это в совокупности давало возможность рекомендовать претендента на вступление в Союз [5].

Нельзя не сказать и о материальном поощрении. Во второй половине XX века Союз художников всячески поддерживался государством. Госзаказы, гарантированные договоры, творческие поездки и пленэры, путёвки, предоставление в пользование мастерских и даже личного жилья. Это было частью комплексной работы государства по воспитанию образованного, интеллектуального народа, частью воспитания. Зайцев утверждает:

«Художника надо не только учить, но и воспитывать. Художник, имеющий высшее образование, – это ещё не образованный человек. Образованным можно быть и без диплома, это не одно и то же. Студент, окончивший высшее учебное заведение – это ещё не художник, он просто имеет образование художественное. А стать художником – это ещё надо стать!.. Так же и в Союзе. То, что тебя приняли, ещё не значит, что ты мастер, ты, может быть, только подаёшь надежды. А чтобы довести себя до совершенства, надо, чтобы среда, в которой ты находишься, стимулировала твой рост, воспитывала тебя. Раньше, если мы намечали выставку, – делится воспоминаниями мастер, – мы издавали буклет о художнике, каждый, кто приходил на открытие – его получал. Союз же помогал оформлять работы, правление выделяло необходимое количество денег. Отправляли в Дома отдыха. Ещё у нас в Союзе были бесплатные творческие дачи, – продолжает Евгений Митрофанович. – На них посылали людей перспективных, активно участвующих в выставках. Эти дачи были как бы продолжением процесса обучения. Не просто этюдики пописать, а поощрялось, когда художник за картину брался. Могли даже продлить нахождение там. Пока мастер пишет, выставком периодически смотрит работу. Если всё идёт хорошо, могут пролонгировать, выплатить, скажем, 25% стоимости картины и даже больше. Потом эта работа попадала в фонд, а оттуда уже в музеи, галереи... В общем, автор чувствовал себя нужным» [7].

Кстати, о картинах. Зайцев уверен, это главнейший жанр искусства. Чтобы создать её, одного таланта мало, нужны знания, ведь у живописи сверхзадача – наполнить окружающий мир человека красотой, человечностью, мыслью. Приверженец классики, Евгений Митрофанович всегда писал на вечные темы. Семья, родина, история... «Это неправда, что раньше не приветствовались свободные темы, – уверяет художник. – Приветствовали всё, что удивляло, было новым,

настоящим. Когда было не просто визуальное изображение пейзажа или портрета, а впечатление. И даже абстракции и полуабстракции находили своего зрителя. Осуждалась творческая неграмотность! Я говорю и о художественной форме, и о мастеровитости автора. Помню, был портрет Есенина, и огромная статья про эту работу, как художник глупо и беспомощно пытался воссоздать образ легендарного народного поэта. Что рука, как глинистая лапа... Вот такая критика была. Также не приветствовалась излишняя фотографичность, как, например, в картине Локтионова «Письмо с фронта». Приветствовалось живое писание. Живописцы, а не краскописцы» [6].

На вопрос «Что вы сами получаете от творческой деятельности» Зайцев мудро улыбается. Он говорит, что любая профессия подразумевает труд, ремесленные знания плюс творческое начало. Из этого рождается мастерство. А художник должен работать ради поставленной задачи, что же он может получить?.. Он может быть лишь удовлетворён или не удовлетворён своим решением. У искусства так много сторон и возможностей, так много входов и выходов, поэтому очень важно определить свой путь. И работать каждый день, не ждать, когда придёт вдохновение. «Я тружусь ежедневно в силу того, что это моя профессия. Я, как обычный рабочий, который каждый день закручивает гайки. Встал, обдумал план, наметил программу для его осуществления, вырабатываю методики, как прийти к результату. Он может понравиться или нет, он может быть лучше, чем ты задумал, вот тогда приходит настоящая радость, когда итог превосходит ожидание.

Некоторые думают: я всё сделаю правильно и только болячки себе наживу. Если бояться этого, то их будет больше, болячек. Они незаметно вырастут настолько, что потом не вытащишь ноги из этой грязи. Нужно гнать испуг, не страшиться портить отношения, если тебя обманывают, не быть угодливым... У нас был хороший Союз. Потому что мы

жили в коллективе, где ты идёшь свободно и чувствуешь, что тебе не подставят ножку. А жить, когда идёшь и не знаешь, кто в спину ткнёт, чтобы ты упал, это противно, да и просто неприлично» [8–9].

К сожалению, многие современники мало знакомы не только с биографиями, но и творческим наследием своих выдающихся земляков – деятелей искусства и культуры. Познакомиться с наиболее яркими фактами и явлениями их жизни и результатами творчества стоит, хотя бы потому, что в полотнах мастеров мы увидим мудрость, мысль, цельность восприятия мира, да и вообще целую Вселенную красоты. Евгений Зайцев, разменяв девятый десяток, продолжает открывать себя зрителю и делиться секретом позитивного настроения к жизни.

Список литературы

1. Зайцев Е. М. Автобиография. Курск, 2000.
2. Кизилова Е. В., Каркавцева Л. В. Образование и развитие Союза художников в Курской области // Российские регионы как центры культурного развития в современном социокультурном пространстве: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Курск, 2015. С. 43–47.
3. Десятая региональная художественная выставка: каталог/ под. ред. А. У. Грекова. Ярославль, 2008.
4. Областная художественная выставка «Огненная дуга»: каталог/ под ред. Л. И. Каркавцевой. Курск, 2013.
5. Курское региональное отделение ВТОО Союз художников России 75 лет / отв. ред. И. Н. Глюдза [и др.]. Курск, 2011.
6. Областная художественная выставка «Мы вспоминаем о войне»: каталог / под ред. М. М. Заутренникова. Курск, 2005.
7. Коровин В. В., Белозеров Д. А. Особенности правового регулирования статуса общественных организаций в СССР // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2013. № 2. С. 83–88.

8. Областная художественная выставка «Во славу великой победы» 65 лет Курской битве: каталог / под ред. Л. И. Каркавцевой. Курск, 2008.

9. Курской региональной организации «Союз Художников России» 70 лет.

художники Курского края: история и современность: каталог / под ред. М. М. Затуренникова [и др.]. Курск, 2006.

Поступила в редакцию 03.04.17

UDC 908

E. V. Kizilova, Member of International Association of Art, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia) (e-mail: katya-kizilova@yandex.ru)

MEMORIES AS A SOURCE OF THE RESEARCH OF EVERYDAY LIFE OF THE ARTISTIC INTELLECTUALS OF KURSK REGION IN THE SECOND HALF OF THE TWENTIETH CENTURY (ON MATERIALS OF A BIOGRAPHY OF E. M. ZAITSEV)

Article created by memories of Eugene Mitrofanovich Zaitsev, a Honored artist of Russia. They are the source of the research of everyday life of the artistic intellectuals of Kursk region in the second half of the twentieth century.

The article summarizes the biography of the artist, his childhood, youth and formative years as an artist. The article says about his training in the Kursk art and graphical school, his teaching activities in the Chita region, in Petrovsk-Zabaykalsky, his military service in Kyakhta, that is on the border of Mongolia, his further studying at the Kharkiv Art Institute, from that such well-known local artists as Leonid Rudnev, Vasily Erofeev, Rose and Theodore Tregub and others have graduated. During his training the artist participated in Republican and All-Union exhibitions. After that he returned to his hometown to teach students at the Kursk Art faculty. In parallel with his teaching activities Zaitsev continued to work creatively: "Ice hockey", "Kursk Nightingale", "The People's Commissioners", numerous portraits of agronomists and milkmaids, etc. His paintings attracted great attention at exhibitions and were bought by museums and collectors from different countries. The author traveled a lot around the Soviet Union and abroad.

This study shows that in the second half of the 20th century the Union of artists was supported by government: government contracts, guaranteed contracts, creative trips and trips to the open air, provision of workshops and even personal homes, etc. It was a part of the comprehensive state work on the development of an educated intellectual people, a part of education.

Key words: *research, everyday life, artistic intelligentsia, Kursk region, memories.*

For citation: Kizilova E. V. Memories as a source of the research of everyday life of the artistic intellectuals of Kursk region in the second half of the twentieth century (on materials of a biography of E. M. Zaitsev), Proceeding of the Southwest State University. Series: History and Law, 2017, vol. 7, n 3(24), pp. 104–109 (in Russ.).

***

References

1. Zajcev E. M. Avtobiografiya. Kursk, 2000.

2. Kizilova E. V., Karkavceva L. V. Obrazovanie i razvitie Soyuza hudozhnikov v Kurskoj oblasti // Rossijskie regiony kak centry kul'turnogo razvitiya v sovremennom sociokul'turnom prostranstve: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. Kursk, 2015. S. 43–47.

3. Desyataya regional'naya hudozhestvennaya vystavka: katalog / pod. red. A. U. Grekova. Yaroslavl', 2008.

4. Oblastnaya hudozhestvennaya vystavka «Ognennaya duga»: katalog / pod red. L. I. Karkavcevoj. Kursk, 2013.

5. Kurskoe regional'noe otdelenie VTOO Soyuz hudozhnikov Rossii 75 let / otv. red. I. N. Glyudza [i dr.]. Kursk, 2011.

6. Oblastnaya hudozhestvennaya vystavka «My vspominaem o vojne»: katalog / pod red. M. M. Zaturennikova. Kursk, 2005.

7. Korovin V. V., Belozarov D. A. Osobennosti pravovogo regulirovaniya statusa obshchestvennyh organizacij v SSSR // Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo. 2013. N 2. S. 83–88.

8. Oblastnaya hudozhestvennaya vystavka «Vo slavu velikoj pobedy» 65 let Kurskoj bitve: katalog / pod red. L. I. Karkavcevoj. Kursk, 2008.

9. Kurskoj regional'noj organizacii «Soyuz hudozhnikov Rossii» 70 let. Hudozhniki Kurskogo kraja: istoriya i sovremennost': katalog / pod red. M. M. Zaturennikova [i dr.]. Kursk, 2006.

М. П. Иванов, научный сотрудник, Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник имени Е. Д. Фелицына (Краснодар, Россия) (e-mail: mihail983@mail.ru)

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ОТЛИЧИЯ БРОНЗ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ И СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

В статье подробно освещены несколько важных вопросов для раскрытия данной темы: история, применение, различия и общность природы данных бронз. Отмечается, что бронза стала первым в истории человеческого общества искусственным металлом. Она заменила природную медь благодаря своим улучшенным физико-техническим характеристикам: относительно низкая температура плавления, хорошие литейные свойства, то есть способность в расплавленном виде заполнять самые труднодоступные участки формы, хорошие показатели при металлообработке, устойчивость к коррозии,ковка при незначительном нагреве, высокие эстетические свойства (цвет, блеск). Эти характерные признаки присущи как европейской, так и северокавказской бронзе. Но общность подразумевает и различие. В Центральной Европе бронзовая эпоха породила появление «классической бронзы», то есть сплава меди с оловом, где олово присутствует в количестве 5–8% от общего веса. На Северном Кавказе олова практически не было. Встречались зато месторождения меди и близко расположенные к ним источники мышьяка. На этой основе и возникла местная металлургия, что и обусловило возможность получения собственной северокавказской бронзы и изготовление из неё собственных оригинальных изделий. Тема статьи отвечает и детальному освещению технологических отличий в природе этих бронзовых сплавов: влияние разности температур плавления, плотности, твёрдости, содержание олова или мышьяка на разную потребность их общественного применения. Материал статьи знакомит читателя с ситуацией экспорта кавказских изделий в соседние регионы, в ближнее и дальнее зарубежье. Экспорт касался не только готовых изделий, но и бронзовых слитков – заготовок металла для последующей переработки. Это давало возможность налаживать своё изготовление бронзовых изделий соседним племенам, на чьей территории не было полезных ископаемых. В статье подчёркивается факт общего влияния и европейской, и северокавказской бронз на общее развитие всего европейского континента на пути его прогресса.

Ключевые слова: Европа, Кавказ, медь, олово, мышьяк, сплав, бронза, литьё.

Ссылка для цитирования: Иванов М. П. Технологические отличия бронз Центральной Европы и Северного Кавказа // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2017. Т. 7, №3(24). С. 110–115.

***

Эволюционное развитие человеческого общества и неразрывно связанный с ним технический прогресс обусловили окончание каменного века и начало эпохи меди. Конец каменного века характеризуется разложением первобытного строя, появлением новых орудий труда, улучшением жилищ, изменением характера и вида вооружения. Всё это привело к улучшению качества жизни.

Затем на смену использования простой меди пришла бронза, т. е. сплав меди с различными химическими элементами. Бронза стала первым искусственным сплавом, который долгое время служил человечеству. В эпоху бронзы появились такие важные технические открытия, как колесо, гончарный круг, плуг, улучшенное оружие. У бронзы высокие механические и литейные свойства; она химически устойчива против

морской воды, растворов едкого натра и соды; у бронзы отличные антифрикционные свойства; она более упругая; у неё красивый внешний вид (цвет, блеск, отражающие свойства) [1, с. 193–194].

В различных частях Центральной Европы месторождения меди встречались на островах Средиземного моря (Кипр, греческие Киклады и Сирос) и на материке (горы Матра в Венгрии, в Восточных Альпах, в Шотландии, Иберии, в Боснии, Словении, Трансильвании) [2, с. 186, 189–191]. Такое количество источников меди породило развитие медной металлургии, что, в свою очередь, привело к появлению в Европе большого ассортимента бронзовых изделий. Историк археологии Западной Европы А. Л. Монгайт перечисляет такие виды изделий: «Главное место вкладах занимают слитки металла (в виде шейных об-

ручей или массивные прутья с утолщением посередине). Среди украшений много булавок разных типов. Разнообразные подвески (сердцевидные и лилиевидные), височные кольца, спиральные перстни, браслеты... К шильям и топорам разных форм добавились бронзовый серп и нож с литой рукоятью. Кинжалы значительно удлинились, а позднее превратились в настоящие мечи. Распространились бронзовые наконечники копий и стрел, а также секиры...» [3, с. 61]. Дальше он описывает наличие бронзовых изделий в Юго-Восточной Европе: «Большая близость к Кавказу с его высокой металлической культурой... создавало хорошую основу для дальнейшего развития карпато-дунайской области. Стали известны топоры с вислым обухом, ... большие двойные спирали, короткие кинжалы, серпы, массивные браслеты, украшения для конской сбруи. Это изготовлялось в местных мастерских. Венгерские бронзы в своём составе содержали и сурьму. Наряду с литьём бронзы развиваласьковка металла...» [3, с. 77]. Большинство открытых кладов состояли из медных, бронзовых и золотых вещей, которые могли принадлежать бродячим торговцам. Так, один из кладов (Венгрия) содержал 8 мечей, 4 наконечника копий, 8 браслетов... Своеобразие юго-востока Европы свидетельствует о наличии там крупных металлообрабатывающих центров, влияние которых распространялось на отдалённые районы [3, с. 79].

Кроме этих центров имелись и другие в Северной Европе. Они были оборудованы необходимыми средствами технической обработки слитков бронзы для получения вышеприведенного ассортимента изделий. Кроме глиняных тиглей, различных каменных литейных форм, применялись глиняные наконечники для мехов, формовочные стержни для втулок, целый ряд кузнечных принадлежностей, включая наковальни, молотки, пробойники и даже напильники. Перед сплавлением меди с необходимым компонентом проводилось тщательное взвешивание

количеств чистых металлов. Для этих целей употреблялись свинцовые гири (например, в Швейцарии) [2, с. 199–200]. Литейное дело практиковалось на всей территории распространения земледелия и скотоводства периода бронзового века, что характерно для лиственных лесов Южной Скандинавии, где были широко распространены литейные формы и литейные мастерские. Литейное производство было организованным. Металлические изделия стали выпускаться мастерскими, обслуживающими широкие рынки [2, с. 199]. Оценивая географию месторождений меди, трудно согласиться, что этих источников было достаточно для обширной территории от Карпат до Атлантики и от Скандинавии до Средиземного моря.

На Северном Кавказе, на относительно небольшой территории, начиная с III тыс. до н. э. были известны и осваивались многочисленные месторождения меди: верховья левобережных притоков р. Кубань (р. Белая, Большая Лаба, Малая Лаба, Фарс, Пшиш, Большой и Малый Зеленчуки, Теберда, Шахе, Рудная) [4, с. 116], а также в Северной Осетии и Кабардино-Балкарии [5, с. 12].

Нас интересуют сплавы меди с другими элементами, такими как: олово, никель, мышьяк, свинец, сурьма. В Древнем Египте ещё в IV тыс. до н. э. изготовляли предметы из меди с небольшими примесями мышьяка и никеля (до 0,5%) [1, с. 61].

Европейские металлурги сплавляли медь с оловом, получая оловянистую бронзу. Это было обусловлено объективным фактором наличия в Европе достаточных месторождений олова: во Франции – Нижняя Луара, берег Ла-Манша, в Италии – Тосканское нагорье, в Чехии – Рудные горы [2, с. 186, 195]. Все металлические орудия изготовлялись из высококачественной бронзы, выплавляемой из меди, с примесью от 3–5% до 10–12% олова (это классическая бронза) [6, с. 319].

На Северном Кавказе получали мышьяковистую бронзу. Это было обусловлено отсутствием олова в регионе, за исключением его следов в Баксанском ущелье (Кабардино-Балкария) [5, с. 12].

Европейские металлурги, получая и используя оловянистую бронзу, руководствовались низкой точкой её плавления. Так, если чистая медь плавится при 1083°C, а олово – при 232°C, то медь с примесью олова в 8% плавится при 1020°C, а при 25% олова – уже при 800°C. У оловянистой бронзы хорошие текучесть и литейные свойства. Текучесть сплава давала возможность получать хорошие отливки разных изделий, поскольку жидкий металл заполнял сложные литейные формы. Такая бронза имела более высокий показатель твёрдости (до 230 кг/мм²). Все указанные факторы и обусловили широкое применение оловянистой бронзы на материке [7, с. 62–63]. Упомянем здесь могильники Эль Аргар (Испания) и в долине р. По (Италия); клады – Дауриский и в Кастле (Ирландия). Там были найдены плоские топоры, лезвия кинжалов, различные украшения: всё из оловянистой бронзы [2, с. 193, 195]. Содержание олова до 10% и выше используется при изготовлении украшений, такая бронза имеет привлекательный золотистый цвет, а при 16% олова сплав приобретает красновато-золотисто-желтоватые тона; при содержании 16–25% сплав становится желтовато-белым; при содержании 33% бронза становится белой [7, с. 63].

Такая расширенная трактовка свойств оловянистой бронзы несколько не уменьшает достоинств мышьяковистой. По многим физико-механическим показателям она не уступает свойствам оловянистой. В древности употребление предметов из меди, содержащей много мышьяка, родом с Кавказа (называемый «кавказским металлом». – *М. И.*), ценилось наряду с европейской – оловянистой. Предметы, изготовленные из мышьяковистой бронзы, были найдены во Франции, Венгрии, Турции, на Балканах,

т. е. по всему югу Центральной Европы [7, с. 51].

Сопоставим два браслета, изготовленных из двух бронз. Браслет из мышьяковистой бронзы имеет почти круглую форму, равномерную толщину по всей длине, чёткую линию, удобные защёлки. Браслет же из оловянистой бронзы не такой изящной конфигурации: форма лишь отдалённо напоминает круг, края нечёткие, толщина неравномерная, защёлки грубоватой формы [7, с. 43]. Такие упущения можно, конечно, отнести на счёт качества отливных форм.

О благоприятном влиянии примесей мышьяка на свойства меди человеку было известно с глубокой древности. Даже 0,5% мышьяка в меди улучшает её ковкость в холодном состоянии и даёт возможность получать плотные отливки сложных форм. Наклёп (ковка в холодную) резко увеличивает твёрдость мышьяковистых бронз и делает их сопоставимыми с оловянистыми. Так, если сравнить оловянистую бронзу с твёрдостью 133 единицы (по Виккерсу) при осаженных ковкой в холодную на 143%, то этот показатель при всех прочих равных условиях для мышьяковистой бронзы составляет 191 единицу, что сопоставимо с оловянистой [7, с. 44].

Эти и другие ценные качества мышьяковистых бронз обусловили их широкое применение в практике кавказских металлургов: набор из 11 кинжалов из ст. Новосвободной содержит в составе бронзы 4–5% мышьяка, имеет оптимальную твёрдость лезвийной части от 180–250 кг/мм², имеет хорошую ковкость (сами лезвия упрочнялись холодной ковкой) [8, с. 25]. Микроструктурный анализ 20 северокавказских предметов (бусы различной формы и величины, выпуклые бляхи, булавки, подвески со шнуровым орнаментом), найденных у аула Уляп в Адыгее, показал, что все они изготовлены из высокомышьяковистой бронзы (18–21%) [8, с. 26]; орудия труда и оружие (различные шилья и 4 ножа – кинжала), найденные там же, изготовлены из низкомышьяковистой бронзы (1–2%) с

помощьюковки литой заготовки с обжигом металла до 400°C [8, с. 26]. Ещё один пример: спектральный анализ бронзового топора показал: медь – основное содержание, мышьяк – 5,2% (от веса топора), цинк – 0,1%, серебро – до 0,1%, олово – 0,003% (т. е. только следы), свинца нет совсем [5, с. 12–13].

Из приведенных примеров видно, что кавказские металлурги проявляли поразительную осведомлённость в возможностях мышьяковистых бронз. Они эмпирически освоили температурные условия формовки бронз и широко применяли в своей практике две технологические схемы изготовления изделий: 1) литьё с ковкой и отжигом при температуре 700–750°C, а качестве завершающей операции – холодная ковка; 2) литьё с ковкой и отжигами при температуре 600°C, и также холодная ковка в качестве завершающей операции.

Представляет несомненный интерес сам технологический процесс литья: «Вначале из воска делается сам предмет, который надо было изготовить. Затем на восковую модель наносили желаемое украшение: или каким-либо инструментом, или с помощью шнуров. Всё это обмазывалось толстым слоем глины и затем обжигалось. Глина превращалась в терракоту, воск вытекал через специальное отверстие, а оставленные шнуры или нити внутри выгорали. Образовавшуюся пустоту заливали расплавленным металлом и давали детали остыть. После этого она подвергалась дополнительной обработке: счищали окалину, убирали заусенцы и таким образом придавали продукту товарный вид» [9].

Такая технология и хорошая жидкотекучесть мышьяковистой бронзы помогали мастерам отливать из неё не только простые заготовки, но и предметы сложных конфигураций. Изделия отливались в специально приготовленных литейных формах. После этого они отшлифовывались, особенно в местах литейных швов. Перечень таких изделий широк: топоры, серпы, тесла, мотыги, шилья, булавки,

малые ножи, различные подвески [7, с. 46].

Вот такую упрощённую технологическую схему: поиск местного месторождения меди и мышьяка, приготовления сопутствующих процессу литья необходимых приспособлений и литейных форм, непосредственно сам процесс литья, последующие операции по приданию продукту товарного вида – всё это делали кавказские металлурги и добивались при этом удивительных результатов. Об их высоком искусстве говорят многочисленные археологические находки: Майкопский курган, клады у ст-цы Старомышастовская и в урочище «Клады» близ ст-цы Новосвободная, кобанские ценности и Джемталинские сокровища [10]. И недаром многие из них заслуженно представлены в золотой коллекции Государственного Эрмитажа.

Особый интерес представляет вопрос об экспорте кубанских бронзовых изделий, в частности сельскохозяйственного назначения (серпы, мотыги). Можно говорить об их востребованности в соседних регионах (Нижнее Подонье, Северное Причерноморье, Поволжье), что подтверждают археологические находки. Такую роль Северный Кавказ играл (начиная с III тыс. до н. э.) на протяжении 1000 лет [11, с. 407].

По мнению А. А. Иессена, спросом пользовались кубанские бронзовые серпы, что было обусловлено их удачной эргономической характеристикой. Это позволяет говорить «...о кубанском влиянии на производство подобных серпов в Нижнем Поднепровье, если не о прямой их доставке из Прикубанья» [12, с. 111].

Ещё более детализированную характеристику кубанским серпам дали В. А. Дергачёв и В. С. Бочкарёв в своей книге «Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы». В ней авторы, анализируя разные серии происхождения серпов: волго-уральской, прикарпатско-трансильванской, нижнедунайской, верхнетисской (венгерской) и среднедунайской, своё предпочтение отдают именно прикубанским серпам. «К

настоящему времени (2000 г. – *М.И.*) ...зарегистрировано около 250 серпов северо-кавказской серии. Около 2/3 из них с территории Северо-Западного Кавказа. У них высокое качество и особое своеобразие их конфигурации» [13, с. 122]. В своём территориальном распространении они достигают Нижнего Подонья, Крыма, Северного и даже Западного Причерноморья (г. Констанца) [13, с. 14-15].

Такой же интерес к кубанским бронзовым изделиям проявила А. Л. Нечитайло, посвятившая этому вопросу свой научный труд «Связи населения Степной Украины и Северного Кавказа в эпоху бронзы». В нём говорится, что «экономические связи между племенами (Степной Украины и Северного Кавказа. – *М.И.*) в эпоху бронзы обуславливались таким притягательным магнитом, как богатство Северного Кавказа полезными ископаемыми, в первую очередь, медью, серебром, золотом» [14, с. 102–104]. География экспорта кавказской бронзы имеет следующие координаты: Красновка, Красноперекоск и Балаклава – Крым; Новая Одесса, Широкая Балка, Волчанск, Новая Каховка, Киев, Павлоград, Константиновка, Михайловка – Украина [14, карта с. 14]. Сюда доставлялись серпы, топоры, ножи, долота, вилы, шилья, разного вида оружие и украшения. Также сюда экспортировались бруски-заготовки из готовой бронзы для их последующего использования на местном уровне [14, с. 105]. Эти связи находились в поступательном развитии на протяжении всей эпохи бронзы. Так, в период средней бронзы (перв. пол. II тыс. до н. э.), по сравнению с ранней бронзой (всё III тыс. до н. э.), экономические связи расширяются, усложняются и в итоге увеличиваются: динамика находок артефактов достигает десятикратной величины [14, с. 103].

Список литературы

1. Косвен М. О. Очерки истории первобытных культур. М.: Изд-во АН СССР, 1953. 241 с.

2. Кларк Г. Доисторическая Европа: пер. с англ. М.: Изд-во иностр. лит., 1953. 332 с.

3. Монгайт А. Л. Археология Западной Европы. Т. 2: Бронзовый и железный века. М.: Наука, 1974. 428 с.

4. Формозов А. А. Каменный век и энеолит Прикубанья. М.: Наука, 1965. 160 с.

5. Марковин В. И. Культура племён Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тыс. до н. э.). М.: Изд-во АН СССР, 1960. 151 с.

6. Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 520 с.

7. Селимханов И. Р. Разгаданные секреты древней бронзы. М.: Наука, 1970. 79 с.

8. Рындина Н. В., Равич И. Г. Технология изготовления металлических изделий Кавказа эпохи бронзы: история и перспективы исследований // От палеолита до средневековья: сб. науч. ст. / отв. ред. В. Л. Егоров. М.: Твер. обл. тип., 2011. С. 22–29.

9. Давиденко И. Древняя металлургия на Кубани // Советская Кубань. 1952. № 39.

10. Корневский С. Н. Комплекс орудий майкопского погребения у станицы Псебайской / Краткие сообщения. № 142: Памятники эпохи бронзы и раннего железа. М.: Наука, 1975.

11. Мунчаев Р. М. Кавказ на заре бронзового века. М.: Наука, 1975. 476 с.

12. Иессен А. А. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 51 с.

13. Дергачёв В. А., Бочкарёв В. С. Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы. Кишинёв: Высш. антрополог. шк., 2002. 348 с.

14. Нечитайло А. Л. Связи между племенами Степной Украины и Северного Кавказа в эпоху бронзы. Киев: Наук. думка, 1991. 112 с.

Поступила в редакцию 29.05.17

UDC 930

M. P. Ivanov, Researcher, Krasnodar State Historical and Archaeological Museum-reserve named E. D. Felitsyn (Krasnodar, Russian) (e-mail: mihail983@mail.ru)

TECHNOLOGICAL DIFFERENCES OF BRONZES OF THE CENTRAL EUROPE AND THE NORTHERN CAUCASUS

The article covers in detail some important issues for disclosure of the topic: history, application, differences and common nature of these bronzes. It is pointed out that bronze was the first artificial metal in the history of human society. It has replaced natural copper due to its improved physical and technical characteristics: a relatively low melting point, good casting properties, i.e. the ability in the molten form to fill the most inaccessible areas of shape, good performance in metalworking, corrosion resistance, forging at low heating, high aesthetic properties: colour, gloss. These characteristics are inherent in both the European and the North Caucasian bronze. But this commonality implies a distinction too. In the Central Europe the bronze age led to the emergence of the "classic bronze", that is an alloy of copper with tin, where tin is present in the amount of 5-8% of the total weight. In the North Caucasus tin was practically absent. But then deposits of copper and the sources of arsenic close to them were found. It was on this basis that local metallurgy appeared. And it provided the possibility of obtaining intrinsic North Caucasian bronze, and production of intrinsic original products. The subject of the article also answers the detailed coverage of technological differences in the nature of these bronze alloys: influence of the melting points difference, density, hardness, content of tin or arsenic on different needs of their public use. The article introduces the reader to the situation of the Caucasian export products to the neighboring regions, to the near abroad and foreign countries. The export concerned not only finished products, but also bronze ingots – blanks of metal for further processing. It gave the opportunity to establish particular manufacture of bronze products for the neighboring tribes, in whose territory there were no minerals. The article emphasizes general influence of European and North Caucasian bronze on the overall development of the entire European continent on the way to the progress.

Key words: Europe, Caucasus, copper, tin, arsenic, alloy, bronze, casting.

For citation: Ivanov M. P. Technological differences of bronzes of the Central Europe and the Northern Caucasus, Proceeding of the Southwest State University. Series: History and Law, 2017, vol. 7, n 3(24), pp. 110–115 (in Russ.).

***

References

1. Kosven M. O. Ocherki istorii pervobytnykh kul'tur. M.: Izd-vo AN SSSR, 1953. 241 s.
2. Klark G. Doistoricheskaya Evropa: per. s angl. M.: Izd-vo inostr. lit., 1953. 332 s.
3. Mongajt A. L. Arheologiya Zapadnoj Evropy. T. 2: Bronzovyj i zheleznyj veka. M.: Nauka, 1974. 428 s.
4. Formozov A. A. Kamennyj vek i ehneolit Prikuban'ya. M.: Nauka, 1965. 160 s.
5. Markovin V. I. Kul'tura plemyon Severnogo Kavkaza v ehpohe bronzy (II tys. do n. eh.). M.: Izd-vo AN SSSR, 1960. 151 s.
6. Krupnov E. I. Drevnyaya istoriya Severnogo Kavkaza. M.: Izd-vo AN SSSR, 1960. 520 s.
7. Selimhanov I. R. Razgadannye sekrety drevnej bronzy. M.: Nauka, 1970. 79 s.
8. Ryndina N. V., Ravich I. G. Tekhnologiya izgotovleniya metallicheskih izdelij Kavkaza ehpohe bronzy: istoriya i perspektivy issledovanij // ot paleolita do srednevekov'ya: sb. nauch. st. / otv. red. V. L. Egorov. M.: Tver. obl. tip., 2011. S. 22–29.
9. Davidenko I. Drevnyaya metallurgiya na Kubani // Sovetskaya Kuban'. 1952. N 39.
10. Korenevskij S. N. Kompleks orudij majkopskogo pogrebeniya u stanicy Psebazskoj / Kratkije soobshcheniya. N 142: Pamyatniki ehpohe bronzy i rannego zheleza. M.: Nauka, 1975.
11. Munchaev R. M. Kavkaz na zare bronzovogo veka. M.: Nauka, 1975. 476 s.
12. Iessen A. A. Prikubanskij ochag metallurgii i metalloobrabotki v konce medno-bronzovogo veka. M.: Izd-vo AN SSSR, 1951.
13. Dergachyov V. A., Bochkaryov V. S. Metallicheskie serpy pozdnej bronzy Vostochnoj Evropy. Kishinyov: Vyssh. antropolog. shk., 2002. 348 s.
14. Nechitajlo A. L. Svyazi mezhdru plemenami Stepoj Ukrainy i Severnogo Kavkaza v ehpohe bronzy. Kiev: Nauk. dumka, 1991. 112 s.

УДК 622.86:614.8.084

В. И. Томаков, д-р пед. наук, профессор, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск, Россия) (e-mail: tomakov_v_i@ Rambler.ru)

М. В. Томаков, канд. техн. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск, Россия) (e-mail: tomakovmv@ Rambler.ru)

СТАНОВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО НАДЗОРА ЗА БЕЗОПАСНОСТЬЮ РАБОТ В ГОРНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РОССИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Россия, являясь одной из богатейших стран мира по запасам и разнообразию недр, в конце XIX века вышла в число ведущих стран мира по добыче основных полезных ископаемых. Темпы развития горного производства в России значительно опережали развитие законодательства по вопросам промышленной безопасности и охраны труда. В стране в недостаточном количестве осуществлялась подготовка горных инженеров и техников, а в горном промысле не хватало квалифицированных рабочих, что обусловило высокий производственный травматизм. Статья демонстрирует динамику несчастных случаев на горных промыслах и заводах. За 1880–1889 годы среднегодовой уровень смертельного травматизма составлял $0,53 \pm 0,05$ погибших на 1000 горнорабочих. В 1901 году уровень смертельного травматизма при разработке каменного угля достиг 2,75 погибших на 1000 рабочих, на нефтяных промыслах – 1,7; на каменно-ломнях – 1,11; на металлических рудниках – 0,75; на золотых и платиновых промыслах – 0,39. К распространённым горным опасностям обрушений и затоплений в угольных шахтах добавлялись взрывы и пожары.

Статья раскрывает этапы законодательной деятельности в области промышленной безопасности при производстве горных работ. Из официальных документов по безопасности горнозаводских работ следует назвать, прежде всего, Горный устав, обязывающий окружающих горных инженеров осуществлять надзор за безопасностью рудничных и горнозаводских работ. Правила безопасности ведения горных работ впервые были составлены на основании закона от 13 мая 1880 г. «О производстве промышленниками подземных горных работ». В 1882 г. была издана «Инструкция по надзору за частным горнозаводским промыслом» с присоединением к ней «Правил ведения горных работ в видах их безопасности». Законом от 9 марта 1892 г. была учреждена особая горнозаводская инспекция. В 1899 г. безопасность ведения горных работ стала предметом специального, организованно оформившегося надзора. Однако, судя по высокому уровню травматизма, фабрично-заводская инспекция не справлялась со своей главной задачей в сфере надзора и контроля над соблюдением техники безопасности на производстве.

Ключевые слова: горные работы, добыча полезных ископаемых, травматизм, аварии, законы и правила безопасности, горный надзор.

Ссылка для цитирования: Томаков В. И., Томаков М. В. Становление государственного надзора за безопасностью работ в горной промышленности России в XIX – начале XX века // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2017. Т. 7, №3(24). С. 116–129.

***

Рубеж XIX–XX вв. в истории Российской империи был временем интенсивного развития промышленности, началом её индустриализации. Этот процесс не обошел горное дело, которое уверенно развивалось благодаря добыче угля, железной руды, золота, серебра, соли, цветных металлов. По добыче основных полезных ископаемых Россия в конце XIX в. вышла в число ведущих стран мира, о чём свидетельствуют сведения из работы [1].

Добыча горючих ископаемых. По данным отчета о горнозаводской промышленности в России в 1896 г. было

добыто: каменного угля 8 400 000 т; антрацита 780 000 т; бурого угля 60 000 т. По добыче каменного угля Россия в 1896 г. занимает 7-е место среди остальных государств мира. Следует отметить, что если мировая добыча угля увеличилась в 1897 г. примерно в 1,35 раза по сравнению с добычей в 1887 г., то в России – в 2,07 раза. Этот факт свидетельствует о быстром развитии горных работ. Уголь добывали на 25 крупных месторождениях. В первую очередь увеличение темпов добычи каменного угля принадлежит в этот период Донецкому каменноугольному бассейну. Такой рост годовой добычи

был вызван возросшей потребностью в угле в связи с открытием новых металлургических заводов. На всех угольных копях было занято в 1896 г. 38 917 чел. рабочих внутри рудников и 13 531 чел. на поверхности.

Основным районом добычи нефти в России в 1896 г. являлись месторождения Кавказа. Хорошо разведанные и значительные по объему месторождения сосредоточены вблизи г. Баку на берегу Каспийского моря, на котором расположилось более 1000 скважин. Только за 1896 г. было пройдено свыше 53 000 м при углублении старых и бурении новых скважин. В 1889 г. объем добычи нефти на Кавказе составил 1 млн т, а в 1896 г. достиг 5 млн т, что вывело Россию на второе место вслед за Пенсильванией, где объем добычи составлял 6 млн т. Общий мировой объем добычи в этот период составлял 12 млн т.

В России в 1896 г. на месторождениях асфальтового камня и гудронного песчаника в Симбирской губернии близ г. Сызрани было добыто 20 300 т асфальтового камня. Добыча велась также вблизи г. Керчи, в Ферганской области, на Кавказе.

Добыча солей. Добыча всех видов солей в России в 1895 г. составила 1 520 000 т, что вывело страну на третье место в мировой добыче. Общая добыча каменной поваренной соли из общей добычи всех видов солей в 1896 г. составила 332 250 т. Основные месторождения разрабатывались подземным способом в Екатеринославской и Оренбургской губерниях.

Разработка камней. Каменоломни были рассеяны по России повсеместно. Всего в 1896 г. действовало 2036 каменоломен для добычи строительных материалов, на которых работали около 25 000 чел. рабочих. На ломках при добыче огнеупорных материалов в рассматриваемый период было задействовано 2 035 чел. рабочих и 4 067 чел. – на заводах для приготовления огнеупорных изделий.

Разработка медных руд. По выплавке меди в 1896 г. Россия занимала седьмое место на мировом рынке. Всего в этот год действовало 96 медных рудников, на которых было добыто около 160,5 тыс. т руды. На этих рудниках было задействовано 3266 чел. рабочих. Для плавки руд имелось 24 медеплавильных завода. Важнейшие месторождения находились на Урале, Кавказе, в Киргизской степи и в Финляндии.

Добыча железных руд. Добыча железных руд в 1896 г. в России осуществлялась на 1052 рудниках, на них работали 38 210 чел. рабочих. По производству железа и стали на мировом рынке Россия заняла пятое место после США, Великобритании, Германии и Франции. В этот период было добыто около 3 млн 243 тыс. т железной руды, получено 625 тыс. т стали.

Марганцевые руды. В 1896 г. было добыто более 203 тыс. т. По добыче марганцевых руд России принадлежит первое место в мире.

Добыча золота и серебра. Первое место в 1896 г. по добыче этих металлов занимают США, Австралия, Трансвааль и Россия, производительность которых по золоту составила 255 000 кг, или 5/6 общей добычи этого металла. Доля России составляла 46 653 кг.

В России велась добыча и других полезных ископаемых – серы, ртути, цинка, олова, платины, асбеста и др.

Реформирование Александром II основ государственного устройства империи – раскрепощение крестьян и создание земства, введение всеобщей воинской повинности, учреждение суда присяжных и судебных уставов стимулировало развитие производительных сил, создало социально-экономические предпосылки для вступления страны на путь индустриализации. Темпы развития горного производства в России были велики. Горные работы наращивали объемы, уходили в глубину, в то же время опережая разви-

тие и совершенствование технологии и техники добычи.

Одной из характерных черт эпохи реформ был рост городского населения. Высокие выкупные платежи и подати за пользование землей ложились тяжелым бременем на крестьянские хозяйства. Многие из них разорялись. В поисках средств существования крестьяне потянулись в города и промышленные поселки, на фабрики, заводы, горнодобывающие производства и строительство железных дорог. Приток дешевой рабочей силы был одним из важнейших факторов капитализации страны. Трудовыми ресурсами для горной промышленности России были неграмотные и неквалифицированные работники, чей труд был весьма выгоден для владельцев приисков и горных заводов ввиду своей дешевизны. Ручной труд и конная тяга уже не справлялись с новыми масштабами горного производства, подъем, проветривание и водоотлив превратились в техническую проблему. Рост промышленного производства в этих условиях сопровождался значительным количеством несчастных случаев, заканчивающихся увечьем и гибелью рабочих.

В диссертационном исследовании В. Ф. Цитульский отмечает, что в России

число несчастных случаев на производстве достигало 150–200 тыс. в год, или 10–11% всего числа рабочих, занятых в промышленности. От трудовых увечий ежегодно умирало 1,5 тыс. чел. Войны не давали такого количества раненых, какого давала российская промышленность искалеченных инвалидов. В русско-турецкую войну 1877–1878 гг. русская армия потеряла ранеными 13,5%. Во франко-прусскую войну 1870–1871 гг. число раненых не превышало 10,8%. В России на производстве ежегодно калечилось из каждых ста человек четырнадцать. По отдельным производствам эта доля была ещё выше [2].

Промышленный травматизм в различных отраслях производства был далеко не одинаков. Особенно значительным травматизм был в горной и горнозаводской промышленности [3]. На первом месте по числу увечных рабочих стояла горная (добыча минерального топлива, каменной соли, железной руды) и горнозаводская (доменные и передельные заводы) промышленность. Сведения, ежегодно публикуемые в «Сборнике статистических сведений о горнозаводской промышленности России», демонстрируют динамику несчастных случаев (табл. 1).

Таблица 1

Статистические данные о несчастных случаях на горных промыслах и заводах

Годы	Общее число горнорабочих	Несчастные случаи с людьми		
		убито	изувечено	всего
1880	283414	192	363	555
1881	280371	144	176	320
1882	304506	140	491	631
1883	330616	144	542	686
1884	330752	150	449	599
1885	349319	170	504	674
1886	356283	181	540	721
1887	398172	213	703	916
1888	419082	244	1120	1364
1889	416836	251	1239	1490

В статистических сборниках официально сообщалось, что в горнозаводской промышленности Российской империи за 1880–1889 гг. среднегодовой уровень смертельного травматизма составлял $0,53 \pm 0,05$ погибших на 1000 горнорабочих. Насколько эти официальные данные далеки от истины, свидетельствует д-р Л. Б. Бертенсон, командированный в 1891 г. на Урал для осмотра врачебно-санитарной части заводов. По его заявлению, регистрация несчастных случаев ведется не по однообразной системе; на большинстве заводов записываются в книги лишь наиболее тяжелые увечья, а на некоторых и сами книги заведены лишь с 1889 г. В «Сборнике» общее число пострадавших на казенных и частных заводах Урала показано для 1888 г. в 255 чел., а для 1889 г. – в 367, тогда как по данным, собранным д-ром Л. Б. Бертенсоном (притом далеко не полным), получаются для всех заводов Урала цифры в 4 раза большие.

Случаи сокрытия от горного надзора несчастных случаев на золотых приисках Сибири также были постоянны, фиксировались только наиболее тяжелые, влекущие за собой либо потерю трудоспособности, либо смерть. Приисковый врач свидетельствует, что в «Бодайбинской К^о» и «К^о Промышленности» в 1897–1899 гг. было зафиксировано 2 510 травм, в отчетах окружного инженера указаны 93 травмы. В Южно-Енисейском округе в 1897–1898 гг. врачом отмечено 200 травм, а горным инженером – 20.

Более поздние статистические данные на первое место по смертельному травматизму вывели добычу каменного угля. Так, в 1901 г. уровень смертельного травматизма достигал в них 2,75 погибших на 1000 рабочих, тогда как на нефтяных промыслах он составлял 1,7; на каменоломнях – 1,11; на металлических рудниках – 0,75; на золотых и платиновых промыслах – 0,39.

Вопрос о настоящем статистическом учете несчастных случаев был решен

только в 1900 г., когда для регистрации несчастных случаев была принята немецкая систематизация. Были предложены специально разработанные формы для учета несчастных случаев. Согласно этой систематизации несчастные случаи делились на: смертельные; вызывающие постоянную нетрудоспособность; полную или частичную; вызывающие временную нетрудоспособность продолжительностью не менее недели, от одной до четырех недель, от четырех до тринадцати и свыше тринадцати недель. Помимо несчастных случаев отдельно учитывались профессиональные заболевания, в частности отравления. Кроме такой классификации, несчастные случаи рекомендовалось классифицировать также по виновникам и по тем материальным причинам, которые непосредственно привели к несчастному случаю: работа с двигателями, приводами, элеваторами и т. п. В качестве примера можно привести данные по золотодобыче Сибири [4]. Наиболее высоким был травматизм на шахтах «Лензото»: 248,1–255,2 случая на 1000 чел./год, притом ночью случалось в три раза больше травм, чем днём. До 80% травм получали рабочие-новички.

Анализируя несчастные случаи с рабочими ведущего золотопромышленного района страны – Лено-Витимского, отмечается, что наибольшее число их происходит от обвалов и падений предметов (20–30%), падений в шахты, с лесов, лестниц (4–7%), от ручной погрузки, разгрузки, поднимания и переноса предметов (20–30%), перевозки людей, грузов, от эксплуатации железной дороги (11,0–15%), животных (2–4%), ручных инструментов и простых орудий (15–17%), от работ паровых котлов (1–2%), взрывчатых веществ (2–4%). По вине рабочих здесь произошло 37,09% несчастных случаев, 13,31% – по вине хозяев и 49,60% – по другим причинам.

Есть причины усомниться в правильности двух последних данных. Среди причин, приведших к несчастному случаю, называется некая «опасность произ-

водства». В Витимском округе по этой статье списано с хозяев в 1911 г. 47,83% всех несчастных случаев, которые вместе со случаями «по вине хозяев» составят 65,19% всех несчастных случаев.

В 1900 г. при Горном ученом комитете по предложению Н. Д. Коцовского была образована специальная Постоянная комиссия для изучения причин несчастных случаев на рудниках и горных заводах. В целом, вопрос об организации расследования и учета несчастных случаев в горной промышленности был поставлен значительно лучше по сравнению с другими отраслями (металлургической, нефтегазовой).

К обычным горным опасностям обрушений и затоплений в угольных шахтах добавлялись взрывы и пожары. Первые вспышки рудничного газа в Донбассе произошли в 1878 г., а затем в начале 1880 г. на Егоринских копиях Урала.

Наиболее опасной была ситуация в каменноугольных шахтах Донецкого бассейна, где уже в 70-е годы XIX века наблюдались воспламенение и взрывы

гремучего газа (метан в смеси с некоторыми другими газами). В 1890 г. профессором Н. Д. Коцовским и академиком Н. С. Курнаковым, обследовавшими шахты Донбасса, было установлено значительное выделение метана, неудовлетворительное проветривание шахт и предложено в качестве меры борьбы с метаном его выжигание. Несмотря на то, что через полгода после этого обследования 4 января 1891 г. произошел первый крупный взрыв на шахте № 14 Рыковских копий (г. Донецк), в результате которого погибло 55 шахтеров, серьезного внимания на борьбу с рудничным газом обращено не было. В 1898 г. на шахте «Иван» Русско-Донецкого общества (г. Макеевка) произошел взрыв газа, при котором погибло 74 шахтера. Только за 16 лет (1885–1900 гг.), по далеко не полным официальным данным, в результате обвалов и взрывов на шахтах Донбасса погибли 1288 и были искалечены 2179 шахтеров. Большая часть несчастных случаев приходится на первые годы XX в. [5] (табл. 2).

Таблица 2

Несчастные случаи на рудниках Донбасса

Год	Количество несчастных случаев			Количество несчастных случаев на 10 тыс. рабочих
	смертельных	тяжелых увечий	всего	
1866	125	235	360	69
1897	151	601	752	115
1905	380	23468	23 848	198
1908	744	25142	25 886	152

В Макеевском горном округе с января 1903 г. по июль 1908 г. случилось 25 взрывов газа и пыли, в результате которых погибли 347 чел. Крупные катастрофы на шахтах продолжались, одной из которых был взрыв газа на шахте № 4-бис в г. Юзовке в 1907 г., который унес жизнь 273 шахтеров. В 1908 г. на Рыковских копиях при взрыве погибли 283 чел.

Учет промышленного травматизма сколько-нибудь точно стал осуществляться лишь в связи с изданием закона

«О вознаграждении потерпевших вследствие несчастного случая» [6] от 2 июня 1903 г. Но и после принятия этого закона более или менее достоверные сведения относились к характеристике несчастных случаев с тяжелыми последствиями.

В целом же по горной и горнозаводской промышленности России число пострадавших на 1000 рабочих было очень большим. В 1904 г. оно составляло 347, в 1905 г. – 391, в 1906 г. – 383, в 1907 г. – 384, в 1908 г. – 316 чел. горных и горнозаводских рабочих, причем большая

часть погибших или умерших от производственных травм были мужчины молодого и зрелого возраста (от 27 лет до 31 года). Ежегодно число пострадавших росло, причем выбывала почти треть рабочих.

Таким образом, высокий уровень травматизма и аварии свидетельствовали о несовершенстве надзора и контроля за безопасностью, правил ведения горных работ и указывали на неудовлетворительную организацию работ в области техники безопасности.

Если XVIII в. надлежит охарактеризовать как период формирования системы учета горных предприятий, их добычи и, главное – «справности» выплаты налогов в государственную казну, то вся последующая история горного надзора была связана с контролем за отработкой месторождений полезных ископаемых и обеспечением безопасных условий труда горняков.

В XIX в. горный надзор осуществляла так называемая «горная полиция». В истории горной полиции выделяются два этапа. Первый этап (1806–1865 гг.) характеризуется зарождением и становлением специализированных полицейских учреждений, действовавших в сфере горнозаводского производства.

Главная особенность этого периода связана с тем, что в соответствии с законодательством горная полиция осуществляла полицейский контроль за жизнедеятельностью в горнозаводских округах, на государственных и частных заводах, контролировала различные сферы обеспечения благочиния и благосостояния, занималась предупреждением и пресечением преступлений и других нарушений порядка, обеспечивала защиту различных форм собственности и интересов государства в такой важной отрасли экономики, какой являлось горнозаводское производство.

На втором этапе (1865–1917 гг.) наблюдается значительное сужение и уточнение функции горной полиции. Она переориентируется на выполнение задач,

связанных с осуществлением государственного контроля за золотодобычей частных лиц [7; 8; 9].

Структура горной полиции была определена в 1806 г. законодательным актом «Проект Горного положения для управления заводов хребта Уральского» и представляла собой довольно сложную систему. Прежде всего, при создании полиции учитывалось существование частных горных заводов и государственных, поэтому данная организация делилась на полицию при казенных горных заводах и округах и на полицию при частных заводах и округах. Горную полицию как систему мер по надзору за безопасностью в горной промышленности необходимо отличать от горной полиции – института горных исправников, обеспечивавших «охранение общественного порядка и спокойствия на частных золотых промыслах» и подчинённых тем же самым органам горного управления. Мы говорим о «горной полиции» как о первом русском названии специального горного надзора за безопасностью. В 1893 г. это понятие раскрывалось следующим образом: «Горная полиция – совокупность мер по надзору за горной промышленностью, осуществляемых органами местного управления. Во всех современных законодательствах имеются постановления, направленные к предупреждению хищнической разработки ископаемых, но главная задача современной горной полиции – безопасность горных работ и промыслов. Вследствие опасностей, сопряжённых с горными работами, последние подвергаются особенно детальному надзору, и нигде осуществление полицейских задач не связано с такими чрезвычайными, часто миллионными издержками, как в горном деле» [10]. На законодательном языке тех лет под горной полицией «...разумеются лица, которым вверено охранение общественного порядка и спокойствия на частных золотых промыслах». Горная полиция состояла из горных исправников, которые заведуют горнополицейскими округами. Горная

полиция – высший надзор за соблюдением общественного порядка, должного благоустройства и безопасности на частных горных заводах и промыслах [11].

В первой половине XIX века (7 января 1818 г.) был принят закон о надзоре за работами в частных рудниках и на заводах в плане их безопасности.

В 1832 г. издается Свод учреждений и уставов горного управления [12], определяющий правила работы на горных промыслах и горных заводах. Были в этих документах статьи, регламентирующие труд работников, охрану труда, охрану недр, надзорно-контрольные и карательные функции и др.

Первые правила безопасности, обязательные для исполнения всех горных округов, появились с учреждением в 1872 г. «Инструкции по надзору за горнозаводским промыслом» (Горный журнал, 1872, т. 1) [13]. Это обширная инструкция содержит 61 параграф. Правила предусматривали лишь самые необходимые условия безопасности труда рабочих, без которых невозможно было существование самого производства.

В 1874 г. был утвержден порядок приобретения, перевозки, хранения и расходования взрывчатых материалов. Затем, в 1880 г. были составлены и приняты в силу закона «Временные правила об употреблении взрывчатых материалов при горных работах».

Правила безопасности ведения горных работ впервые были составлены на основании закона от 13 мая 1880 г. «О производстве промышленниками подземных горных работ». Правила эти обязательны для горных промыслов, на каких бы то ни было землях, за исключением казачьих. В частности, правила предусматривали обязательное уведомление членов местного горного управления о начале и окончании горных работ, о предполагаемых опасностях и произошедших несчастных случаях на предприятиях, предоставление плана ведения добычных работ с указанием ответственного лица. Согласно правилам работы

должны производиться так, чтобы они не представляли опасности для жизни и здоровья рабочих и соседних жителей, равно для строений и другого имущества их, для путей сообщения, для источников минеральных, равно как и тех, которые необходимы для снабжения водой населённых мест. Подобное указание необходимых для этого мероприятий и предосторожностей предоставлено министру государственных имуществ, который публикует во всеобщее сведение особую обязательную для горнопромышленников инструкцию, подлежащую предварительному обсуждению Горного ученого комитета.

В развитие этого закона в 1882 г. Министерством государственных имуществ была издана «Инструкция по надзору за частным горнозаводским промыслом в пяти горных округах европейской России, с присоединением к ней обязательных для горнопромышленников «Правил для ведения горных работ в видах их безопасности».

В дальнейшем действует обширная инструкция от 2 июля 1888 г. по надзору за производством горных работ вместе с инструкцией от 24 июня 1888 г. по производству маркшейдерских работ (т. е. по надзору за ведением плана разработки). Инструкция от 2 июля 1888 г. пополнена правилами от 16 января 1892 г. для производства работ на золотых промыслах, которые впервые подвергнуты правильному техническому надзору в видах их безопасности. Инструкции содержат в себе наставления о креплении выработок, о закладке выработанных пространств пустой породой, о сигналах, о выходах из рудников, о спуске и подъёме рабочих и материалов, об употреблении взрывчатых веществ, паровых котлов и машин, об ограждении людей и животных от падения, о предотвращении пожаров и вредного действия скопляющихся в рудниках газов и воды, о вентиляции, по предупреждению несчастных случаев от взрывов гремучего газа и т. п. Отдельным пунктом прописана безопасность по про-

изводству горных работ на каменно-ломнях. Правила запрещали труд женщин в подземных выработках и предписывали не допускать к работам на рудниках и приисках работников в нетрезвом виде.

Горнопромышленник, не использовавший в определённый ему срок указаний должностных лиц на средства к исправлению недостатков работ, привлекается к судебной ответственности. Если двукратное, по приговору судебного места, наложение наказания не побудило горнопромышленника к исполнению предписанных мер, то последние приводятся в исполнение на его счёт местным горным управлением, которое под своей ответственностью может это сделать и до привлечения виновного к суду. В том случае, когда для ограждения с целью безопасности необходима окончательная или временная остановка горных работ, то об этом составляется на месте письменный акт в присутствии горнопромышленника и двух свидетелей; мера эта приводится в исполнение с разрешения лица, которому вверен высший местный надзор за частным горным промыслом.

9 марта 1892 г. высочайше утверждены правила о надзоре за благоустройством и порядком на частных горных заводах и промыслах и о найме рабочих на эти заводы и промыслы [14]. Правилами этими на частные горные заводы распространено действие закона от 3 июня 1886 г. из фабричного законодательства со значительными дополнениями. Так, воспрещается заключать с горнорабочими договоры найма, исполнение коих должно начаться через год и более после их заключения.

Законом от 9 марта 1892 г. в местностях, подчиненных горным управлениям, была учреждена особая горнозаводская инспекция, состоящая из окружных инспекторов и их помощников и вновь учреждённых при местных горных управлениях «присутствий по горнозаводским делам». Для всех прочих местностей существовало одно присутствие, образованное при Горном департаменте

Министерства земледелия и государственных имуществ.

Присутствия по горнозаводским делам образуются при местных горных управлениях, под председательством начальника горного управления, из его помощника, представителя Министерства внутренних дел, лица прокурорского надзора и двух представителей частной горной промышленности, избираемых местными съездами горнопромышленников сроком на три года. Для местностей, непосредственно подчиненных горному департаменту, полагается одно присутствие по горнозаводским делам, состоящее при горном департаменте, из трех членов горного совета по назначению министра государственных имуществ (один из них председательствует), одного представителя от Министерства внутренних дел, одного представителя от Министерства юстиции и двух представителей частной горной промышленности.

На окружных инженеров в качестве горнозаводских инспекторов среди многих обязанностей возлагается: попечение об учреждении школ для первоначального образования горнорабочих; рассмотрение и утверждение различных табелей, расписаний, правил и внутреннего распорядка работ и такс, по которым горнорабочим отпускаются предметы потребления или материалы и инструменты, потребные для горных работ; принятие мер к предупреждению споров и недоразумений между нанимателями и горнорабочим.

На присутствия, в частности (с 1898 г.), возлагается издание обязательных постановлений о мерах, которые должны быть соблюдаемы для охранения жизни, здоровья и нравственности рабочих во время работ и при помещении их в заводских и промысловых зданиях, а также в отношении врачебной помощи рабочим, рассмотрение жалоб, имеющих своим предметом взаимные отношения между нанимателями и рабочими, рассмотрение и утверждение такс, табелей, расписаний

и правил внутреннего распорядка, составляемых для руководства рабочих.

Чины городской и уездной полиции обязаны сообщать окружным инспекторам и их помощникам обо всех дошедших до сведения полиции случаях нарушения порядка и благоустройства на горных заводах и промыслах.

Следуя закону от 9 марта 1892 г., безопасность ведения горных работ стала предметом специально организованного, юридически оформленного надзора. На чинов правительственного горного надзора Горных управлений была возложена обязанность следить за безопасностью работ и соблюдением Правил безопасности горных и заводских работ.

Вершиной в создании нормативно-правовой базы горного права считают 1893 г., когда был издан Горный устав (дополнен в 1895 г.). В 1897 г. была установлена гражданская и уголовная ответственность горнопромышленников за увечье и смерть от несчастных случаев.

Вехой в развитии надзора за безопасностью стал закон от 7 июня 1899 г. [15] Им впервые была определена и отнесена к компетенции надзорных органов одна из основных функций надзора – создание нормативных актов по безопасности работ. Соответственно, появилась и вторая задача – контроль за соблюдением этих актов. Безопасность ведения горных работ стала предметом специального, организованно оформившегося надзора. Именно в этот период «присутствия по горнозаводским делам» были объединены в 1899 г. с «присутствиями по фабричным делам» в единую Фабричную инспекцию. В ведение инспекции были переданы функции котлонадзора, которые выполнялись с 1843 г. губернскими механиками. В функции инспекции также входили: сбор и анализ статистических данных о распределении рабочего времени, участии женщин и детей в промышленности, условиях труда; обобщение сведений об оплате труда. Однако многообразие условий развития горной промышленности в России приводило к то-

му, что многие писанные постановления приходили в противоречие друг другу, а контролирующие органы вступали в конфликт с местными властями и их распространение на всю страну иногда растягивалось на десятилетия.

Главным по фабричным и горнозаводским делам присутствием, образованным в 1899 г. для наблюдения за правильностью применения законов, касавшихся фабричной, заводской и горной промышленности, 4 апреля 1901 г. издан «Наказ чинам горного надзора по наблюдению за исполнением законов о рабочих на частных горных заводах и промыслах в местностях, на которые распространено действие закона 7 июня 1899 г.». Этим Наказом непосредственный надзор за горными заводами и промыслами возложен на окружных инженеров. В частности, окружные инженеры обязаны требовать от владельцев или заведующих горными заводами и промыслами, по принадлежности, своевременного извещения: а) о расширении, сокращении, закрытии или приостановке действия заведения; б) об отчуждении заведения во временное или постоянное пользование других лиц; в) о всяких изменениях в составе заведывающих заведением лиц; г) о всех случаях коллективного недовольства и волнения рабочих, независимо от вызывающих таковые причин, причем в более важных случаях (а при совершившихся забастовках – всегда) извещения посылаются по телеграфу или нарочным; д) о всех происшедших с рабочими несчастных случаях, согласно установленным на сей предмет правилам; е) о состоянии штрафных капиталов, количестве и роде наложенных на рабочих взысканий (согласно установленным формам); ж) об отклонениях от обычного порядка производства работ и распределения рабочего времени; з) о намерении владельцев промышленных заведений пользоваться трудом малолетних подростков (до 17 лет) и женщин и в каких приблизительно размерах, равно как и об отказе от такового пользования; и) о по-

жарах, поломках механизмов и прочих случаях, могущих иметь влияние на порядок производства работ или затрагивающих интересы рабочих; й) сведений по промышленной статистике, согласно установленным формам и др.

Окружные инженеры наблюдают за тем, чтобы при содержании горнопромышленных заведений и рабочих при них помещений соблюдались узаконения и изданные в их развитие установленным порядком обязательные постановления, касающиеся ограждения жизни, здоровья и нравственности рабочих и оказания им врачебной помощи и др.

Рост числа взрывов в шахтах и травматизма, даже при соблюдении существовавших правил безопасности, выявил непригодность последних в новых, более тяжелых условиях горных работ, поэтому Горный департамент в 1905 г. организовал комиссию для разработки правил ведения горных работ в видах их безопасности.

В 1906 г. Горный департамент¹ выпустил очередной сборник «Статистика несчастных случаев с рабочими в предприятиях горной и горнозаводской промышленности, подчиненных горному надзору за 1906 год» на основании статистических сведений, «доставленных в Горный Департамент всеми Горными Управлениями и Окружными Горными Инженерами, подведомственными названному Департаменту». В введении к Сборнику отмечается, что в нем представлены более точные данные по сравнению с предыдущими [16]. В Сборнике, в частности, приводится число несчастных случаев на отдельных горнопромышленных предприятиях, отнесенное на 1000 рабочих: каменноугольные копи – 249; горные заводы – 177; рудники – 67,3; золотые промыслы – 20,9; каменоломни – 16,6; соляные промыслы – 6,2. В связи с этим Горный департамент в 1907 г. организует комиссию для изуче-

ния несчастных случаев при горных работах (обе комиссии существовали до 1917 г.).

В 1907 г. утверждены новые правила безопасности, содержавшие 477 параграфов, а в 1908 г. после ряда катастроф в Донбассе в правила вновь внесены коррективы.

В дальнейшем весь накопленный опыт нормативного регулирования вопросов безопасности при ведении горных работ был обобщен в Правилах для ведения горных работ в видах их безопасности, утвержденных 31 августа 1911 г. Они разработаны Горным департаментом при участии Горного ученого комитета, чинов горного надзора, советов съездов горнопромышленников. Правила состояли из трех частей, включавших в себя требования безопасности: 1) при ведении горных работ на рудниках, копиях, каменоломнях, золотых и платиновых приисках, нефтяных промыслах, при взрывных работах; 2) при эксплуатации электротехнических сооружений на предприятиях, подконтрольных горному надзору; 3) при ведении заводских работ и устройстве паровых котлов. В целях реализации правил безопасности, разработанных комиссией в 1913 г., была создана правительственная комиссия для классификации угольных рудников по степени опасности по газу и взрывчатой пыли. В 1914 г. (24 марта) в эти правила внесены изменения. Предусматривалось поэтапное введение правил в действие вплоть до ноября 1916 г., в зависимости от отраслей промышленности и географических регионов. В дальнейшем эти Правила стали основой для нормативного регулирования безопасности в первое время после Октябрьской революции 1917 г.

С 1915 г. надзор за безопасностью подземных работ и правильным использованием месторождений регламентировался Уставом о промышленном труде, в разделе первом которого «О надзоре за промышленными предприятиями» говорится:

«1. Для высшего наблюдения за правильным применением законоположений,

¹ Статистика несчастных случаев велась Горным департаментом вплоть до 1908 г.

касающихся соблюдения на фабриках, заводах и горных промыслах должного порядка и благоустройства, при Министерстве Торговли и Промышленности состоит Главное по фабричным и горнозаводским делам Присутствие.

2. Надзор за соблюдением на фабриках, заводах и горных промыслах должного благоустройства, порядка и безопасности возлагается на местное губернское начальство и осуществляется им при содействии нижеследующих установлений и должностных лиц:

1) Губернских или Областных по фабричным и горнозаводским делам Присутствий, учрежденных повсеместно, за исключением областей: Семиреченской, Закаспийской, Якутской, Уральской, Тургайской, Сахалинской и Камчатской.

2) Присутствий по горнозаводским делам.

3) Присутствия по нефтяным делам, состоящего при Бакинском Градоначальнике.

4) Фабричных Инспекторов.

5) Окружных Инженеров и их Помощников.

6) Горных Исправников и горнополицейской стражи.

7) Чинов общей полиции.

3. В округах казенных горных заводов надзор за соблюдением должного благоустройства и порядка возлагается на местное заводское начальство и чинов общей полиции» [17].

Среди первых инспекторов не было техников, и только один из девяти имел горное образование¹. Такая же ситуация

---

¹ В России в этот период существует лишь одно высшее горное учебное заведение – горный институт, учрежденный 21 октября 1773 г. в Санкт-Петербурге. Он возник по просьбе башкиров горнопромышленников, которые нуждались в сведущих руководителях. До 1865 г. это учебное заведение имело военную организацию и именовалось «Горный кадетский корпус» с характером закрытого военного учреждения. С 1886 г. это учебное заведение приобрело статус открытого высшего учебного заведения с пятилетним обучением. В 1899 г. открыто Екатеринославское выс-

сложилась в горнодобывающих компаниях. Например, на 12 горных округов Сибири в 1909 г. в крупных золотопромышленных компаниях имелось 383 человека специалистов среднего звена, непосредственно руководящих рабочими. Из них только 21% имели право на ведение горных работ, 60% были практиками без технического образования, 40% имели домашнее образование, лишь 4% имели низшее горное образование. Специалистов среднего звена не хватало. В Сибири же только Иркутское горное училище подготовило с 1910 по 1914 г. 31 специалиста. На всех каменноугольных копях находилось только 10 горных инженеров.

Управление фабричным надзором осуществлял губернатор, в состав местных органов надзора входили вице-губернатор, прокурор, начальник жандармского управления, старший фабричный инспектор, окружной инженер и четыре представителя местных заводов и фабрик. Высшим органом управления охраной труда являлось «Главное управление по фабричным и горнозаводским делам присутствие» при Министерстве торговли и промышленности. В его состав входило 19 членов и два от горнопромышленников. Один инспектор приходился на 20–25 тыс. рабочих, что было недостаточно.

Судя по высокому уровню травматизма, в сфере надзора и контроля над соблюдением техники безопасности на производстве фабрично-заводская инспекция не справлялась со своей главной задачей – предотвращать и предупреждать аварии и травматизм на производстве. Горный надзор, ввиду своей малочисленности, распыленности горных предприятий и плохого состояния средств сообщения, не мог осуществить эффективный контроль над ведением горных работ даже в наиболее крупных

шее горное училище с трехлетним курсом, подготавливающим горных техников, имеющих право после двух лет практической работы держать государственный экзамен на звание горного инженера [18].

предприятиях. На десятки и даже сотни предприятий, находящихся в каждом горном округе, приходилось только два члена надзора – окружной инженер и его помощник. Они физически были не в состоянии посетить все предприятия хотя бы раз в год. Так, всех чиновников надзора, включая окружных инженеров, начальников горных управлений, маркшейдеров и главных геологов, насчитывалось в Сибири 30–35 чел. Они должны были следить за ведением горных работ на 800–900 предприятиях, имеющих в различные годы от 30 до 74 тыс. горных рабочих. А кроме инспектирования горных работ окружные инженеры имели массу других не менее сложных функций. В этих условиях горные работы велись без соблюдения самых несложных правил безопасности, охрана труда горняков практически отсутствовала.

Против слабого технического надзора за ведением горных работ в целях безопасности и необходимости реорганизовать существовавшую систему надзора, особенно в шахтах, опасных по газу, многократно выступали русские ученые: Н. Д. Коцовский и И. А. Тиме в 1990-х гг., А. М. Терпигорев, Б. И. Бокий и А. А. Скочинский в XX в. Так, А. М. Терпигорев сделал конкретные предложения о реорганизации надзора за безопасностью в шахтах. Он требовал введения штатных инспекторов-ревизоров по безопасности, административно не подчиненных горному начальству шахт и обязанных лично ежемесячно с целью контроля посещать опасные по газу шахты. Предписания этих ревизоров, комплектуемых из числа опытных горных инженеров, должны беспрекословно претворяться в жизнь администрацией шахт. Эти справедливые требования, разделявшиеся и другими специалистами, вошли в повседневную практику лишь после 1917 г.

Список литературы

1. Борхерс В., Вюст Ф., Трептов Е. Промышленность и техника // Энциклопедия

горных знаний. Горное дело и металлургия / под ред. И. В. Мушкетова, В. И. Баумана. СПб.: Т-во «Просвещение», 1904. Т. V. 677 с.

2. Цитульский В. Ф. Становление и развитие отношений социального партнерства в сфере труда в России XVIII – начала XXI в. (историко-правовое исследование): дис. ... докт. юрид. наук. М., 2014. 557 с.

3. Томаков В. И., Томаков М. В. История государственного надзора и контроля в сфере безопасности в России: монография / Юго-Зап. гос. ун-т. Курск, 2016. 267 с.

4. Зиновьев В. П., Кузнецов М. С. Условия труда, травматизм и профессиональные болезни горнорабочих Сибири в конце XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 379. С. 127–135.

5. История технического развития угольной промышленности Донбасса: в 2 т. / Г. Д. Ефремов, А. Н. Алымов, К. И. Татомир [и др.]; глав. ред. А. Н. Щербань. Киев: Наук. думка, 1969. Т. 2. 608 с.

6. Правила о вознаграждении потерпевших вследствие несчастных случаев рабочих и служащих, а равно членов их семейств, в предприятиях фабрично-заводской, горной и горнозаводской промышленности: закон от 2 июня 1903 г. // Полн. собр. законов. Рос. империи. Собр. 3. СПб., 1905, Т. XXIII, ч. 1, № 23060.

7. Горная полиция // Большая Энциклопедия / под ред. С. Н. Южакова. СПб.: Т-во «Просвещение», 1903. Т. 7. С. 266–267.

8. Лучинин А. В. Горная полиция в России XIX – начала XX в.: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2000. 196 с.

9. Томаков В. И., Томаков М. В. История становления государственного надзора за промышленной безопасностью в России в XVIII – начале XX в. // Российская наука и образование сегодня: проблемы и перспективы. 2015. № 2 (5). С. 5–11.

10. Яновский А. Горная полиция // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1893. Т. 9. С. 236–237.

11. Горное управление // Большая Энциклопедия / под ред. С. Н. Южакова. СПб.: Т-во «Просвещение», 1903. Т. 7. С. 283–284.

12. Свод Законов Российской Империи повелением Государя Императора Николая Павловича. СПб., 1832. Т. 7, ч. 3.

13. Хусаинова Р. Г. Становление охраны труда в горной промышленности России // Вектор науки ТГУ. 2011. № 4 (18). С. 102–104.

14. О надзоре за благоустройством и порядком на частных горных заводах и промыслах и о найме рабочих на эти заводы и промыслы: закон от 9 марта 1892 года // Полн. собр. законов Рос. империи. Собр. 3. СПб., 1895. Т. XII, № 8402.

15. Положение о Главном по фабричным и горнозаводским делам Присутствии: закон от 7 июня 1899 г. // Полн. собр. законов Рос. империи. Собр. 3. СПб., 1903. Т. XIX, № 17122.

16. Князева Л. К. Горный надзор в конце XIX – начале XX в. // Безопасность труда в промышленности. 2004. № 11. С. 2–4.

17. Громан В. В. Устав о промышленном труде: с правилами и распоряжениями, изданными на основании этих статей, с разъяснениями к ним Правительствующего Сената и административных установлений, предложениями и указателями, алфавитным предметным и сравнительным постатейным. Пг.: Изд. Юрид. кн. склада «Право», 1915. 439 с.

18. Горные учебные заведения // Большая Энциклопедия / под ред. С. Н. Южакова. СПб.: Т-во «Просвещение», 1903. Т. 7. С. 298–299.

Поступила в редакцию 28.02.17

UDC 622.86:614.8.084

V. I. Tomakov, Doctor of Pedagogic Sciences, Professor, Southwest State University (Kursk, Russia) (e-mail: tomakov_v_i@rambler.ru)

M. V. Tomakov, Candidate of Engineering Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia) (e-mail: tomakovmv@rambler.ru)

THE ESTABLISHMENT OF STATE SUPERVISION OF SAFETY OF WORKS IN MINING INDUSTRY OF RUSSIA IN THE XIX – EARLY XX CENTURY

Russia, being one of the richest countries in the world on reserves and diversity of mineral resources in the late nineteenth century became the leading country in the field of mining of major minerals. The pace of development of production in Russia were significantly faster development of legislation on industrial safety and labor protection. In the country in an insufficient number of qualified mining engineers and technicians, as well as in the mining industry lacks skilled workers, which led to a high level of injuries.

The article shows the dynamics of injury in the Mining industry. For the 1880-1889 period the average annual level of fatal injuries amounted to 0,53±0,05 fatalities per 1,000 miners. In 1901 the level of fatal injuries in coal mining made up 2,75 fatalities per 1000 workers, in the oil fields - 1,7; quarries - 1,11; on the extraction of metallic minerals - 0,75; in gold and platinum mines - 0,39. Appeared danger of collapse and flooding of coal mines, as well as explosions and fires. The article reveals the stages of legislative activities in the field of industrial safety in mining operations. From the official documents on the safety of mining operations should be called, primarily, the mining code. As required by the mining Charter, the mining engineer had to monitor the status of industrial safety in mining production. Security rules of conducting mining works were first composed on the basis of the law of 13 may 1880, "The production of underground mining". In 1882 was published "instructions for supervision of works in the private mining industry". In the instruction added "The Rules of mining in terms of their security". By the act of March 9, 1892 created a special oversight of safe conduct of mining operations. In 1899 the safety of mining operations was the subject of special orderly of supervision.

However, the rate of injuries remained high; the supervision cannot cope with its main task of supervision over industrial safety.

Key words: mining industry, traumatism in mines, accident, laws and safety rules, supervision.

For citation: Tomakov V. I., Tomakov M. V. The establishment of state supervision of safety of works in mining industry of Russia in the XIX – early XX century, Proceeding of the Southwest State University. Series: History and Law, 2017, vol. 7, n 3(24), pp. 116–129 (in Russ.).

***

References

1. Borhers V., Vyust F., Treptov E. Promyshlennost' i tekhnika // Ehnciklopediya promyshlennykh znaniy. Gornoe delo i metallurgiya / pod red. I. V. Mushketova, V. I. Baumana. SPb.: T-vo «Prosveshchenie», 1904. T. V. 677 s.

2. Citul'skij V. F. Stanovlenie i razvitie otnoshenij social'nogo partnyorstva v sfere truda v Rossii XVIII – nachala XXI v. (istoriko-pravovoe issledovanie): dis. ... dokt. jurid. nauk. M., 2014. 557 c.

3. Tomakov V. I., Tomakov M. V., Istoriya gosudarstvennogo nadzora i kontrolya v sfere bezopasnosti v Rossii: monografiya / Yugo-Zap. gos. un-t. Kursk, 2016. 267 s.

4. Zinov'ev V. P., Kuznecov M. S. Usloviya truda, travmatizm i professional'nye bolezni gornorabochih Sibiri v konce XIX – nachale XX v. // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2014. N 379. S. 127–135.

5. Istoriya tekhnicheskogo razvitiya ugol'noj promyshlennosti Donbassa: v 2 t. / G. D. Efremov, A. N. Alymov, K. I. Tatomir [i dr.]; glav. red. A. N. Shcherban'. Kiev: Nauk. dumka, 1969. T. 2. 608 s.

6. Pravila o voznagrazhdenii poterpevshih vsledstvie neschastnykh sluchaev rabochih i sluzhashchih, a ravno chlenov ih semejstv, v predpriyatiyah fabrichno-zavodskoj, gornoj i gornozavodskoj promyshlennosti: zakon ot 2 iyunya 1903 g. // Poln. sobr. zakonov. Ros. imperii. Sobr. 3. SPb., 1905. T. XXIII, ch. 1, N 23060.

7. Gornaya policiya // Bol'shaya Ehnciklopediya / pod red. S. N. Yuzhakova. SPb.: T-vo «Prosveshchenie», 1903. T. 7. S. 266–267.

8. Luchinin A. V. Gornaya policiya v Rossii XIX – nachala XX v.: dis. ... kand. jurid. nauk. N. Novgorod, 2000. 196 c.

9. Tomakov V. I., Tomakov M. V. Istoriya stanovleniya gosudarstvennogo nadzora za promyshlennoj bezopasnost'yu v Rossii v XVIII – nachale XX v. // Ros-

sijskaya nauka i obrazovanie segodnya: problemy i perspektivy. 2015. N 2 (5). S. 5–11.

10. Yanovskij A. Gornaya policiya // Ehnciklopedicheskij slovar' F. A. Brokgauza i I. A. Efrona. SPb., 1893. T. 9. S. 236–237.

11. Gornoe upravlenie // Bol'shaya Ehnciklopediya / pod red. S. N. Yuzhakova. SPb.: T-vo «Prosveshchenie», 1903. T. 7. S. 283–284.

12. Svod Zakonov Rossijskoj Imperii poveleniem Gosudarya Imperatora Nikolaya Pavlovicha. SPb., 1832. T. 7, ch. 3.

13. Husainova R. G. Stanovlenie ohrany truda v gornoj promyshlennosti Rossii // Vektor nauki TGU. 2011. N 4 (18). S. 102–104.

14. O nadzore za blagoustrojstvom i poryadkom na chastnykh gornyx zavodah i promyslah i o najme rabochih na ehti zavody i promysly: zakon ot 9 marta 1892 g. // Poln. sobr. zakonov Ros. imperii. Sobr. 3. SPb., 1895. T. XII, N 8402.

15. Polozhenie o Glavnom po fabrichnym i gornozavodskim delam Pritutstvii: zakon ot 7 iyunya 1899 g. // Poln. sobr. zakonov Ros. imperii. Sobr. 3. SPb., 1903. T. XIX, N 17122.

16. Knyazeva L. K. Gornyj nadzor v konce XIX – nachale XX v. // Bezopasnost' truda v promyshlennosti. 2004. N 11. S. 2–4.

17. Groman V. V. Ustav o promyshlennom trude: s pravilami i rasporyazheniyami, izdannymi na osnovanii ehtih statej, s raz'yasneniyami k nim Pravitel'stvuyushchego Senata i administrativnykh ustanovlenij, predlozheniyami i ukazatelyami, alfavitnym predmetnym i sravnitel'nym postatejnym. Pg.: Izd. Yurid. kn. sklada «Pravo», 1915. 439 s.

18. Gornye uchebnye zavedeniya // Bol'shaya Ehnciklopediya / pod red. S. N. Yuzhakova. SPb.: T-vo «Prosveshchenie», 1903. T. 7. S. 298–299.

УДК 340.122

В. А. Бурковская, канд. полит. наук, доцент, директор АНО ВО «Российский новый университет» (Елецкий филиал) (Елец, Россия) (e-mail: rospou17@mail.ru)

Е. В. Тяпкина, аспирант, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Белгород, Россия) (e-mail: valua-tyilri@mail.ru)

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИДЕАЛ МОСКОВСКОЙ РУСИ В ЭПОХУ СМУТНОГО ВРЕМЕНИ

Статья посвящена актуальным вопросам государственно-правового устройства Московской Руси в XVII веке. В этот период русское общество и государство пережили серьезный кризис, связанный со временем Смуты, повлекшим за собой отсталость Руси. Единственным объединяющим началом того периода оставалась Православная церковь. Однако и в церковной сфере начались серьезные преобразования. К примеру, исправление церковных книг осуществляли выходцы из Речи Посполитой. В силу этого русское общество не могло не относиться к ним с определенным подозрением. Кроме того, на протяжении рассматриваемого периода происходила постепенная утрата Россией своей самоидентификации. В сознании общества постепенно «размывается» образ «идеального царства». Это во многом связано с формальными выборами царя, так как русское общество того времени не могло с пониманием отнестись к вопросам выбора царя. Формально и Борис Годунов, и Лжедмитрий были избраны «от всей земли». Понадобился длительный период смуты и испытаний, через которые прошла страна, чтобы народ мог «принять на царство» Михаила Романова.

Правители той эпохи непреднамеренно содействовали «размыванию» государственного идеала Московской Руси, в то время как вся предшествующая политическая литература говорит о том, что единственное ограничение и в то же время основание царской власти заключается в религии. Расхождение между политической практикой начала XVII века и общественным мнением, отражением которого и были произведения русской политико-правовой мысли, в немалой степени способствовало нарастанию кризисных тенденций.

Ключевые слова: государственный идеал, смута, православная церковь, утрата самоидентификации.

Ссылка для цитирования: Бурковская В. А., Тяпкина Е. В. Государственный идеал Московской Руси в эпоху Смутного времени // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2017. Т. 7, №3(24). С. 130–134.

***

Последним веком существования Московской Руси стал XVII. В этот период, с одной стороны, развиваются идеи, которые берут начало ранее, а с другой – в эту эпоху появляются новые концепции.

Как справедливо отмечают современные ученые А. В. Апанасенок, А. В. Черныш, И. С. Дудина: «В современной историографии не вызывает особых споров тезис о том, что уже в результате “великих реформ” система ценностей широких слоев общества начала меняться: в их поведении наблюдался рост рационализма, прагматизма, расчетливости, индивидуализма, не свойственных патриархальному обществу» [1, с. 72].

В XVII в. русское общество и государство пережили серьезный кризис. Если ранее русское общество могло считать Русь не только «третьим Римом», но и государством, которое стоит выше всех своих соседей, что находило особенно яркое выражение в произведениях Ивана Грозного, в частности в его дипломатической переписке, то после Смуты стала очевидна отсталость Руси. В сущности, у общества осталась только одна «твердыня» – древнее Православие, унаследованное «от отцов» [2, с. 5–8]. И в период Смуты Церковь действительно оказалась, пожалуй, единственной силой, которая объединяла общество. Однако церковный раскол XVII в. способствовал «размыва-

нию» и этой основы. Для русского общества того времени именно обрядовая сторона религии была исключительно важной [3, с. 343–346].

Между тем получалось, что русские – единственные «хранители» «правой веры» – должны были теперь ориентироваться на греческие богослужебные книги, в то время как сами греки находились под властью турок. То, что они оказались завоеванными турками именно «за грехи», не ставилось под сомнение русским обществом. Следствием этого представления и стало появление теории «третьего Рима». Разумеется, к грекам и к восточному Православию на Руси всегда относились с уважением, однако «два Рима падоша, третий стоит, а четвертому не бывать».

При этом стоит отметить, что здесь необходимо привести пример того, что когда константинопольский патриарх прислал свое благословение Ивану Грозному через специально посланного с этой целью митрополита Евгриппского, то царь не принял его под тем предлогом, что тот, проезжая по территории Литвы, «целовал крест королю». В этом случае важен сам повод для отказа от благословения, который свидетельствует об отношении царя к западу. Таким образом, на протяжении этого периода происходила постепенная утрата Россией своей самоидентификации. В сознании общества постепенно «размывается» образ «идеального царства». Разумеется, были известны и недостатки в государственном управлении и произвол «лихих бояр» и т. д., но то, что Россия оказывалась «хуже» государств, где господствуют «латинство» и «лютерова» вера, было неожиданностью для общества. При этом церковный раскол еще более обострил кризис. Так как внес еще большую смуту в умы накануне судьбоносной встречи с Европой. Впрочем, можно отметить, указанные события ее во

многом и подготовили. Во всяком случае, то, что они сделали ее именно такой, какой она оказалась, почти не приходится сомневаться.

Не могло русское общество того времени с пониманием отнестись и к тому, что царей, после смерти Федора Ивановича, приходилось избирать. Хотя формально и Борис Годунов, и Лжедмитрий были избраны «от всей земли», а Василий Шуйский также пользовался определенной поддержкой в силу того, что был родственником угасшей династии Рюриковичей, тем не менее долгое правление одной династии привело к тому, что такая ситуация воспринималась обществом далеко не однозначно [4]. «Понадобился» длительный период Смуты и испытаний, через которые прошла страна, чтобы народ мог «принять на царство» Михаила Романова.

Вместе с тем некоторыми мыслителями России и ранее выдвигалась идея о возможности наследования «законным» путем. Об этом, в частности, писал еще Максим Грек. Тем не менее, в силу исторических особенностей развития Московского царства, такой взгляд не получил дальнейшего развития. По-видимому, что общество было в определенной степени «смущено» «обязательствами» царей, вступавших на престол после Федора Ивановича, которые обещали «никого не казнить несправедливо» и др. Возможно, это объяснялось тем, что монархи, которые стремились основать собственную династию, все же чувствовали себя на престоле не вполне прочно. Это касается и Бориса Годунова, и в еще большей степени Лжедмитрия и Василия Шуйского, чье правление пришлось на время Смуты. Между тем в это время предпринимались попытки оправдать перед обществом именно такое развитие событий. Так, например, в «Соборном определении об избрании царем Бориса

Федоровича Годунова» говорится: «А еще нужно подумать, что воцарился царского благочестия корень самодержавных великих Российских Государей... Но ныне от его царского величества корня не осталось. Мы же в древних писаниях нашли свидетельство о великих царях в Израиле и в Греческих родах, кто воцарился» [5, с. 254]. Далее в нем приводятся примеры из истории Древнего Израиля и из истории Византии, когда цари получали власть не в результате наследования, т. е. повторяется мысль, высказанная Максимом Греком.

Борис Годунов, вступая на престол, также обещал «никого не казнить несправедливо». Однако известно, что, например, послания Ивана Грозного к Курбскому рассылались по всей Руси и прочитывались перед народом. А в них грозный царь, пользовавшийся авторитетом в обществе (хотя бы и из-за казней «лихих бояр» и «изменников»), говорил о том, что царский суд справедлив в любом случае, т. к. царь получает свою власть свыше. И он, будучи «истинным» царем в представлении общества, вряд ли нуждался в подобной «конституции».

Василий Шуйский в «Грамоте в Пермь Великую» также «соизволил целовать крест, что мне Великому Государю, каждого человека судить истинным судом... На том на всем, что в сей записи записано, я Царь и Великий князь, целую крест всем православным христианам...» [6, с. 265–266]. Хотя в ней царь и желает «держатъ царство по-прежнему», тем не менее он, будучи потомком Рюрика, также повторяет ошибку Годунова. Кроме того, царь Василий так и остался «боярским царем», в противоположность Ивану IV, царю «народному», что также не способствовало укреплению его власти.

Лжедмитрий I – царь «Дмитрий Иванович», «жалуя бояр и все православное христианство» «разными милостя-

ми», тем не менее дал лишний повод для сомнений в «истинности» своей власти, а главное «истинности» происхождения покровительством иностранцам и поступками, свидетельствующими о его неуважении к Православию [6, с. 70]. «Уведаша же про него такиежь воры... Донские козаки, и послаша къ нему... дары многие, и биша ему челом...» – говорит летопись о самозванце [7, с. 79].

Таким образом, сами правители того времени невольно способствовали «размыванию» государственного идеала Московской Руси, в то время как вся предшествующая политическая литература говорила о том, что единственное ограничение и в то же время основание царской власти заключается в религии [8]. Иван Грозный, вероятно, в целях «проверки» прочности своего положения на престоле, даже «отказался» от власти в 70-х годах XVI века, посадив на престол татарского князя «Симеона Бекбулатовича», приказав называть его «самодержцем всея Руси».

В силу этого можно сделать вывод о том, что именно расхождение между политической практикой начала XVII века и общественным мнением, отражением которого и были произведения русской политико-правовой мысли, в немалой степени способствовало нарастанию кризисных тенденций. Однако, с другой стороны, можно предположить, что факт «соблюдения правды» общество связывало с царствованием одной привычной династии. Вместе с тем нельзя не отметить и роль традиционных представлений о власти и ее сущности. Например, факт смены династии, правившей Русью на протяжении семи веков, не мог не быть болезненным [9, с. 343–346].

События того времени находили свое отражение в литературных памятниках. По словам В. Е. Вальденберга, «Смута» «мало отразилась на политиче-

ском мирозерцании русского общества... Но для политической литературы события Смутного времени имели некоторое значение. Они заставили писателей внимательно вдуматься в те учения, на которых они были воспитаны, заставили более сознательно отнестись к таким идеям, которые... их предшественниками были высказаны как простой логический вывод из других идей и не были проверены на опыте» [10, с. 300].

Список литературы

1. Апанасенок А. В., Черныш А. В., Дудина И. С. Духовная жизнь горожан провинциальной России в конце XIX – начале XX века: путь от традиции к модерну глазами современников // Известия Юго-Западного университета. Серия: История и право. 2014. № 2. С. 72–76.
2. Мякотин В. А. Из истории русского общества. Изд. 2-е. СПб.: Тип. Н. Н. Клобукова, 1906. 399 с.
3. Антология мировой политической мысли: в 5 т. Т. 3: Политическая мысль в России: X – первая половина XIX в. М.: Мысль, 1997. 795 с.

4. Серафим (Соболев), архиепископ. Русская идеология. СПб.: Свято-Владимирский Русский православный информ. центр, 1993.

5. Карташев А. В. Собрание сочинений: в 2 т. Т. 2: Очерки по истории русской Церкви. М.: Терра, 1992. 569 с.

6. Иконников В. С. Новые исследования по истории Смутного времени Московского государства. Киев: Тип. Императорского ун-та св. Владимира, 1889.

7. Летопись о многих мятежах и разорении Московского государства от внутренних и внешних неприятелей. М.: в Тип. Компании типогр., 1788. 366 с.

8. Троицкий И. С. Отношения государства и Церкви по воззрениям наиболее видных наших писателей и церковных деятелей. М.: Печ. А. И. Сне-гиревой, 1909. 198 с.

9. Ключевский В. О. Православие в России. М.: Мысль, 2000. 621 с.

10. Вальденберг В. Е. Древнерусские учения о пределах царской власти. СПб.: Территория будущего, 2006. 368 с.

Поступила в редакцию 28.05.17

UDC 340.122

V. A. Burkovskaya, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Russian New University (Yelets branch) (Yelets, Russia) (e-mail: rosnu17@mail.ru)

E. V. Tyapkina, Post-Graduate Student, Belgorod National Research University (Belgorod, Russia) (e-mail: valua-tyilri@mail.ru)

THE STATE IDEAL OF THE MOSCOW RUSSIA DURING ERA OF THE TIME OF TROUBLES

Article is devoted to topical issues of the state and legal device of the Moscow Russia in the 17th century. During this period the Russian society and the state endured the serious crisis connected since the Distemper, entailed backwardness of Russia. The orthodox church remained the unique uniting beginning of that period. However and in the church sphere serious transformations began. For example, correction of church books was performed by natives of the Polish-Lithuanian Commonwealth. Owing to this fact the Russian society couldn't but treat them with a certain suspicion. Besides, over the considered period there was a gradual loss of the self-identification by Russia. In consciousness of society the image of "an ideal kingdom" "is gradually washed away". It is in many respects connected with formal elections of the tsar since the Russian society of that time couldn't treat with understanding questions the choice of the tsar. Formalno and Boris Godunov and False Dmitry were elected "from all earth". The long period of a distemper and tests through which there passed the country that the people could "accept on a kingdom" Mikhail Romanov was necessary.

Governors of that era inadvertently promoted "washing out" of the state ideal of the Moscow Russia while all prior political literature said that the unique restriction and in too time foundation of the imperial power consists in religion. The discrepancy between political practice of the beginning of the 17th century and public opinion which reflection were works of the Russian political and legal thought in no small measure promoted increase of crisis tendencies.

Key words: *state ideal, distemper, orthodox church, self-identification loss.*

For citation: Burkovskaya V. A., Tyapkina E. V. The state ideal of the Moscow Russia during era of the Time of Troubles, Proceeding of the Southwest State University. Series: History and Law, 2017, vol. 7, n 3(24), pp. 130–134. (in Russ.).

***

References

1. Apanasenok A. V., Chernysh A. V., Dudina I. S. Duhovnaya zhizn' gorozhan provincial'noj Rossii v konce XIX – nachale XX veka: put' ot tradicii k modernu glazami sovremennikov // *Izvestiya Yugo-Zapadnogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo.* 2014. N 2. S. 72–76.
2. Myakotin V. A. *Iz istorii russkogo obshchestva.* Izd. 2-e. SPb.: Tip. N. N. Klobukova, 1906. 399 s.
3. *Antologiya mirovoj politicheskoy mysli: v 5 t. T. 3: Politicheskaya mysl' v Rossii: X – pervaya polovina XIX v. M.: Mysl', 1997. 795 s.*
4. Serafim (Sobolev), arhiepiskop. *Russkaya ideologiya.* SPb.: Svyato-Vladimirskij Russkij pravoslavnyj inform. centr, 1993.
5. Kartashev A. V. *Sobranie sochine-nij: v 2 t. T. 2: Ocherki po istorii russkoj Cerkvi.* M.: Terra, 1992. 569 s.
6. Ikonnikov V. S. *Novye issledovaniya po istorii Smutnogo vremeni Moskovskogo gosudarstva.* Kiev: Tip. Imperatorskogo un-ta sv. Vladimira, 1889. 102 s.
7. *Letopis' o mnogih myatezhah i razorenii Moskovskogo gosudarstva ot vnutrennih i vneshnih nepriyatelej.* M.: v Tip. Kompanii tipogr., 1788. 366 s.
8. Troickij I. S. *Otnosheniya gosudarstva i Cerkvi po vozzreniyam naibolee vidnyh nashih pisatelej i cerkovnyh deyatelej.* M.: Pech. A. I. Snegirevoj, 1909. 198 s.
9. Klyuchevskij V. O. *Pravoslavie v Rossii.* M.: Mysl', 2000. 621 s.
10. Val'denberg V. E. *Drevnerusskie ucheniya o predelah carskoj vlasti.* SPb.: Territoriya budushchego, 2006. 368 s.

УДК 94(470)

Н. В. Картамышева, канд. ист. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск, Россия) (e-mail: kartamysheva_1@mail.ru)

П. Е. Коростелев, студент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск, Россия) (e-mail: mister.pavel-korostelev@yandex.ru)

ПРИНЦИПЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ ВОЕННОГО КОММУНИЗМА В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРЕ: ИТОГИ И ОЦЕНКА

Военный коммунизм – комплекс мер, предпринятых большевистским руководством в первые годы своего существования. До сих пор этот вопрос является предметом дискуссий ученых-историков, так как очень многие аспекты этой политики остаются противоречивыми и непонятыми обществом. В данной статье рассматривается процесс реализации политики военного коммунизма, перечисляются его причины и предпосылки, дается теоретическое описание ожидаемых результатов и констатация реальных последствий. Построение коммунизма – задача сложная, требующая разумного и осмысленного подхода. Большевики слишком рано начали приводить идеи К. Маркса, Ф. Энгельса в жизнь. Наша страна попросту не была готова к подобным радикальным изменениям – изменениям в вертикали власти, в экономике, в социальной структуре общества и в жизни обычных граждан. И без того непростую ситуацию усугубляли Гражданская война и интервенция. Росло недовольство крестьян, которые теперь вынуждены были работать только на государство, отдавая все заработанное своим трудом комитетам бедноты и комиссарам. Все активнее возникала смута как в головах мелких и средних предпринимателей, так и крупных промышленников. Согласно распоряжениям новой власти вся экономическая жизнь национализировалась, тем самым собственники теряли свой заработок. Все попытки противиться новому режиму жестко и демонстративно пресекались, вводились все новые и новые репрессивные меры – создание трибуналов, революционных советов и т. д. Вместе с тем власть большое внимание уделяла труду, заставляя все работоспособное население трудиться на благо общества. Пресекались все попытки к лени и тунеядству. Руководящие верхи понимали, что именно усиленный труд позволит отвлечь народ от роптаний на жизнь и очень сильно поможет в построении коммунистической утопии. Тем не менее военный коммунизм был обречен на провал: недостаток материальных средств, отсутствие закономерного плана развития, потеря поддержки среди большинства населения, усугубление политического и социально-экономического кризиса, наличие многих противоречий в самой программе осуществления. Подобными действиями коммунистическое руководство не просто не заслужило авторитет среди населения, но, наоборот, очень сильно подорвало и без того свое шаткое положение. Именно поэтому было принято решение о плавном переходе к коммунистическому строю, через путь реформ, через путь эволюции. И первым этапом данной эволюции послужила замена спонтанного, непродуманного и наспех принятого военного коммунизма более организованной, структурированной и планомерной новой экономической политикой, которая вскоре принесла свои плоды.

Ключевые слова: военный коммунизм, продразверстка, большевики, комбеды, народные комиссары, Наркомпрод.

Ссылка для цитирования: Картамышева Н. В., Коростелев П. Е. Принципы реализации политики военного коммунизма в социально-экономической сфере: итоги и оценка // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2017. Т. 7, №3(24). С. 135–141.

***

После Октябрьской революции 1917 года к власти в России пришли большевики. Государство досталось им в весьма плачевном состоянии: утомительная долгая война, которая подрывала социально-экономическое развитие, череда революций, которые ослабляли общество, начавшаяся Гражданская война. Новое советское руководство понимало – для

того, чтобы выиграть войну, освободиться от интервенции иностранных государств, необходимо мобилизовать максимум ресурсов, средств и людских резервов. Для этого необходимо было добиться четкого и быстрого следования их приказам органам на местах, т. е. произвести полную централизацию власти, создать систему, при которой вся жизнь

должна была стать на учет и под контроль новой власти Советов.

2 сентября 1918 г. Центральный исполнительный комитет объявил военное положение, а вся власть перешла к Совету Народной и Крестьянской обороны, которым командовал В. И. Ленин как председатель Совета Народных Комиссаров (далее – СНК). Тяжелое экономическое и военное положение страны привело к тому, что власть ввела новую политику – военный коммунизм, который должен был поддержать экономику страны в этот сложный период и перенастроить ее.

Власть большевиков пришлась не сразу по душе населению страны. Многие жители страны восприняли в штыки и новую власть, и новую программу. Основную силу сопротивления составляли крестьяне и рабочие, которые были недовольны действиями большевиков, поэтому новая экономическая система была направлена на то, чтобы дать этим слоям населения право на труд, но при этом поставить их в четкую зависимость от государства.

При введении программы военного коммунизма большевики ставили перед собой решение сразу двух задач: во-первых, создать основы коммунизма, построить фундамент, на котором бы в будущем выросло новое коммунистическое государство; во-вторых, сосредоточить в руках государства необходимые для ведения войны ресурсы.

Большевицкая власть стремилась создать совершенно новое социалистическое общество, придав всем аспектам жизни страны роль государственных. В этой связи начался невиданный даже в царской России рост бюрократии, воспитанной в духе революции и революционного правосознания. Пришедшая на смену аристократии и буржуазии новая большевицкая бюрократия имела своей

главной целью обеспечить быстрые темпы перехода к коммунизму.

Основой своей деятельности молодое советское руководство определяло национализацию всей экономической жизни в стране. Так, одним из первых действий большевиков стал захват Государственного и частных банков. Чуть позже, 8 декабря 1917 г. был принят Декрет СНК «Об упразднении Государственного Дворянского Земельного и Крестьянского Поземельного Банков» [1]. Эти действия подкреплялись также и конфискацией финансово-материальных средств у населения. Так, конфисковалось все золото, серебро и также бумажные банкноты, если они были номиналом свыше 5000 рублей и нажиты «нетрудовым путем» [2].

Торговля заменялась государственным распределением продуктов. Большевики предприняли радикальные меры по созданию «коммунистических» отношений в России, однако это было весьма преждевременно, т. к. в тот период в стране не существовало никаких социально-экономических предпосылок для этого. В условиях, когда промышленность была разрушена, главным ресурсом стала продукция сельского хозяйства. Необходимо было накормить армию и рабочих. Чтобы продовольствие не распределялось без участия государства, большевики запретили торговлю, т. к. при покупке продовольствия у крестьян преимущества получали бы более состоятельные люди. Существовало мнение, что деньги нужно отменить вообще. Предполагалось заменять наличные деньги натуральным бартером между крестьянами и рабочими, т. е., по сути, «менять гайки на зерно». Однако подобная ситуация просуществовала в стране недолго – ее были вынуждены отменить из-за необходимости наполнять опустевшую государ-

ственную казну для проведения дальнейших реформ.

В связи с нарастанием Гражданской войны и сужением территории, подконтрольной советской власти, внутривнутриполитическое и экономическое положение страны резко ухудшилось, продовольственный кризис достиг необычайной остроты.

В этих условиях Декретом от 11 января 1919 г. «О разверстке между производящими губерниями зерновых хлебов и фуража, подлежащих отчуждению в распоряжение государства» [3] была введена продрозверстка как натуральная повинность в порядке принудительного отчуждения требуемого количества продуктов. В. И. Ленин и его последователи представили продрозверстку как связующее звено между пролетариатом и крестьянством. Однако именно она, продрозверстка, таила в себе опасность обострения отношений между ними, вытекавшую из неизбежного противоречия мелкого товарного производителя, с одной стороны, и потребителя – с другой [4, с. 20].

Принудительная продрозверстка вызвала у большинства крестьян сопротивление, работники не хотели отдавать честно заработанные доли урожая, стремились утаить размеры посевов, их урожайность, а следовательно, и объемы сборов, чтобы как-то уменьшить издержки этого вида налоговых поборов. Крестьянство было недовольно и тем, что немало было случаев, когда изымались не только излишки, но и часть того, что полагалось оставлять ему по норме. А. Д. Цурюпа на X съезде партии признавал, что «все ошибались, и в иных случаях не докладывали, в других – переключивали» [5, с. 67].

Началом подобной деятельности послужили два декрета советской власти: Декрет ВЦИК и СНК «О предоставлении Народному комиссару продовольствия

чрезвычайных полномочий по борьбе с деревенской буржуазией, укрывающей хлебные запасы и спекулирующей ими» [6], принятый 9 мая 1918 г., и Декрет «Об организации и снабжении деревенской бедноты (комбеды)» [7], принятый 11 июня 1918 г.

Согласно первому документу, комиссар продовольствия наделялся полномочиями чрезвычайного характера, такими как издавать постановления по продовольственному делу, выходящие за рамки полномочий Наркомпрода; отменять акты местных организаций, противоречащие планам и действиям комиссара продовольствия; применять вооруженную силу при оказании противодействия изъятию продовольственных продуктов; реорганизовывать (или распускать) продотряды на местах; придавать революционному суду и подвергать аресту должностных лиц в случаях вмешательства в данный процесс, его дезорганизации. Декрет также призывал к немедленному объединению всех трудящихся и неимущих крестьян для беспощадной борьбы с кулаками, социально-экономической опорой государства [8, с. 89]. Для этого, как известно, Наркомпрод организовал «Продовольственную армию» (далее – продотряды).

Второй декрет – «Об организации и снабжении деревенской бедноты (комбеды)» – учреждал комитеты деревенской бедноты для непосредственного сотрудничества с продотрядами, целью которых была конфискация продовольствия у зажиточных крестьян. Таким образом, в данный период времени советское руководство само легализовало преступность и противозаконность. Применение силы для изъятия «излишек» не способствовало укреплению народного духа, а постоянные злоупотребления комиссарами своих должностных полномочий подрывали авторитет большевистской власти у

крестьян. Однако все эти правонарушения и беззакония соответствовали духу того времени, а именно духу революции, свободы, целям партии и принципам утопического коммунизма – отобрать все у всех и потом выдать всем поровну.

В советской исторической науке, традиционно ссылаясь на труды В. И. Ленина, утверждалось, что продовольственная разверстка – суть военного коммунизма – была вынужденной мерой, оправданной чрезвычайными условиями, в которых оказалось молодое советское государство в годы Гражданской войны, и исчерпала себя после военного разгрома внутренних и внешних врагов большевиков и советской власти [9, с. 176]. Кроме того, причины голода в начале 1920-х гг. находили в страшной засухе и неурожае в производящих районах.

Хлеб и прочие продовольственные запасы взимались не только с богатых и зажиточных крестьян, но и с нищих и красноармейцев, что, по сути, противоречило всем постановлениям и декретам руководства, т. е. не соблюдался главный классовый принцип, озвученный ранее – с богатого много, с середняка – немного, а с бедняка – ничего. Особенно тяжелая участь постигла кулаков – зажиточных крестьян, ведь именно они стали новыми «козлами отпущения», сами не понимая того. Бывшие соседи, некогда братья по селу, теперь обвиняли их в том, что все их действия направлены против главных постулатов коммунизма – наличие частной собственности, причем зачастую гораздо лучшей, нежели у остальных. И никто не принимал в расчет того, что свой дом, свое хозяйство, дорогая утварь и т. п. – это результат многолетней работы, долгого труда и усилий, которые прилагали кулаки на полях и в огородах, а теперь пришла какая-то кучка тунеядцев, провозгласивших себя комиссарами и членами комбедов, которые за всю жизнь

палец о палец не ударили и требуют отобрать все у кулаков. Про справедливость в то время никто и думать не мог.

Жесткая продовольственная политика государства стимулировала усиление социального роптания местного населения, приводила к открытым выступлениям против большевиков и советской власти. Большая часть губерний были охвачены восстаниями, однако все эти выступления жестоко и демонстративно пресекались. Множество арестов, ссылок, конфискаций имущества и иных решений Революционного трибунала сделали свое дело. Постепенно количество выступлений стало сокращаться. Вскоре большевистское руководство осознало свои ошибки и смягчило курс военного коммунизма.

Для решения многих поставленных социально-экономических задач III Всероссийский Съезд Советов продекларировал введение всеобщей трудовой повинности. Это положение позже было также закреплено и в Конституции РСФСР 1918 г. [10] Согласно этому положению все граждане в возрасте от 16 до 50 лет подлежали мобилизации на занятие общественно-полезным трудом. Провозглашался также принцип «кто не работает, тот не ест». Если граждане отказывались работать добровольно, то на этот случай создавались специальные трудовые лагеря, в которых работать «лентяям и трутням» приходилось принудительно. Большевистское руководство считало, что принудительный труд каждого члена общества сможет обеспечить светлое будущее, воспитать «нового трудового человека». Широко начал использоваться институт неоплачиваемого труда на добровольной основе в виде «субботников» и «воскресников».

Важную роль в построении системы социалистической организации труда (и в централизованном управлении этой си-

стемой) сыграл Народный комиссариат труда, созданный в 1918 г. и просуществовавший до 1933 г. На данный орган возлагались обязанности по организации бирж труда, примирительных камер, третейских судов и других органов (как постоянных, так и временных), применительно к решению отдельных вопросов, а также принятие других мер по урегулированию вопросов труда.

Исходя из выявленных документов видно, что советская власть также поставила под свой контроль и внешнюю торговлю. Произошло это в конце декабря 1917 г., а в апреле 1918 г. внешняя торговля была объявлена государственной монополией, и в связи с этим был национализирован торговый флот всех предприятий и компаний государства.

Ну и что уже говорить об установлении однопартийной системы, которая с приходом большевиков к власти стала визитной карточкой Советской России. Однопартийная политическая система – это не только отсутствие плюрализма и альтернативы, но это также и стержень общества, та база, на которой впоследствии держался весь Советский Союз. Однопартийная система давала стабильное и спокойное развитие страны, без наличия расшатывающих общество демократических институтов. Наличие одной партии в период военного коммунизма обуславливалось обостренной военно-политической обстановкой. В период Гражданской войны и интервенции, когда общество требовало решительных действий от руководства, именно отсутствие разногласий в правящей верхушке, наличие у нее единой идеологии и взглядов на происходящее привели к победному для советской власти завершению войны.

Таким образом, военный коммунизм стал первым широкомасштабным коммунистическим экспериментом. Многие его

черты были стихийным результатом действия Гражданской войны и связанной с ней разрухи. Спонтанно возникающие положения военного коммунизма, расцвет преступности и беззакония, жесткая продразверстка и превышение своих должностных полномочий комиссарами и комбедами не только не подняли страну с колен, а окончательно добились и без того задыхающуюся социально-экономическую жизнь, углубили политический кризис. Начавшийся массовый голод 1921–1922 гг., который унес жизни около 5 млн человек, восстания в Тамбовщине, в Западной Сибири, Кронштадте и др., провалившийся эксперимент по созданию трудовых армий, который привел к катастрофическому понижению производительности труда, – все это лишь малый перечень результатов политики военного коммунизма. Как позже объясняли сами авторы своего проекта (Л. Д. Троцкий, В. И. Ленин и др.), данная политика была лишь временной производственной необходимостью для нормализации ситуации в стране и обеспечения победы в Гражданской войне и интервенции. Советское руководство вовремя осознало все свои ошибки и приняло решение перейти в 1921 г. к более лояльной и мягкой новой экономической политике.

Список литературы

1. Об упразднении Государственного Дворянского Земельного и Крестьянского Поземельного Банков: декрет СНК РСФСР от 8 декабря 1918 г. // Собр. узаконений РСФСР. 1917–1918. № 4, ст. 56.
2. О ревизии стальных ящиков в банках: декрет ВЦИК от 14 декабря 1917 г. // Собр. узаконений РСФСР. 1917–1918. № 10, ст. 151.
3. О разверстке между производящими губерниями зерновых хлебов и фуража, подлежащих отчуждению в распоряжение государства: декрет СНК

РСФСР от 11 января 1919 г. // Собр. узаконений РСФСР. 1919. № 1, ст. 10.

4. Федоров В. И. Политика военного коммунизма в Якутии // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2014. № 1 (8). С. 19–24.

5. Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 43. М.: Изд-во полит. лит., 1970. 561 с.

6. О предоставлении Народному комиссару продовольствия чрезвычайных полномочий по борьбе с деревенской буржуазией, укрывающей хлебные запасы и спекулирующей ими: декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 9 мая 1918 г. // Собр. узаконений РСФСР. 1917–1918. № 35, ст. 468.

7. Об организации и снабжении деревенской бедноты (комбеды): декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 11 июня 1918 г.

// ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 19. Д. 22. Л. 29, 37–40.

8. Камардин И. Н. Экономическая политика «военного коммунизма» в действии: уровень благосостояния рабочих Поволжья в 1919–1920 годах // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории практики. 2011. № 6-3. С. 89–93.

9. Картамышева Н. В., Худо В. Д. Достижения и просчеты финансово-экономических преобразований в период нэпа // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2016. № 4 (21). С. 175–180.

10. Конституция РСФСР 1918 г. // Собр. узаконений РСФСР. 1918. № 51, ст. 582.

Поступила в редакцию 17.05.17

UDC 94(470)

N. V. Kartamysheva, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia) (e-mail: kartamysheva_1@mail.ru)

P. E. Korostelev, Student, Southwest State University (Kursk, Russia) (e-mail: mister.pavel-korostelev@yandex.ru)

THE PRINCIPLES OF IMPLEMENTATION OF THE POLICY OF WAR COMMUNISM IN THE SOCIO-ECONOMIC SPHERE: OUTCOME AND EVALUATION

Military communism – a complex of measures taken by the Bolshevik leadership in the early years of its existence. Until now, this question is a subject of discussions of historians, because since so many aspects of this policy remain controversial and misunderstood by society. This article discusses the process of implementation of the policy of military communism, lists its causes and conditions, gives a theoretical description of the expected results and a statement of the actual consequences. The building of communism – the task is complex and requires a reasonable and sensible approach. The Bolsheviks started too early to bring the ideas of Karl Marx, Friedrich Engels, Vladimirl-lyich Lenin in life. Our country simply was not ready for such radical changes – changes in the government, changes in the economy, changes in the social structure of society and in the lives of ordinary citizens. The already difficult situation was aggravated by the Civil war and intervention. The discontent of the peasants grew, they were forced to work only for the state, giving all their labor earnings to poverty committees and commissioners. All actively developed confusion in the minds of small and medium entrepreneurs, big Industrialists, as according to the orders of the new government, the whole economic life of the nationalized, thus the owners lose their earnings. Attempts to resist the new regime is firmly and deliberately suppressed, has introduced new repressive measures – the creation of the tribunals, revolutionary councils, etc. However, the government is very great attention is paid to labour, forcing all able-bodied people to work for the good of society. Suppressed all attempts to laziness and parasitism. Guiding those at the top have realized that working hard would allow you to distract people from murmurs to life and greatly assist in building a Communist utopia. However, military communism was doomed to failure: a lack of funds, lack of natural development plan, the loss of support among the majority of the population, exacerbating political and socio-economic crisis, there are many contradictions in the program implementation. The Communist leadership leading such actions is not just earned credibility among the population, but on the contrary, very greatly undermined the al-

ready shakly their position. That is why it was decided on the gradual transition to the Communist system, through reforms, through the path of evolution. And the first stage of this evolution was the replacement of the spontaneous, ill-conceived and gallop adopted military communism more organized, structured and planned new economic policy, which soon bore fruit.

Key words: *military communism, surplus, SNK, Bolsheviks, peasants, people's Commissars, people's Commissariat.*

For citation: Kartamysheva N. V., Korostelev P. E.. The principles of implementation of the policy of war communism in the socio-economic sphere: outcome and evaluation, Proceeding of the Southwest State University. Series: History and Law, 2017, vol. 7, n 3(24), pp. 135–141 (in Russ.).

***

References

1. Ob uprazhnenii Gosudarstvennogo Dvoryanskogo Zemel'nogo i Krest'yanskogo Pozemel'nogo Bankov: dekret SNK RSFSR ot 8 dekabrya 1918 g. // Sobr. zakonenij RSFSR. 1917–1918. N 4, st. 56.

2. O revizii stal'nyh yashchikov v bankah: dekret VCIK ot 14 dekabrya 1917 g. // Sobr. zakonenij RSFSR. 1917–1918. N 10, st. 151.

3. O razverstke mezhdru proizvodyashchimi guberniyami zernovyh hlebov i furazha, podlezhashchih otchuzhdeniyu v rasporyazhenie gosudarstva: dekret SNK RSFSR ot 11 yanvarya 1919 g. // Sobr. zakonenij RSFSR. 1919. N 1, st. 10.

4. Fedorov V. I. Politika voennogo kommunizma v Yakutii // Severo-Vostochnyj gumanitarnyj vestnik. 2014. N 1 (8). S. 19–24.

5. Lenin V. I. Polnoe sobranie sochinenij: v 55 t. T. 43. M.: Izd-vo polit. lit., 1970. 561 s.

6. O predostavlenii Narodnomu komissaru prodovol'stviya chrezvychajnyh polnomochij po bor'be s derevenskoj burzhuaziej, ukryvayushchej hlebnye zapasy i spekuliruyushchej imi: dekret VCIK i

SNK RSFSR ot 9 maya 1918 g. // Sobr. zakonenij RSFSR. 1917–1918. N 35, st. 468.

7. Ob organizacii i snabzhenii derevenskoj bednoty (kombedy): dekret VCIK i SNK RSFSR ot 11 iyunya 1918 g. // GARF. F. 1235. Op. 19. D. 22. L. 29, 37–40.

8. Kamardin I. N. Ehkonomicheskaya politika «voennogo kommunizma» v dejstvii: uroven' blagosostoyaniya rabochih Povolzh'ya v 1919–1920 godah // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii praktiki. 2011. N 6-3. S. 89–93.

9. Kartamysheva N. V., Hudo V. D. Dostizheniya i proschety finansovoehkonomicheskikh preobrazovanij v period nehpa // Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo. 2016. N 4 (21). S. 175–180.

10. Konstituciya RSFSR 1918 g. // Sobr. zakonenij RSFSR. 1918. N 51, st. 582.

Н. С. Еремин, аспирант, ФГБОУ ВО «Курский государственный университет» (Курск, Россия)
(e-mail: master-nik8@mail.ru)

ДУХОВЫЕ ОРКЕСТРЫ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ ДО 1917 ГОДА

Статья посвящена анализу источников, повествующих об использовании духовых музыкальных инструментов и деятельности духовых оркестров в повседневной жизни населения нашей страны с периода Древней Руси до революции 1917 года. Подробно рассматриваются летописи и посвященные им работы ученых, на основе которых выводится заключение о преобладании фактов бытования духовых инструментов, относящихся по большей части к военному делу. Проводится анализ указных грамот XVII века, указов генерального двора, а также законов Российской империи, касающихся духовых оркестров. Особое внимание уделяется разбору челобитной 1648 года, отправленной курянином Гаврилой Малышевым Алексею Михайловичу, и последовавшим за ней указам царя и патриарха. Через рассмотрение большого количества сохранившихся законодательных актов удастся восстановить численный и инструментальный состав коллективов, а факты их участия в повседневной жизни населения можно найти у писателей и ученых того времени, а также в свидетельствах иностранных путешественников по России.

Анализируется информация о деятельности роговых оркестров, один из которых в XIX веке действовал в городе Курске. В начале XX века новым явлением стало освещение деятельности духовых оркестров в периодической печати, что позволило восстановить приблизительное количество действующих в городе Курске коллективов, имена их руководителей, частоту выступлений, названия наиболее востребованных площадок и парков города, где проходили вечера музыки и танцы.

Восстановление фактов истории духовой музыки в России будет шагом к возрождению искусства исполнительства на духовых музыкальных инструментах.

Ключевые слова: духовой оркестр, повседневная жизнь, история, исполнительство, духовые музыкальные инструменты, летопись.

Ссылка для цитирования: Еремин Н. С. Духовые оркестры в повседневной жизни населения России до 1917 года // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2017. Т. 7, №3(24). С. 142–153.

***

Проблема изучения повседневной жизни России актуализируется в наши дни в различных исследованиях отечественных ученых. Этой проблеме посвящаются научные всероссийские конференции, проводимые с 2001 г. Институтом российской истории РАН и Научным советом РАН «Человек в повседневности: прошлое и настоящее». Однако еще не проводилось научных изысканий по изучению значения оркестров духовых музыкальных инструментов в российской повседневности. Тем не менее духовые коллективы были и остаются важной составляющей российской истории и играют значительную роль в повседневной жизни населения нашей страны.

В широком историческом плане можно сказать, что внимание к деятель-

ности духовиков-музыкантов проявилось еще в Древней Руси, о чем можно узнать из летописей. В «Слове о полку Игореве», историко-литературном памятнике XII в., упоминается, что в Курском крае играли на духовых инструментах, и это отражено в десятках переводов рукописи на славянские языки, самые известные из которых были собраны в одной книге [1] лингвистом, доктором филологических наук, профессором М. Г. Булаховым. Одним из наиболее известных является перевод Д. С. Лихачева, доктора филологических наук, академика, посвятившего многие годы своей жизни анализу этой рукописи [2; 3; 4; 5].

Выделим фрагмент из перевода Д. С. Лихачева, относящийся к Курску и ставший хрестоматийным даже для об-

щеобразовательной школы. По сюжету он относится к моменту, когда князь Всеволод Святославович одобряет намерение своего брата Игоря выступить в поход на половцев: «Седлай, брат (мой), своих борзых коней, а мои-то готовы, оседланы у Курска раньше. А мои-то куряне опытные воины: под трубами пеленаты, под шлемами взлелеяны» [5, с. 54]. Под «трубами пеленаты» – как к свидетельству о рождении и воспитании детей под звуки труб можно, конечно, относиться только аллегорически, но сам факт применения духовых музыкальных инструментов в жизни той эпохи говорит о широком их распространении.

В летописях Древней Руси находим еще несколько упоминаний духовых инструментов. Заслуженный деятель искусств РСФСР, профессор В. И. Тутунов, написавший книгу «История военной музыки в России», в которой всесторонне раскрываются основные этапы ее развития в нашей стране от ее возникновения до современности, описывает, как, пользуясь отсутствием князя Святослава в 968 году, печенеги осадили Киев, и воевода Притич «со своим войском в ладьях под звуки труб направился на выручку осажденных. К трубам воеводы присоединились “трубные гласы” киевлян» [6, с. 19]. Аналогичное замечание находим и в «Истории Государства Российского» у крупнейшего русского литератора и историка Н. М. Карамзина, однако с несколько иным выводом: «Трубы воинские, коих звук ободрял Героев Святославовых в жарких битвах, доказывают древнюю любовь Россиян к искусству мусикийскому» [7, с. 174].

Еще одно интересное подтверждение значимости духовых инструментов на ратном поле содержится в памятнике XV в. «Сказании о Мамаевом побоище». Приведем фрагмент этой рукописи в переводе, сделанном в XX в. российским

лингвистом, доктором филологических наук, профессором В. В. Колесовым: «Начали звуки труб у обоих войск возноситься, но татарские трубы словно онемели, а русские трубы громче загремели» [8, с. 166].

Следует обратить внимание и на то, что порой по количеству музыкантов определялась численность войска. На это обратил внимание Н. Д. Кашкин, профессор Московской консерватории, русский музыкальный критик XIX в.: «Въ описаніи междуусобицы Новгорода со Владиміромъ (1216 г.) указывается, что первый выстави въ поле 60 трубъ, а второй 40 трубъ и 40 бубновъ». Он считал, что «число музыкальныхъ инструментовъ находилось въ извѣстномъ соотвѣтствіи съ числомъ ополченія» [9, с. 26].

На основе приведенной информации из летописей можно сделать вывод о преобладании фактов бытования духовых инструментов, относящихся по большей части к военному делу, но встречаются также и интересные упоминания об их звучании и в повседневной жизни. Так по свидетельству Н. М. Карамзина, основывающегося на византийских летописях: «Древние Славяне <...> умели наслаждаться действием так называемых Искусств Изящных <...> Северные Венеды в шестом веке сказывали Греческому Императору, что главное услаждение жизни их есть музыка, и что они берут обыкновенно в путь с собою не оружие, а кифары или гусли, ими выдуманные. Волынка, гудок и дудка были также известны предкам нашим: ибо все народы Славянские донныне любят их. Не только в мирное время и в отчизне, но и в набегах своих, в виду многочисленных врагов, Славяне веселились, пели и забывали опасность» [7, с. 69].

Из этого источника узнаем пока только об одном духовом инструменте – дудке. Дудкой, а также сопилкой или

свирелью называли славянскую версию продольной флейты. Древние источники не дают нам ответ на вопрос, когда именно на Русь пришли остальные духовые музыкальные инструменты, возможно, они были переняты у варягов. Как пишет Н. М. Карамзин: «Варяги, законодатели наших предков, были их наставниками и в искусстве войны. Россияне, предводимые своими Князьями, сражались уже не толпами беспорядочными, как Славяне древние, но строем, вокруг знамен своих или стягов, в сомкнутых рядах, при звуке труб воинских» [7, с. 166]. Но получить точный ответ на этот вопрос, возможно, не удастся уже никогда.

Таким образом, летописи являются хотя и очень важным, но достаточно малоинформативным источником информации для изучения духового творчества в повседневной жизни населения Древней Руси. Основные выводы, которые можно сделать, – это то, что славянам были известны разные формы дудок, и использовались они среди обычного населения для развлечения и потехи, а также то, что трубы использовались пока в основном в военном деле.

Помимо научных трудов, анализирующих летописные источники, существуют работы, в которых проводится рассмотрение фольклора и русских песен, из которых также можно почерпнуть факты использования духовых инструментов в повседневной жизни населения. Для примера выделим работу российского этнографа и археолога первой половины XIX в. А. В. Терещенко «Быт русского народа», в которой он проводит анализ использования, возникновения и распространения музыки и музыкальных инструментов от зарождения Руси и вплоть до своего времени. В главе «Трубная музыка и мнение о музыке и пении» ученый, основываясь на песенном творчестве, говорит о приблизительном времени

распространения флейты в России: «В XVI столетии они делаются повсеместными, как видно из песни того же века.

То ляхи в бубны вдаряют,
У свистилки да у трубы выигрывают» [10, с. 321].

А. В. Терещенко говорит и о факте гонения на музыкальные инструменты, который был описан немецким путешественником и историком Адамом Олеарием как о подтверждении высокой степени их распространения в XVII в. среди населения России: «Патриарх, – говорит Олеарий, – запретил все музыкальные инструменты, употреблявшиеся русскими во время пиршеств и увеселений» [10, с. 322–323].

Из указных грамот можно узнать о том, что виновником этих гонений был курянин Гаврилка Малышев, написавший в ноябре 1648 г. челобитную Алексею Михайловичу: «Царю государю и великому князю Алексею Михайловичу вся Руси бьет челом бедный и беспомощный холоп твой курянин Гаврилка Малышев. <...> А что, государь, в твоём государстве <...> многие люди <...> к церквам Божиим не ходят <...> и по вечерам и во всеобщих позорощах бражничают и в домех своих и сходяся на улицах и на городских полях и к кочелищам и на игрищах с скоморохами песни бесовския кричат и скакания и пляскания» [11, стб. 83-85].

Однако немцам, т. е. всем иностранцам, позволялось иметь музыку и веселиться, а знатным боярам иметь у себя придворных музыкантов и музыкальные инструменты запретить никто не мог: «Разрешено это и вельможе Никите, другу немцев, который держит у себя во дворе позитив [органчик без педали] и другие инструменты; впрочем, ему патриарх не может многого сказать» – замечает Олеарий [12, с. 282].

Уже в XXI в. И. Ф. Петровская, доктор искусствоведения и известный рос-

сийский источниковед, дает «Другой взгляд на русскую культуру XVII века» [13], основываясь на большом количестве указов и грамот, оспаривает устоявшуюся позицию о гонении на музыкальные инструменты. Она высказывает мнение о том, что все меры, которые принимали царь и Русская православная церковь, имели только предупредительный характер: «Угрозы наказания приняты за осуществленный факт. Между тем нормативные документы не являются достоверным источником для характеристики действительного состояния данной области жизни. Они достоверно отражают интересы и цели составителей их, если это законы, то – политику правительства. Но законы никогда и нигде не исполняли все вообще неукоснительно, в полном соответствии с предначертаниями» [13, с. 81].

С другой стороны, имеется свидетельство очевидца событий путешественника Адама Олеария, который в 1633 г. был отправлен шлезвиг-голштинским герцогом Фридрихом III к русскому царю Михаилу Фёдоровичу для налаживания торговых отношений с Москвой. Итогом этого путешествия стали записки, выпущенные под названием «Описание путешествия в Московию». В объяснении причин, почему русские не используют инструментальную музыку в церквях, он замечает: «Однако, вне церквей, в домах, в особенности же во время пиршеств, они охотно пользуются музыкою. Так как, однако, ею злоупотребляли в кабаках и в шинках, а также и на открытых улицах для всякого разврата и пения постыдных песен, то нынешний патриарх <...> велел разбить все инструменты кабацких музыкантов, какие оказались на улицах, затем запретил русским вообще инструментальную музыку, велел забрать инструменты в домах, и однажды пять телег, полных ими, были отправлены за Москву-реку и там сожжены» [12, с. 281].

Как бы то ни было приведенные выше цитаты дают все основания для того, чтобы говорить о значительном распространении музыкальных инструментов, в том числе духовых, в XVII в. среди населения России, а также о том факте, что музыка в повседневной жизни людей стала играть большее значение, чем раньше. Она стала звучать «в домах», «в кабаках и в шинках, а также и на открытых улицах» вплоть до того, что люди «к церквам Божиим не ходят», а в «бесовских позорищах» чувствуют. При всем этом эти факты говорят пока не о духовых оркестрах, а только об использовании отдельных духовых инструментов.

Н. Ф. Финдейзен, музыкальный критик и издатель «Русской музыкальной газеты» (1894–1918), также уделяет внимание духовым оркестрам. Так, по его свидетельству, при царе Михаиле Федоровиче исполнители на духовых инструментах играли уже во дворце. Второй день свадьбы царя в феврале 1626 г. «начался музыкой. Когда царь вышел из сенника в мыльню, начали “играть в сурны и в трубы и бить по накрам”, а в Грановитой палате во время стола играли на цимбалах и били на накрам – “в государеву радость”» [14, с. 310].

Текст, который приводит Н. Ф. Финдейзен в своих «Очерках по истории музыки в России», в более полном виде находим в 13 томе «Древней российской вивлиофики» Н. И. Новикова, российского журналиста XVIII в. и одной из крупнейших фигур Русского Просвещения: «Какъ Государь пойдетъ въ мыленку, во весь день до вечера и въ ночи, на Дворце играли въ сурны, и въ трубы, и били по накрамъ» [15, с. 214]. Это уточнение важно упоминанием о том, что музыканты играли именно во «Дворце».

В то же время отношение к музыкантам со стороны царской власти было разное и, как повествует Н. И. Новиков,

уже сын Михаила Федоровича, Алексей Михайлович: «На своей Государевой радости, накрошь и трубаць быти не изволил. А велель Государь во свои Государские столы, вместо трубъ и органов, и всякихъ свадебныхъ потехъ, пети свиомъ Государевымъ певчимъ Дьякамъ <...> и бысть тишина и радость, и благочиние велие» [15, с. 214]. Он же 5 декабря 1648 г. выпускает знаменитую указную грамоту в Белгород, в которой «домры, и сурны, и гудки, и гусли, и хари, и всякие гуденные бесовские сосуды, и ты б те бесовские велел вынимать и, изломав те бесовские игры, велел жечь» [16, с. 299].

Как пишет русский археолог и историк XIX в. доктор русской истории И. Е. Забелин в своем монументальном труде «Домашний быт русских царей в XVI–XVII веках» (1862), Алексей Михайлович изменил свое отношение к музыкантам ближе к концу своего правления в 1674 г., когда у него рождается последняя дочь Феодора: «Снова явились трубачи, накрачеи, сурначи, литаврщики, набатчики, которые принадлежали собственно к военным хорам, и быть может по особенной торжественности или громкозвучности своей музыки потребованы на этот раз и для увеселения дворца» [17, с. 479].

Здесь впервые встречаемся с упоминанием «военных хоров», которые на тот момент представляли из себя первые коллективы музыкантов-духовиков, как правило состоящие только из труб или только из гобоев.

Деятельность духовых оркестров – тема, которая привлекала внимание иностранных путешественников по России с XVII в. Однако это – только отдельные факты фиксации деятельности самых разных оркестровых коллективов. Например, переводчик Т. Перейра на переговорах 1689 г. между Китаем и Россией в Нерчинске описывал, как перед выходом

московского посла из палатки «шел оркестр, составленный из хорошо сыгравшихся флейт и четырех труб, звуки коих гармонично сливались, вызывая вящее удовлетворение и аплодисменты толпы. За ними шли конные барабанщики <...> Во время произнесения клятвы москвиты играли на трубах и флейтах, которые в ушах ангелов мира звучали небесной музыкой» [18, с. 713].

Это наблюдение очевидца дает основание для того, чтобы говорить об организации первых духовых оркестров в слаженные музыкальные коллективы, которые «вызывали вящее удовлетворение и аплодисменты толпы».

Обобщая допетровский период, можно сказать, что духовые инструменты сопровождали наш народ с древних времен, и они использовались в повседневной жизни, но только к XVII в. музыканты впервые начинают собираться в «хоры» и выступать даже при царском дворе.

Новый этап начинается с XVIII в. – периода Российской империи. Выделим основные тенденции и факты в освещении деятельности духовых коллективов.

В этот период информация о духовых оркестрах становится более конкретной и здесь важную роль играют такие источники, как законы и указы. К примеру, П. О. Бобровский, военный юрист и историк XIX в., в приложении к своему монументальному 2-томному труду «История Лейб-гвардии Преображенского полка» цитирует указ из Генерального Двора от 1699 г., где в столбце 18686 указано точное количество сиповщиков (музыкантов, играющих на тростниковых дудках), и барабанщиков на каждый тысячный полк: «Да в те полки велено дать из вольных 24 человек сиповщиков и 24 барабанщика. И всего у них в полках сержанты и со всеми нижними чины и рядовыми солдаты и сиповщики и барабанщики опричь начальных людей выш-

них чинов по 1200 человек в полку» [19, с. 250].

Полное собрание законов Российской империи дает много полезной информации об истории становления духовых оркестров в России. Так из указа Петра I № 2319 от 19 февраля 1711 г. о «Штатах кавалерийских и пехотных полков с показанием расположения оных по губерниям» [20, с. 590] узнаем о введении в каждый полк штатных военных музыкантов в пропорции: один иностранец на восемь русских в пехотных полках, один иностранец на десять русских в кавалерийских.

В работе «Музыка и балет в России XVIII века» Я. Я. Штелина, деятеля Российской академии наук XVIII столетия, встречаем первое упоминание о преподавании игры на духовых инструментах в России: «Каждый полк получил свой немецкий хор гобоистов (музыкантов, игравших на духовых инструментах), капельмейстера, и к каждому из них было придано для обучения определенное количество русских солдатских детей» [21, с. 77]. А в указе Генерального Двора от 1700 г. в столбце 18660 указывается точное количество поступивших и прошедших обучение для дальнейшей службы в Преображенском полку детей: «Солдат малых ребят, которые по именному его великого государя указу прибраны в службу в Преображенском <...> в сиповщики 59 человек, да в барабанщики 64 человека <...> из тех вышеописанных солдат приняли науку на сиповках 22 человека, по барабанам 24 человека» [19, с. 249].

В то же время именно Я. Я. Штелин был первым, кто дал оценку деятельности роговых оркестров как уникального явления в истории мировой музыкальной культуры: «Прежде всего заслуживает обстоятельного изложения русская охотничья музыка, изобретенная в 1751 году

и до этого нигде не известная. По своему устройству, звучанию и воздействию – это совершенно новая, своеобразная музыка, с которой никакая другая не может сравниться по помпезности и приятности звука» [21, с. 97–98].

Оригинальность и своеобразие роговых оркестров – тема, привлекавшая внимание не только отечественных исследователей. Доктор Стивен Л. Роудс, профессор музыки в университете Липскомб в Нэшвилле (штат Теннесси, США), написавший обширное исследование «A history of the wind band» (История духового оркестра), посвятил целую главу истории появления и развития русских роговых оркестров. Говоря о высоком профессиональном уровне главного, императорского рогового оркестра, доктор Роудс приводит слова немецкого композитора XIX в. Л. Шпора, побывавшего на их концерте в 1803 г.: «The hornists executed an overture by Gluck with a rapidity and exactness which would have been difficult for stringed instruments; how much the more so, then, for hornists, each of whom blew only one tone! It is hardly to be believed that they performed the most rapid passages with the greatest precision, and I could not have conceived it possible had I not heard it with my own ears»¹ [22].

Стоит отметить, что роговые оркестры радовали публику своими выступлениями не только в столице, но также и в различных провинциальных городах. Об этом пишет исследователь XX в. музыковед Б. Г. Манжора. Проведя анализ ар-

---

¹ Музыканты, игравшие на рожковых инструментах, исполнили увертюру Глюка с такой быстротой и точностью, которая была бы трудна даже для исполнения на струнных инструментах; тем более, что каждый рожкист дул только один тон! Было трудно поверить, что они исполняли самые быстрые пассажи с такой точностью, с какой я и не мог бы себе вообразить, если бы не услышал это собственными ушами. – *Пер. с англ. Н. С. Еремينا.*

живных документов бывшей Нижне-Тагильской заводской конторы уральских заводопрмышленников Демидовых он нашел «Дело о покупке П. Н. Демидовым оркестра роговой музыки у Нарышкина в 1831–1832 гг.», повествующее о том, что на протяжении нескольких лет в городе Курске действовал роговой духовой оркестр. П. Н. Демидов был гражданским губернатором в Курске в 1831–1834 гг. и для повышения своей популярности он нанял в аренду в Петербурге роговой оркестр, который был привезен в составе 33 музыкантов с женами и детьми и 88 роговых инструментов. По сообщению исследователя: «Во второй половине XVIII первой четверти XIX веков оркестры роговой музыки были непременным украшением балов, гуляний царского двора и придворной знати. <...> К тридцатым годам XIX века – к тому времени, когда Павел Демидов получил назначение в Курск, – оркестры роговой музыки в столице начали уступать место более совершенным духовым оркестрам. Но провинцию они еще удивляли “столичным шиком”» [23, с. 4].

Из указов XIX в. также можно почерпнуть важные сообщения о развитии духовой музыки в России. Если по приказам прошлого столетия численность музыкантов духовых оркестров росла, то при Павле I издается «Высочайший Приказ №17.572 от 20 ноября», где в «Положении о музыке в полках: пехотных, драгунских, гарнизонных и в артиллерии» численность коллективов сокращается: «Во всех пехотных полках быть пяти музыкантам: две валторны, два кларнета и один фагот <...> а в гарнизонных полках не иметь никакой музыки» [24, с. 12]. В дальнейшем Александр I, расширяя состав армии за счет новых гвардейских частей, указом № 23.582 от 15 апреля 1809 г. повелевает при каждой новой ча-

сти и при уже существующих полках иметь 25 музыкантов.

Хотя все вышеприведенные указы касаются только военных духовых оркестров, именно они играли важнейшую роль в повседневной жизни населения того времени. Об этом пишет русский музыкальный и художественный критик XIX в. В. В. Стасов: «Военные оркестры – проводники не только одной военной, но и всяческой музыки в массу народную, на улице, в публичном саду, в процессии, в каждом народном или национальном торжестве, кого же народ всегда слышит, как не один военный оркестр, через кого он и знает что-нибудь из музыки, как не через него» [25, с. 179].

Таким образом, законодательные акты XVIII-XIX вв. важны для современных исследователей тем, что по ним можно проследить процесс формирования нового, европейского состава духового оркестра в России. Для обозначенной темы исследования полученные факты значимы своей конкретизацией. Они позволяют говорить не просто об абстрактных оркестрах в повседневной жизни населения Российской империи, но дают представление о численности оркестров и составе духовых музыкальных инструментов в них, основываясь на чём можно говорить об уровне и характере исполняемой ими музыки.

Отдельные факты участия духовых оркестров в повседневной жизни населения находим у писателей XIX в. Так у великого русского прозаика Н. В. Гоголя в его «Петербургских записках» описывается один из «инвалидных» благотворительных концертов военного духового оркестра для ветеранов Отечественной войны 1812 г., организатором которых было Филармоническое общество: «Концерт в пользу инвалидов всегда бывает величествен: четыреста музыкантов! это что-то могущественное. Когда согласный ро-

пот четырехсот звуков раздается под дрожащими сводами, тогда, мне кажется, самая мелкая душа слушателя должна вздрогнуть необыкновенным содроганием» [26, с. 521].

Распространение и популярность духовых музыкальных инструментов в Российской империи достигли своего пика в XIX в. И, по свидетельству российского историка Л. В. Выскочкова, на них играли даже императоры: «Духовой инструмент, на котором играл Николай Павлович, в источниках и литературе называется по-разному <...> упоминаются флейта, корнет, корнет-а-пистон» [27, с. 461]. Кроме того, Александр I играл на кларнете, а Александр III – на корнете-а-пистоне, он же был основателем «Общества любителей духовой музыки».

В предреволюционные годы деятельность духовых оркестров начинает освещаться в большем объеме, чем раньше, благодаря появлению разнообразной периодической печати. Показательным примером в этом отношении является областная монархическая газета «Курская быль», издававшаяся с 1906 по 1917 г. и основанная Н. Е. Марковым. Из объявлений этой газеты можно узнать факты выступления различных оркестров в ресторанах, парках и садах города Курска и т. д. К примеру, из 46 номера газеты от 26 февраля 1913 г. узнаем о том, что в ресторане «Победа»: «С 22 сего февраля при ресторане есть биллиард и оркестр духовой музыки» [28, с. 6]. Это первый из дошедших до нас источников, упоминающий об игре духового оркестра в одном из курских ресторанов. Но, к сожалению, на этом вся информация об этом коллективе заканчивается, и из него невозможно узнать инструментального состава этого оркестра, имени его руководителя, количества и квалификации участников и характера исполняемой музыки.

На страницах выпусков «Курской были» находятся несколько десятков упоминаний о духовых оркестрах, но большинство из них являются только констатациями факта игры оркестра в каком-либо месте. Тем не менее, обобщая все факты этой газеты, можно выстроить общую картину участия духовых оркестров в повседневной жизни населения в городе Курске за годы её выпуска (1906–1917).

Стационарные духовые оркестры были при ресторане «Победа», при вольнопожарной дружине Ямской слободы под руководством капельмейстера И. Пономарева, действовали военные духовые оркестры 173-го Каменецкого полка под управлением В. И. Горалек, 174-го Роменского полка под управлением Я. Б. Гордона, 4-й артиллерийской бригады капельмейстера Старикова, 17-го Донского генерала Бакланова казачьего полка, упоминаются два оркестра под управлением Асеева и В. А. Копчинского без обозначения принадлежности к чему-либо, а также в городе выступали гастролирующие большой симфонический духовой оркестр (70 человек) рабочих суконной фабрики М. Ф. Степанова, под управлением дирижера М. Е. Зельдина, при участии известной оперной певицы Н. О. Степановой-Шевченко, и оркестр духовой музыки Севастопольского порта под управлением артиста Императорских театров В. З. Попова-Вадимова.

Они выступали в садах и скверах Курска, которых было немало, а именно «Н. А. Лавровой на Пастуховской улице» [29, с. 1], «Курского Купеческого Собрания» [30, с. 1], «в летнем саду “Ливадия”» [31, с. 3], «в Пушкинском саду» [32, с. 5], «В летнем саду Общественного клуба» [33, с. 5], «в саду Коммерческого собрания» [34, с. 3], а также «в помещении Общественного клуба» [35, с. 3] и «в зале Дворянского собрания» [36, с. 5].

Часто их выступления переходили в «оживленные танцы, продолжавшиеся чуть не до утра» [35, с. 4].

Обобщая полученные факты, можно предположить, что в городе действовало по меньшей мере восемь духовых коллективов и все они активно участвовали в повседневной жизни курян, выступая на многочисленных танцевальных площадках и городских мероприятиях, в то же время в город приглашались для выступления самые известные и популярные духовые оркестры того времени.

Таким образом, тема духовых оркестров в повседневной жизни населения России до 1917 г. предстает перед исследователем достаточно неоднородной на различных исторических этапах. Первые упоминания об исполнении на духовых инструментах относятся еще к Древней Руси, однако информация об игре именно духовых оркестров впервые начинает появляться только в источниках XVII в. Полноценную же и разноплановую информацию об участии духовых коллективов в повседневной жизни населения России удастся получить только начиная с первых десятилетий XX в. Тем не менее приведенные факты позволяют говорить о том, что музыканты-духовики и духовые оркестры играли значительную роль в повседневной жизни россиян. Они выступали с князьями в походы и гремели на царских пирах, развлекали приезжих иностранцев и играли «в домах», «в кабаках и в шинках, а также и на открытых улицах». В XX в. духовые оркестры выступали во всех садах, парках и общественно значимых местах. И хотя допетровский период доносит до нас лишь отдельные факты и упоминания об использовании духовых инструментов, а XVIII и XIX вв. говорят в основном о военных оркестрах, начало XX в. дает все основания говорить о большой востребованности и значимости духовых оркест-

ров в повседневной жизни населения России.

Список литературы

1. Булахов М. Г. «Слово о плъку Игоревѣ» в переводах на славянские языки XIX–XX вв. Минск: Беларус. навука, 2013. 360 с.
2. Лихачев Д. С. О «Слове о полку Игореве» // Избранные работы: в 3 т. Т. 3. Л.: Худож. лит., 1987. 520 с.
3. Лихачев Д. С. Слово о полку Игореве / пер. с древнерус. Д. С. Лихачева; ил. Г. Захарова. Переизд. Кемерово: Кн. изд-во, 1984. 96 с.
4. Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени: монография. 2-е изд., доп. Л.: Худож. лит., 1985. 352 с.
5. Лихачев Д. С. Слово о полку Игореве: ист.-лит. очерк. М.: Просвещение, 1976. 175 с.
6. Тутунов В. И. История военной музыки России. М.: Музыка, 2005. 489 с.
7. Карамзин Н. М. История Государства Российского: в 12-ти т. Т. I / под ред. А. Н. Сахарова. М.: Наука, 1989. 640 с.
8. Сказания и повести о Куликовской битве: [древнерус. тексты и пер] / АН СССР; изд. подгот. Л. А. Дмитриев, О. П. Лихачева; [отв. ред. Д. С. Лихачев]. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1982. 422 с.
9. Кашкин Н. Д. Очерк истории русской музыки. М.: П. Юргенсон, 1908. 230 с.
10. Терещенко А. В. Быт русского народа: в 2 т. Т. 1, ч. I–III / сост. А. В. Фроловой; отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2014. 944 с.
11. Челобитная царю Алексею Михайловичу от выборного от города Курска на собор Гаврилки Малышева от 4 ноября 1648 г. // Древности: тр. Археологической комиссии. М., 1900. Т. 2, вып. 1, стб. 83–85.

12. Олеарий А. Описание путешествия в Московию / пер. с нем. А. М. Ловягина. Смоленск: Русич, 2003. 480 с.
13. Петровская И. Ф. Другой взгляд на русскую культуру XVII века. Об инструментальной музыке и о скоморохах: исторический очерк. СПб.: Композитор - Санкт-Петербург, 2013. 288 с.
14. Финдейзен Н. Ф. Очерки по истории музыки в России: С древнейших времен до начала XVIII века. М.; Л.: Музыкальный сектор, 1928. Т. 1, вып. 3. 364 с.
15. Новиков Н. И. Древняя российская вивлиофика, содержащая в себе: собрание древностей российских, до истории, географии и генеалогии россиянина касающихся: в 20 ч. / изданная Н. Новиковым, членом Вольного Российского Собрания при Императорском Московском университете. 2-е изд., вновь испр., умнож. и в порядок хронологической возможности приведенное. 1788–1791. Ч. 13. М.: Тип. Компании типографической, 1790. 459 с.
16. Указная грамота в Белгород: 5 декабря 1648 г. // Иванов П. И. Описание Государственного архива старых дел. М., 1850. С. 296–299.
17. Забелин И. Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. М.: Тип. Грачева и К°, 1869. 670 с.
18. Русско-китайские отношения в XVII веке: материалы и документы. Т. 2: 1686–1691. М.: Наука, 1972. 836 с.
19. Бобровский П. О. История Лейб-гвардии Преображенского полка. Приложение к I-му тому. СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1900. 269 с.
20. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. Т. 4. СПб., 1830. 881 с.
21. Штелин Я. Я. Музыка и балет в России XVIII века. Л.: Тритон, 1935. 189 с.
22. Rhodes S. L. A history of the wind band [Electronic resource] // Lipscomb university [site]. URL: <http://www.lipscomb.edu/windbandhistory/>.
23. Манжора Б. Г. Роговой оркестр в Курске // Курская правда. 1959. 17 авг. С. 4.
24. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. Т. 24. СПб., 1830. 869 с.
25. Стасов В. В. Избранные сочинения: в 3-х т. Т. I: Статьи. Монографии и исторические обзоры. Живопись. Скульптура. Музыка / сост. П. Т. Щипунов; коммент. М. П. Блиновой, А. Н. Дмитриева, П. Т. Щипунова. М.: Искусство, 1952. 735 с.
26. Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений и писем: в 17 т. Т. 7: Юношеские опыты. Первоначальные редакции / сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. М.: Изд-во Московской Патриархии, 2009. 816 с.
27. Выскочков Л. В. Николай I. 2-е изд., доп. М.: Молодая гвардия, 2006. 694 с.
28. Курская быль. 1913. 26 фев. С. 6.
29. Курская быль. 1908. 23–24 авг. С. 1.
30. Курская быль. 1911. 19 июня. С. 1.
31. Бенефис Старикова // Курская быль. 1908. 2 авг. С. 3.
32. Театр и музыка. К бенефису В. З. Попова-Владимова // Курская быль. 1913. 11 июня. С. 5.
33. Местная хроника. Сад Общественно клуба // Курская быль. 1909. 1 июля. С. 5.
34. Театр и музыка. Бенефис В. А. Копчинского // Курская быль. 1913. 17 авг. С. 3.
35. Местная хроника. Благотворительный вечер // Курская быль. 1909. 4 фев. С. 3–4.
36. Местная хроника. Концерт // Курская быль. 1909. 22 окт. С. 5.

Поступила в редакцию 14.04.17

UDC 93/94

N. S. Eremin, Post-Graduate Student, Kursk State University (Kursk, Russia)
(e-mail: master-nik8@mail.ru)

WIND ORCHESTRAS IN THE DAILY LIFE OF THE POPULATION OF RUSSIA UNTIL 1917

The article is devoted to the analysis of sources that tell about the use of wind musical instruments and the activity of wind bands in the everyday life of our country in the period from the Ancient Rus to the revolution of 1917. Chronicles and the works of scientists devoted to them are considered in detail in the article. The conclusion is made that facts of the existence of wind instruments mostly related to military affairs prevailed. An analysis is being carried out of the 17th century edicts, decrees of the General Courtyard, as well as the laws of the Russian Empire concerning wind bands. Particular attention is paid to the analysis of the petition of 1648 sent by an inhabitant of Kursk Gavrila Malyshev to Alexei Mikhailovich followed by the edict of the tsar and the patriarch. With the help of a large number of the remaining legislative acts it was possible to reconstruct quantitative and instrumental composition of bands. And the facts of their participation in the everyday life of the population can be found in the works of writers and scientists of the time.

The activity of the horn orchestras, one of which operated in the city of Kursk in the 19th century is analyzed. The evidence of foreign travelers in Russia regarding the activities of wind bands is also considered. At the beginning of the 20th century, the new event became a display of the activity of wind bands in the periodical press, which allowed to restore in the number of bands in Kursk, their leaders, the frequency of performances, the most visited areas and parks where music and dancing evenings were held.

The restoration of the facts of the history of wind music in Russia will be a step towards the revival of the art of performers on wind musical instruments.

Key words: wind orchestra, daily life, history, performing art on wind instruments, chronicle.

For citation: Eremin N. S. Wind orchestras in the daily life of the population of Russia until 1917, Proceeding of the Southwest State University. Series: History and Law, 2017, vol. 7, n 3(24), pp. 142–153 (in Russ.).

***

References

1. Bulahov M. G. «Slovo o pl"ku Igo-rev"» v perevodah na slavyanskijeazyki XIX–XX vv. Minsk: Belarus. navuka, 2013. 360 s.
2. Lihachev D. S. O «Slove o polku Igo-reve» // Izbrannye raboty: v 3 t. T. 3. L.: Hudozh. lit., 1987. 520 s.
3. Lihachev D. S. Slovo o polku Igo-reve / per. s drevnerus. D. S. Lihacheva; il. G. Zaharova. Pereizd. Kemerovo: Kn. izd-vo, 1984. 96s.
4. Lihachev D. S. «Slovo o polku Igo-reve» i kul'tura ego vremeni: monografiya. 2-e izd., dop. L.: Hudozh. lit., 1985. 352 s.
5. Lihachev D. S. Slovo o polku Igo-reve: ist.-lit. ocherk. M.: Prosveshchenie, 1976. 175 s.
6. Tutunov V. I. Istoriya voennoj muzyki Rossii. M.: Muzyka, 2005. 489 s.
7. Karamzin N. M. Istoriya Gosudarstva Rossijskogo: v 12-ti t. T. I / pod red. A. N. Saharova. M.: Nauka, 1989. 640 s.
8. Skazaniya i povesti o Kulikovskoj bitve: [drevnerus. teksty i per] / AN SSSR; izd. podgot. L. A. Dmitriev, O. P. Lihacheva; [otv. red. D.S. Lihachev]. L.: Nauka, Leningr. otd-nie, 1982. 422 s.
9. Kashkin N. D. Ocherk istorii russkoj muzyki. M.: P. Yurgenson, 1908. 230 s.
10. Tereshchenko A. V. Byt russkogo naroda: v 2 t. T. 1, ch. I–III / sost. A. V. Frolovoj; otv. red. O. A. Platonov. M.: Institut russkoj civilizacii, 2014. 944 s.
11. Chelobitnaya caryu Alekseju Mihajlovichu ot vybornogo ot goroda Kurska na sobor Gavrilki Malysheva ot 4 noyabrya 1648 g. // Drevnosti: tr. Arheograficheskoi komissii. M., 1900. T. 2, vyp. 1, stb. 83–85.

12. Olearij A. Opisanie puteshestviya v Moskoviyu / per. s nem. A. M. Lovyagina. Smolensk: Rusich, 2003. 480 s.
13. Petrovskaya I. F. Drugoj vzglyad na russkuyu kul'turu XVII veka. Ob instrumental'noj muzyke i o skomorohah: istoricheskij ocherk. SPb.: Kompozitor - Sankt-Peterburg, 2013. 288 s.
14. Findejzen N. F. Ocherki po istorii muzyki v Rossii: S drevnejshih vremen do nachala XVIII veka. M.; L.: Muzykal'nyj sektor, 1928. T. 1, vyp. 3. 364 s.
15. Novikov N. I. Drevnyaya rossijskaya vivliofika, sodержashchaya v sebe: sobranie drevnostej rossijskih, do istorii, geografii i genealogii rossijskiya kasayushchihya: v 20 ch. / izdannaya N. Novikovym, chlenom Vol'nogo Rossijskogo Sobraniya pri Imperatorskom Moskovskom universitete. 2-e izd., vnov' ispr., umnoz. i v poryadok hronologicheskoy po vozmozhnosti privedennoe. 1788-1791. Ch. 13. M.: Tip. Kompanii tipograficheskoy, 1790. 459 s.
16. Ukaznaya gramota v Belgorod: 5 dekabrya 1648 g. // Ivanov P. I. Opisanie Gosudarstvennogo arhiva staryh del. M., 1850. S. 296–299.
17. Zabelin I. E. Domashnij byt russkih caric v XVI i XVII stoletiyah. M.: Tip. Gracheva i K^o, 1869. 670 s.
18. Russko-kitajskie otnosheniya v XVII veke: materialy i dokumenty. T. 2: 1686–1691. M.: Nauka, 1972. 836 s.
19. Bobrovskij P. O. Istoriya Lejbgvardii Preobrazhenskogo polka. Prilozhenie k I-mu tomu. SPb.: Ehkspediciya zagotovleniya gosudarstvennyh bumag, 1900. 269 s.
20. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobr. 1-e. T. 4. SPb., 1830. 881 s.
21. Shtelin YA. YA. Muzyka i balet v Rossii XVIII veka. L.: Triton, 1935. 189 s.
22. Rhodes S. I. A history of the wind band [Electronic resource] // Lipscomb university: [site]. URL: <http://www.lipscomb.edu/windbandhistory/>.
23. Manzhora B. G. Rogovoj orkestr v Kurske // Kurskaya pravda. 1959. 17 avg. S. 4.
24. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobr. 1-e. T. 24. SPb., 1830. 869 s.
25. Stasov V. V. Izbrannye sochineniya: v 3-h t. T. I: Stat'i. Monografii i istoricheskie obzory. Zhivopis'. Skul'ptura. Muzyka / sost. P. T. Shchipunov; komment. M. P. Blinovoj, A. N. Dmitrieva, P. T. Shchipunova. M.: Iskusstvo, 1952. 735 s.
26. Gogol' N. V. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 17 t. T. 7: Yunosheskie opyty. Pervonachal'nye redakcii / sost., podgot. tekstov i komment. I. A. Vinogradova, V. A. Voropaeva. M.: Izd-vo Moskovskoj Patriarhii, 2009. 816 s.
27. Vyskochkov L. V. Nikolaj I. 2-e izd., dop. M.: Molodaya gvardiya, 2006. 694 s.
28. Kurskaya byl'. 1913. 26 fev. S. 6.
29. Kurskaya byl'. 1908. 23–24 avg. S. 1.
30. Kurskaya byl'. 1911. 19 iyunya. S. 1.
31. Benefis Starikova // Kurskaya byl'. 1908. 2 avg. S. 3.
32. Teatr i muzyka. K benefisu V. Z. Popova-Vladimova // Kurskaya byl'. 1913. 11 iyunya. S. 5.
33. Mestnaya hronika. Sad Obshchestvenno kluba // Kurskaya byl'. 1909. 1 iyulya. S. 5.
34. Teatr i muzyka. Benefis V. A. Kopchinskogo // Kurskaya byl'. 1913. 17 avg. S. 3.
35. Mestnaya hronika. Blagotvritel'nyj vecher // Kurskaya byl'. 1909. 4 fev. S. 3–4.
36. Mestnaya hronika. Koncert // Kurskaya byl'. 1909. 22 okt. S. 5.

УДК 94 (47)

Е. Н. Бутенко, аспирант, ФГБОУ ВО «Курский государственный университет» (Курск, Россия)
(e-mail.ru: Aristogone@mail.ru)

АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ О МАТЕРИАЛЬНЫХ ПОСЛЕДСТВИЯХ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ ОБЛАСТНЫХ ЦЕНТРОВ РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА КУРСКА)

Тема, к которой обращается автор, весьма актуальна и перспективна в исследовательском плане. Статья посвящена рассмотрению проблемы определения масштабов ущерба, причиненного немецко-фашистскими захватчиками жилищно-коммунальному хозяйству города Курска. Анализируя данные о материальном ущербе, причиненном городскому хозяйству регионов, ставших ареной боевых действий или подвергшихся вражеской оккупации, автор приводит данные о колоссальных разрушениях и потерях, что позволяет отнести г. Курск к числу наиболее пострадавших от войны городов СССР. Для подтверждения этого вывода автор детально анализирует материальные потери, вызванные выводом из строя и разрушением водоканализационной системы, трамвайного хозяйства, Курской центральной электростанции, линий связи. Методологической основой исследования явились принципы историзма, объективности, системности, автором использовались общенаучные методы – анализ, обобщение. На основе широкого круга архивных источников, многие из которых впервые вводятся в научный оборот, автор подтверждает вывод о том, что оккупация нанесла значительный ущерб жилищно-коммунальному хозяйству российских городов, в числе которых оказался и административный центр Курской области. Научная новизна работы определяется не только тем, что автор вводит в научный оборот ряд неизученных архивных материалов, но и проведением исторических параллелей с современной градостроительной политикой и системой муниципального управления.

Ключевые слова: жилищно-коммунальное хозяйство, немецко-фашистская оккупация, ущерб.

Ссылка для цитирования: Бутенко Е. Н. Архивные документы о материальных последствиях немецко-фашистской оккупации для областных центров России (на примере города Курска) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2017. Т. 7, № 3(24). С. 154–158.

***

В годы Великой Отечественной войны немецко-фашистская оккупация нанесла колоссальный ущерб жилищно-коммунальному хозяйству СССР. По официальным советским данным, полностью или частично было разрушено около 250 водопроводов, 114 канализационных систем, 46 трамвайных и 5 троллейбусных хозяйств, 362 коммунальные электростанции, 1710 городов, свыше 6 млн зданий, 1209 тыс. наиболее крупных и благоустроенных домов и более 70 тыс. сёл и деревень, около 25 млн человек были лишены крова [1, с. 37; 2, с. 171; 3, с. 632]. Среди 15 разрушенных и наиболее пострадавших городов был и г. Курск. В результате систематических бомбардировок с воздуха, артиллерийских обстрелов и поджогов была разрушена практически вся центральная часть города. Вместо домов стояли одни стены без крыш и межэтажных перекрытий, с пустыми оконными проемами [4, с. 124].

До оккупации население г. Курска обслуживал трамвай, электрическое освещение имела каждая квартира, водопровод

удовлетворял все нужды города, три бани обслуживали городское население, город имел сады и скверы, было почти 5 км образцовой асфальтированной мостовой, население города жило в благоустроенных квартирах, были сданы в эксплуатацию три 24-квартирных жилых дома по ул. Мясницкой, 42-квартирный дом по ул. Радищева и ряд домов по ул. Ленина 15, ул. Ленина 95, ул. Радищева 40, ул. Лассаля 8 и т. д., всего же было сдано в эксплуатацию 190 жилых квартир [5, л. 254 об.; 6, л. 66]. До оккупации в городе имелось 250 тыс. м² жилых площадей, в период оккупации фашистами было разрушено 87,0 тыс. м², из этого 25,0 тыс. м² жилых площадей подлежало восстановлению в 1943 г. [7, л. 10]

Особенно большой урон оккупанты нанесли частному фонду: до оккупации всего по городам Курской области имелось 1966,2 тыс. м² частного жилого фонда (в том числе по г. Кур-

ску 757,4 тыс. м²). За период оккупации немецко-фашистские захватчики разрушили 204,2 тыс. м² (в том числе по г. Курску 38,8 тыс. м²) частного жилого фонда, подлежало восстановлению в 1943 г. 12,0 тыс. м² (в том числе по г. Курску 7,0 тыс. м²) [7, л. 10].

Согласно обобщенным сведениям сумма ущерба, причиненного немецко-фашистскими захватчиками жилищно-коммунальному хозяйству Курской области, составила 47 752 299 руб., общий размер ущерба, причиненный жилищно-коммунальному хозяйству г. Курска, составил 87 126 461 руб. [8, л. 68 об., 314] Согласно справке об итогах работы по учету ущерба, причиненного немецко-фашистскими захватчиками гражданам, колхозам, общественным организациям, предприятиям и учреждениям Курской области, немцы «... сожгли в г. Курске: три 24-х квартирных жилых дома по ул. Мясницкой, взорвали 42-х квартирный дом по ул. Радищева, 24-х квартирный дом по улице Дзержинского... сожгли здание Облисполкома по ул. Советской, половину здания нового Дома Советов на Красной площади, взорвали и сожгли здания – обкома ВКП (б), Госбанка, Управления связи, Почтамта, Горсовета, горкома ВКП (б), гостиницу на ул. Ленина и новую гостиницу на ул. Дзержинского, взорвали и сожгли здание Сельхозбанка, Центральной Сберкасссы, ОБлФО...» [6, л. 6, 12]. Обобщая данные о количестве разрушенных зданий, следует сказать, что согласно докладной записке облисполкома по городу Курску на 10 марта 1943 г. разрушено более 100 наиболее крупных зданий города, занимаемых советскими, партийными и общественными организациями [9, с. 340; 10, с. 24].

Говоря об ущербе, причиненном немецко-фашистскими захватчиками коммунальному хозяйству г. Курска, важно отметить, что в результате оккупации были выведены из строя водопровод, частично электростанция, 2 бани, взорваны 2 крупных моста через реки Сейм и Тускарь, разрушено трамвайное хозяйство [9, с. 340]. Значительный ущерб оккупанты причинили Курской водоканализационной системе.

Согласно докладу «О восстановительных работах и производственной деятельности по Курскому Водоканалтресту» от 4 сентября 1943 г. «...в результате 15 месячной оккупации г. Курска немецко-фашистскими захватчиками... разграблены материально-имущественные ценности ремонтно-строительной конторы на сумму 600 тыс. руб. Подорваны две насосные станции, мехмастерские, водомерно-испытательная станция и Управление Водоканалтреста, во многих местах сеть повреждена бомбардировкой (до оккупации имелось 109,5 км водопроводной сети, после оккупации – 79,5 км), стоимость убытков по водопроводу определилась в сумме 1654 тыс. руб. Таким образом, общая сумма убытков по тресту выражается в сумме 2254 тыс. руб...» [11, л. 36].

Важно отметить, что за период оккупации был нанесен немалый ущерб мостовым сооружениям. Были взорваны мосты через реку Тускарь: один пролетом 105 п/м и второй пролетом 38 п/м, взорван железобетонный мост через реку Кур пролетом 10 п/м, другие мосты через реку Кур, общим протяжением 170 п/м, разобраны и уничтожены полностью. Сумма ущерба, причиненная мостовым сооружениям, составила 1 172 920 руб., общая сумма ущерба, причиненная асфальтовым и каменным мостовым улиц, тротуарам, искусственным сооружениям (мостам) составила 2 492 927 руб. [12, л. 30]

Говоря об уроне, причиненном фашистами трамвайному хозяйству, следует сказать, что согласно акту от 18 июня 1943 г. «...оккупантами был разобран рельсовый путь от станции железной дороги 1-я Курск до Московских ворот и от Барнышевской площади до Солянки на протяжении всего 14,75 км одиночного пути, с которого все шпалы и 60% рельс ими вывезены. Воздушная электросеть (троллейный медный провод) с сечением 85 мм с подвесками и арматурой с

этого участка полностью снята и вывезена немецко-фашистскими захватчиками. Общее разрушение и расхищение трамвайного пути 75% от всего протяжения 29,5 погонных километров пути. Из состава 33 моторных и одного прицепного вагонов 4 вагона совершенно разрушены и не пригодны к их восстановлению, остальные вагоны повреждены и расхищены на 50% от их восстановительной стоимости. Имеет небольшие повреждения здание электростанции, но оборудование и измерители повреждены и расхищены на 30%. Повреждено на 40% центральное отопление вагонного парка и конторы управления трамвая, на 50% поврежден деревянный подкосной системы мост длиной 118 метров (взорван). Полностью разрушен деревянный жилой дом №6 для общежития по ул. К. Маркса. Разрушены деревянная конюшня, 3 диспетчерские будки. Разобрано и расхищено 400 погонных метров забора вокруг всей территории трампарка. Оборудование механической мастерской демонтировано и вывезено немецко-фашистскими оккупантами. Ущерб управлению трамвая по трамвайному хозяйству составляет 3 898 410 руб...» [13, л. 1–2].

Важно, на наш взгляд, привести данные об ущербе, причиненном оккупантами Курской электростанции и сети (ЦЭС). Так, согласно акту от 20 июля 1943 г. и докладу о состоянии Курской ЦЭС на 22 июня 1944 г. при отступлении из Курска солдатами 7-го технического батальона (командир оберлейтенант Файт и офицеры Эрнст и Пейхнер) были взорваны и сожжены дизельная электростанция мощностью 500 кВт, материальный склад и мотовоз. Кроме того, солдатами разных немецких частей поврежден подъездной путь к ЦЭС: расхищены железнодорожные шпалы. Бомбежкой с вражеских самолетов разрушены и сожжены здания ремонтно-механической мастерской, конторы, рабочего клуба, маслохозяства и 3 трансформаторных киоска. Разрушено нефтехранилище, была приведена в негодность воздушная сеть (рышковская воздушная сеть протяженностью 10 км, линия холодильника – 4 км, линия

мельницы – 0,5 км, авиагородка – 6 км и другие протяженностью до 50 км), фашисты повредили низковольтную сеть протяженностью до 50 км (до оккупации было 45 км высоковольтной сети и 162 км низковольтной). Общий размер ущерба составляет 3 810 495 руб. [14, л. 148; 5, д. 8а, л. 11].

Ощутимый ущерб оккупантами был нанесен зеленому фонду г. Курска. Согласно акту от 19 июня 1943 г. об ущербе Курскому Горзеленстрою: «...во время оккупации Курска бомбардировками совершенно разрушены теплицы, парники, рамы и коробки парниковые, материал из которых расхищен на топливо. Разрушено и расхищено изгороди деревянные в скверах Первомайском и Героев гражданской войны (около 2000 п/м). Фруктовые деревья: яблони, груши, находившиеся на территории Горзеленстроя, срублены и похищены на топливо. Разрушены и расхищены все деревянные постройки в Первомайском саду: площадка для оркестра, ресторан с надворными постройками, сторожка, эстрада открытая, киоск, открытая сцена. Многолетние деревья и кустарники в количестве 7748 шт. в садах и скверах Курска вырублены и уничтожены на топливо. Разбиты и изуродованы железобетонные вазы для цветов, фигуры, памятники В. И. Ленина, фонтаны в Первомайском саду и Пролетарском сквере. Общая сумма ущерба по Горзеленстрою составила 1 387 839 руб...» [12, л. 32]. Важно отметить, что из общей площади 1930 га городских лесов фашистами вырублено 1362 га городского леса [5, д. 8а, л. 49].

До оккупации г. Курск имел почтовую контору и 12 почтовых отделений, телеграфную контору, телефонную станцию мощностью в 2400 телефонных номеров и два радиоузла мощностью 4200 Вт, с сетью 14 тыс. трансляционных точек. За период оккупации сгорели все помещения связи, а также

их оборудование. Убыток, без оборудования, согласно данным исполкома горсовета на 1 марта 1943 г. выражается в сумме не менее чем 3,2 млн руб. [5, д. 4, л. 255 об.]

Делая вывод по вышеизложенному, следует отметить, что для восстановления разрушенного захватчиками городского хозяйства г. Курска в 1943 г. было выделено 14651,1 тыс. руб., 339 тыс. руб. было израсходовано на восстановление электроснабжения города, в сферу водопроводного хозяйства было направлено 419 тыс. руб., на восстановление трамвайного хозяйства было израсходовано 824 тыс. руб., 165 тыс. израсходовано на восстановление бани №1 и ручной прачечной, входившей в банный трест, 257 тыс. было направлено на восстановление дорожно-мостового хозяйства [5, д. 8а, л. 18 об., 36]. Таким образом, из приведенных цифр видно, что оккупация нанесла значительный ущерб жилищно-коммунальному хозяйству г. Курска.

Комплексное восстановление Курска началось сразу после окончания войны [15, с. 154]. Ценой невероятных усилий городским властям и жителям Курска, при поддержке государственных и политических структур, удалось восстановить разрушенное войной хозяйство. Обеспечить бесперебойное функционирование всех служб жизнеобеспечения города. Остается только сожалеть, что в современных условиях Курск лишается своего исторического архитектурного облика. Многие здания областного центра, пережившие оккупацию и бомбардировки немецко-фашистской авиации, с любовью восстановленные горожанами, не выдержали испытания временем и были уничтожены, несмотря на их культурно-историческую ценность. Внимание современных политиков местного масштаба должно быть привлечено не только к проблеме сохранения облика древнего Курска и модернизации его коммуникационных систем и коммунального хозяйства, но и к учету и активному использованию опыта старших поколений земляков, успешно решавших вопросы организации эффективно управления городской инфраструктурой.

Список литературы

1. Дятел Е. П., Подылина Э. Ф., Голомолзина Н. В. Экономическая сущность и формы реализации жилищно-коммунальных услуг. М.: Бибком, 2012. 144 с.
2. Большая Советская Энциклопедия: в 51 т. Т. 16: Железо – Земли / под ред. Б. А. Введенского. 2-е изд. М.: Большая сов. энцикл., 1952. 672 с.
3. Нюрнбергский процесс: сборник материалов: в 8 т. / под ред. В. В. Титова. М.: Юрид. лит., 1987. Т. 1. 688 с.
4. Федоров С. И. Центры городов Орла, Курска и Белгорода – комплексные памятники истории и культуры. Очерк историко-архитектурного и художественного развития. Л.: Стройиздат, Ленингр. отд-ние, 1975. 200 с.
5. ГАКО (Гос. арх. Курской обл.). Ф. Р-2868. Оп. 5.
6. ГАКО. Ф. Р-3605. Оп. 1. Д. 228.
7. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 10. Д. 25.
8. ГАКО. Ф. Р-311. Оп. 1. Д. 12.
9. Суровая правда войны 1943–1945 гг. на Курской земле в документах архивов. Ч. III: сб. док. / редкол.: В. Л. Богданов. Курск: ОАО ИПП «Курск», 2007. 880 с.
10. Устинова Л. В. Общественно-политические процессы в российской провинции: 1943–1953 гг. (на примере Курской области): дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2007. 193 с.
11. ГАКО. Ф. Р-121. Оп. 1. Д. 2а.
12. ГАРФ (Гос. арх. Рос. Федерации). Ф. Р-7021. Оп. 29. Д. 972.
13. ГАКО. Ф. Р-5372. Оп. 1. Д. 2.
14. ГАКО. Ф. Р-5048. Оп. 1. Д. 10.
15. Коровин В. В., Лукин А. М. Особенности развития отечественного индустриального строительства во второй половине XX века (на примере застройки юго-западного района города Курска) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2014. № 4. С. 153–159.

Поступила в редакцию 17.05.17

UDC 94(47)

E. N. Butenko, Post-Graduate Student, Kursk State University (Kursk, Russia)
(e-mail: Aristogone @ mail.ru)

ARCHIVAL DOCUMENTS ON MATERIAL DAMAGE BY THE NAZI INVADERS FOR THE REGIONAL CENTERS OF RUSSIA (ON THE EXAMPLE OF KURSK)

The topic addressed by the author is very relevant and promising in the research prospect. The article is devoted to the issue of determining the extent of damage caused by the German-fascist invaders to the Housing and Communal Services of the city of Kursk. Analyzing the data on the material damage caused to the urban economy of the regions that became the arena of hostilities or were subjected to enemy occupation, the author cites data on the enormous destruction and losses, which makes it possible to classify Kursk as one of the most war-stricken cities in the USSR. To confirm this conclusion, the author analyzes in detail the material losses caused by the failure and destruction of the water canalization system, the tram facilities, the central electric power station of Kursk, the communications office. The methodological basis of the study were the principles of historicism, objectivity, systemic nature; the author used general scientific methods such as analysis, generalization. On the basis of a wide range of archival sources, many of which are first introduced into scientific research, the author confirms the conclusion that occupation caused significant damage to the Housing and Communal Services of Russian cities, including the administrative center of the Kursk region. The scientific novelty of the paper is determined not only by the fact that the author introduces a number of unexplored archival materials into scientific circulation, but also by making historical parallels with modern town-planning policies and the system of municipal management.

Key words: housing and communal services, nazi occupation, damage.

For citation: Butenko E. N. Archival documents on material damage by the nazi invaders for the regional centers of Russia (on the example of Kursk), Proceeding of the Southwest State University. Series: History and Law, 2017, vol. 7, n 3(24), pp. 154–158 (in Russ.).

***

References

1. Dyatel E. P., Podylina Eh. F., Golomolzina N. V. Ehkonomicheskaya sushchnost' i formy realizacii zhilishchno-kommunal'nyh uslug: M.: Bibkom, 2012. 144 s.
2. Bol'shaya Sovetskaya Ehnciklopediya: v 51 t. T. 16: Zhelezo – Zemli / pod. red. B. A. Vvedenskogo. 2-e izd. M.: Bol'shaya sov. ehncikl., 1952. 672 s.
3. Nyurnbergskij process: sbornik materialov: v 8 t. / pod red. V. V. Titova. M.: Yurid. lit., 1987. T. 1. 688 s.
4. Fedorov S. I. Centry gorodov Orla, Kurska i Belgoroda – kompleksnye pamyatniki istorii i kul'tury. Ocherk istoriko-arhitekturnogo i hudozhestvennogo razvitiya. L.: Strojizdat, Leningr. otd-nie, 1975. 200 s.
5. GAKO (Gos. arh. Kurskoj obl.). F. R-2868. Op. 5.
6. GAKO. F. R-3605. Op. 1. D. 228.
7. GAKO. F.R-3322. Op. 10. D. 25.
8. GAKO. F. R-311. Op. 1. D. 12.
9. Surovaya pravda vojny 1943–1945 gg. na Kurskoj zemle v dokumentah arhivov. Ch. III: sb. dok. / redkol.: V. L. Bogdanov. Kursk: OAO IPP «Kursk», 2007. 880 s.
10. Ustinova L. V. Obshchestvenno-politicheskie processy v rossijskoj provincii: 1943–1953 gg. (na primere Kurskoj oblasti): dis. ... kand. ist. nauk. Kursk, 2007. 193 s.
11. GAKO. F. R-121. Op. 1. D. 2a.
12. GARF (Gos. arh. Ros. Federacii). F. R-7021. Op. 29. D. 972.
13. GAKO. F. R-5372. Op. 1. D. 2.
14. GAKO. F. R-5048. Op. 1. D. 10.
15. Korovin V. V., Lukin A. M. Osobennosti razvitiya otechestvennogo industrial'nogo stroitel'stva vo vtoroj polovine XX veka (na primere zastrojki yugo-zapadnogo rajona goroda Kurska) // Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo. 2014. N 4. S. 153–159.

УДК 93/94

Е. Л. Леонова, аспирант, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»
(Курск, Россия) (e-mail: ekt550@yandex.ru)

ГРАЖДАНСКО-ПАТРИОТИЧЕСКАЯ РАБОТА СТУДЕНТОВ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ В 1970–80-Е ГОДЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ КОМИТЕТА КОМСОМОЛА КУРСКОГО ГОСМЕДИНИНСТИТУТА)

Важнейшей формой гражданского и героико-патриотического воспитания студенческой молодежи в высших учебных заведениях Курской области в 1970–80-е годы было участие студентов в мероприятиях Всесоюзного похода комсомольцев и молодежи по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа. Курские студенты в рамках Всесоюзного похода и молодые преподаватели участвовали в посещении мест боевой славы Курской области и в целом Советского Союза, организации мотопробегов в города-герои: Волгоград, Одессу, Керчь, Севастополь, Киев, Минск, в уходе курсовыми комсомольскими организациями за памятниками погибшим советским воинам, в проведении шефской работы с ветеранами войны и труда, проживающими в сельской местности. Особую популярность получили встречи молодых студентов с участниками основных сражений Великой Отечественной войны – Московской, Сталинградской, Курской и других битв.

Безусловно, лидером героико-патриотического воспитания студенческой молодежи 15 лет оставалась комсомольская организация Курского государственного медицинского института, отмеченная четырьмя дипломами Центрального штаба Всесоюзного похода. Основным недостатком стало отсутствие преемственности в ходе воспитания лидеров этого движения. По участию студентов курских вузов в гражданско-патриотическом и военно-патриотическом воспитании студентов в 1970–80-е годы современные историки делают вывод о том, что формы воспитательной работы в то время с молодежью были весьма действенными. Они внесли значительный вклад в воспитание будущих специалистов в лучших традициях патриотизма, гражданственности к своей Родине. В данной статье обобщен опыт деятельности штаба поиска комитета ВЛКСМ КГМИ по многолетней организации гражданско-патриотического воспитания студенческой молодежи, достоинства и недостатки различных подходов к организации гражданско-патриотического и военно-патриотического воспитания студентов.

Ключевые слова: гражданско-патриотическое воспитание, студенческая молодежь, штаб поиска, встречи с ветеранами, важнейшие сражения, Великая Отечественная война.

Ссылка для цитирования Леонова Е. Л. Гражданско-патриотическая работа студентов Курской области в 1970–80-е годы (по материалам комитета комсомола Курского госмедицинского института) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2017. Т. 7, № 3(24). С. 159–166.

***

Работе по гражданско-патриотическому и военно-патриотическому воспитанию студентов в 1970–80-е гг. в курских вузах придавалось особое значение. Лидером этого благородного движения студенческой молодежи в 1971–1985 гг. являлась комсомольская организация Курского госмедицинского института. К сожалению, в региональной исторической литературе исследованию этого вопроса уделено недостаточное внимание. Встречаются отдельные публикации курских историков и краеведов, посвященные анализу героико-патриотической работы, проводимой студентами курских вузов (В. В. Корвин, А. Ю. Золотухин, А. Н. Манжосов и др.) [1, с. 16–27; 2; 3; 4].

В современных условиях развязанной информационной войны эта тема представляется актуальной, особенно на примерах обобщения передового опыта работы ветеранских и комсомольских организаций в начале 1970-х – середине 1980-х гг.

С ноября 1972 г. в Курском государственном медицинском институте активно действовал студенческий штаб поиска «Дорогами отцов – героев», которым руководил студент лечебного факультета Александр Манжосов. Основными направлениями деятельности штаба стали: 1) руководство курсовыми комсомольскими организациями по сбору и систе-

материалов о выпускниках института 1940–1941 гг., погибших на фронтах Великой Отечественной войны; 2) подготовка новых экспозиций для создания музея боевой и трудовой славы института (был открыт 15 мая 1975 г.); [5; 6]; 3) подготовка материалов для специальных выпусков газеты «Медик», освещение в них участия сотрудников КГМИ в важнейших битвах Великой Отечественной войны – Московской, Сталинградской, Курской, в освобождении Украины, Белоруссии, Прибалтики, Венгрии, Чехословакии, взятии Берлина.

В 1971–1973 гг. в газете «Медик» были опубликованы воспоминания ветеранов войны А. В. Булгакова, Е. В. Бушева, П. В. Козупицы, В. В. Иванова об их участии в героической обороне Москвы в 1941–1942 гг., а также Н. Ф. Крутько, Н. А. Камышева, А. М. Плешкова, В. Ф. Хлопуновского о проявленном героизме в сражениях на берегах Волги в 1942–1943 гг. [7]

10 октября 1975 г. XXI отчетно-выборная комсомольская конференция КГМИ приняла постановление, указывавшее на необходимость сбора документов и материалов для открывшегося музея боевой и трудовой славы института, на активизацию поисковой работы о выпускниках и сотрудниках института – участниках Великой Отечественной войны» [8]. Для выполнения поставленных многочисленных задач была необходима реорганизация штаба поиска комитета ВЛКСМ. Штаб, сформированный осенью 1972 г., уже не мог руководить всеми аспектами военно-патриотической работы. Например, некоторые члены штаба закончили институт и трудились за пределами Курской области (командир ССО «Медик» Ю. В. Воробьев, секретарь бюро фармацевтического факультета Т. И. Ковалева и др.).

3 декабря 1975 г. комитет ВЛКСМ утвердил новый состав штаба Похода. В него входили 9 человек: член Курского обкома ВЛКСМ – начальник штаба А. Н. Манжосов, студенты 5-го курса лечебного факультета: М. А. Кожухов, Н. Н. Рожкова; 2-го курса – В. Б. Кашеваров; студенты фармацевтического факультета: С. Н. Мануйлов, Ю. С. Беланов и др. [9] Комитет ВЛКСМ КГМИ утвердил план работы штаба поиска и мероприятия по участию вузовского комсомола в VIII этапе Всесоюзного похода (1976–1977 гг.). Было предусмотрено проведение разнообразных конкурсов на лучшее освещение Похода в стенной печати, на лучший памятник, построенный на общественных началах, лучшую военно-патриотическую песню, исполняемую студентами. Предусматривалось проведение традиционных студенческих мотопробегов по местам боевой славы советского народа, публикация материалов поисковой работы в газете «Медик» под рубрикой «Их выпускам 45 лет». Были организованы военно-спортивные соревнования на приз выпускника института 1940 года – майора медицинской службы В. И. Новикова, погибшего 20 декабря 1943 г. в Гомельской области [10].

Деятельность курсовых комсомольских организаций КГМИ по военно-патриотическому воспитанию постоянно требовала совершенствования форм и методов в руководстве Походом, поэтому 30 августа 1976 г. комитет комсомола КГМИ принял новое положение о штабе Всесоюзного похода по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа [11, л. 32–33].

На заседании комитета комсомола 29 сентября 1976 г. была обсуждена информация заместителя секретаря комитета А. Н. Манжосова «Об участии в VIII этапе Всесоюзного похода по местам боевой славы», был утвержден новый

состав институтского штаба Похода (8 чел.). Начальником штаба стал студент 3 курса фармацевтического факультета С. Н. Мануйлов. Была разработана оптимальная система подведения итогов соревнования на лучшую постановку военно-патриотической работы на курсах, посвященных 50-летию Всесоюзного общества ДОСААФ (май 1977 г.). Победителей соревнования планировали награждать переходящим Почетным знаком, грамотой комитета комсомола и ДОСААФ института. Подчеркнем, что принятое комитетом ВЛКСМ постановление способствовало укреплению связи комсомольских и первичных оборонных организаций, активизации героико-патриотической работы, участию студентов в экспедиции «Моя Родина – СССР» [11, л. 39–43].

30 июля 1976 г. бюро Ленинского РК ВЛКСМ гор. Курска заслушало вопрос «Об опыте работы комитета ВЛКСМ медицинского института по участию во Всесоюзном походе по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа» [12, л. 65–66, 75–76]. Члены бюро райкома комсомола отмечали значительную организаторскую работу, проводимую комитетом комсомола мединститута, штабом Всесоюзного похода по активизации героико-патриотического воспитания студенческой молодежи. Военно-патриотическое воспитание студентов в институте тогда проводилось по трем направлениям: 1) пропаганда ленинского учения о советском патриотизме; 2) изучение героической истории Вооруженных сил СССР; 3) военно-техническая подготовка молодежи.

Бюро Ленинского РК ВЛКСМ проанализировало передовые формы организаторской деятельности комитета комсомола штаба Всесоюзного похода КГМИ по поиску документов и материалов погибших выпускников института, а также

военно-патриотической работы в строительных отрядах. К числу недостатков в работе комитета ВЛКСМ и его штаба были отнесены: формальное шефство над ветеранами войны, слабое участие студентов в экспедиции «Моя Родина – СССР», недостаточное развитие технической базы участников Всесоюзного похода [1, с. 85].

Постановлением бюро Ленинского РК комсомола от 30 июля 1976 г. рекомендовалось комсомольским организациям курских вузов «активнее участвовать в туристических походах, экскурсиях по местам, связанным с ратными и трудовыми подвигами советских людей, совершенствовать формы оборонно-массовой работы, использовать музеи для проведения воспитательной работы среди студентов, проявлять внимание к ветеранам войны и труда, семьям погибших воинов» [12, л. 86].

21 декабря 1976 г. комитет ВЛКСМ КГМИ на своем заседании обсудил информацию начальника штаба С. Н. Мануйлова о ходе выполнения постановления бюро Ленинского РК ВЛКСМ и наметил меры по усилению основных направлений героико-патриотической работы [13].

18 мая 1977 г. в медицинском институте было проведено собрание комсомольского актива со следующей повесткой дня «О работе комсомольской организации института по воспитанию комсомольцев на революционных, боевых и трудовых традициях советского народа. О подведении итогов соревнования на лучшую постановку военно-патриотической работы в курсовых организациях в честь 50-летия ДОСААФ СССР» [14, л. 3].

С основным докладом на активе выступил заместитель секретаря комитета комсомола А. Н. Манжосов. Он отметил, что большинство студентов института

участвовало во Всесоюзном походе. В числе лидеров назывались комсомольские организации 2-го и 5-го курсов лечебного факультета (комсорги В. Н. Курбатов и С. Е. Костин). В своем выступлении бывший секретарь курсовой организации ВЛКСМ Е. П. Борзилов высказал интересную мысль: «Мне хотелось бы обратиться к комсомольцам первых курсов, только начинающих учебу в институте: не подумайте, что уже все исследовано до вас. Военно-патриотическая работа содержит неисчерпаемые возможности для воспитания молодого поколения» [14, л. 9].

18 ноября 1977 г. на XXII отчетно-выборной комсомольской конференции КГМИ состоялся взыскательный диалог по проблемам совершенствования гражданско-патриотического воспитания студенческой молодежи института. В докладе секретаря комитета ВЛКСМ А. М. Чухраева, выступлениях комсомольских активистов (А. Н. Манжосова, командира ССО «Медик» А. А. Якубовича, секретаря бюро лечебного факультета Б. В. Стекачева, комсорга 6-го курса лечебного факультета В. Н. Курбатова, председателя комитета ДОСААФ полковника Н. Г. Преснякова) отмечалась большая работа, проводимая комитетом комсомола института и курсовыми организациями по героико-патриотическому воспитанию молодежи.

Например, 7–9 мая 1977 г. была организована традиционная встреча ветеранов 62-го отдельного НовоСокольнического дивизиона бронепоездов, сформированного в 1942 г. на курской земле. Ее гостями стали более 30 ветеранов дивизиона, приехавших в Курск из 19 городов и населенных пунктов СССР [15].

Летом 1977 г. первое место по итогам героико-патриотической работы заняла комсомольская организация 6-го курса лечебного факультета. 6 студентам

этого курса было предоставлено право поездки в город-герой Новороссийск. В 1972–1977 гг. комсомольская организация института была отмечена тремя дипломами Центрального штаба Всесоюзного похода, Почетной грамотой ЦК ДОСААФ СССР, вымпелом и другими наградами Советского комитета ветеранов войны (СКВВ). Более 25 студентов и молодых ординаторов – активных участников поисковой работы (Ю. Н. Сергеев, И. М. Кизлова, Н. К. Данчин, Г. Е. Передельский, Т. Ф. Сапожник и др.) были отмечены значками СКВВ «Подвиги героев будь достоин».

На комсомольской конференции мединститута также подчеркивалось, что «нельзя не заметить промахов, которые снижают эффективность мероприятий». Многие формы морально-политической закалки молодежи не подкреплялись получением военно-технических навыков. Недостаточно высок оставался процент студентов – участников военно-технических кружков, была слабой связь курсовых комсомольских бюро с первичными организациями ДОСААФ. Курсовые комсомольские бюро редко заслушивали вопросы военно-патриотического воспитания молодежи. Штаб поиска комитета ВЛКСМ так и не стал настоящим организующим центром [17].

В рамках IX этапа Всесоюзного похода, посвященного 60-летию Советской армии и ВЛКСМ (1977–1980 гг.), работать предстояло новому штабу поиска. Его состав был утвержден 29 ноября 1977 г. на заседании комитета ВЛКСМ КГМИ. Начальником штаба поиска стал студент 4-го курса лечебного факультета В. М. Шелудченко, удостоенный комитетом комсомола права сфотографироваться на крейсере «Аврора» в Ленинграде [2, с. 176–177; 18].

В 1977–1980 гг. комитет комсомола КГМИ проводил много патриотических

акций: посещение памятников боевой славы, расположенных на территории Курской области (операция «Звезды на обелисках»), организовывал массовые лыжные пробеги по местам боев на Курской дуге. Гостями этих встреч стали более 60 ветеранов, проживавших в 39 городах и населенных пунктах СССР [2, с. 188–189; 19].

В мае 1978 и мае 1980 гг. при активной поддержке поисковых групп были проведены еще две традиционные встречи ветеранов 62-го особого Новоскольного дивизиона бронепоездов.

В 1981–1983 гг. продолжилась операция «Звезды на обелисках» (студенты мединститута посетили около 30 памятников и обелисков в 22 районах области). В феврале 1981 г. был организован лыжный пробег студентов лечебного факультета по маршруту боев бронепоездов № 14 и № 15 от Курска до ст. Мармыжи [20]. В газете «Медик» было опубликовано 27 материалов по проблемам гражданско-патриотического воспитания.

На X слете победителей Всесоюзного похода комсомольцев и молодежи по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа, проводившемся в сентябре 1982 г. в Ереване, комсомольская организация Курского медицинского института была награждена четвертым дипломом Центрального штаба Похода [21; 22].

25 июня 1983 г. комсомольская организация медицинского института встречала гостей и участников Всесоюзной экспедиции «Летопись Великой Отечественной», проводившейся в Курске по инициативе ЦК ВЛКСМ и посвященной 40-летию Курской битвы [23]. Штаб поиска, возглавляемый студентом 5-го курса лечфака С. А. Фоминым, организовал для гостей пресс-конференцию, показ документального фильма о встрече ветеранов 62-го отдельного Новоскольного

дивизиона бронепоездов в Курске в мае 1978 г. Был подготовлен специальный номер газеты «Медик» с воспоминаниями ветеранов института и материалами активистов поисковой работы [24; 25; 26].

К сожалению, подготовка к 40-летию Курской битвы стала «звездным часом» в деятельности штаба поиска комитета ВЛКСМ мединститута. С осени 1983 г. штаб постепенно стал утрачивать свои важнейшие организаторские функции. Сказывался уход из института организаторов героико-патриотической работы: ассистентов А. Н. Манжосова и Ю. Н. Сергеева; студентов В. М. Ворониной, В. А. Дмитриева, С. А. Фомина, ослабление внимания со стороны комитета комсомола, факультетских и курсовых бюро к основным проблемам гражданско-патриотического воспитания студенческой молодежи [1, с. 88].

Общественно значимые мероприятия, практикуемые ранее с успехом в мединституте, постепенно стали приобретать формальный характер. В качестве примера приводим строчки из отчета сектора спортивно-оборонной работы 2-го курса лечебного факультета (отв. – В. Г. Савенков) о выполненной работе за 1984 г.: «Проведена подготовительная работа к лыжному походу. Записалось 50 человек. Поход сорвался из-за нежелания кафедры выдать лыжи» [27].

31 октября 1984 г. на XXV отчетно-выборной конференции ВЛКСМ секретарь комитета комсомола мединститута В. В. Марфутенко указывал: «Мала заслуга в героико-патриотической работе члена комитета ВЛКСМ Е. Легкодымовой. В последнее время она самоустранилась от дел. Ведь она – начальник штаба поиска. И результат не замедлил сказаться. Так, на встрече с ветеранами войны 9 мая 1984 г. практически не было студентов. Встречи состоялись в группах, а в

аудиторию, где собрались ветераны, пришли лишь единицы» [28, л. 12].

В выступлении заместителя секретаря парткома Г. А. Сидорова было подчеркнуто, что «снизила активность группа поиска во главе с Е. Легкодымовой. Мы стоим перед 40-летием Великой Победы. Все ли сделал вузовский комсомол для того, чтобы ветераны прочувствовали заботу и участие молодых?» [Там же, л. 38].

После 40-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне (май 1985 г.) штаб поиска мединститута прекратил свою деятельность. Это весьма негативно отразилось на эффективности процессов героико-патриотического воспитания студенческой молодежи института.

Анализ материалов, представленных в статье, позволяет сделать следующие выводы:

1. В рамках участия студентов высших учебных заведений гор. Курска в военно-патриотической работе использовались различные формы: походы и поездки по местам боевой славы, шефство над ветеранами войны и труда, организация встреч с ветеранами – участниками важнейших битв Великой Отечественной войны, сбор материалов о выпускниках КГПИ и КГМИ, погибших в период войны.

2. В мероприятиях Всесоюзного похода важное значение имела подготовка и неустанное воспитание лидеров этого движения. Областной и городской комитеты ВЛКСМ, областной и районный штабы Всесоюзного похода, Курская секция Советского комитета ветеранов войны (СКВВ) внимательно следили за деятельностью организаторов героико-патриотической работы, отмечали их наградами ЦК ВЛКСМ, Центрального штаба Всесоюзного похода и Советского комитета ветеранов войны. В 1975–1985 гг. более 180 курских студентов и

преподавателей были отмечены разнообразными наградами за их участие в героико-патриотической работе.

3. К числу недостатков работы, отмечавшихся в исследуемый период в вузах Курской области, необходимо отнести малочисленность групп, отрядов, совершавших поездки по местам боевой славы, не самое активное участие курских студентов в мероприятиях Всесоюзной экспедиции «Моя Родина – СССР», а также недостаточную постановку героико-патриотической работы в курсовых и первичных (групповых) комсомольских организациях.

Список литературы

1. Коровин В. В., Манжосов А. Н., Золотухин А. Ю. Путеводная звезда памяти (Деятельность общественных организаций Курской области по гражданско-патриотическому воспитанию молодежи в 50–90-е гг. XX столетия): в 2-х ч. Ч. 2. Курск, 2009.

2. Память, ты для сердца свята... Деятельность комсомольских и молодежных организаций Курской области по героико-патриотическому воспитанию в 50–90-е годы XX века / сост.: А. Н. Манжосов (отв. ред.) [и др.]; редкол. В. Л. Богданов [и др.]. Курск: ГАОПИ Курской обл., 2008. 398 с.

3. Манжосов А. Н., Золотухин А. Ю. Гражданско-патриотическое воспитание студенческой молодежи в 60–80-е годы XX века (по материалам высших учебных заведений Курска) // Вестник истории и философии Курского государственного университета. 2009. № 4. С. 32–42.

4. Золотухин А. Ю., Коровин В. В., Манжосов А. Н. Эта память всей земле нужна... Курск, 2014. 124 с.

5. Медик. 1975. 18 мая.

6. ГАОПИКО (Гос. арх. обществ.-полит. ист. Курской обл.). Ф. П-52. Оп. 1. Д. 103. Л. 10; Ф. П-85. Оп. 1. Д. 14. Л. 76.

7. Медик. 1971. 5 дек.; 1972. 12 нояб.; 1973. 9 мая.
8. ГАОПИКО. Ф. П-52. Оп. 1. Д. 99. Л. 58-59.
9. ГАОПИКО. Ф. П-52. Оп. 1. Д. 101. Л. 69, Д. 103. Л. 1
10. ГАОПИКО. Ф. П-52. Оп. 1. Д. 101. Л. 66-68; Д. 103. Л. 2-4.
11. ГАОПИКО. Ф. П-52. Оп. 1. Д. 120.
12. ГАОПИКО. Ф. П-85. Оп. 14. Д. 9.
13. ГАОПИКО. Ф. П-52. Оп. 1. Д. 121. Л. 87-88.
14. ГАОПИКО. Ф. П-52. Оп. 1. Д. 133.
15. ГАОПИКО. Ф. П-52. Оп. 1. Д. 139. Л. 48; Д. 144. Л. 3,9.
16. Курская правда. 1977. 12 мая.
17. ГАОПИКО. Ф. П-52. Оп. 1. Д. 139. Л. 48-49.
18. ГАОПИКО. Ф. П-52. Оп. 1. Д. 142. Л. 33-34.
19. Медик. 1978. 8 мая; 1980. 5, 21 мая.
20. РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 66. Д. 584. Л. 120-126, 132.
21. РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 66. Д. 480. Л. 1-2.
22. Курская правда. 1982. 3 окт.
23. ГАОПИКО. Ф. П-131. Оп. 13. Д. 57. Л. 174-181; Оп. 14. Д. 1. Л. 22
24. ГАОПИКО. Ф. П-52. Оп. 1. Д. 277. Л. 12-14; Ф. П-131. Оп. 15. Д. 43. Л. 17.
25. Курская правда. 1983. 24 июня.
26. Медик. 1983. 25 июня.
27. ГАОПИКО. Ф. П-52. Оп. 1. Д. 315. Л. 15.
28. ГАОПИКО. Ф. П-52. Оп. 1. Д. 288.

Поступила в редакцию 24.05.17

UDC 93/94

E. L. Leonova, Post-Graduate Student, Southwest State University (Kursk, Russia)
(e-mail: ekt550@yandex.ru)

**CIVIL-PATRIOTIC WORK OF STUDENTS OF THE KURSK REGION IN THE 1970S–1980S
(BASED ON THE MATERIALS OF THE KOMSOMOL COMMITTEE OF THE KURSK STATE
MEDICAL INSTITUTE)**

The most important form of civic and heroic-patriotic education of student youth in the higher educational institutions of the Kursk region in the 1970s and 1980s was the participation of students in the activities of the All-Union campaign of Komsomol members and youth in the places of revolutionary, combat and labor glory of the Soviet people. Kursk students and young teachers as the part of the All-Union campaign participated in visits to the places of military glory of the Kursk region and the whole of the Soviet Union, the organization of motocross in the Hero-City: Volgograd, Odessa, Kerch, Sevastopol, Kiev, Minsk, in the care of coursework Komsomol organizations over monuments to the deceased Soviet soldiers, in carrying out patronage work with veterans of war and labor, living in rural areas. Particularly popular were meetings of young students with participants in the main battles of the Great Patriotic War - the Moscow, Stalingrad, Kursk and other battles.

Undoubtedly, Komsomol organization of the Kursk State Medical Institute remained the leader of the heroic and patriotic upbringing of student youth in the 15 years of 1971-1985., marked by four diplomas of the Central Staff of the All-Union campaign. The main drawback was the lack of continuity in the education of the leaders of this movement. According to the participation of students of Kursk universities in the civil-patriotic and military-patriotic education of students in the 1970s-1980s, modern historians conclude that the forms of educational work at that time with the youth were very effective. They made a significant contribution to the upbringing of future specialists in the best traditions of patriotism and civic-mindedness towards their homeland. This article summarizes the experience of the headquarters of the Komsomol Committee of the Komsomol for the long-term organization of civic-patriotic education of students, the advantages and disadvantages of various approaches to the organization of civil patriotic and military-patriotic education of students.

Key words: *civil-patriotic education, student youth, search headquarters, meetings with veterans, most important battles, Great Patriotic War.*

For citation: Leonova E. L. Civil-patriotic work of students of the Kursk region in the 1970–80s (based on the materials of the Komsomol Committee of the Kursk State Medical Institute), Proceeding of the Southwest State University. Series: History and Law, 2017, vol. 7, n 3(24), pp. 159–166 (in Russ.).

***

References

1. Korovin V. V., Manzhosov A. N., Zolotuhin A. Yu. Putevodnaya zvezda pamyati (Deyatel'nost' obshchestvennyh organizacij Kurskoj oblasti po grazhdansko-patrioticheskomu vospitaniyu molodezhi v 50–90-e gg. XX stoletiya): v 2-h ch. Ch. 2. Kursk, 2009.
2. Pamyat', ty dlya serdca svyata... Deyatel'nost' komsomol'skih i molodezhnyh organizacij Kurskoj oblasti po geroiko-patrioticheskomu vospitaniyu v 50–90-e goda XX veka / sost.: A. N. Manzhosov (otv. red.), [I dr.]; redkol.: V. L. Bogdanov [I dr.]. Kursk: GAOPT Kurskoi obl. 2008. 398 s.
3. Manzhosov A. N., Zolotuhin A. Yu. Grazhdansko-patrioticheskoe vospitanie studencheskoj molodezhi v 60–80-e gody XX veka (po materialam vysshih uchebnyh zavedenij Kurska) // Vestnik istorii i filosofii Kurskogo gosudarstvennogo universiteta. 2009. N 4. S. 32–42.
4. Zolotuhin A. Yu., Korovin V. V., Manzhosov A. N. Ehta pamyat' vsej zemle nuzhna... Kursk, 2014. 124 s.
5. Medik. 1975. 18 maya.
6. GAOPIKO (Gos. arh. obshchestv.-polit. ist. Kurskoj obl.). F. P-52. Op. 1. D. 103. L. 10; F. P-85. Op. 1. D. 14. L. 76.
7. Medik. 1971. 5 dek.; 1972. 12 noyab.; 1973. 9 maya.
8. GAOPIKO. F. P-52. Op. 1. D. 99. L. 58–59.
9. GAOPIKO. F. P-52. Op. 1. D. 101. L. 69; D. 103. L. 1
10. GAOPIKO. F. P-52. Op. 1. D. 101. L. 66–68; D. 103. L. 2–4.
11. GAOPIKO. F. P-52. Op. 1. D. 120.
12. GAOPIKO. F. P-85. Op. 14. D. 9.
13. GAOPIKO. F. P-52. Op. 1. D. 121. L. 87–88.
14. GAOPIKO. F. P-52. Op. 1. D. 133.
15. GAOPIKO. F. P-52. Op. 1. D. 139. L. 48; D. 144. L. 3, 9.
16. Kurskaya pravda. 1977. 12 maya.
17. GAOPIKO. F. P-52. Op. 1. D. 139. L. 48–49.
18. GAOPIKO. F. P-52. Op. 1. D. 142. L. 33–34.
19. Medik. 1978. 8 maya; 1980. 5, 21 maya.
20. RGASPI. F. M-1. Op. 66. D. 584. L. 120–126, 132.
21. RGASPI. F. M-1. Op. 66. D. 480. L. 1–2.
22. Kurskaya pravda. 1982. 3 okt.
23. GAOPIKO. F. P-131. Op. 13. D. 57. L. 174–181; Op. 14. D. 1. L. 22.
24. GAOPIKO. F. P-52. Op. 1. D. 277. L. 12–14; F. P-131. Op. 15. D. 43. L. 17.
25. Kurskaya pravda. 1983. 24 iyunya.
26. Medik. 1983. 25 iyunya.
27. GAOPIKO. F. P-52. Op. 1. D. 315. L. 15.
28. GAOPIKO. F. P-52. Op. 1. D. 288.

УДК 621.311(1-22)(470.323)''1946/1950''

Е. П. Жигулин, аспирант, ФГБОУ ВО «Курский государственный медицинский университет» (Курск, Россия) (e-mail: E.Zhigulin_1987@mail.ru)

РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКОЙ ЭЛЕКТРИФИКАЦИИ В ГОДЫ ПОСЛЕВОЕННОГО ВОССТАНОВЛЕНИЯ СССР (ПО МАТЕРИАЛАМ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ)

В статье рассмотрена проблема развития сельской электрификации в Курской области во второй половине 1940-х гг. как одного из ключевых направлений развития электроэнергетики региона.

Во вступлении отражена актуальность проблематики и основная историография по ней в рамках Курского региона. Нижняя граница рассматриваемого периода обусловлена 1946 г. как началом выполнения первого послевоенного пятилетнего плана экономического развития СССР. Курская область входила в число регионов, наиболее серьезно пострадавших в Великой Отечественной войне, а в области электроэнергетики региона ситуация оставалась требующей серьезного внимания. В полной мере процесс реконструкции электроэнергетического хозяйства Курской области развернулся уже в ходе реализации 4-го пятилетнего плана (1946–1950 гг.), в котором советским правительством уделялось значительное внимание развитию электрификации для повышения производительности труда в колхозном хозяйстве и более широкого внедрения ее в сельскую жизнь. Данный процесс нашел широкое отражение на страницах газеты «Курская правда». Это и публикации общесоюзного характера (конечно, не без доли идеологии и коммунистической пропаганды), и заметки, описывающие состояние электрификации по региону в целом, как с точки зрения его потенциальных возможностей, так и практической реализации плановых заданий в указанной сфере. В ряде статей показана роль областных и районных партийных органов в широком развертывании дела электрификации села, а также критика деятельности областной конторы «Сельэлектро» и ее районных отделений, как со стороны председателей колхозов, так и со стороны местных партийных органов, корреспондентов газеты. Но самый значительный объем публикаций о развитии сельской электрификации связан со строительством колхозных электростанций, а также использованием электричества на МТС и в производственных процессах, не говоря уже об освещении и радиовещании.

Верхняя граница проведенного исследования связана с 1950 г. и окончанием IV пятилетнего плана экономического развития СССР.

Ключевые слова: «Курская правда», электрификация, сетевое строительство, малые гидроэлектростанции, «Сельэлектро», электропривод, электромолотьяба, электрическое освещение.

Ссылка для цитирования: Жигулин Е. П. Развитие сельской электрификации в годы послевоенного восстановления СССР (по материалам Курской области) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2017. Т. 7, №3(24). С. 167–177.

***

Курская область входила в число регионов, серьезно пострадавших в Великой Отечественной войне [1]. За период с ноября 1941 г. по сентябрь 1943 г. материальный ущерб, причиненный региону, только в денежном выражении исчислялся в 27 млрд руб. (в ценах 1940 г.). И хотя восстановление началось уже осенью 1943 г., к моменту его окончания по ряду отраслей были достигнуты значительные успехи, но в сфере электроэнергетики ситуация требовала серьезного внимания. В полной мере процесс реконструкции электроэнергетического хозяйства Курской области развернулся в ходе реализации 4-го пятилетнего плана (1946–1950 гг.), в котором советским прави-

тельством уделялось и значительное внимание развитию электрификации для повышения производительности труда в колхозном хозяйстве и более широком внедрении ее в сельскую жизнь.

Историография по проблематике сельской электрификации в рамках послевоенного восстановления страны представлена рядом публикаций как советского, так и постсоветского периода. В советский период особенно много публикаций появилось в 1940–50-х гг. Авторами исследований стали специалисты-энергетики: Н. А. Караулов [2]; И. А. Будзко, Л. Е. Эбин [3]; Г. К. Сулопаров [4]; А. А. Краснов [5]; А. Г. Захарин [6; 7];

М. И. Гитман [8]; Н. А. Сазонов [9; 10]; С. В. Щуров [11]; Л. Я. Цивьян [12] и др.

К числу постсоветских исследований, затронувших процесс сельской электрификации в первое послевоенное пятилетие, можно отнести публикации Н. Ф. Молоносова [13], Д. С. Стребкова, А. В. Тихомирова [14].

Основной источниковой базой стали публикации материалов в региональной периодической печати, в частности в газете «Курская правда».

За период с 1946 по 1950 г. на ее страницах было опубликовано значительное количество информации относительно процесса сельской электрификации, как по СССР, так и по Курскому региону, которые, в целом, можно дифференцировать согласно их тематике и содержанию на ряд групп.

К первой группе относились публикации общесоюзного характера, в которых для жителей области достаточно простым и доступным языком (конечно, не без доли идеологии и коммунистической пропаганды) разъяснялись основные директивы, принятые ЦК ВКП(б) и советским правительством по вопросам развития электрификации, в том числе и сельской.

Так, достаточно часто на страницах «Курской правды» публиковались материалы относительно широко развернувшейся по всей стране массовой электрификации, особенно позиционировалось сооружение так называемых МГЭС (малых гидроэлектростанций) [15]. Отметим, что в ходе этой деятельности колхозам, совхозам, МТС, различным районным организациям часто приходилось самостоятельно разрешать технические вопросы, связанные с выбором места, определением мощности станций, проектно-изыскательными работами, выбором оборудования и т. д.

В пятилетнем плане 1946–1950 гг. главной целью стало восстановление экономики СССР и, по возможности,

опережение довоенного уровня развития. Значимое место было отведено электрификации – восстановлению разрушенного энергохозяйства и введению в эксплуатацию новых электростанций с освоением новых мощностей. «...В области электрификации – форсировать восстановление и строительство электростанций, при росте их мощностей электростанций с опережением восстановления и развития других отраслей; восстановить электростанции в районах, подвергавшихся оккупации; развернуть работы по восстановлению и строительству гидроэлектростанций местного назначения, используя существующие плотины; ввести в действие по малым гидроэлектростанциям мощности на 1000 тыс. кВт; наряду с дальнейшей электрификацией промышленности усилить электрификацию железнодорожного транспорта и сельского хозяйства; обеспечить массовое строительство в сельских местностях небольших гидроэлектростанций, ветростанций и тепловых электростанций с локомобильными и газогенераторными двигателями...» [16]. «...Совнарком СССР принял постановление о развитии сельской электрификации со строительством мелких тепловых и малых гидроэлектростанций, проектно-изыскательных работ, производства турбин и оборудования для сельских силовых установок, присоединение сельских местностей к сети существующих электростанций, причем электроустановки, построенные силами колхозников и обслуживающие отдельные колхозы, стали собственностью этих колхозов; строительство межколхозных и колхозных электроустановок, отдающих часть электроэнергии государственным предприятиям, производится за счет трудовых вложений и средств колхозов и государственных предприятий разделялось пропорционально их участию в использовании электроэнергии» [Там же].

Вторая группа материалов описывала состояние электрификации по региону

в целом, как с точки зрения ее потенциальных возможностей, так и практической реализации плановых заданий в указанной сфере.

Так, в статье «Закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг.», опубликованной в областной газете 22 марта 1946 г., рассматривались основные перспективы развития электроэнергетики Курской области: «...Новый сталинский пятилетний план выдвигает огромные задачи дальнейшего развития электрификации колхозов, МТС и совхозов, строительства малых гидроэлектростанций, тепловых электростанций с локомотивными и газогенераторными двигателями на местном топливе. Только в нашей области запланировано двести плотин со строительством на их базе гидроэлектростанций общей мощностью 4 тыс. кВт, на больших реках области будут сооружены гидроэлектростанции общей мощностью около 5 тыс. кВт» [17]. В публикации за 12 января 1947 г. «Электричество на село» указывались основные препятствия, существенно замедлявшие темпы сельской электрификации, такие как: «...планирование и строительство гидроэлектростанций кустарным способом; ...неизученность энергетических ресурсов районов; ...отсутствие конкретного плана электрификации, дефицитность оборудования, а также неиспользование возможности строительства МГЭС на месте существовавших колхозных мельниц и пользование излишками электроэнергии городских и промышленных электростанций...» [18].

Третья группа охватывала материалы, в которых описывалась роль областных и районных партийных органов в широком развертывании электрификации села. Так, в статье от 8 июля 1947 г. отмечалось, что еще 16 апреля исполком облсовета принял решение о мероприятиях по электрификации сельского хозяйства области с введением в эксплуата-

цию 10 гидроэлектростанций и 7 теплоцентралей, а также развертывании подготовки к строительству других станций, запланированному на 1948 год. Выполнение этих решений возложили на областную контору «Сельэлектро», управление по делам сельского и колхозного строительства, управление промкооперации и другие организации [19].

В развитии сельской электрификации отмечалась роль местных органов власти. Их малоэффективная деятельность в решении этих вопросов критически оценивалась на страницах «Курской правды». Так, за небольшой период после освобождения области было построено и введено в действие 37 колхозных гидроэлектростанций мощностью 935 кВт и 16 тепловых станций мощностью 255 кВт (всего 1190 кВт). В отношении электрификации колхозов ситуация оставалась напряженной: из 4977 хозяйств удалось электрифицировать лишь 68 (около 1%), что выводило область в число отстающих по электрификации сельского хозяйства. В 1947 г. из 55 гидроэлектростанций было сдано в эксплуатацию всего 15. План оказался выполнен на 27%, а по мощности – на 32%. Несколько лучше происходило строительство тепловых станций, хотя и по ним план был невыполнен. Особенно низкими темпами шло строительство в Щигровском, Корочанском, Ивнянском, Фатежском, Беленихинском, Пристенском и в ряде других районов.

Такое положение объяснялось не только исключительно безответственным отношением к электрификации колхозов со стороны областной конторы «Главсельэлектро», но и руководителей ряда райисполкомов. Из-за неповоротливости со стороны райисполкомов, прежде всего Золотухинского, Беленихинского, Фатежского и ряда других, лесоматериал для строительства местных электростанций не был полностью заготовлен.

Слабо использовалась и возможность электрифицировать ряд колхозов за

счет использования излишков электроэнергии городских и заводских станций и станций железнодорожного транспорта, но местные горсоветы, райисполкомы и руководители предприятий и транспорта оставили данную инициативу без внимания.

В 1948 г. темпы электрификации сельского хозяйства были значительно увеличены – планировалось построить и сдать в эксплуатацию 116 колхозных гидростанций мощностью 4100 кВт, а 43 колхоза – электрифицировать за счет использования излишков электроэнергии существовавших станций.

Основное внимание сосредоточивалось на строительстве гидроэлектростанций, дававших самую дешевую электроэнергию, а там, где не было рек или водоемов, широко разворачивалось строительство электростанций, работающих на местном топливе, в частности на торфе, особенно в таких районах, как Хомутовский, Львовский, Поныровский и т. д.

Около 20 тыс. кВт электроэнергии могли предоставить для электрификации сельского хозяйства электростанции городов, промышленности, транспорта, которые, по словам редакции, были загружены наполовину. Неоднократно ставился вопрос о том, чтобы коллективы городских и промышленных электростанций взяли шефство над колхозами и помогли им.

«...Исполкомы местных Советов должны постоянно проверять, как выполняется план, своевременно искореняя недостатки. Оказание помощи колхозам возлагается на комсомольские организации. К строительству электростанций должны быть привлечены все колхозники, электрификация колхозных сел должна стать действительным всенародным делом...» [20].

Публикации четвертой группы представляют собой критические материалы о деятельности областной конторы «Сельэлектро» и ее районных отделений, как со

стороны председателей колхозов, так и со стороны местных партийных органов, корреспондентов газеты.

Так, в статье от 8 июля 1947 г. деятельность конторы подвергалась серьезной критике: «...Начался уже III квартал, но пока закончено строительство только двух станций и на 4 ведутся работы. В совхозах не строится ни одна гидроустановка на предусмотренных планом, а в МТС завершаются работы на 2 станциях из 7. Таким образом, выполнение решения облисполкома сорвано, наиболее благоприятные сроки для развертывания работ упускаются. Областная контора «Сельэлектро» еще до 1 мая должна была заключить договоры на строительство 27 электростанций, но пока же заключено три договора, причем работники «Сельэлектро» ссылались на то, что они не могут приступить к работам, якобы потому, что у колхозов нет средств для постройки электростанций. Однако Сельхозбанк смог выделить артелям средства для строительства электростанций в Дмитриевском, Уразовском, Ястребовском и других районах. Аппарат «Сельэлектро» работал вяло, наблюдалось затягивание с оформлением договоров с предприятиями на изготовление оборудования для электростанций...» [Там же].

Аналогичный тон задавала публикация от 10 сентября того же года: «Колхозники сельскохозяйственной артели «Октябрьский луч» Уразовского района в прошлом году решили электрифицировать свой колхоз и сразу приступили к делу. Договор на строительство заключили с Курской конторой «Сельэлектро», однако последняя, получив 21 тыс. руб. за проект, долго о себе не напоминала. В мае 1947 г. из «Сельэлектро» было получено распоряжение о перечислении аванса в счет строительства 28 тыс. руб. Колхоз перечислил деньги, но строительство электростанции до сих пор не начато» [21].

Неудовлетворительный ход сельской электрификации освещала статья от 25 марта 1948 г.: «...Всю работу по электрификации сел в нашей области проводит Курская областная контора “Сельэлектро”, располагающая большими возможностями – вместе с работниками межрайонных контор насчитывается около 250 специалистов, да и правительство оказывает сельским электрификаторам неустанную помощь. В течение 1947 г. построили 10 колхозных гидроэлектростанций, 37 тепловых электростанций, но прошлогодние успехи вскружили головы руководителям “Сельэлектро”, которые не закрепили достигнутых темпов, но и снизили их. Между тем в этом году план, утвержденный конторе, значительно больше прошлогоднего – 50 колхозных гидроэлектростанций и 37 электростанций, работающих на твердом и жидком топливе. В первом квартале 1948 г. конторе “Сельэлектро” предложили построить и МГЭС и 6 тепловых электростанций. Взвесив свои возможности, руководители конторы выдвинули встречный план: начать строительство 21 МГЭС, 11 из них закончить в первом квартале. Кроме того, было решено сдать в эксплуатацию 11 тепловых электростанций. Но... за красивыми словами у руководителей конторы так ничего и не последовало ...» [22].

Руководство строительством передавалось межрайонным конторам, организованным в Белгороде, Льгове, Щиграх и Новом Осколе, директора которых не считали нужным отчитываться перед областной конторой, дополнительное неудобство доставляло отсутствие лесоматериалов: при необходимости в 22 тыс. м³ облисполком дал возможность «Сельэлектро» заготовить только 5 тыс. м³.

В пятую группу материалов можно свести публикации о строительстве местных промышленных предприятий для снабжения электростанций области необходимым оборудованием. «...В Свободе

начинается строительство крупного электромеханического завода Министерства электропромышленности СССР для производства генераторов для колхозных гидроэлектростанций» [23].

В мастерской областной конторы «Сельэлектро» изготавливаются 15 металлических турбин системы инженера Котенева для колхозных гидроэлектростанций, которые должны быть построены в нашей области в 1947 г. Валы для турбин делает Щигровский механический завод» [24].

Не оставались незамеченными и материалы, в которых упоминались меры по обучению персонала для работы на сельских электростанциях. При Ютановской (Волоконовский район), Крупецкой, Обо-янской и Борисовской школах механизации сельского хозяйства организовывались отделения колхозных электромонтеров, слесарей для сельской электрификации [25].

Но самый значительный объем публикаций по развитию сельской электрификации – колхозные электростанции и их использование на МТС и в производственных процессах, не говоря уже о таких сферах, как электроосвещение и радио. Достаточно часто встречались заметки о послевоенном строительстве электростанций, восстановленных взамен ранее существовавших, разрушенных в годы войны.

Так, в статье от 27 января 1946 г. описывалось радостное событие, которым являлся запуск электростанции в Арбузовке Дмитриевского района.

«...До войны существовала электростанция, которая освещала примерно половину колхозных квартир. Уходя из Дмитриева, немецкие войска сняли провода, сорвали с места динамо, столбы вырыли. В середине декабря 1945 г. после совещания общим собранием решили обратиться в “Сельэлектро” для скорейшего восстановления электроосвещения в Арбузовке.

Работу вели ударными темпами, и уже к 3 января 1946 г. на торжественном заседании в здании местной школы продемонстрировали результат – электрическое освещение в Арбузовке было восстановлено...» [26].

Постепенно развертываемая программа сельской электрификации колхозов способствовала медленному, но все же росту ее темпов. В течение 1946 г. ввели в эксплуатацию ряд электростанций в Суджанской МТС [27], березняковском колхозе «Зеленый гай» Рыльского района [28] и др. В 1947 г. собственные электростанции появились в колхозах «13 год Красного Октября» Успенского сельсовета Тимского района [29], Казанском совхозе (Золотухинский район), Отрешковской и Свободинской МТС [30] и т. д.

В 1948 г. шло сооружение электростанций в колхозах им. Максима Горького и им. Ленина Коньшевского района, «Подарок Красного Октября» и «Путь к социализму» Солнцевского района [31], «13 годовщина Октября» и «Интернационал» Львовского района [32], им. Шевченко, «Весна свободы», «Красный броневик» Касторенского района [33] и др.

Наибольший пик строительства сельских электростанций в Курской области наблюдался в 1949 г. – ввели в эксплуатацию электростанции при Медвенской МТС [34], в колхозе им. Молотова в Черемисиново [35], в колхозе «Активист» Павловского сельсовета Обоянского района (колхозная электростанция мощностью 100 л/с) [36], в Томаковском районе – 4 крупных межколхозных электростанции мощностью в 595 кВт для подачи электроэнергии 24 колхозам [37; 38], в сельхозартели «Путь Ленина» Бесединского района [39], в Обоянском районе при сельхозартели «Память Ленина» [40], в рыльской артели «Зеленый гай» [41] и в ряде крупецких колхозов [42].

Пуск электростанций часто старались приурочивать к значимым событи-

ям. Так, накануне праздника – дня освобождения области [2 сентября] в 125 домах колхозников артели «Нива» в Фатеже появилось электрическое освещение от собственной электростанции, которую колхоз отстроил к 6-й годовщине со дня освобождения области [43].

Мощности возводимых электростанций позволяли все активнее применять электропривод для обмолота зерна и на мельницах для его помола, что нашло отражение в ряде публикаций за 1949–1950 гг. (в публикациях за 1946–1948 гг. таких сведений было крайне мало).

Так, в заметках за лето 1949 г. приводились следующие данные: «...17 сельхозартелей нашей области – “Путь Ильича”, Дмитриевского района, им. III Коминтерна Стрелецкого района и др. – в прошлом году использовали электроэнергию на молотье, а сейчас, когда вступили в строй новые колхозные электростанции – электрическая молотья и сортировка хлеба еще в 125 артелях, в том числе в артелях им. Горького Коньшевского района, “Путь к социализму”, “Мировая революция”, им. Крупской Хомутовского района, в сельхозартели “Ленинская искра” Коммунарского сельсовета Медвенского района [44] имени Парижской коммуны Чернянского района. Вступила в строй гидроэлектростанция мощностью 25 кВт в колхозе им. Ворошилова Поныровского района...» [45].

Львовская межрайонная строительно-монтажная контора сдала в эксплуатацию построенную в Коньшевской МТС электростанцию, которая приводила в действие токарные станки, насосную станцию, воздушную систему кузнечных горнов, агрегат для обкатки моторов и т. д. Появилось электрическое освещение в производственных помещениях, жилых домах, общежитии, конторе [46].

В 1949 г. в двадцати колхозах Курской области молотилки приводились в движение электричеством, оборудовали

свои тока электромоторами еще 20 колхозов – «Мировая революция», «Путь к социализму», «Победитель», «Герой Советского Союза» Старо-Оскольского района, им. Молотова Черемисиновского района, «Октябрьская революция» Валуйского района и др.

«...Электричество особенно широко применяется на молотье хлеба. В колхозах страны к уборке урожая организовано более тысячи новых электромолотильных пунктов. Общее число их достигло 15 тыс. – втрое больше, чем было в 1940 г. Кроме того, построено несколько тысяч электрифицированных пунктов для очистки и сортировки зерна. В ряде районов с помощью электричества проводятся сушка зерна и приготовление силоса [47; 48; 49; 50; 51].

В Судже колхозы района оснащались новой сельскохозяйственной техникой. Крупнейшая объединенная артель «Октябрь» установила на току электрозерноочиститель, с помощью которого в день могло перерабатываться и сортироваться до 350 центнеров зерна, электричество для этого подавали колхозные электростанции [51].

Таким образом, по результатам анализа материалов газеты «Курская правда» можно сделать выводы не только об основных достижениях в сфере сельской электрификации в Курском регионе, но и основных трудностях ее реализации.

Основной особенностью сельской электрификации в Курском регионе являлся «хлебный» характер ее проведения, основная мощность сельских электростанций колебалась в интервалах от 15 до 50 кВт, а основная сфера применения – не столько электрификация быта колхозников, сколько первоочередное электроосвещение колхозных построек, активное использование электропривода в сельскохозяйственных и производственных процессах, электроосвещение общественных мест, а уж затем домовладений (основная цель правительства в колхозных

хозяйствах ЦЧР – получение, в первую очередь, сельхозпродукции, отсюда широкое использование электричества при обмолоте и помоле зерна, в коровниках, свинофермах).

Необходимо выделить ряд основных причин сохранения низких темпов развития сельской электрификации: во-первых, слабое использование местных гидроресурсов для широкого строительства МГЭС, множество мелких рек и равнинный характер их течения; во-вторых, электрификация села за счет строительства теплоэлектростанций на торфяном топливе была ограничена только его крупными запасами в локализованных месторождениях; в-третьих, электрификация за счет подключения и использования электричества от промышленных и коммунальных предприятий была целесообразной только в колхозных хозяйствах, располагавшихся на незначительном расстоянии от них; в-четвертых, для сооружения электростанций малой мощности в первые послевоенные годы остро не хватало как необходимого оборудования, так и древесины для строительства станций и линий передач; в-пятых, слабый контроль деятельности конторы «Сельэлектро» со стороны областных партийных властей на местах и в области; в-шестых, слабая изученность энергетических ресурсов и отсутствие на начальном этапе проработанного плана электрификации области.

Список литературы

1. Гришков И. Г. Курская область в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Курск: Изд-во «Учитель», 1999. С. 117.
2. Караулов Н. А. Электрификация сельского хозяйства на основе использования энергии малых рек // Электричество. 1946. №1. С. 46–54.
3. Будзко И. А., Захарин А. Г., Эбин Л. Е. Опыт сельской электрифика-

ции Свердловской области // Электричество. 1947. № 11. С. 48–50.

4. Суслопаров Г. К. Состояние и перспективы развития сельской электрификации СССР // Электричество. 1948. №2. С. 3–6.

5. Краснов А. А. Комплексная электрификация сельскохозяйственного производства // Электричество. 1949. № 11. С. 3–9.

6. Захарин А. Г. Энергетическая классификация сельскохозяйственных районов по условиям электроснабжения // Электричество. 1946. №7. С. 15–20.

7. Захарин А. Г. О принципах объединения сельских электростанций в местные системы // Электричество. 1949. №11. С. 37–43.

8. Гитман М. И. Вопросы электроснабжения сельского хозяйства в зонах великих строек коммунизма // Электричество. 1952. № 9. С. 28–34.

9. Будзко И. А., Сазонов Н. А. Основные научно-технические задачи развития сельской электрификации СССР // Электричество. 1946. № 7. С. 3–10.

10. Сазонов Н. А. Сельские электростанции и требования к их электрическому оборудованию // Электричество. 1947. № 3. С. 45–48.

11. Щуров С. В. Итоги и перспективы электрификации сельского хозяйства СССР // Электричество. 1946. № 7. С. 11–14.

12. Цивьян Л. Я. Рационализация электропривода в сельском хозяйстве // Электричество. 1946. №7. С. 21–25.

13. Молоносов Н. Ф. Электрификация и электроэнергетика сельского хозяйства // Строители России. XX век. М.: Мастер, 2003. С. 144–151.

14. Стребков Д. С., Тихомиров А. В. Научные основы электрификации сельского хозяйства: история и современность // Вестник государственного научного учреждения «Всероссийский научно-исследовательский институт электрификации сельского хозяйства» / под ред

Д. С. Стребкова. Вып. №1(3)/2008. Серия: Электротехнологии и энергетика сельского хозяйства. М.: ГНУ ВИЭСХ, 2008. С. 11–38.

15. Типовые проекты малых гидроэлектростанций // Курская правда. 1946. 25 янв. С. 3.

16. Закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг. // Курская правда. 1946. 22 марта. С. 3.

17. Антропов Б. Золотыми огнями засияют села // Курская правда. 1946. 1 мая. С. 3.

18. Электричество на село // Курская правда. 1947. №9. С. 1.

19. Андреев Г. Решение подписано, что дальше? // Курская правда. 1947. 8 июля. С. 3.

20. Местные Советы и сельская электрификация // Курская правда. 1949. 22 марта. С. 3.

21. Никонов В. Неправильное отношение к электрификации колхоза // Курская правда. 1947. 10 сент. С. 3.

22. Электрификация села – дело политической важности // Курская правда. 1948. 25 марта. С. 3.

23. Электромеханический завод в Свободе // Курская правда. 1947. 7 июня. С. 1.

24. Турбины для колхозных гидроэлектростанций // Курская правда. 1947. 14 июня. С. 2.

25. Подготовка колхозных электриков // Курская правда. 1947. 12 сент. С. 3.

26. Владимирова М. «Лампочка Ильича» // Курская правда. 1946. 25 янв. С. 3.

27. Суджа // Курская правда. 1946. 27 апр. С. 3.

28. Вновь засияют огни (Беседа с секретарем Рыльского райкома ВКП(б) т. Киреевым) // Курская правда. 1946. 9 мая. С. 3.

29. Колхозная гидроэлектростанция // Курская правда. 1947. 26 сент. С. 2.

30. Новые электростанции // Курская правда. 1947. 8 окт. С. 1.

31. Гидроэлектростанция на р. Сейм // Курская правда. 1948. 13 марта. С. 3.
32. К празднику будет дан ток! // Курская правда. 1948. 28 апр. С. 3.
33. Использование мельниц // Курская правда. 1948. 5 мая. С. 1.
34. И радио, и свет... // Курская правда. 1949. 8 янв. С. 3.
35. Электричество и радио в хатах колхозников // Курская правда. 1949. 15 февр. С. 3.
36. Гидростанция на Псле // Курская правда. 1949. 16 февр. С. 3.
37. Савенков В. Скоро вспыхнут лампочки Ильича // Курская правда. 1949. 8 марта. С. 3.
38. Сплошная электрификация района // Курская правда. 1949. 24 марта. С. 2.
39. Еще одна электростанция // Курская правда. 1949. 14 мая. С. 3.
40. Деркачев М. Еще одна гидроэлектростанция дала ток // Курская правда. 1949. 3 июня. С. 2.
41. Лампочка Ильича в «Зеленом гае» // Курская правда. 1949. 5 окт. С. 3.
42. Электрифицируются крупецкие колхозы // Курская правда. 1949. 5 авг. С. 2.
43. Куряне отмечают славную дату. Фатеж // Курская правда. 1949. 2 сент. С. 3.
44. Новые электростанции // Курская правда. 1949. 3 сент. С. 3.
45. Коптеев К. Гидростанция в колхозе им. Ворошилова // Курская правда. 1949. 1 июля. С. 2.
46. Новые сельские электростанции // Курская правда. 1950. 1 янв. С. 2.
47. В электрифицированной деревне // Курская правда. 1950. 3 янв. С. 2.
48. Электричество на помощь ремонтникам // Курская правда. 1950. 15 янв. С. 2.
49. Электромолотьба в колхозах // Курская правда. 1950. 21 июля. С. 2.
50. Электричество на молотьбе хлеба // Курская правда. 1950. 25 июля. С. 2.
51. Электрозерноочистители на колхозных токах // Курская правда. 1950. 25 авг. С. 3.

Поступила в редакцию 10.05.17

UDC 621.311(1-22)(470.323)"1946/1950"

E. P. Zhigulin, Post-Graduate Student, Kursk State Medical University (Kursk, Russia)
(e-mail: E.Zhigulin_1987@mail.ru)

THE DEVELOPMENT OF RURAL ELECTRIFICATION IN THE YEARS OF POST-WAR RECONSTRUCTION OF THE USSR (ON MATERIALS KURSK REGION)

The article considers the problem of development of rural electrification in the Kursk region in the second half of the 1940s as one of the key directions of development of electric power industry of the region.

In the introduction reflects the urgency of the issues and the basic historiography in the framework of the Kursk region. The lower limit of the period under review due to 1946 as the beginning of the first postwar five-year plan of economic development of the USSR. The Kursk region was among the regions most severely affected in the great Patriotic war, and in the electric power industry in the region the situation remained demanding serious attention. The full reconstruction process of the power sector of the Kursk unfolded in the course of implementation of the 4th five-year plan (1946-1950), in which the Soviet government has been significant development of electrification to enhance productivity in the collective sector and the broader implementation of its in rural life. This process has found wide reflection in the newspaper "Kurskaya Pravda". This publication of the all-Union character, (of course not without its share of ideology and Communist propaganda) and notes that describe the state of electrification in the region, both from the point of view of its potential and practical implementation of planned activities in this area. In several articles the role of regional and district party organs in the broad deployment of the case of rural electrification, as well as criticism of the activities of the regional office "SEL'elektro" and its district offices as part of chairmen of collective farms, and from local party organs, correspondents of the newspaper. But the most significant volume of publications

on the development of rural electrification accounts for the collective construction of power plants and their electricity usage on MTS and in production processes, not to mention areas such as lighting and radio.

The upper border is connected with 1950 and the end of the IV five-year plan of economic development of the USSR.

Key words: "Kurskaya Pravda", electrification, grid construction, small hydroelectric power stations, "Selielectro", electric drive, electric shovel, electric lighting.

For citation: Zhigulin E. P. The development of rural electrification in the years of post-war reconstruction of the USSR (on materials of Kursk region), Proceeding of the Southwest State University. Series: History and Law, 2017, vol. 7, n 3(24), pp. 167–177 (in Russ.).

***

References

1. Grishkov I. G. Kurskaya oblast' v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg. Kursk: Izd-vo «Uchitel'», 1999. S. 117.
2. Karaulov N. A. Ehlektrifikaciya sel'skogo hozyajstva na osnove ispol'zovaniya ehnergii malyh rek // Ehlektrichestvo. 1946. N 1. S. 46–54.
3. Budzko I. A., Zaharin A. G., Ehbin L. E. Opyt sel'skoj ehlektrifikacii Sverdlovskoj oblasti // Ehlektrichestvo. 1947. N 11. S. 48–50.
4. Susloparov G. K. Sostoyanie i perspektivy razvitiya sel'skoj ehlektrifikacii SSSR // Ehlektrichestvo. 1948. N 2. S. 3–6.
5. Krasnov A. A. Kompleksnaya ehlektrifikaciya sel'skohozyajstvennogo proizvodstva // Ehlektrichestvo. 1949. N 11. S. 3–9.
6. Zaharin A. G. Ehnergeticheskaya klassifikaciya sel'skohozyajstvennyh rajonov po usloviyam ehlektrosnabzheniya // Ehlektrichestvo. 1946. N 7. S. 15–20.
7. Zaharin A. G. O principah ob'edineniya sel'skih ehlektrostantsij v mestnye sistemy // Ehlektrichestvo. 1949. N 11. S. 37–43.
8. Gitman M. I. Voprosy ehlektrosnabzheniya sel'skogo hozyajstva v zonah velikih stroek kommunizma // Ehlektrichestvo. 1952. N 9. S. 28–34.
9. Budzko I. A., Sazonov N. A. Osnovnye nauchno-tehnicheskie zadachi razvitiya sel'skoj ehlektrifikacii SSSR // Ehlektrichestvo. 1946. N 7. S. 3–10.
10. Sazonov N. A. Sel'skie ehlektrostantsii i trebovaniya k ih ehlektricheskomu oborudovaniyu // Ehlektrichestvo. 1947. N 3. S. 45–48.
11. Shchurov S. V. Itogi i perspektivy ehlektrifikacii sel'skogo hozyajstva SSSR // Ehlektrichestvo. 1946. N 7. S. 11–14.
12. Civ'yan L. Ya. Racionalizaciya ehlektroprivoda v sel'skom hozyajstve // Ehlektrichestvo. 1946. N 7. S. 21–25.
13. Molonosov N. F. Ehlektrifikaciya i ehlektroehnergetika sel'skogo hozyajstva // Stroiteli Rossii. XX vek. M.: Master, 2003. S. 144–151.
14. Strebkov D. S., Tihomirov A. V. Nauchnye osnovy ehlektrifikacii sel'skogo hozyajstva: istoriya i sovremennost' // Vestnik Gosudarstvennogo nauchnogo uchrezhdeniya "Vserossijskij nauchno-issledovatel'skij institut ehlektrifikacii sel'skogo hozyajstva" / pod red D. S. Strebkova. Vyp. N 1(3)/2008. Seriya: Ehlektrotehnologii i ehnergetika sel'skogo hozyajstva. M.: GNU VIEHSKH, 2008. S. 11–38.
15. Tipovye proekty malyh gidroehlektrostantsij // Kurskaya pravda. 1946. 25 yanv. S. 3.
16. Zakon o pyatiletnem plane vosstanovleniya i razvitiya narodnogo hozyajstva SSSR na 1946–1950 gg. // Kurskaya pravda. 1946. 22 marta. S. 3.
17. Antropov B. Zolotymi ognymi zashchitayut sela // Kurskaya pravda. 1946. 1 maya. S. 3.
18. Ehlektrichestvo na selo // Kurskaya pravda. 1947. N 9. S. 1.

19. Andreev G. Reshenie podpisano, chto dal'she? // Kurskaya pravda. 1947. 8 iyulya. S. 3.
20. Mestnye Sovety i sel'skaya ehlektrifikaciya // Kurskaya pravda. 1949. 22 marta. S. 3.
21. Nikonov V. Nepravil'noe otnoshenie k ehlektrifikacii kolhoza // Kurskaya pravda. 1947. 10 sent. S. 3.
22. Ehlektrifikaciya sela – delo politicheskoy vazhnosti // Kurskaya pravda. 1948. 25 marta. S. 3.
23. Ehlektromekhanicheskij zavod v Svobode // Kurskaya pravda. 1947. 7 iyunya. S. 1.
24. Turbiny dlya kolhoznyh gidroehlektrostancij // Kurskaya pravda. 1947. 14 iyunya. S. 2.
25. Podgotovka kolhoznyh ehlektrikov // Kurskaya pravda. 1947. 12 sent. S. 3.
26. Vladimirov M. «Lampochka Il'icha» // Kurskaya pravda. 1946. 25 yanv. S. 3.
27. Sudzha // Kurskaya pravda. 1946. 27 apr. S. 3.
28. Vnov' zasiyayut ogni (Beseda s sekretarem Ryl'skogo rajkoma VKP(b) t. Kireevym) // Kurskaya pravda. 1946. 9 maya. S. 3.
29. Kolhoznaya gidroehlektrostanciya // Kurskaya pravda. 1947. 26 sent. S. 2.
30. Novye ehlektrostancii // Kurskaya pravda. 1947. 8 okt. S. 1.
31. Gidroehlektrostanciya na r. Sejm // Kurskaya pravda. 1948. 13 marta. S. 3.
32. K prazdniku budet dan tok! // Kurskaya pravda. 1948. 28 apr. S. 3.
33. Ispol'zovanie mel'nic // Kurskaya pravda. 1948. 5 maya. S. 1.
34. I radio, i svet ... // Kurskaya pravda. 1949. 8 yanv. S. 3.
35. Ehlektrichestvo i radio v hatah kolhoznikov // Kurskaya pravda. 1949. 15 fevr. S. 3.
36. Gidrostanciya na Psle // Kurskaya pravda. 1949. 16 fevr. S. 3.
37. Savenkov V. Skoro vspyhnut lampochki Il'icha // Kurskaya pravda. 1949. 8 marta. S. 3.
38. Sploshnaya ehlektrifikaciya rajona // Kurskaya pravda. 1949. 24 marta. S. 2.
39. Eshche odna ehlektrostanciya // Kurskaya pravda. 1949. 14 maya. S. 3.
40. Derkachev M. Eshche odna gidrostanciya dala tok // Kurskaya pravda. 1949. 3 iyunya. S. 2.
41. Lampochka Il'icha v «Zelenom gae» // Kurskaya pravda. 1949. 5 okt. S. 3.
42. Ehlektrificiruyutsya krupeckie kolhozy // Kurskaya pravda. 1949. 5 avg. S. 2.
43. Kuryane otmechayut slavnuyu datu. Fatezh // Kurskaya pravda. 1949. 2 sent. S. 3.
44. Novye ehlektrostancii // Kurskaya pravda. 1949. 3 sent. S. 3.
45. Kopteev K. Gidrostanciya v kolhoze im. Voroshilova // Kurskaya pravda. 1949. 1 iyulya. S. 2.
46. Novye sel'skie ehlektrostancii // Kurskaya pravda. 1950. 1 yanv. S. 2.
47. V ehlektrificirovannoj derevne // Kurskaya pravda. 1950. 3 yanv. S. 2.
48. Ehlektrichestvo na pomoshch' remontnikam // Kurskaya pravda. 1950. 15 yanv. S. 2.
49. Ehlektromolot'ba v kolhozah // Kurskaya pravda. 1950. 21 iyulya. S. 2.
50. Ehlektrichestvo na molot'be hleba // Kurskaya pravda. 1950. 25 iyulya. S. 2.
51. Ehlektrozernoochistiteli na kolhoznyh tokah // Kurskaya pravda. 1950. 25 avg. S. 3.

Н. В. Филоненко, канд. ист. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный аграрный университет имени императора Петра I» (Воронеж, Россия)
(e-mail: n.filonenko.vsau@yandex.ru)

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ НА ЮЖНОМ ФЛАНГЕ СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКОГО ФРОНТА В ИЮНЕ-ИЮЛЕ 1942 Г.

В статье анализируется состояние войск Красной Армии, а также немецких и венгерских войск на начальном этапе операции «Блау». Рассматривается ход боевых действий в операции.

В качестве союзника гитлеровской Германии хортистская Венгрия весной 1942 г. отправила 2-ю армию для участия в наступлении группы армий «Юг» на Кавказ с целью лишить Советский Союз основных источников нефтедобычи. План первого этапа этого стратегического наступления получил кодовое название «Блау»: идея заключалась в том, чтобы двумя ударами по сходящимся направлениям прорвать оборону Брянского и Юго-Западного фронтов, окружить и уничтожить советские войска западнее Дона. 2-я венгерская армия в составе 7-го и 3-го армейских корпусов должна была наступать на Тим и Старый Оскол с тем, чтобы сомкнуть кольцо окружения в районе последнего, двигаясь навстречу наступающим от Волчанска соединениям 6-й полевой армии.

На основе анализа источников, использованных при подготовке статьи, указываются основные причины неудач советских войск в отражении наступления войск противника в ходе Воронежско-Ворошиловградской стратегической оборонительной операции. Несмотря на неудачи в начале операции, советским войскам все же удалось остановить противника на линии Дона, нанеся при этом ему существенный урон в живой силе и технике.

Ключевые слова: Красная Армия, немецкие и венгерские войска, боевые действия, операция «Блау».

Ссылка для цитирования: Филоненко Н. В. Боевые действия на южном фланге советско-германского фронта в июне-июле 1942 г. // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2017. Т. 7, №3(24). С. 178–190.

***

В качестве союзника гитлеровской Германии хортистская Венгрия весной 1942 г. отправила 2-ю армию для участия в наступлении группы армий «Юг» на Кавказ с целью лишить Советский Союз основных источников нефтедобычи. План первого этапа этого стратегического наступления получил кодовое название «Блау»: идея заключалась в том, чтобы двумя ударами по сходящимся направлениям прорвать оборону Брянского и Юго-Западного фронтов, окружить и уничтожить советские войска западнее Дона. 2-я венгерская армия в составе 7-го и 3-го армейских корпусов должна была наступать на Тим и Старый Оскол с тем, чтобы сомкнуть кольцо окружения в районе последнего, двигаясь навстречу наступающим от Волчанска соединениям 6-й полевой армии.

Сосредоточив на направлении главного удара (в полосе 15-й сд 13-й армии и 121-й сд 40-й армии Брянского фронта) мощную группировку, имевшую тройное превосходство в людях, артиллерии и пулеметах и шестикратное – в танках, ранним утром 28 июня противник перешел в

наступление. После мощной артподготовки и при поддержке авиации 8-го авиакорпуса, в течение всего дня наносившей группами до 50-60 самолетов бомбоштурмовые удары по позициям, командным пунктам, узлам связи и коммуникациям советских войск (за 28.6.1942 г. было совершено около 1800 самолетовылетов), пехотные, танковые и моторизованные части противника прорвали оборону на стыке 13-й и 40-й армий. 15-я и 121-я сд, оказывая упорное сопротивление, отошли; противник, форсировав р. Тим и на ряде участков – р. Кшень, где оборонялись соединения 2-го эшелона, прорвал фронт на всю тактическую глубину и продвинулся до 25-28 км [1, д. 1290, л. 16; 2, д. 322, л. 7-8; 3, д. 44, л. 167; 4, с. 171].

Южнее немецких 2-й полевой и 4-й танковой армий наступала 2-я венгерская королевская армия, нанося удар на участке обороны 160-й и 212-й сд 40-й армии. Согласно плану, представленному генерал-полковником Яни генерал-полковнику Вейхсу, основной удар должен был наноситься 7-й ак в 16-километровой поло-

се наступления в общем направлении на Старый Оскол, а южнее в 50-километровой полосе наступал 3-й ак, задачей которого было, обойдя с юга, захватить г. Тим, а затем окружить район р. Сейм к востоку от с. Коровино. Форсирование реки Тим и захват одноименного города планировались на второй день операции, достижение г. Старый Оскол частями 16-й мд 7-го ак – на третий-четвертый, пехотными соединениями – на пятый-шестой; созданный опорный рубеж Коровино, Старый Оскол должен был служить северным конечным пунктом маневра на окружение войск 40-й и 21-й армий (ожидалось окружение 6 советских дивизий). Немецкий командующий поправил венгерского в том отношении, что форсирование реки и овладение городом Тим должно быть осуществлено в первый же день наступления. Командующие корпусов, в свою очередь, конкретизировали общий план. 7-й ак, прикрываясь 387-й пд на северном крыле, вводил в бой 16-ю мд в направлении Старый Оскол, а 6-я лпд (в) действовала южнее, выходом в район восточнее Тима поддерживая действия 3-го ак; ближайшей целью было намечено овладение районом Репьевка, Беловские дворы на восточном берегу р. Тим. 3-й ак наносил основной удар силами 9-й лпд, которая должна была прорваться в район юго-западнее Тима и овладеть им во взаимодействии с 6-й лпд 7-го ак; 7-я лпд должна была произвести демонстрационные действия с задачей сковать противника и перейти в наступление после того, как 9-я лпд займет высоты северо-восточнее с. Рождественского. После прорыва обороны левофланговых соединений 40-й армии командованием 3-го ак планировалось выбросить вперед подвижную группу (два самокатных батальона, три гусарских роты, две кавалерийских батареи с армейскими частями усиления) для установления контакта с наступающими с юга войсками 6-й армии [5, д. 466. л. 7-11; 4, с. 214].

В 2.15 на фронте 2-й венгерской армии началась артподготовка, за которой последовал налет авиации, наносившей

бомбардировочные удары по советским позициям перед 387-й пд 7-го ак. После окончания бомбардировки 387-й пд и 16-я мд перешли в атаку и прорвали оборону 160-й сд 40-й армии на участке Дубровка, Леженьки в направлении Синчуково, Беловские дворы. Части дивизии отошли в район Теплый Колодезь, овраг западнее Беловские дворы; их отход прикрывала 170-я тбр, выдвинувшаяся на рубеж Репьевка, Гнилое, Беловские дворы, где вступила в бой с авангардом 16-й мд, форсировавшим Тим в районе Карандаково. Кроме превосходства противника в силах и средствах, одной из причин отхода 160-й сд стал тот факт, что ее командир полковник Анашкин вместе с полковым комиссаром Олейником, оставив на КП начальника связи, отправились в тыл – в полосу 6-й сд, занимавшей второй армейский рубеж обороны; управление было потеряно и командующий 40-й армией генерал-лейтенант Парсегов был вынужден возложить командование на заместителя командира 212-й сд полковника Серюгина. На позиции, занимаемые 212-й сд, наступали части 6-й лпд 7-го ак и 9-й лпд 3-го ак при поддержке танков, артиллерии и авиации; противник прорвал оборону на правом фланге, занял Кленовку и Кобицы и, «преодолевая упорное сопротивление» (отчет 2-й немецкой армии), продолжал развивать наступление на восток. Правофланговые части 212-й сд отошли на рубеж Баранчиков, Гнилинские дворы; центр и левый фланг остались на прежнем рубеже. Уже в 11.00 наступающие войска противника достигли Панское и, поддерживаемые авиацией (до 100 самолетов), вступили в бой с 6-й сд. Около 14.00 группа до 30 танков с мотопехотой обошла правый фланг дивизии, форсировала Кшень в районе Пожедаево, атаковала с тыла 333-й и 123-й сп и устремилась на Ефросиновку. Находившийся там КП штаба 40-й армии подвергся удару с воздуха, после чего подошли немецкие танки и штаб пришлось передислоцировать в Быково. (Заместитель командующего 40-й

армией генерал-майор Жмаченко, направившийся в тот момент в штаб 6-й сд, с высоты у дороги «увидел массу танков противника, движущихся в тылу нашей главной полосы обороны. ...Сопротивление вели отдельные очаги обороны и наша артиллерия, расположенная в тылу. Я заметил на дороге колонну – это был командный пункт штаба армии. Мимо на быстром ходу промчался Парсегов. Я даже не успел спуститься с возвышенности, чтобы спросить их, куда они переезжают. ...Наша группа офицеров вспомогательного командного пункта осталась без всякой связи со штабом армии. С тех пор я Парсегова не видел» [6, с. 349]). Таким образом, на правом фланге и в центре оборона 40-й армии была прорвана; в то же время на левом фланге обстановка оставалась спокойной – на позиции 45-й сд в районе Коровино была предпринята попытка наступления силами двух рот (это был 3-й батальон 34-го пп 7-й лпд), но огнем артиллерии и частей прикрытия противник был рассеян, а в полосе 62-й сд противник не проявлял никакой активности, так что боевых действий дивизия не вела [5, д. 466, л. 13-17; 7, д. 519, л. 14-17].

Подводя итоги первого дня наступления, командующий группой армий «Юг» фон Бок записал: «В нескольких секторах, а именно: справа и слева от места прорыва противник оказывал ожесточенное сопротивление и неоднократно переходил в контратаки, в результате которых продвижение венгров на правом крыле... значительно замедлилось. По этому поводу я сказал Вейхсу (2-я армия), что, даже если венгры останутся в том месте, где они “застряли”, 4-я танковая армия не должна поворачивать внутрь перед их фронтом, но с подключением всех своих сил должна прорываться в направлении Воронежа» [8, с. 450]. Говоря, что венгры застряли, генерал-фельдмаршал несколько преувеличивал – благодаря поддержке немецких танков и авиации венгерские соединения прорвались в глубину обороны 40-й ар-

мии, хотя до овладения Тимом, что являлось их задачей, дело не дошло. Прорывать советскую оборону (это были левофланговые части 160-й и правифланговые части 212-й сд) оказалось для венгров делом весьма нелегким, о чем свидетельствует отчет о действиях 9-й лпд в «Тимском сражении». Командир дивизии начал подробнейший 14-страничный приказ на наступление с того, что «против 9-й дивизии обороняются более слабые силы противника», однако вскоре получил возможность изменить свое мнение [5, д. 466, л. 115]. После окончания артподготовки в 2.45 боевые группы двинулись вперед и некоторое время не встречали сопротивления. Как вспоминал позднее рядовой 17-го пп 9-й лпд И. Декан, «вскоре мы были на советских позициях, но, к нашему огромному удивлению, не встретили там ни солдат, ни оружия. Пустыми стояли окопы. На траве блестела утренняя роса, не тронутая ногой человека. Куда же девались советские солдаты? Выходит вся артиллерийская подготовка велась по пустым окопам?». Однако очень скоро все изменилось: «откуда-то издали вдруг послышался странный нарастающий гул. Не успел я поднять голову, как вокруг нас начали рваться снаряды. Била тяжелая артиллерия! Мощная советская артиллерия!» [9, с. 59]. «Небольшое, но усиливающееся огневое воздействие артиллерии противника осуществляется по всей линии фронта», – отмечалось в донесении 3-го ак от 4.10 28.6.1942 г. Уже через 40 минут командир 9-й лпд получил донесение от командира 17-го пп о том, что 2-й батальон из-за сильного пулеметного и автоматного огня с западной окраины х. Прудок (здесь оборонялись подразделения 636-го сп 160-й сд) остановился и перешел к обороне: «положение здесь критическое, боеприпасы на исходе, людей можно удержать только пистолетами». Вслед за этим советская стрелковая рота контратаковала венгерский батальон, поддерживаемый саперными, минометными, пулеметными, огнеметными и про-

тивотанковыми подразделениями; «находившиеся на северном фланге батальона обеспечивающие подразделения, утрашившись, стали отступать», в результате «левый фланг заколебался. Батальон бросился назад. Командир батальона только с пистолетом в руках смог сдержать своих людей».

Пистолет венгерского комбата вряд ли помог бы, если бы не приказ командира дивизии «всеми имеющимися средствами открыть огонь по контратакующему из с. Прудок противнику». В бой был брошен полковой резерв – 3-й пехотный батальон, противотанковые орудия и даже личный состав штаба; только благодаря этому командир 2-го пб «приостановил дальнейшее продвижение противника». О цене наступления говорит и такая фраза: «1-й батальон 47-го полка на правом фланге ценой потери 50% личного состава приблизился к с. Кодицы». К 8.00 наступление 9-й лпд остановилось; командир дивизии обратился в корпус с просьбой выдвинуть по направлению к Букреевке, где фланкирующий огонь остановил продвижение 3-го пб, левофланговый батальон 6-й лпд и перебросил туда подвижный резерв. Наступающие части перегруппировались и в 13.00 возобновили наступление, однако вновь понесли потери и остановились. «В 15.30 командир 9-й дивизии доложил командующему корпусу, что по его убеждению, из х. Прудок в южном направлении можно ожидать атаки крупных сил противника. Усталость, голод, потери в личном составе побуждают отказаться от наступления на сегодняшний день и подготовиться к отражению русских контратак». В ответ на это командующий корпусом потребовал продолжить наступление, пообещав поддержку авиации. В 18.00 немецкие бомбардировщики нанесли удар в районе выс. 252,3 и с. Соколя Плота; через час 9-я лпд вновь перешла в наступление, но продвижения не имела и в 20.00 начала окапываться на достигнутых рубежах, так что начальник штаба 2-й венгерской армии вынужден был за-

писать: «Наступление 3-го корпуса успеха не имело» [5, д. 466, л. 14-17, 73-78; 7, д. 519, л. 16; 4, с. 173].

29-го июня по приказу командующего 2-й венгерской армией 7-й ак должен был главными силами прорываться на Ефросиновку, а подвижными частями – на Старый Оскол. 3-й ак должен был захватить высоты юго-западнее Тима и затем «при действенной поддержке воздушных сил» овладеть городом. Утром передовые отряды 16-й мд были контратакованы в районе Беловские Дворы. Атака немцами была отбита, в то же время 6-я лпд заняла н.п. Соколя Плота (в этой полосе оборонялись части 160-й сд и 170-й тбр). В течение дня основные силы 16-й мд вели бои в районе 4 км южнее Беловские Дворы, к его исходу преодолели упорное сопротивление ослабленных частей 160-й сд и «после тяжелых боев» (отчет 2-й немецкой армии) заняли Репьевку, выйдя в район в 5 км восточнее Тима, где были сменены батальоном 387-й пд. 6-я лпд, не встречая серьезного сопротивления, заняла Коровенку и Шабановку, выдвинулась в район высот в 5 км северо-восточнее г. Тим и к исходу дня достигла восточного берега р. Тим [5, д. 466, л. 18-19; 7, д. 519, л. 20-21].

Город, таким образом, оказался в полуокружении, превратить которое в окружение должен был 3-й ак, а точнее, его 9-я лпд. Однако этой венгерской дивизии, как и накануне, пришлось иметь дело не с разбитой и отступающей 160-й сд, а с сохранившей боеспособность 212-й сд, правофланговые части которой обороняли рубеж: колхоз им. Дмитрова, Гнилое, Гнилинские дворы. Согласно отчету о действиях дивизии, сначала венграм помешала погода: «вечером 28.6 разразился дождь. Он шел всю ночь. Дороги размокли. Машины не могли передвигаться. Везшие приказ конные офицеры заблудились в кромешной темноте. Таким образом приказ вовремя не достиг подчиненных» [5, д. 466, л. 79]. (Заметим, что сильные дожди прошли ночью и в первой половине дня 29 июня

на всем фронте группы армий «Вейхс», однако размокшая почва не остановила наступление немецких подвижных соединений, тогда как для венгерской пехоты это оказалось серьезным препятствием). Затем венграм стали мешать советские войска: 1-й пб 17-го пп и 1-й пб 34-го пп утром перешли в наступление из Кодицы на восток по направлению к Гнилинские Дворы, прошли 4 км и доложили, что противник отступил, после чего командир дивизии отправил 9-й гусарский эскадрон «начать преследование через с. Гнилинские Дворы на г. Тим. Однако разъезды гусарского эскадрона, выполняя приказ, наткнулись на сильный огонь противника... севернее с. Баранчиково. Донесение об отступлении русских оказалось преждевременным»; лихим венгерским гусарам пришлось вернуться обратно. Пехотные батальоны под сильным минометным и пулеметным огнем подошли к селу, где завязались тяжелые бои с переменным успехом; в течение дня село несколько раз переходило из рук в руки, но в конце концов при поддержке подтянувшейся артиллерии (две батареи немецкого 611-го противотанкового дивизиона) было занято венграми, закончившими на этом дневное наступление. Командовать этими батальонами был должен командир 17-го пп, однако пока до него дошел приказ комдива и он отправился из Дубровки в Кодицы, войска уже ушли вперед. Вместо вверенных ему подразделений он встретил по дороге 2-й пб своего полка и приказал ему сосредоточиться севернее Кодицы в готовности к наступлению, однако с передачей приказа опять возникли сложности: «В связи со сменой командного пункта, линии связи командира полка прервались. Машины телефонного взвода полка по расползшейся дороге не смогли следовать за своим командиром. Точно так же было затруднено движение машин тяжелого пехотного оружия и артиллерии. К тому времени, когда батальон принял назначенную на этот день группировку, наступил уже вечер»; кроме того, «командир

2/17 батальона доложил, что взорвались мины в трех двуколках, о трех минометах ничего не известно, одно противотанковое ружье подбито и одно противотанковое орудие приведено в негодность». Тем не менее, вместе с 3-м пб 17-го пп батальон все же перешел в наступление из Баранчикова на Гнилое; попав под сильный артиллерийский и ружейно-пулеметный огонь, «сражающиеся заколебались и затем начали отступать». Дело и здесь решила приданная немецкая артиллерия, при поддержке которой к 21.00 венгры заняли село (при этом был убит командир 6-й роты, лично возглавивший атаку). На левом фланге, где должен был наступать 1-й пб 47-го пп, продвижения в течение всего дня не было вовсе: «Русские, засевавшие в находившихся перед батальоном оврагах, оборудованных за несколько недель, на малейшее движение воздействовали минометным огнем. Наблюдать их позиции было невозможно. Огонь по площадям тяжелой артиллерии оказался недействительным». Так или иначе, задачи дня вновь оказались не выполненными, так что «командующий армией в отданном вечером приказе распорядился на 30.6 выполнять задачи, поставленные на 29.6». «Наши ожидания не оправдались только в одном, – записал тем же вечером начальник генштаба ОКХ Гальдер, – а именно – что венгры (2-я венгерская армия) на южном фланге тоже продвинулись вперед»; таким образом, «союзник» вновь не оправдал возлагавшихся на него надежд [5, д. 466, л. 17–19, 79–84, 133; 10].

30 июня.

7-й ак 2-й венгерской армии продолжал наступление. 387-я пд атаковала части 160-й сд в районе Погожее, 6-я лпд завязала уличные бои в н.п. Коровник, однако главное ударное соединение корпуса – 16-я мд, действовавшая восточнее Репьевки, была перенаправлена на правый фланг 4-й танковой армии, где вместе с 24-й тд должна была наступать через Верхние Рогозицы на Быково. 3-й ак частями 9-й лпд наступал в направлении

противотанкового рва юго-западнее Тима с задачей овладеть им (рвом, а не городом – командир корпуса в приказе указал: «Захват г. Тим пока не обязателен»), 7-я лпд должна была содействовать левым флангом. В 6.00 правофланговая боевая группа командира 17-го пп (1-й пб 17-го пп, 1-й пб 47-го пп и 1-й пб 34-го пп) перешла в наступление через Гнилинские Дворы на высоту 260.0, левофланговая группа командира 2-го батальона 17-го пп (2-й и 3-й пб 17-го пп) – из района Гнилое на с. Становое; наступление поддерживали семь батарей 9-го артиллерийского дивизиона. К 16.00 первая группа овладела высотами 252.3 и 262.0; вторая подошла к северной окраине Становое – «здесь по причине воздействия огня противника, отставшей из-за начавшегося дождя артиллерии, а также усталости войск и тяжелых потерь, наступление приостановилось». (Потери венгерских войск действительно были значительными: за 28-30 июня 2-я венгерская армия недосчиталась 57 офицеров и 1239 солдат, итого 1296 чел.). 7-я лпд заняла высоту 258.1. Части 212-й сд были потеснены и к 17.00 закрепились: 692-й сп – Дуброва, 587-й сп – южная окраина Становое, 669-й сп – северная и восточная окраины г. Тим. Тем не менее, задачи дня венгерскими войсками не были достигнуты и в военном дневнике фон Бока появилась новая запись: «В секторе армейской группы Вейхса венграм опять не удалось преодолеть сопротивление русских арьергардов» [5, д. 466, л. 20-22; 7, д. 519, л. 24; 11, д. 61, л. 5-6; 4, с. 176-178].

Однако ситуация была не столь однозначной. На фронте 45-й сд венгерские войска силой до батальона (7-я лпд) атаквали в направлении Новый Поселок и потеснили правый фланг 253-го сп; перед фронтом 62-й сд наблюдением было отмечено разминирование противником минных полей в районе Ржавчик [7, д. 519, л. 24]. Эта активность свидетельствовала об изменении оперативной обстановки: дело в том, что в 2.45 30 июня

немецкая 6-я полевая армия перешла в наступление против войск Юго-Западного фронта. В тот же день оборона 21-й армии была прорвана на всю глубину; противник форсировал р. Оскол и устремился к Старому Осколу, что грозило окружением правофланговых соединений 21-й и левофланговых – 40-й армии [1, д. 1261, л. 78-79; 8, с. 452-454].

1 июля 16-я мд, ранее входившая в состав 7-го ак 2-й венгерской армии, была передана в оперативное подчинение 48-го тк; продвигаясь за 24-й тд, она в 14.00 достигла Быково и оттуда повернула на юг, наступая на Старый Оскол. 387-я пд вела бой за Погожее, где оборонялись 160-я сд с 170-й тбр; к концу дня немцы захватили Прилепы и передовыми отрядами вышли в район 3 км севернее Бараново, где «вели тяжелые бои с танками противника» (170-й тбр). За ней наступала 6-я лпд: частью сил венгры продвигались на юго-восток к высотам в 3 км восточнее Тима, а основные силы двигались на Верхние Рогозицы. На южном фланге 7-я лпд 3-го ак наступала из Нового Поселка в направлении Кировка, где оборонялся правофланговый 2-й сб 61-го сп 45-й сд. В центре же продолжались бои между 9-й лпд и 212-й сд: на четвертый день наступления венгерское командование все еще продолжало пытаться решить задачу первого [7, д. 519, л. 26-27; 4, с. 179-180].

В оперативно-тактическом описании 40-й армии боевые действия 212-й стрелковой дивизии изложены довольно лаконично: «212 сд в течение дня 1.7. выдерживала яростные атаки противника на гор. Тим со всех сторон. Батальоном пехоты противника перехвачена дорога Тим – Куськино. Дивизия упорно оборонялась и одновременно вела бой за очищение дороги. На усиление дивизии прибыл дивизион 35 Гвардейского минометного полка» [7, д. 519, л. 27]. В венгерском обобщении боевого опыта 2-й армии события описаны, наоборот, весьма подробно. Накануне командир 3-го корпуса сообщил в штаб армии «о том, что он со-

бирается уничтожить еще сопротивляющегося противника, загнав его в два небольших котла. Один из котлов он образует у г. Тим, второй позже в районе 7-й дивизии». Речь шла о том, чтобы силами 9-й лпд прорвать оборону советских войск на рубеже противотанкового рва и окружить отходящие на юго-запад части; 7-я лпд должна была наступать через Кировку на Мантурово с целью отрезать пути отхода противника. Командир 9-й лпд отдал приказ атаковать ров в 3.00, «однако вечером вновь пошел дождь. В глубокой грязи машины становились все более неподвижными. Артиллерия и подвижные войска не могли закончить своих ночных передвижений и перегруппировки. Пехота была утомлена. После полуночи командир дивизии, отправившись на свой командный пункт, сам застрял со своей вездеходной машиной. Все усилия выглядели бесперспективными. Погода приостановила наступление». Командир подвижной группы 3-го ак в 2.55 докладывал, что «прибыл со своей частью и двумя кавэскадронами на высоту 260.0. Мой штаб на машинах и с рациями безнадежно застрял на расползшихся дорогах. Я остался полностью без связи. Обе гусарские батареи по пути застряли, и продолжать наступление не могут. Командир 1-й батареи доложил, что часть батареи попала на минное поле и потеряла 1 офицера, 4 рядовых, 7 лошадей. 6-й самокатный батальон, который отправился из х. Кобицы, прибыл только частично. 3-й самокатный батальон доложил, что из-за состояния дорог не может выдвинуться из х. Гнилинские Дворы. Артиллерия застряла, только отдельные орудия находятся на своих огневых позициях. Восполнения боеприпасами и довольствием нет. ...Предлагаю начать наступление после плановой и основательной подготовки». Было решено перенести атаку рва на 18.00; тем временем 3-й пб 17-го пп без боя занял Становое, выдвинулся западнее Тима и вечером попытался зайти в город. В сводке 2-й армии появилась запись: «9-я легкая дивизи-

зия одним своим батальоном ворвалась с севера в Тим и ведет там уличные бои»; на деле все выглядело более прозаично – «под воздействием огня засеженного в домах противника боевое охранение отошло назад. Батальон заночевал, окопавшись на высотах на западной окраине г. Тим» (на уровне дивизии действия батальона выглядели и вовсе скромно: «под воздействием огня укрывшихся в домах русских его подразделения отошли назад и окопались на высотах юго-восточнее с. Становое») [5, д. 466, л. 24-26, 89; 4, с. 180].

Трехбатальонной боевой группе командира 17-го пп (1-й пб 17-го пп, 1-й пб 47-го пп и 1-й пб 34-го пп) повезло еще меньше: в 18.00 после пятиминутной артподготовки части пошли в атаку, «однако наступление захлебнулось на восточных скатах высоты 262.0, едва продвинувшись на 200 метров». Подразделение 212-й сд вели артиллерийско-минометный обстрел, венгры несли большие потери, а в 19.30 были контратакованы силами стрелковой роты, из-за чего «возникла паника на правом фланге сражающихся. Солдаты, безрезультатно сражавшиеся несколько дней, под сильным огнем противника бросились в бегство. Это только увеличило потери. Командир дивизии прекратил наступление. Части окопались». Но и окопавшимся венграм не было покоя: «Позиции сражающихся всю ночь бомбардировали русские. Люди устали и изнервничались» [5, д. 466, л. 26].

Устали не только они, но и немецкое командование, начинавшее раздражаться против своих слабонервных союзников. «Войска правого крыла Вейкса успешно продвигаются вперед, в то время как венгры на правом фланге участка прорыва наступают очень медленно», – записал в этот день генерал-полковник Гальдер, тогда как генерал-фельдмаршал фон Бок изложил свои впечатления от состоявшегося 1 июля посещения штаба 2-й венгерской армии в следующих выражениях: «Венгры понимают, что имеют дело

лишь с арьергардами русских. При всем том венграм не удалось выбить их с хорошо укрепленных позиций. ...Я знаю, что венгры – смелые люди, но считаю, что их командные структуры слишком сложны, неуклюжи и медлительны» [10; 8, с. 453].

2-го июля смелые венгры из 9-й лпд продолжили попытки овладеть г. Тим. Рано утром советские войска контратаковали силами до роты; соответственно, в венгерских «частях вновь возникло паническое настроение», а 3-й пб 17-го пп, намеревавшийся войти в город с запада, попав под минометный огонь, отступил на восточную окраину с. Становое. В районе противотанкового рва, где, по данным венгерской разведки, оборонялись войска 212-й сд силой до батальона, «огневые налеты повторялись каждый час. Стрельба была точной. Стрелковые окопы один за другим накрывались прямыми попаданиями. ...Командиры батальонов докладывали, что огонь уже почти невыносим». Командир 17-го пп запросил разрешения вывести войска из зоны огня и получил его, однако батальоны остались на прежних рубежах из-за опасения понести еще большие потери при отходе. Потери были серьезными: группа командира 17-го пп за сутки только ранеными потеряла 16 офицеров и 230 солдат, в 3-м пб 17-го пп было убитых 1 офицер и 4 солдата, раненых 3 офицера и 35 солдат и пропали без вести 2 офицера и 63 солдата. В этой ситуации командир дивизии приказал группе отойти на исходные позиции в район выс. 262, решив «обороняться с тем, чтобы продолжать наступление только в случае отступления противника». Венгры знали, что им противостоит всего лишь сводный арьергард 212-й стрелковой дивизии (из 24 пленнх трое оказались из 587-го сп, тринадцать – из 2-го сб 692-го сп, четверо – из 3-го сб 692-го сп, и четверо – из учебной группы 212-й сд), но были настолько впечатлены его действиями, что командир 3-го ак приказал приостановить наступление 9-й лпд (также было

приказано приостановить наступление 7-й лпд), а командующий 2-й венгерской армией генерал-полковник Яни утвердил этот приказ, указав «не пытаться захватить г. Тим», а обойти со стороны с. Кушкино и выйти на дорогу на Старый Оскол, куда и прорываться, прикрывшись заслоном со стороны Тима. Яни связался со штабом армейской группы «Вейхс», сообщил о принятом решении и запросил поддержку авиации. Ответ был следующим: «Авиаразведка доносит о движении колонны противника из района г. Тим в юго-западном направлении. Отсюда следует, что вскоре 3-й корпус прорвет арьергардные позиции противника и начнет преследование. Для этого считаю необходимым создать значительный перевес сил со стрелковым и артиллерийским огнем. Наступающим передовым частям 4-й танковой армии необходима поддержка всех сил 8-го авиакорпуса. При таком положении никто не возьмет на себя ответственность за разрыв сил, если мы и на г. Тим бросим воздушные части». Генерал-полковник Вейхс оказался прав: в 13.30 командир 9-й лпд донес, что противник очистил противотанковый ров и начал отход. Одновременно в город с востока вошли подразделения 22-го пп 6-й лпд; как выяснилось, Тим уже в 6.00 был оставлен советскими войсками. Только благодаря этому гонведы смогли водрузить «на тимской церкви венгерское знамя»; характерно, что сделали это солдаты 6-й лпд 7-го ак, постоянно взаимодействовавшей с немецкими соединениями, тогда как 3-й ак, чьей задачей было овладением Тимом в первый день наступления, не сумел решить ее и на пятый. Зато теперь венгерские войска вместо штурма смогли сразу перейти к преследованию: 9-я лпд через Кушкино, а 7-я лпд – через Мантурово, двинулись на Старый Оскол (командующий группой армий «Юг» по этому поводу записал: «В секторе армейской группы Вейхса венгры начинают осторожно продвигаться вперед. Противник в этом секторе, вероятно,

уже почти полностью отступил») [5, д. 466, л. 28-32-93-95; 4, с. 181; 8, с. 455].

Войска левого крыла 40-й армии действительно отходили в соответствии с приказом Ставки, отданным в 23.00 1 июля, чтобы вырваться из оперативного мешка, сложившегося в результате отхода 21-й армии и неудачной попытки остановить продвижение подвижных соединений 4-й танковой армии путем контрудара 4-го и 17-го тк в районе Горшечного. Организовать отвод войск оказалось непросто: проводные линии были разрушены ударами немецкой авиации, связь по радио была ненадежной, так что в соединения приходилось отправлять делегатов и использовать самолеты (Голликов задействовал около десятка У-2). Серьезные проблемы были и с управлением: Парсегов отдавал приказы из Хохла, Жмаченко – из Старого Оскола. В 0.30 3 июля в штаб БФ пришла директива Ставки, согласно которой генерал-лейтенант М.А. Парсегов был отстранен от командования 40-й армией, которое передавалось генерал-лейтенанту М. М. Попову. Новый командарм добирался до места назначения более суток (вечером 3 июля немецкие танки подошли к КП штаба 40-й А в Хохле, так что пришлось перебрасывать его в Латное, а на следующий день – за Дон, в район Моховатки), в течение которых приказы отдавал начальник штаба армии генерал-майор З.З. Рогозный. Оперативная танковая группа под командованием генерал-лейтенанта Федоренко находилась под непосредственным управлением штаба фронта и фактически не согласовывала свои действия с командованием 40-й армии – ни с Парсеговым, ни со Жмаченко. Последний 2 июля обратился к Федоренко с предложением оставить 4-й и 24-й тк прикрывать Старый Оскол, пока не подойдут левофланговые дивизии 40-й армии, после чего объединенными силами нанести удар через Ястребовку и Ефросиновку и выйти к Касторному. Федоренко вместо этого принял решение двигаться на Касторное своими силами, но это

движение, выглядевшее и как контрудар, и как отход, не имело успеха, в то время как оборона Старого Оскола была резко ослаблена и сюда с разных сторон устремились войска противника [7, д. 519, л. 34, 48; 12, с. 270, 276, 284].

2 июля 16-я мд к 18.00 достигла района в 3 км севернее Старого Оскола и завязала бой на северной окраине. Взаимодействуя с ней, 387-я пд в 14.00 форсировала р. Оскол и наступала на город по восточному берегу. Вслед за ней двигалась 6-я лпд, передовыми отрядами форсировавшая Оскол севернее Ястребовки и пробивавшаяся далее на Старый Оскол. С юго-запада к городу приближалась 389-я пд 6-й армии. В этой ситуации левофланговые соединения 40-й армии получили приказ генерал-майора Жмаченко начать в 15.00 отход на рубеж Ястребовка, Крутые Верхи, Строкино, Лог Черепяный. 62-я сд должна была отходить в полосе Строкино, Чапкино, 45-я сд – Александровка, Красная Заря, 212-я сд – Ястребовка, Покровка, 160-я сд – восточная окраина Старый Оскол фронтом на север. К исходу дня 62-я сд вышла на рубеж Строкино, Чапкино; 45-я сд – Александровка, Красная Заря, Мочаги (дивизия вела арьергардные бои в районе Останино, Крутые Верхи, Красная Заря с частями венгерского 3-го ак); 212-я сд – Ястребовка, Покровка, Александровка (в районе Лукьяновки группа танков противника заблокировала дорогу на Старый Оскол); связь со 160-й сд, 141-й сбр и 170-й тбр была потеряна [7, д. 519, л. 28-32; 13, д. 100, л. 93; 4, с. 179-185].

В течение 3-5 июля немецкие войска, овладев Касторным, прорвались на воронежском направлении; соединения центра и правого крыла 40-й армии, ведя сдерживающие бои, отходили к Дону и за Дон, на рубеж которого директивой Ставки выдвигались 3-я, 6-я и 5-я резервные армии. 6 июля соединения 48-го тк вплотную подошли к Воронежу и завязали бои в городе, куда согласно директиве Ставки № 170482 перемещался КП 40-й армии, на Военный совет которой возлагалась от-

ветственность за оборону города. В состав армии, кроме переправившихся через Дон и сосредоточивающихся на восточном берегу соединений, вошли гарнизон Воронежа (три полка НКВД), 18-й тк и 282-я сд; на следующий день 40-я армия была включена в состав вновь созданного согласно директиве Ставки № 170483 Воронежского фронта [7, д. 519, л. 35-37; 12, с. 280-282, 285, 291-292].

Усилия высшего советского командования сдерживать наступление противника не ограничивались административными реорганизациями. 3 июля в 0.30 Ставка утвердила предложение командующего БФ генерал-лейтенанта Голикова организовать контрудар по левому флангу 4-й немецкой танковой армии с целью рассечь ее коммуникации и восстановить фронт на участке прорыва между Касторным и Старым Осколом. Для этого было намечено использовать 5-ю танковую армию под командованием генерал-майора А.И. Лизюкова, перебрасываемую из района Ефремова. 4 июля начальник Генштаба генерал-полковник Василевский прибыл на самолете в район сосредоточения армии южнее Ельца, встретился с Лизюковым и начальником штаба БФ Казаковым и уточнил задачу: «одновременным ударом всех ее сил западнее Дона перехватить коммуникации танковой группировки врага, прорвавшейся к Дону, и сорвать ее переправу через реку». Начало операции было назначено на 15.00 5 июля; однако к этому времени переброска войск в исходный район еще не была завершена, и только утром 6 июля 87-я и 62-я тбр бригады 7-го тк под командованием полковника Ротмистрова перешли в наступление. Части атаковали практически с марша, вступали в бой разрозненно и, столкнувшись с немецкой 11-й тд 24-го тк, не имели продвижения. 7 июля к наступлению 7-го тк присоединился 11-й тк под командованием генерал-майора танковых войск А.Ф. Попова, но его 53-я и 160-я тбр были остановлены в болотистой пойме р. Сухая Верейка частями 9-й тд 24-го

тк. Ставка продолжала надеяться на успех: в директиве № 170483 от 7.7.1942 г. перед Брянским фронтом ставилась задача «силами 5-й танковой армии, усиленной 7-м танковым корпусом и одной стр. дивизией за счет 3-й резервной армии, – активными действиями на юг по западному берегу р. Дон в направлении на Хохол перехватить пути подвоза и тылы танковой группы противника, прорвавшейся на Дон у Воронежа». Упорные бои продолжались: 9 июля противник контратаковал, но был остановлен; 10 июля к наступлению присоединился стоявший до того в резерве 2-й тк генерал-майора танковых войск И.Г. Лазарева, но ни в этот, ни на следующий день не имел успеха; 12 июля немцы снова контратаковали и несколько потеснили 5-ю ТА. Безрезультатные бои продолжались до 15 июля, когда директивой Ставки № 170511 наступление было остановлено, а 5-й танковая армия выведена в тыл и расформирована с подчинением корпусов непосредственно командующему фронтом [12, с. 284, 291-292; 4, с. 196, 200; 14, с. 117-123].

Неудача контрудара армии генерала Лизюкова имела своим следствием не только то, что нашим войскам не удалось остановить продвижение 48-го тк 4-й танковой армии к Воронежу. Дело в том, что не была решена и другая задача: как писал А.М. Василевский, «с выходом в район Землянск – Хохол 5-я армия должна была помочь войскам левого фланга 40-й армии отойти на Воронеж через Горшечное, Старый Оскол» [15, с. 202]. До Старого Оскола 5-й танковой армии требовалось пройти порядка 120 км, между тем 16-я мд 48-го тк уже вечером 2 июля завязала бой за город. К 8.30 3 июля 16-й мд удалось занять восточную часть города вместе с неповрежденными железнодорожным и автогужевым мостами. Через несколько часов части 16-й мд в Старом Осколе были сменены частями 387-й пд 7-го ак 2-й венгерской армии; 16-я мд двинулась на юг и в районе Котла соединилась с 389-й пд 8-го ак

6-й армии; отходящие соединения левого крыла 40-й армии попали в окружение [7, д. 519, л. 32].

Ожидая, что окруженные соединения будут прорываться, штаб армейской группы Вейхса дал указание 2-й венгерской армии «подтянуть все имеющиеся силы к 7-му корпусу». В соответствии с этим 6-я лпд 7-го ак вечером 3 июля подошла к Старому Осколу, где вместе с 387-й пд должна была «преградить противнику пути отступления», а 3-й ак перешел к преследованию, но его марш вскоре сменился боем с арьергардами советских дивизий; к вечеру 7-я лпд достигла Мантурово, 9-я лпд вышла к Пузачи и Кузькино. 4 июля 387-я пд создала три предместных укрепления на участке от Котла до Старого Оскола, захватила западную часть города и отбила несколько атак прорывающихся войск 40-й армии. На следующий день ее сменила 6-я лпд; «попытка противника прорваться на восток через Оскол из района В. Чуфичево была отбита», – появилась запись в журнале боевых действий 2-й немецкой армии. Попытки прорываться из окружения, с выходом немецких войск к Дону ставшего уже двойным, предпринимались и позднее – бои длились до 8-9 июля, однако вырваться удалось немногим. Отдельные отряды и группы из состава окруженных в районе Старый Оскол – Сорокино 62-й, 45-й, 212-й сд, 141-й сбр и 170-й тбр выходили на восточный берег Дона в район Коршево в расположение 6-й армии, в состав которой они и были включены директивой фронта от 9.7.1942 г. В дальнейшем сбор 45-й сд происходил в районе Красный Лиман, 212-й сд – в районе Хреновое; в районе Репное сосредоточился 84-й сп 6-й сд в количестве 300 чел. с 50 винтовками. Из состава 45-й сд к 29 июля, когда вышедшие из окружения соединения были отправлены на переформирование, старшего комначсостава было собрано 40 человек, среднего – 108 чел., младшего – 71 чел., рядового – 257 чел. (всего 456 человек); из материальной части осталось 26 автомашин, 14 повозок и

56 лошадей, из вооружения – 80 винтовок и 5 автоматов. Всего, по немецким данным, в районе Старого Оскола попало в плен 38 тыс. советских солдат и офицеров [7, д. 3, 132; 7, д. 14, л. 73, 97; 4, с. 192].

Роль 2-й венгерской армии в этом была невелика: 5 июля был получен приказ армейской группы «Вейхс», согласно которому армия должна была форсированным маршем выдвинуться к Дону и занять оборону на западном берегу между устьем реки Воронеж и Коротояком [4, с. 193]. «Ликвидация русских сил в старо-оскольском мешке выпала на долю 6-й немецкой армии, – сообщалось в венгерском обобщении опыта боевых действий. – На венгерском фронте противник ускользнул в период успешных арьергардных боев» [5, д. 466, л. 33]. Для венгров эти бои успешными не были, хотя потери они понесли достаточно ощутимые: к 6 июля, когда 2-я венгерская армия начала марш на Дон, она недосчиталась 113 офицеров и 2330 солдат [16, р. 87]. Остальные продолжили путь на восток вслед за немецкими подвижными соединениями; «Мимо проезжают сотни немецких моторизованных подразделений, не обращая на нас внимания, – записывал рядовой 9-й лпд Лайош Фолльнер. – Если бы мы не отпрыгивали в сторону, они бы нас задавили. Когда мы проходим воронки, из-за которых дорога сужена, мы должны ждать, пока они проедут мимо. По-видимому, они очень торопятся, все еще думая о “блицкриг”. По отношению к нам они ведут себя не как союзники, а, скорее, как враги» [17, с. 190]. Гонведам предстояло еще многое узнать и о противнике, и о союзнике...

Список литературы

1. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО) Ф. 15. Оп. 11600.
2. ЦАМО. Ф. 202. Оп. 5.
3. ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12472.
4. Филоненко С. И. Сражения на воронежской земле глазами русских и ок-

купантов 1942–1943 гг. Воронеж: ГОУ ВПО "Воронежская обл. тип." изд-во им. Е. А. Болховитинова, 2013. 509 с.

5. ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462.

6. Филоненко С. И., Филоненко А. Н. Острогжско-Россошанская операция – «Сталинград на Верхнем Дону». 2-е изд., испр. и доп. Воронеж: Кварта, 2005. 416 с.

7. ЦАМО. Ф. 203. Оп. 2843.

8. Бок, Ф. фон. Я стоял у ворот Москвы. М.: Яуза, Эксмо, 2006. 512 с.

9. Декан, И., Кардош, Е. Пути – дороги. Воспоминания. М.: Воениздат, 1978. 479 с.

10. Гальдер Ф. Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба Сухопутных войск 1939–1942 гг. Т. 3: От начала Восточной кампании до наступления на Сталинград. (22/VI 1941 – 24/IX 1942). [Кн. 2]. [1/X 1941 – 24/IX 1942]. М.: Воениздат, 1971. 367 с. URL: <http://militera.lib.ru/db/halder/index.html>

11. ЦАМО. Ф. 500. Оп. 4.

12. Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 год. Т. 16 (5–2). М.: ТЕРРА, 1996. 624 с.

13. ЦАМО. Ф. 395. Оп. 9136.

14. Пермяков И. А. История боевых действий частей Красной Армии за Воронеж в ходе Воронежско-Ворошиловградской стратегической оборонительной операции 1942 г.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Воронеж, 2012. 274 с.

15. Василевский А. М. Дело всей жизни. М.: Политиздат, 1978. 552 с.

15. Szabo P., Csicsely J. Donkanyar. A magyar királyi 2. honvéd hadsereg története (1942–1943). Budapest: Corvina, 2001. 392 p.

16. Филоненко С. И. Война на Воронежской земле 1942-1943 гг. в документах Красной Армии, вермахта и войск сателлитов: в 5 т. Т. 2. Воронеж: Кварта, 2014. 416 с.

UDC 355.48(470+430)«1942»

N. V. Filonenko, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Voronezh State Agricultural University named after Emperor Peter the Great (Voronezh, Russia) (e-mail: n.filonenko.vsau@yandex.ru)

MILITARY ACTIONS IN THE SOUTHERN FLANK OF THE SOVIET – GERMAN FRONT IN JUNE – JULY 1942

The article analyzes the state of Red Army troops as well as German and Hungarian ones at the initial stage of the operation «Blau». The course of military actions in it is considered.

On the basis of the analysis of the scientific sources used in writing the article, the main reasons for the Soviet troops failure to repel an enemy offensive in the course of the Voronezh-Voroshilovgrad strategic defensive operation are indicated.

Despite the setbacks the Soviet troops suffered at the beginning of the operation, they still managed to stop the enemy on the Don line and inflict considerable damage on them in manpower and technology.

Key words: Red Army, German and Hungarian troops, military actions, operation «Blau».

For citation: Filonenko N. V. Military actions in the southern flank of the soviet – German front in june – july 1942, Proceeding of the Southwest State University. Series: History and Law, 2017, vol. 7, n 3(24), pp. 178–190 (in Russ.).

***

References

1. Central'nyj arhiv Ministerstva oborony Rossijskoj Federacii (CAMO) F. 15. Op. 11600.

2. CAMO. F. 202. Op. 5.

3. CAMO. F. 500. Op. 12472.

4. Filonenko S. I. Srazheniya na voronezhskoj zemle glazami russkih i okkupantov 1942–1943 gg. Voronezh: GOU VPO "Voronezhskaya obl. tip." izd-vo im. E. A. Bolhovitina, 2013. 509 s.

5. CAMO. F. 500. Op. 12462.

6. Filonenko S. I., Filonenko A. N. Ostrogozhsko-Rossoshanskaya operaciya – «Stalingrad na Verhnem Donu». 2-e izd., ispr. i dop. Voronezh: Kvarta, 2005. 416 s.
7. CAMO. F. 203. Op. 2843.
8. Bok, F. fon. YA stoyal u vorot Moskv. M.: YAuza, EHksmo, 2006. 512 s.
9. Dekan, I., Kardosh, E. Puti – do-rogi. Vospominaniya. M.: Voenizdat, 1978. 479 s.
10. Gal'der F. Voennyj dnevnik. Ezhednevnye zapisi nachal'nika General'nogo shtaba Suhoputnyh vojsk 1939–1942 gg. T. 3: Ot nachala Vostochnoj kam-panii do nastupleniya na Stalingrad. (22/VI 1941 – 24/IX 1942). [Kn. 2]. [1/X 1941 – 24/IX 1942]. M.: Voenizdat, 1971. 367 s. URL: <http://militera.lib.ru/db/halder/index.html>
11. CAMO. F. 500. Op. 4.
12. Russkij arhiv: Velikaya Otechestvennaya: Stavka VGK: Dokumenty i materialy: 1942 god. T. 16 (5–2). M.: TERRA, 1996. 624 s.
13. CAMO. F. 395. Op. 9136.
14. Permyakov I. A. Istoriya boevyh dejstvij chastej Krasnoj Armii za Voronezh v hode Voronezhsko-Voroshilovgradskoj strategicheskoj oboronitel'noj operacii 1942 g.: dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.02. Voronezh, 2012. 274 s.
15. Vasilevskij A. M. Delo vsej zhizni. M.: Politizdat, 1978. 552 s.
16. Szabo P., Csicsely J. Donkanyar. A magyar királyi 2. honvéd hadsereg története (1942–1943). Budapest: Corvina, 2001. 392 p.
17. Filonenko S. I. Vojna na Voronezhskoj zemle 1942–1943 gg. v dokumentah Krasnoj Armii, vermahta i vojsk satelлитov: v 5 t. T 2. Voronezh: Kvarta, 2014. 416 s.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

1. К публикации в журнале «Известия Юго-Западного государственного университета. Серия История и право» принимаются актуальные материалы, содержащие новые результаты научных и практических исследований, соответствующие профилю журнала, не опубликованные ранее и не переданные в редакции других журналов.

2. Объем статьи не должен превышать 8 страниц печатного текста, включая иллюстрации и таблицы.

3. Авторы статей должны представить в редакцию журнала:

– статью, оформленную в соответствии с правилами оформления статей, представляемых для публикации в журнале;

– рекомендацию кафедры или научно-исследовательского отдела учреждения, в котором выполнена данная работа;

– сведения об авторах (фамилия, имя отчество, место работы, должность, ученая степень, звание, почтовый адрес, телефон, e-mail);

– электронный носитель (CD-диск).

4. Бумажный вариант статьи подписывается всеми авторами, что означает их согласие на передачу Университету прав на распространение материалов статьи с помощью печатных и электронных носителей информации.

5. Редакция не принимает к рассмотрению рукописи, оформленные не по правилам.

6. **Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается (если автор один и им представлена справка с места учебы).**

7. Основной текст рукописи статьи (кроме аннотации и ключевых слов) набирают в текстовом редакторе MSWORD шрифтом «TimesNewRoman» размером 14 пт с одинарным интервалом, выравнивание по ширине. Поля с левой стороны листа, сверху и снизу – 2,5 см, с правой стороны – 2 см. Абзацный отступ – 1,5 см.

8. Схема построения публикации: УДК (индекс по универсальной десятичной классификации), фамилия и инициалы автора(ов) с указанием ученой степени, звания, места работы (полностью), электронного адреса (телефона), название (полуужирный, прописные), аннотация и ключевые слова, текст с рисунками и таблицами, литература. Авторы, название, аннотация и ключевые слова приводятся на русском и английском языках.

Перед основным текстом печатается аннотация (200–250 слов), отражающая содержание статьи.

Например:

УДК 004.9:519.8

А.Л. Иванов, канд. техн. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (Курск)
(e-mail: ivanov@gmail.com)

ПОСТРОЕНИЕ МОДЕЛИ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ОБЕСПЕЧЕННОСТИ КАДРАМИ ГРАДООБРАЗУЮЩЕГО ПРЕДПРИЯТИЯ

В статье рассматривается агентная модель прогнозирования обеспеченности кадрами градообразующего предприятия, основанная на структуризации поведения агента и определения влияния его внутреннего представления об окружающем мире на его деятельность.

Ключевые слова: агентное моделирование, градообразующее предприятие, событие.

9. При формировании текста не допускается применение стилей, а также внесение изменений в шаблон или создание собственного шаблона. Слова внутри абзаца следует разделять одним пробелом; набирать текст без принудительных переносов; не допускаются разрядки слов.

10. Для набора формул и переменных следует использовать редактор формул MathType версии 5.2 и выше с размерами: обычный – 12 пт; крупный индекс 7 пт, мелкий индекс – 5 пт; крупный символ – 18 пт; мелкий символ – 12 пт.

Необходимо учитывать, что **полоса набора – 75 мм**. Если формула имеет больший размер, ее необходимо упростить или разбить на несколько строк. **Формулы, внедренные как изображение, не допускаются!**

Все русские и греческие буквы (Ω , η , β , μ , ω , ν и др.) в формулах должны быть набраны прямым шрифтом. Обозначения тригонометрических функций (sin, cos, tg и т.д.) – прямым шрифтом. Латинские буквы – прямым шрифтом.

Статья должна содержать лишь самые необходимые формулы, от промежуточных выкладок желательно отказаться.

11. Размерность всех величин, принятых в статье, должна соответствовать Международной системе единиц измерений (СИ).

12. Рисунки и таблицы располагаются по тексту. Таблицы должны иметь тематические заголовки. Иллюстрации, встраиваемые в текст, должны быть выполнены в одном из стандартных форматов (TIFF, JPEG, PNG) с разрешением не ниже 300 dpi и публикуются в черно-белом (градации серого) варианте. Качество рисунков должно обеспечивать возможность их полиграфического воспроизведения без дополнительной обработки. **Рисунки, выполненные в MSWord, недопустимы.**

Рисунки встраиваются в текст через опцию «Вставка-Рисунок-Из файла» с обтеканием «В тексте» с выравниванием по центру строки без абзацного отступа. Иные технологии вставки и обтекания **не допускаются.**

13. **Список литературы к статье обязателен** и должен содержать все цитируемые и упоминаемые в тексте работы (не менее 10). Пристатейные библиографические списки оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008. «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Ссылки на работы, находящиеся в печати, не допускаются. При ссылке на литературный источник в тексте приводится порядковый номер работы в квадратных скобках.

14. В материале для публикации следует использовать только общепринятые сокращения.

Все материалы направлять по адресу: 305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94. ЮЗГУ, редакционно-издательский отдел.

Тел. (4712) 22-25-26, тел/факс (4712) 50-48-00.

E-mail: rio_kursk@mail.ru

Изменения и дополнения к правилам оформления статей и информацию об опубликованных номерах можно посмотреть на официальном сайте журнала: <http://www.swsu.ru/izvestiya/index.php>.